

КСЮША АНГЕЛ

Р - ЛИМОНАД
ХОЗЯИН ВИДЕНИЙ

Он пугающий, сильный, таинственный. И все, что ему нужно – ее дар.

Ее прошлое – череда испытаний, после которых сложно остаться прежней. Враги не дремлют, и теперь ей предстоит лишиться главного – семьи.

Они встретились на обломках прошлых жизней, исковерканных войной и предательствами. Совершенно чужие друг другу, объединенные общей целью. Его целью.

Что принесет Полине эта встреча – радость или разочарование? Ведь в конце пути он покинет ее, но, даже зная это, она не перестает надеяться.

Потому что каждый имеет право на счастье!

«Пожалуйста не сгорай, ведь кто-то же должен гореть.
За углом начинается рай, нужно только чуть-чуть потерпеть...
Шагни обратно за край, тебе рано еще сгорать.
За углом начинается рай, нужно только чуть-чуть подождать...
Пожалуйста не сгорай, спаси, все что можно спасти...
Прости, все что можно простить... Иди, пока можешь идти...
Шагни обратно за край.
За углом начинается рай...»

Флёр

«О бетонные стены домов разбивается твой крик.
От желанья уйти до желанья остаться лишь миг...»
Кипелов

Пролог

Солнце слепило. Порыв ветра поднял горсть песка и швырнул в лицо. Я поднял руку, чтобы прикрыть глаза. Тело у меня теперь тут другое, а инстинкты те же. Странно.

Исподлобья взглянул на него. Даже не поморщился. Улыбается и смотрит вдаль. Словно знает здесь каждый угол. Словно бывал.

Как же он меня бесит! С каждым днем становится все труднее его терпеть. И эту самодовольную ухмылку, и четкие, выверенные движения, и прямой взгляд — раздражает. А особенно раздражает то, как она на него смотрит. Словно...

Нет, она вернулась в Липецк не для того, чтобы я так бездарно ее потерял.

Я мысленно улыбнулся. Этот мир мне прекрасно знаком. А ему — нет. В хельзе полно опасных мест, где можно заблудиться, попасть в засаду, погибнуть от укуса скорпиона. Или остаться тут навсегда. Ведь кроме умершего никто его отсюда не выведет. Никто...

Отличный план, Влад. И что дальше? Нет, смерть — внезапная, которая будет выглядеть как несчастный случай — замечательное решение.

Ведь я уже знаю, видел в полупрозрачных, змеиных глазах, что он сомневается. Из-за нее. Не уйдет. Это испытание — пыль в глаза. Мне, ей, миру.

Он останется.

И тогда она уже никогда не будет моей.

Я не могу ее потерять. Тогда, когда она жила в Москве, все было проще, а сейчас... Она вернулась. И после требований Мишеля ей было плохо. Я явно видел это. Значит, не хотела уходить. Значит, у меня и у атли есть шанс. Теперь для ее возвращения никаких преград нет.

Кроме него.

За это время мы не произнесли ни слова, и я чувствовал, что мои чувства взаимны.

Вестар нагнал нас на середине пути.

— Они прячутся там. — Он указал рукой в северном направлении. — Объедем западные

скалы и застигнем врасплох.

— Уверен, нас там уже ждут, — нахмурился я. — И готовы встретить.

— Так в чем дело — атакуем с двух сторон, — раздался справа ненавистный голос. — Вы зайдете с тыла, а я их отвлеку. Прикончим уже этого вашего Орма!

— У него немало воинов. Нельзя разделяться, — нахмурился Вестар. — Ты рискуешь умереть.

— Как по мне — отличная идея, — не раздумывая, возразил я. — Орм ждет его одного. Так у нас будет фора, Вестар. Мы уже две недели тут, и никаких результатов. Сейчас Орм не настолько силен, как в своем замке. Думаю, они ждут нападения именно с тыла, и такой ход их удивит. Они растеряются, а мы ударим.

Вестар нахмурился, кивнул.

— Справишься?

— Меня сам Арендрейт тренировал. Он видел, как дрался Херсир!

Он улыбался, и мне хотелось стереть эту улыбку прямо там. Закопать в песке.

— Первых не существует, — произнес я и отвернулся.

— Это твое мнение.

Черт, как же бесит! Пусть Орм его прикончит, наконец. Я даже всплакну на похоронах.

— Первые будут всегда, — поучительно сказал Вестар. — Поезжай. Боги в помощь.

Он уехал, и я провожал его взглядом — ненавидящим и злым. Надеюсь, он не вернется из этой битвы. Так действительно будет лучше. Для всех.

— Этот выживет, — зачем-то сказал Вестар и лукаво посмотрел на меня. — Такой может доставить много проблем.

— Да уж...

— Если он умрет, ты не получишь женщину. Заставь его уйти. — Властитель восточных земель криво ухмыльнулся. — А затем заставь ее вернуться.

Он пришпорил коня, удаляясь и поднимая желтое облако песка.

— Словно ее можно заставить, — пробормотал я.

Где-то неподалеку жалобно крикнула птица. А вдали затаился отряд западных воинов во главе с Ормом. Они ждали. Ждали того же, что и я — что этот надоедливый, ненавистный мне человек останется здесь навсегда и сгниет в пустыне, в тишине и одиночестве.

Глава 1. Человек из сна

Я проснулась ночью — вырвалась из вязких снов в реальность. Мне снилась Герда. Она протягивала ко мне руки и улыбалась, а Влад лежал у ее ног. Ужасная смерть, но разве не этого стоило ожидать?

На тумбочке горел ночник — с некоторых пор я не могла спать без света. Боялась. Темнота устойчиво ассоциировалась у меня с драугром — казалось, ночью Герда оживет и придет меня «доедать». Жутко.

Я встала и посмотрела на телефон. Полчетвертого. Что ж, сегодня удалось поспать почти до утра — это уже прогресс.

Подошла к окну и прислонилась лбом к стеклу. На улице вовсю бушевала зима — конец октября, а уже снегом замело улицы. Липкие широкие хлопья плавно падали с неба, словно хотели проникнуть внутрь, цеплялись к стеклу, а затем грустно сползали вниз и оседали на отливе.

Если провести параллели, могло показаться, что Влад и тут преследует меня. Наверное, от этого ощущения я тоже не смогу отделаться.

Сзади щелкнул выключатель, и комнату затопил яркий свет.

— Опять? — спросила Ира и закрыла за собой дверь.

Я кивнула.

— Может, сварить успокоительный отвар? Я не целитель, но все же...

— Не нужно, спасибо. Все равно уже вставать скоро.

— Будешь бегать по такой погоде?

— Погода спорту не помеха. — Я отлипла от стекла и повернулась к ней. — А ты иди, досыпай. Воскресенье же.

— Вот еще! — нахмурилась она. — Мне вчера Глеб звонил. Спрашивал о тебе...

— Мне он тоже часто звонит. Все они... Но я не могу. Тошно.

— Сегодня возвращается Рик — вождь андвари. Я уже сказала, что мы придем. Креп намекал, что Рик знает кое-что о сольвейгах.

— Хорошо бы, — вздохнула я. — А то почти полгода прошло, а я ни на шаг не продвинулась.

Мы уже долго путешествуем. Ира пришла ко мне на следующий день после моего возвращения из Будапешта — растрепанная и злая. С чемоданом. Вернее, с дорожной сумкой. Огромной такой, красной на колесиках. Вкатила ее ко мне в квартиру и велела собирать вещи.

В то время, как я послушно складывала немногочисленные пожитки она рассказала о бурном прощании с Владом, которое сопровождалось, в основном, гневными репликами Иры.

А потом она его ударила. Несильно, как выразилась воительница: иначе бы добила. Я в этом, конечно, сомневалась, но озвучивать сомнения не стала.

Лето действительно было бурным. В перерывах между наплывами депрессии и жалости к себе, я послушно выполняла предписания Иры и старалась жить.

Мы обосновались в Москве, сняли квартиру в центре и лечились. В основном, лечили, конечно же, меня. В ход шло все — юмористические сериалы, шоколад, алкоголь, клубы,

мимолетные знакомства, слезы. В общем, обычный дамский арсенал.

Ира очень старалась. Ближе к июлю я осознала, как ей самой нелегко, и начала лечить ее. От алкоголя отказалась, сигареты тоже выбросила в мусор. И записала нас в тренажерку. Через неделю поняла, насколько спорт отвлекает от ненужных мыслей, и начала бегать по утрам. В итоге тело у меня стало более подтянутым, а дыхание — ровным.

Одни плюсы от депрессии.

Мы немного поехали по России в надежде найти тех, кто хоть что-нибудь слышал о сольвейгах, но тщетно. Никто ничего не знал.

А к концу сентября вернулись.

Москва разительно отличалась от Липецка не только внешне: количеством жителей, шириной дорог и ценами. У нее была другая душа — гордая и строптивая душа женщины. Говорят, что старые города влияют на жизни населяющих их людей. Москва приняла меня — беженку — но в сердце не пустила.

И, тем не менее, мне нравился город — большой и суетливый. В таком легко затеряться. Москва завлекала огнями и звуками, словно огромный муравейник, подчиняющийся негласным правилам, без знания которых можно пропасть.

Об андвари Ира заговорила на прошлой неделе. С Крегом, их жрецом, она дружит с детства, а Рик и его жена будут рады видеть нас в гостях. Крег многозначительно улыбнулся Ире при упоминании о сольвейгах и сказал, что лучше нам поговорить об этом с Риком.

И вот вождь андвари возвращался из очередной дипломатической миссии. Даже не думала, что хищные могут крутиться в политике. Это ж какой морок нужно уметь напустить!

Впрочем, на андвари я тоже особых надежд не возлагала. Но пойти все же согласилась. А вдруг? Ведь если не найду сольвейгов, придется признать, что осталась без племени. Ну, или вернуться в Липецк, к атли...

К этому я не готова. Даже больше, чем не готова — при мысли об этом начинают дрожать колени, а желудок скручивается узлом.

Я прогнала неприятные воспоминания часовой пробежкой по спящим улицам, а затем смыла остатки под душем.

Воскресенье мы с Ирой посвятили красоте. Сходили в салон, затем по магазинам, и к вечеру я обзавелась массой новых шмоток и темными прядями в волосах.

К дому андвари — двухэтажному, в английском стиле особняку в Подмоскovie — мы приехали веселые и счастливые.

— Какой огромный! — восхитилась я, восторженно пялясь на многочисленные лепнины.

— Рик Картер любит покрасоваться. Он всегда таким был, еще до работы в посольстве. Андвари тогда жили в Канаде, и мы ездили к ним в гости.

Нам открыл мужчина лет пятидесяти, одетый в костюм дворецкого. Его волосы смоляного цвета были зализаны назад и крепко перевязаны черной резинкой. Бегло осмотрев нас, он кивнул и велел подождать хозяйку в гостиной.

Комната оказалась просторной и светлой. Намного роскошнее, чем гостиная атли, кричащая и вычурная.

Посреди гостиной стоял большой диван, а с другой стороны шесть кресел окружали резной стол цвета красного дерева. Лестница, ведущая на второй этаж, была устлана красным ковром. По этой лестнице к нам и спустилась хозяйка — женщина лет пятидесяти, одетая в брючный костюм чайного цвета. Платиновая блондинка с волосами до плеч,

грациозная и ухоженная, как холеная кошка.

— Ирочка! Как я рада видеть тебя снова!

Она подошла к нам и радушно обняла Иру за плечи. А затем с интересом взглянула на меня.

— Кто твоя спутница?

— Это Полина, она атли, как и я. Поля, это Лили, жена Рика и великолепная целительница.

— Ира мне льстит, — улыбнулась Лили и пожала мне руку. От целительницы приятно пахло лавандой и персиком — то ли ее кен, то ли духи.

Я подумала о том, как мало хищных такого возраста мне довелось встретить в жизни. Вот она и Иван Дирков, но тот уже упокоился с миром...

— Атли, как же, слышана, — пропела блондинка, увлекая нас на диван и едва заметным жестом кивнув прислуге — девочке лет восемнадцати в темно-синей форме с белым передником. Ого, тут даже прислуга есть! И дворецкий. Интересно, как они объясняют им тот факт, что живут толпой в одном доме? — Вам удалось выстоять в войне почти без потерь, не так ли?

— Я бы не сказала, — сдержанно ответила я. — Трое погибли, но, конечно, это значительно меньше, чем в других племенах. Альва потеряли половину в стычке с охотниками, а митаки... — Я взглянула на Иру и стушевалась. — Извини.

— Ничего. Посмотрим правде в глаза — митаки больше нет, — грустно произнесла Ира.

— Соболезную. — Лили покачала головой. — Иван был хорошим человеком и замечательным воином. Да и Сережа. Так жаль. — Она всплеснула руками и лучезарно улыбнулась. — Не будем о грустном! Сейчас принесут чай.

Спустя некоторое время вернулся Рик — вождь андвари. Он горячо поприветствовал Иру и пожал мне руку.

— Атли — великое племя. Древнее. И сильное, — сказал он, немного коверкая слова легким западным акцентом. — В свое время я знал Алекса Вермунда, хороший был воин, знатный. Кто теперь правит племенем? Кажется, его сына звали Дмитрий?

Я опустила глаза, а за меня ответила Ира — прямо и бесстрастно:

— Дмитрий погиб еще подростком. Племенем правит Влад, второй сын Алека.

— Он принял тебя, дорогая? — Лили наклонилась и коснулась ее руки. — После гибели митаки?

— Нет, я вышла за него раньше.

Вздых у меня вырвался непроизвольно. Не думала, что разговоры об атли, а особенно о вожде, окажутся для меня такими сложными. Впрочем, как я могла знать? За то время, пока я с Ирой, у нас сложилось негласное правило — не упоминать в разговоре Влада. Пока оно действовало, мне казалось, что я в безопасности, но сейчас, в роскошном доме андвари тревога снова вернулась и зудела в груди.

— Ты замужем? — удивилась хозяйка. — Почему не приехала с мужем? Обязательно привози его, я горю желанием познакомиться с сыном Алека!

— Непременно, — вежливо улыбнулась Ира.

— Молодежь! — Рик закатил глаза. — В былые времена тебя наказали бы, появишься ты в другом племени одна, милочка.

— Сейчас все по-другому, Рик, — сдержанно, но твердо сказала Ира. — У женщин гораздо больше прав, чем мужчина говорит.

— Все потому что тебя воспитали как наследницу, — проворчал вождь андвари.

— Где же Саймон? — Подруга решила сменить тему. Видно было, что ей неприятны слова Рика, но, как гостья, она не посмела пререкаться в его доме. Ира была хорошо воспитана, чтобы смолчать там, где нужно. Я так не умею...

— Увивается за очередной юбкой, — посетовала хозяйка и осуждающе посмотрела на мужа.

На ужине Саймон все же появился. Постоянно бросал в мою сторону томные взгляды, не упуская при этом возможности ущипнуть за зад проходящую мимо служанку. Сесиль — молчаливая защитница — чем-то напомнила мне Лару. Та же надменность во взгляде и немногословность. И я поняла, что соскучилась. Никогда не думала, что буду скучать по Ларисе.

Крег — жрец андвари — был весьма сдержан. Он скорее наблюдал, чем участвовал в общении, и это создавало вокруг него ореол загадочности.

Было еще несколько человек, имен которых я не запомнила. Я поняла, что здесь имеют право обедать лишь андвари по крови. Остальные — вновь принятые во время и после войны — имели свой угол в другом крыле здания. Они же прислуживали за столом.

— Сейчас у многих племен изменения, — произнесла Лили, отпивая из бокала. — Недавно у нас останавливался хищный, который сумел собрать свое племя. Как его звали, Рик?

— Филипп Макаров, — ответил вождь андвари, и я поперхнулась соком.

— Позволь поухаживать за тобой, милая, — произнес Саймон и подал мне салфетку, как бы невзначай коснувшись руки.

Я отодвинулась и фальшиво улыбнулась наследнику андвари.

— Спасибо.

— Саймон, прекрати немедленно! — зло прошипела Сесиль, но он лишь улыбнулся.

— Не ревнуй, родная. Меня на всех хватит.

— Прощу прощения. — Я встала из-за стола и обратилась к Лили. — Где у вас тут...

— Третья дверь по коридору, — ласково ответила хозяйка, и я, стараясь казаться незаметной, выскользнула из-за стола.

Туалет я нашла быстро — небольшой и чистый. На ослепительно-белой плитке ни пятнышка, видно, прислуга постаралась.

Принимать хищных в племя, чтобы они тебе прислуживали — что за дикость?! Да и отношение к женщинам у мужчин племени так себе. В общем, Влад гад, конечно, но хорошо, что я — атли. Еще неизвестно, что со мной было бы в другом племени, учитывая мой характер. Так я, во всяком случае, могла сбежать, не думать...

Надолго ли?

Из зеркала на меня смотрела бледная, перепуганная девица. Глаза распахнуты, губы поджаты, подбородок дрожит. Я открыла кран и долго держала в воде кисти рук, а затем прислонила ладони к щекам. Полегчало. Дыхание успокоилось, сердце забилося ровнее. Что это я, в самом деле, зря лечилась так долго, чтобы сейчас вот так реагировать?

— Спокойно, — сказала я бледному отражению. — Возьми себя в руки, Полина.

Память иногда играет с нами жестоко. Лили заговорила об атли, и расстояние, разделяющее нас, показалось ничтожно малым. Но оно было — это расстояние. Влад знал, где мы, мог приехать, но не стал. Значит, принял негласные правила игры. И не будет давить. Стал бы — я бы точно отеклась. Наверное, именно из-за этого ощущения мнимой

свободы я все еще атли.

Хотя, наверное, Мишель тоже во многом повлиял. Я просто не могла спокойно смотреть на его торжествующее выражение лица, когда пришла просить о разрешении уехать. Пристальный взгляд, пренебрежительная фраза: «А я предупреждал!». Сразу захотелось вспомнить, что я — сольвейг и ударить так больно, чтобы с него пепел посыпался.

Тогда я смолчала, а на его настоятельную рекомендацию отречься ответила резким «нет». Наверное, слишком резким. Смотритель города нахмурился и тут же выключил благожелательный тон.

Но я не буду больше играть за древних. Будь то старый манипулятор Альрик, помешанный на эмоциональных спектаклях, или по уши влюбленный в меня сумасшедший монстр. Если решу уйти из атли навсегда, это будет только мое решение и ничье больше.

Я фальшиво улыбнулась зеркалу, а затем, махнув рукой, вышла в коридор. И тут же налетела на выходящего из двери напротив парня.

— Эй, поосторожнее, с ног собьешь! — шутливо пожурил он и поправил темную прядь, упавшую на глаза. Таким привычным жестом, что я задохнулась от накативших воспоминаний.

Дом, крыльцо, ночь. Ореол дыма, молчание — ведь слова лишние. Теплый взгляд, направленный вдаль и небрежное движение. Челка всегда мешала Глебу, и он неизменно ее поправлял.

— Я сейчас начну смущаться — ты так смотришь, — тем же шутливым тоном добавил молодой человек.

— Извини. — Я потупилась и отступила на шаг.

— Новенькая? — беззастенчиво поинтересовался он.

И совсем не похож он на Глеба. Глаза карие, а не синие, тонкие губы, длинный нос. Как у ястреба. И голос другой — хрипловатый и мягкий.

Я помотала головой.

— Гостья.

— Даниил. — Он протянул руку и лучезарно улыбнулся. — Но все называют Дэном.

— Полина, — представилась я и ответила на рукопожатие. Весьма сильное, к слову. Крепкое. — Ты — чистокровный андвари?

Честно говоря, не хотелось бы представлять Дэна прислужником. Вот совсем. От него веяло тем, чем всегда веяло от Глеба — свободой и независимостью.

— Я сам по себе, — улыбнулся он.

— Как это — сам по себе? Твое племя погибло во время войны?

— Нет, я ушел задолго до ее начала.

Отреченный, ясно... Пойдите! Отреченный одиночка? И выжил?

Я уже хотела расспросить Дэна подробнее о способах выживания хищного вне племени в этом жестоком мире, но нас перебила Лили.

— Я боялась, что ты заблудилась, — ласково пропела жена вождя и взяла меня под руку. — С Дэном, вижу, уже познакомилась. — Она деланно склонилась к моему уху и заговорщически прошептала: — Советую тебе быть осторожнее — Дэн покорила почти всех барышень андвари, чем несказанно бесит Саймона.

— Я просто милый, — улыбнулся Дэн.

— Идем в гостиную, кофе пить, — предложила Лили, и я с радостью согласилась.

— На этот раз четко в комнату для гостей, — восторженно рассказывал по дороге Дэн,

Лили кивала, а потом пояснила мне:

— Дэн телепортировался прямо в особняк.

— У одного моего знакомого тоже такой дар...

И снова воспоминания — пропитанные тоской, как медовый торт кремом. Сладкие, удушливые, склоняющие к слабости.

Я не должна скучать по Мирославу. По этому предателю, который подло обманул.

Я скучала. Так скучают по старшему брату, который вечно знает, как лучше, и делает тебе наперекор, но которого ты беспросветно любишь просто за то, что он есть. Слишком много произошло между нами, чтобы я могла просто выкинуть его из жизни. Я могла злиться хоть до смерти, но в глубине души понимала, почему он так поступил. На тот момент было поздно что-то менять. Если бы Мирослав сказал правду, Альрик не позволил бы Владу закончить, и я бы погибла.

— Этот дар не так уж редок, — заметил Дэн.

— Полина приехала с Ирой Дирковой, — пояснила тем временем Лили.

— Митаки? Давно не видел никого из них.

— К сожалению, Ирина — единственная, кто выжил. Хотя она давно уже посвящена в другое племя. Ира вышла замуж за Влада Вермунда, вождя атли из Липецка.

— Знакомое что-то... — Дэн почесал затылок. — А, вспомнил! — Он взглянул на меня. — Ты тоже атли?

— Да, — сдавленно ответила я. «Пока да», — добавила про себя.

— Это правда, что ваша пророчица впустила девятерых?

Воспоминания о нали были связаны с Кирой — переплелись корнями и, вместе со всплывшим ответом на вопрос Дэна, вытянули на свет все мои страхи и комплексы. Пальцы рук противно закололо, а грудь сдавило толстым жгутом. Слишком много прошлого для одного вечера.

— Что за глупости? — осадила Дэна Лили. — Женщина не может впустить нали. Рассказывают сказки, а ты веришь.

— Это правда, — вырвалось у меня. Наверное, гордость выиграла — в отличие от женщин андвари, я все еще оставалась человеком, и не стану мириться с дискриминацией.

— Офигеть! — радостно выдохнул Дэн и посмотрел на меня восторженно. Мне показалось, ему глубоко плевать, какого пола знаменитая пророчица атли, а вот нали его очень интересовали.

— Не может быть! — Лили прикрыла рот рукой и, мне показалось, возмутилась. — Мы должны об этом услышать. Особенно Рик.

Я не была уверена, что Рика Картера обрадует эта история, но было поздно возражать — целительница буквально втащила меня в гостиную и торжественно объявила:

— Не представляете, что нам с Дэном только что сообщила Полина! Оказывается, пророчица атли впустила нали.

В гостиной воцарилась тишина. Все присутствующие уставились на меня: кто-то удивленно, кто-то с возмущением, кто-то — недоверчиво. Крег посмотрел заинтересованно, затем перевел взгляд на Иру, и она слегка кивнула.

— Я слышал, она настолько сильна, ваша пророчица, что убила древнего. — Дэн уселся на диван, не сводя с меня пристального взгляда. — Это тоже правда?

— Это было давно.

— Полина сильный боец, — сказала Ира и прямо посмотрела на Рика. — Мало ктс

может сравниться с ней в битве.

— Ты — она?! — восхищенно спросил Дэн.

— Я — она.

— Но зачем ты впускала нали? Что за дикость?! — Рик поднялся с места и прошелся по комнате. Казалось, ему претит даже мысль о том, что женщина может сравниться с мужчиной.

— Длинная история, — уклончиво ответила я. — Слишком запутанная.

— Первый нали очень свиреп. Я не представляю, как женщина может выдержать такое, — произнес вождь андвари, и остальные мужчины со знанием дела закивали в знак согласия.

— Я не заметил особой разницы между первым и четвертым, Рик, — возразил Дэн. — К тому же сейчас такие девушки... — Он посмотрел на меня и улыбнулся. — Не знаешь, чего от них ждать.

— Женщина должна хранить семейный очаг, а не думать о всяких глупостях, — подала голос Сесиль.

В последнее время меня преследует мысль, что я патологически не нравлюсь защитницам. Лара, Катя, теперь еще и Сесиль. Наверное, у них на меня аллергия.

— И скольких ты впустила? — поинтересовался Рик, не глядя на меня. Наверное, для него было настоящим ударом — узнать, что женщина в чем-то может превзойти его.

— Девятерых, — поддаваясь непонятно откуда взявшемуся азарту, ответила я.

Кто-то ахнул, кто-то заерзал на месте, а Дэн, казалось, был готов смотреть на меня вечно. Как на произведение искусства. Стало совсем неловко, и я присела на подлокотник кресла.

Все молчали, было слышно, как где-то тикают часы. А потом Дэн заворожено спросил:

— И?

— Как, по-твоему, я всемогущая?

— Боюсь даже думать об этом...

— После ритуала меняется суть жилы. Трансформируется. И ты становишься охотником.

Ира опустила взгляд, а за секунду до этого в ее глазах мелькнула злость. Ира ненавидела охотников. Всех без исключения. Вряд ли что-нибудь это исправит.

— Это... правда? — Лили побледнела и схватилась рукой за горло, словно ее кто-то душил.

Вдруг я поняла: все они боятся. Боятся сил, неподвластных пониманию. Меня, так как я прикоснулась к тайне. Войны, смерти. Всего. Они никогда не проходили через то, через что пришлось пройти мне, и никогда не пройдут. Что они могут дать мне — еще одно племя, прогнувшееся под охотников? Мне стало жаль их, и я просто сказала:

— Правда.

— Ты не очень похожа на охотника, Полина, — серьезно сказал Дэн. Он был единственный в зале, кто не боялся.

— Потому что я больше не охотник. Говорю же, длинная история, а я плохой рассказчик. Если хотите услышать ее полностью, приезжайте в Липецк. Влад тоже изгонял девятерых.

— Какие дела творятся в Липецке, пока мы с тобой, Рик, сидим в Москве, — непринужденно произнес Дэн и улыбнулся. — Но как ты убила древнего? Ты — пророчица,

не боевик.

— Полина убила его, потому что одна из нас.

Я обернулась на голос и застыла. Совсем рядом, в нескольких шагах от меня стоял тот, кто, я считала, не существует. Тот, кого я выдумала, чтобы было легче жить. Его и мир, в который сбегала от жестоких реалий, чтобы понежиться под ласковым солнцем хельзы на берегу теплого озера.

Как и в моем сне, он смотрел на меня тепло, с полуулыбкой, впитавшей солнечные лучи, и рядом с ним, сузилось, померкло то, что давило изнутри все эти месяцы. Я выдохнула и... освободилась.

Глава 2. Сольвейги

Сердце колотилось. Ладони тряслись. В горле противным комом стала обида — неконтролируемая и колючая. Стоит здесь, смотрит, улыбается. А где он был, когда я умирала? Когда, вовлеченная в запутанные интриги вождя атли и помещанного на контроле Первозданного, тщетно пыталась выжить? Где он был, когда Кира... Герда...

— Ты всегда так внезапен, Барт, — проворчал Рик, подходя и пожимая мужчине руку. — То, что Полина — сольвейг, многое объясняет. Впрочем, нали — все равно слишком... для женщины.

— Можно нам пообщаться без свидетелей? — перебил его сольвейг из сна и ласково посмотрел на меня. — Нам нужно многое обсудить. И да, надеюсь, мой визит останется в тайне. Я имею в виду не только андвари. — Он многозначительно взглянул на Иру, которая пялилась на него, как на чудо света.

— Ира знает о сольвейгах, — сказала я. — Как, впрочем, и остальные атли.

— Мы поговорим и об этом тоже.

— Мой дом — твой дом, — радушно заверил Рик.

— Идем. — Барт протянул мне руку и, несмотря на обиду, я вложила свою ладонь в его.

С ним рядом было тепло. Надежно. Совершенно не хотелось страдать, бояться, тревога растаяла, уступая место чему-то другому — сильному, глубокому, непостижимому чувству единения. Влиял ли он на меня? Была ли это некая связь, что неизменно соединяет сольвегов? Какая разница? Мне не хотелось, чтобы это заканчивалось. Лишь бы он всегда держал мою руку, вливал в меня тепло и свет. Надежду на будущее. Ведь рядом с ним боль утихла. Совсем. Он словно выключил ее. И стало хорошо.

Кабинет андвари был небольшим, но уютным. Огромное окно почти на всю стену, посреди комнаты стол из светлого дерева, за ним кресло. Компьютера нет, лишь какие-то бумаги, аккуратно сложенные в углу, канцелярский набор и телефонный аппарат. По другую сторону от стола два стула со светло-серой обивкой.

— Прости, — сказал тот, кого вождь андвари назвал Бартом. Затем обнял меня и прижал к себе. — Прости меня, девочка, я малодушен.

И я расплакалась. Прямо там, в чужом доме, обнимая человека, которого совершенно не знала. Просто ревела, уткнувшись носом ему в грудь. А он гладил по спине и приговаривал:

— Все хорошо. Уже все хорошо.

Он был прав — все действительно изменилось к лучшему. Рядом с ним жизнь обрела смысл, окрасилась яркими красками и заблестала.

Я нехотя отстранилась, смущенно вытерла слезы. Дожилась — реву перед незнакомцами, пусть и перед теми, с кем общалась во сне.

— Ты мне снился, — сказала и отвела взгляд.

— Знаю, — кивнул он. — Я и Люсия.

— Люсия? — Я посмотрела на него вопросительно, а затем догадалась: — А, рыжая!

— Мы пытались предупредить тебя. Как-то дать о себе знать. В снах сложно сказать четко и определенно, твое подсознание понимает информацию по-своему. Вся проблема в том, что наши провидцы узнали о тебе слишком поздно. Когда появляться рядом стало опасно.

— Из-за нее, — догадалась я. — Из-за Герды.

— Я не мог рисковать своими людьми. Драугры — единственные существа, против которых мы почти бессильны.

— Вам и сейчас нельзя появляться рядом со мной, — горько усмехнулась я. — Альрик может придумать еще эксперименты.

— Первозданный не так силен, как хочет казаться. Но ты права, на тот момент я мало чем мог помочь. — Он помолчал немного, а затем улыбнулся. — Но у тебя были другие помощники.

Я вскинулась, посмотрела зло. Не шутит. Ни капельки. Действительно имеет в виду Влада.

— Это сложно назвать помощью.

— Иногда нам не приходится выбирать, — грустно ответил Барт. — Стыдно признавать, но вождь атли сделал то, чего не смог я — сохранил тебе жизнь.

— Поверь, это мало похоже на жизнь. — Я вздохнула и решила сменить тему. — Я искала тебя. Вас. Сольвейгов.

— Знаю. Поэтому я здесь.

— И что... теперь?

— Ты все еще хочешь узнать, как мы живем? — Лучистые глаза улыбались, от мужчины исходило тепло — внутреннее, успокаивающее, манящее. Казалось, я знаю его сто лет. Проблемы ушли, растворились в воздухе, а те, что остались, виделись незначительными и мелкими. Такими мелкими, что не заслуживали внимания.

— Хочу, — кивнула я и улыбнулась в ответ.

— Я зайду завтра. Если пожелаешь, за тобой присмотрит Дэн — ему можешь доверять, как мне. Он много лет помогает сольвейгам держать связь с внешним миром.

— С внешним миром?

— Завтра все узнаешь. И да, скажи подруге, что задержишься.

— Надолго?

— На пару месяцев точно. — Он помолчал немного. — Если захочешь, то навсегда.

Навсегда в другом племени. Окунуться в таинство жизни сольвейгов, соединиться с ними энергетически, присягнуть на верность новому вождю... И забыть прошлое, как страшный сон.

Звучало привлекательно и... нереалистично. Совсем. Словно выдернутая из альбома картинка с возможным будущим, которую я не успела на себя примерить, но уже поняла, что она мне не идет.

Впрочем, я совершенно не знаю Барта. Возможно, проживу пару месяцев среди сольвейгов, познакомлюсь со всеми, свыкнусь и приму свою суть.

— Мне собрать вещи? — спросила я задумчиво.

— Если хочешь. Но необязательно. Семья позаботится о тебе, Полина.

Семья.

До недавнего времени я считала семьей атли.

В груди стало горячо, я отвела взгляд, но Барт обнял меня за плечи и тихо сказал:

— Ничего-ничего, девочка. Все проходит. А они по-своему любят тебя. Любят, как умеют. Не все из нас умеют любить.

Любят? Это вряд ли. Никто, кроме Глеба и Иры, наверное, и не проникся моей бедой. Именно поэтому я избегала телефонных звонков атли. Просила Иру отвечать. Казалось,

услышу и тут же умру на месте от разочарования.

Рядом с Бартом хотелось жить. Улыбаться, радоваться, забыть прошлое. Слишком тяжелое оно, чтобы тащить за собой вечно.

Но прошлое вцепилось в меня крепкой хваткой, отравляя душу разочарованием и обидой.

— Я родила ее, любила, как дочь. Потеряв, искала. Отдала весь кен, убила колдуна. Ради чего? И кто из них — тех, кто любит меня — сможет сказать? Возможно, он сможет? — Я горько усмехнулась. — Не отвечай. Я знаю, что он скажет. «Ты жива». И много разных блабла. Я не верю никому. Просыпаюсь от любого шороха, а по ночам мне снится драугр. Каждую гребаную ночь! Вот что любовь дала мне. Шрамы. На теле и в душе. Спасибо, наелась.

— Иногда жизнь делает нам большее всего перед тем, как наградить счастьем.

— Для меня счастье — покой. Если у сольвейгов я найду его, то останусь. — Я отошла от Барта, присела на один из стульев и облокотилась о столешницу. Надо же, столько усилий приложила, чтобы забыть, а увидела сольвейга, и броня дала трещину.

— Найдешь, — уверил меня Барт. — Если останешься с нами, проживешь остаток жизни в покое, окруженная теплом и заботой. — Он сделал паузу, а затем добавил: — А если нет, обретишь другое счастье. Познаешь любовь и власть, научишься отпускать и удерживать, простишь одного и низвергнешь другого. Научишься отличать друзей от врагов, применишь смерть и в конце сделаешь самый главный выбор в твоей жизни. Судьбоносный.

— Звучит красиво, но ты не можешь знать...

— Могу. Потому что я видел это.

Я подняла на него глаза.

— Как... видел?

— Твое будущее, Полина. — Он улыбнулся и склонил голову набок. — Не ты одна умеешь пророчить.

— Ты видел все это? Обо мне? — Я даже встала от удивления. — То есть... все это будет со мной? Если вернусь домой?

— Боюсь, с домом будут проблемы, — нахмурился Барт. — Ненадолго.

— Как-то все туманно. Любовь и власть, отпускать и удерживать... Кого отпускать? Кого удерживать? И зачем кого-то удерживать, если он хочет уйти? Не понимаю.

— Поймешь. Не я рисую твоё будущее, а ты сама. Каждый из нас выбирает. Сейчас твой выбор — остаться с нами или вернуться в этот мир. Научиться в нем выживать. Будет тяжело. Иногда слишком. Но ты справишься.

— Ты странный, — пробормотала я и снова села. Пророчество Барта, если это можно так назвать, взволновало, обескуражило и вогнало в ступор. Все было просто: найти сольвейгов, примкнуть к ним и жить спокойно там, где живут подобные мне. Но Барт, похоже, видел для меня другую судьбу. И совершенно этого не скрывал.

— Вот как?

— Обычно вожди делают все, чтобы приманить сильных членов в племя. А ты предлагаешь мне остаться здесь.

— Я ничего не предлагаю. — Он присел на соседний стул и утопил мои ладони в своих — больших и шершавых, покрытых мозолями и шрамами. Откуда они? Оставил непростой быт сольвейгов или битвы, в которых довелось побывать этому необычному хищному? — Я буду рад, если останешься. Обеспечу защиту и покровительство. Но я не намерен скрывать

то, что видел. У человека всегда есть выбор, а ты должна научиться решать сама. Принимать ответственность за свои решения. Все набивают шишки, Полина. Важно уметь признать проигрыш и вынести из него урок.

— Я проиграла все, это сложно признать.

— Тогда почему ты все еще сомневаешься, что именно тебе выбрать?

Я вздохнула. В его лучистых глазах было столько доброты, сколько я не видела, наверное, за всю жизнь. Я нашла то, что искала столько месяцев, скоро узнаю о себе больше, научусь контролировать и использовать дар сольвейга. Побываю в таинстве, в котором никто из моих знакомых еще не бывал.

Но Барт прав — я сомневаюсь. Думала, это отголоски предательства убили во мне уверенность, но что если все так, как говорит вождь сольвейгов? Что если интуиция ведет меня, а, наталкиваясь на препятствия, дает сигнал свернуть в сторону? Или вообще повернуть обратно?

Пророчества не врут. Иногда искажают реальность, но никогда не показывают несущественное. Уверена, Барт умеет пользоваться своим даром лучше, чем я.

В конце концов, что я теряю? Поживу у сольвейгов, разведу, что да как, а там решу. В одном Барт прав: человек должен сам делать выбор.

В гостиной нас встретили гробовой тишиной. Казалось, она растеклась по углам, поднялась по стенам, нависла с потолка и постепенно обволакивала каждого присутствующего. Каждого, кроме меня с Бартом. Ну и, наверное, Дэна. Он молчал ровно секунду, а затем беззастенчиво улыбнулся и спросил:

— Разобрались?

Барт едва заметно кивнул.

— Присмотри за ней до завтра.

— Окей. Завтра мне или ты сам?

— Лучше ты. Не знаю, успею ли вовремя. — Барт повернулся ко мне. — Дэн приведет тебя к нам. Помни, ему можешь доверять полностью. — Затем склонился к самому уху и прошептал: — У андвари старайся не бывать. И попроси подругу не болтать о том, что она меня видела.

Я нахмурилась, но кивнула.

— Был рад видеть тебя, Рик, — бросил Барт в сторону вождя андвари. С остальными попрощаться, видимо, не счел нужным — просто вышел, а строгий дворецкий закрыл за ним дверь.

Некоторое время все еще молчали, а потом Дэн задорно произнес:

— Ну что, идем?

— Куда? — удивилась я. Совершенно растерялась, что и не мудрено после всего сказанного Бартом. Наверное, такие вещи всегда неожиданны. Даже если стремишься к ним так долго.

— Как куда? Домой. К тебе, естественно. У меня в Москве нет жилья.

— Будто у тебя оно где-то еще есть! — едко произнесла Сесиль и отвернулась.

Что это с ней? Или я заразная, и аллергия распространяется на всех, кто со мной рядом стоит?

— Я вообще, как это принято говорить, без определенного места жительства, ага, — как ни в чем не бывало, радостно ответил Дэн и снова обратился ко мне: — Вызови такси. Я мог бы телепортнуть тебя, но не знаю, где ты живешь.

— Охранять меня вовсе не обязательно, — возразила я. — Я могу за себя постоять.

— Нисколько не сомневаюсь. Но Барт меня заругает, если не прослежу.

— А ты во всем его слушаешься?

— Во всем, что касается девочек, постоянно влипающих в неприятности.

Сесиль недовольно хмыкнула, поднялась и покинула гостиную.

Такси мы ждали в неловкой обстановке. Дэн болтал без умолка, Рик кидал в мою сторону испепеляющие взгляды, а остальные молчали, втупившись в пол. Даже Саймон. Странно, после того, что он узнал о моем происхождении, желание заигрывать резко сошло на «нет». Казалось, еще секунда — и он сорвется вслед за Сесиль.

Ира о чем-то шепталась с Крегом на диване, изредка поглядывая в мою сторону. Жрец андвари гладил ее ладонь, а она не отнимала руку.

Плохой жест. Очень плохой. Неправильный. Я читала, что за измену в браке женщину жестоко карали. Если Влад узнает, что Ира тут любезничает с другим, точно не пожалеет. Он вообще никого не жалеет.

Мрачные мысли покинули дом андвари вместе со мной. Ира вежливо попрощалась с Дэном, крепко меня обняла и шепнула, что будет позже. А потом добавила, что ее привезет Крег. Настроение у меня ухудшилось из-за странной тревоги за подругу.

Впрочем, Влад далеко, в Липецке и вряд ли узнает о невинном флирте жены. Даже если он немного выйдет за рамки флирта. Уверена, Влад там тоже не скучает.

— Барт открыл тебе новую вселенную? — спросил Дэн, вырывая меня из задумчивости.

— Что? — Я отвлеклась от разглядывания пятен, оставляемых на стекле автомобиля мокрым снегом.

Вчерашняя белая сказка закончилась, уступив место мрачной, унылой слякоти. С неба сыпалась смесь снега с дождем, и дворники такси размазывали эту кашу по лобовому стеклу, оставляя разводы из отражающихся огней.

— Барт, говорю, на уши присел, да? — Дэн сочувственно потрепал меня по плечу. — Он клевый, но иногда занудный. Ты привыкнешь. — Помолчал немного, а затем добавил: — Я разочарован, что ты сольвейг. Думал, обычная хищная со способностями.

— Как ты?

— Я не пропускал девятерых.

— Почему ушел? — спросила я и покосилась на таксиста. Интересно, Дэн напустил на него морок или просто не боится, что тот может подслушать?

— А ты почему?

— А Барт не говорил?

— Говорил, что был драугр. Но его уже нет, верно? А ты сбежала.

— Это сложно. — Я отвернулась и снова посмотрела в окно. Слишком много эмоциональных разговоров. В последнее время я предпочитала принимать их дозированно.

Думала, Дэн станет приставать с расспросами, но он просто сказал:

— Вот и у меня сложно. Но быть может, я и расскажу. Потом.

Остальной путь до Москвы мы преодолели молча. Я расплатилась с таксистом у подъезда, очередной раз благодаря Глеба за ежемесячные перечисления на карточку. Он редко звонил — наверное, боялся ранить воспоминаниями о прошлом — но исправно подкидывал денег.

Мне стоит озаботиться поиском работы. Потом. Если вернусь.

Мы поднялись по лестнице, и я открыла квартиру, ставшую внезапно чужой и пустой.

По-настоящему пустой, словно пустота поселилась в ней, пока мы с Ирой гостили у андвари. Большое зеркало на стене в коридоре отражало огни из окна открытой спальни напротив. В углу молчаливо притаилась вешалка. И мне почему-то вспомнилась моя квартира на Достоевского — тоже пустая, но по-другому. Представилось, как она пропиталась одиночеством и тоской из-за бросившей ее впопыхах хозяйки.

Дэн вошел молча, разулся и аккуратно поставил кроссовки на полку.

— Голоден? — поинтересовалась я, но без особого энтузиазма. Хотелось остаться одной. Подумать. Дать волю собственной грусти и одиночеству, но нужно привечать гостя. Душа противилась, сопротивлялась, побуждая выставить его вон. Наверняка ведь сейчас начнет расспрашивать или невпопад шутить, а я не выдержу, сорвусь, и тогда...

— Я плотно поужинал, — смущенно ответил он. — У сольвейгов отлично кормят.

— О... — выдохнула я и уронила сумку на пол.

— Я не буду мешать, почитаю где-нибудь. Не обращай внимания. — Он помолчал немного, а потом добавил тихо: — Не хотел бередить ненужное, извини.

— Ничего. Ты же не знал. — Я включила свет в коридоре и на кухне. — Может, чаю выпьешь? Со мной? — Вдохнула и беззастенчиво соврала: — Не хочу быть одна.

— Чаю выпью, — согласился он. — С лимоном. У тебя есть пряники?

— Пряников нет. Но есть печенье недельной давности. Ира купила.

— Сойдет, — подмигнул он и безошибочно определил, где ванная. Я услышала, как включилась вода, вдохнула и отправилась на кухню ставить чайник.

Признаться, аппетит у Дэна был знатный — он съел все печенье, что у нас было, и это после плотного, как он выразился, ужина. Затем нагло слямзил оставшиеся две котлеты из холодильника.

— Я начинаю понимать, почему тебя невлюбила Сесиль. Ты съел ее пирожные? — пошутила я.

— Сомневаюсь, что она их ест, — поморщился Дэн. — Хотя не помешало бы. Женщинам полезно сладкое — они тогда не такие нервные.

— Вот как? А может, вас чего посерьезнее пирожных поссорило?

— Драмы не было, если ты об этом. Не переносу драмы. Девочки иногда считают, что улыбка мужчины почти предложение руки и сердца.

— Я так и думала, — рассмеялась я. — Поматросил и бросил?

— Грубиянка! — осадил он меня, но незлобно. — Я не сторонник серьезных отношений, плавно перетекающих в семью. Да и нельзя мне. Ваше племя в приоритете. Барт мне как отец, если что. Я ему по гроб жизни должен.

— Он тебя спас?

— Так нечестно. Твоя очередь рассказывать.

— Нечего рассказывать. — Я пожала плечами, размешивая давно остывший чай. Грусть вернулась горечью на губах и отчаянным желанием выпить чего-то покрепче. — Барт наверняка поведал тебе мою историю, раз уж вы так близки.

— Барт не так много сказал. Был друг, но ты спаслась, и в этом как-то замешано твое племя. Вообще странно все это.

— Что именно?

— Что ты жива. Обычно драугры не церемонятся с сольвейгами. Вы для них такой себе деликатес.

— Герда болела — у нее была повреждена жила. Для того, чтобы излечиться, нужен был

специальный ритуал. Влад учился ему у Альрика, убедил Герду, что хочет помочь, а потом запихнул ее в какой-то портал. Не знаю, куда он ведет. Вот и вся история.

— Он многим рисковал, — задумчиво произнес Дэн.

— Ну да, он у нас вообще герой, — сердито обронила я. — Во всех смыслах.

— Это сарказм?

— А незаметно?

— Твой вождь, скорее всего, понимает, кто ты такая, но вот что с тобой делать, не знает совершенно. Сольвейг в племени — огромный геморрой, но и хорошее оружие. А ты уверена, что у нее не осталось адептов? У Герды? Возможно, ее последователи все еще следят за вами.

— Влад сказал, что убил всех. Но я бы не стала слепо доверять его словам.

— Ты в курсе, что был совет? У сольвейгов. Где они решали, чем могут тебе помочь. Многие голосовали за то, чтобы попытаться тебя спасти. Сам Барт, кстати, тоже.

— Думаю, если бы они кинулись меня спасать, то сорвали бы Альрику представление, и погибла бы не только я.

— Возможно.

— Теперь твоя очередь, — решила я сменить тему. — Так почему ты ушел?

— Все прозаично, — пожал плечами Дэн. — Я был младшим сыном, а мечтал о poste вождя.

— Действительно, прозаично, — согласилась я, и мне сразу вспомнился Филипп. Тупая боль в жиле и шепот на ухо. Извиняющийся тон. Ни капли сожаления в голосе.

— Но, возможно, этот уход спас мне жизнь, — продолжил тем временем Дэн. — Если бы остался, охотник убил бы и меня.

— Где ты переждал войну?

— В основном у сольвейгов. Но нескольких охотников все же прикончил, а одного превратил в пепел, если понимаешь, о чем я.

Понимаю ли я? А то! Значит, минус еще один древний.

— А ты сильный, оказывается.

— Я не говорил, что мечты о poste вождя были ничем не подкреплены, — подмигнул он и добавил уже серьезно: — Я вызвал брата на поединок, но как-то не вышло.

— Он оказался сильнее?

Дэн несколько секунд смотрел на меня с таким видом, будто я выдала самую большую глупость в мире, а потом спросил:

— А ты бы смогла убить брата?

Я покачала головой.

— Извини. Не подумала.

— Поединок — не очень приятное зрелище. После этого я ушел, не смог больше жить с ним под одной крышей. Вот и все.

— Непросто, наверное, одному.

— Непросто. Но есть Барт и его племя. Они мне как семья. Завтра сама увидишь. У них тепло. Уютно. Никто на тебя не давит. Тебе понравится.

— Барт говорит, моя судьба не среди сольвейгов, — уныло произнесла я, убирая чашки со стола. — Он пророчил мне. К слову сказать, туманно пророчил — я ни черта не поняла.

— Это потому, что он читал о тебе в книге. Он всем сольвейгам такое пророчит.

— В какой книге? — заинтересовалась я, выключая воду и присаживаясь обратно за

стол. Карие глаза Дэна улыбались.

— Ее слишком пафосно обзывают, но если вкратце, то есть некая книга — она существует вне времени. И в ней первый сольвейг пишет ваши судьбы. Говорят, в ней могут писать все сильные хищные, но про других я не слышал. Только про сольвейга.

— Кто он — первый сольвейг? О нем нет в летописях...

— В летописях хищных нет, — уточнил Дэн. — А в летописях Барта о нем много написано. Первый сольвейг — сын Лив и Гарди. Хищной и ясновидца. А ты не знала? Именно так получаются сольвейги. Он склонился ближе и добавил: — Именно так получилась ты.

Горло перехватило спазмом, и я инстинктивно прикоснулась к нему ладонью.

— То есть как... получилась?

— По-моему, все предельно ясно, — отстраняясь, ответил Дэн. — Твой отец был ясновидцем. Мать-то была атли, верно? Пророчицей?

— Но я... Но у меня никогда... к папе...

— Ты была маленькая, да и родным априори нет желания причинить вред.

— А бабушка? С ней-то у меня как раз не сложилось. И ни разу мне не хотелось ее выпить.

— Все потому, что она была человеком. В отличие от деда. Твоя бабка, скорее всего, и не подозревала, кем был твой отец. А вот мать знала. Барт расскажет больше, ну или Люсия — именно она увидела тебя во сне, даже место определила — какой-то там памятник у вас есть. Люсия сильная провидица.

— Но разве хищные могут... с ясновидцами? Я два раза встречала их, и оба едва смогла удержаться.

— Все зависит от воли. Ну и тренироваться нужно.

— Не понимаю. — Я покачала головой. — Ты сказал — первый сольвейг был сыном Лив и Гарди, но Лив не была хищной! Херсир основал ар уже после того, как бросил ее.

— Не все в курсе, но он посвятил и ее тоже. В тот день, когда узнал о Хауке. Она сама попросила. Торкнуло ее нехило, скажу я тебе. Любовь портит людей. А Гарди Лив жалела. Чувство вины портит еще больше. Гарди добивался девушку всю сознательную жизнь, но именно из чувства вины она отдалась.

— Думаешь, Влад знал? Ну, об отце?

Дэн покачал головой.

— Не думаю. Барт и его люди стараются хранить эту тайну. Если Альрик прознает, займется искусственным разведением сольвейгов.

— Да уж, у него для этого все необходимые ингредиенты под рукой, — фыркнула я и встала.

Снова зашумела вода в кране, привычным было прикосновение к мыльной губке. Знакомо моргнула лампочка в светильнике — давно уже пора ее сменить.

А все остальное было непривычным. Дэн с его огромным аппетитом, известие об отце. Сердце глухо стучало в груди, пока руки продолжали методично мыть посуду.

Хлопнула входная дверь — вернулась Ира. Через минуту она появилась на кухне, покрасневшая, с опасным блеском в глазах. Тревога, уснувшая от рассказа Дэна, вернулась легким покалыванием в районе лопаток.

— Поужинали уже? — спросила Ира, и на ее лице появилась блуждающая улыбка.

— Чай пили, — рассеянно ответила я. — С печеньем.

— Дэн у нас остается?

— Переночует у меня, — кивнула я. — А я с тобой посплю.

Устроив Дэна, я вышла на балкон. Сильно, до одури хотелось курить. Хорошо, что выбросила сигареты, иначе не сдержалась бы. Я сильнее закуталась в куртку и посмотрела вдаль. С неба продолжал сыпать снег вперемишку с дождем, делая воздух тяжелым и влажным.

Ира тихо вошла следом и прикрыла дверь.

— Ты как? — спросила и, натянув рукава толстого вязаного свитера на кисти, облокотилась о перила.

— Узнала много. Стараюсь переварить, но пока выходит плохо. А ты?

Она пожала плечами.

— Ты случаем не натворила глупостей? — осторожно поинтересовалась я.

— Я — хищная. Знаю правила игры. Но боги, как приятно настолько кому-то нравиться!

— Боюсь за тебя, — честно призналась я. — Боюсь, что сорвешься.

— Не сорвусь, — заверила меня Ира и крепко обняла. — Теперь ты... уйдешь? Уйдешь к ним?

— Уйду. На пару месяцев исчезну. Нужно все переварить, многое познать, научиться всяким плюшкам. Но Барт сказал, мое место здесь, в реальном мире. Пока я его еще не вижу, но Барт мудрый. Я его чувствую. С ним рядом все... проще.

— Уходи. Живи с ними — они тебя поймут, — нахмурилась Ира, выпустила меня из объятий и снова посмотрела вдаль. — Защитят. Здесь все слишком жестоко для тебя. Я буду скучать, конечно, и Глеб, тоже но... так будет лучше.

— Не говори никому о том, что видела Барта.

— Я никому не скажу. Могла бы не просить.

— Знаю. Спасибо за все.

— Шутишь? Рада, что нашла тебя! Ты это... Глебу позвони. Ну, перед уходом. Он извелся там весь.

— Позвоню, — кивнула я.

Ира ушла спать, а я еще долго стояла и смотрела, как движутся по дороге машины, мерцают неонами вывески и случайные прохожие бредут по своим делам.

Затем вытащила из кармана телефон и набрала номер. Длинные гудки сменились шорохом, дыханием в трубку и радостным шепотом:

— Привет, пропащая!

— Я соскучилась, Измайлов. Безумно.

— Я тоже.

— Чего шепчешь?

— Катюху не хочу будить. Ты как там? Все хорошо?

— Замечательно, — соврала я.

— Нашла своих сольвейгов?

— Не поверишь, но они существуют.

— Фига се! И что... теперь?

— Понятия не имею. Но ты узнаешь о моем решении первым, обещаю.

— То есть ты... приедешь? Или может, мне к тебе?

— Не стоит. Меня некоторое время не будет. — Я помолчала немного, стараясь унять жар в груди. Тщетно. Он разгорался все сильнее, усиливая и без того давящую тоску. —

Люблю тебя, Измайлов. И спасибо за деньги. Пока мне не до поисков работы, сам понимаешь.

— Ерунда, — отрезал он. — Береги себя.

Я отключилась и поняла, что улыбаюсь. Услышать его голос после стольких дней было безумно приятно, понять, что он волнуется — еще приятнее. И теперь точно осознала, что вернусь. Просто чтобы увидеть его, обнять. Говорить всю ночь, ежась от холода на балконе. Сказать «спасибо» за то, что он есть.

Барт прав — нельзя просто так все отбросить. Если я и решу остаться с сольвейгами, то сначала поставлю точки там, где пока стоят многоточия. Потому что незавершенные дела — это плохо. Потому что во всем должна быть определенность.

Глава 3. Призраки прошлого

Дэн разбудил меня рано — в пять утра. Велел умываться, чистить зубы и быть готовой через полчаса. Изверг! Я немного позлорадствовала, что у нас ничего в холодильнике не осталось, и в это время он не будет наслаждаться вкусными котлетами.

Через полчаса я была уже одета и зла. В зимней куртке и сапогах сразу вспотела, хотя это не уменьшило желания упасть на кровать и доспать полагающиеся мне по праву несколько часов. Странно, именно сегодня мне впервые не снилась Герда — то ли общение с Бартом повлияло, то ли я подсознательно начала отпускать прошлое.

Дэн, казалось, ни капли не смутился, взял меня за руку и бросил:

— Дыхание задержи, а то стошнит.

Словно я не знала. Я зажмурилась, крепче ухватила его за ладонь и вдохнула побольше воздуха. А когда открыла глаза, замерла.

На нас смотрела снежная поляна. Снег отражал яркое солнце и разбрызгивал во все стороны ослепительные блики. Поляну полукругом обступили елки — высокие, пышные, раскинувшие ветви будто в приветственном жесте. Нарядившиеся в пушистые белые шарфы и шапки, они присоединялись к общему сиянию.

А на самой поляне, словно грибы, беспорядочно стояли палатки. Темно-синие, цвета хаки, ядовито-лимонные, а одна ярко-оранжевая. Между ними сновали люди в фуфайках, дурых куртках, валенках и шапках-ушанках. В центре горел костер, на котором что-то варилось в огромном, начищенном до блеска котелке. От костра вверх поднимался сизый дым, а от котелка шел невероятно вкусный запах, и я сразу вспомнила, что завтрака сегодня не было.

Из оранжевой палатки, одетая в каракулевую шубу до колен, вышла рыжая. Та самая, из сна. Осмотрелась, остановила на нас взгляд, и на лице расплылась радостная улыбка. Она помахала нам и поманила к себе.

— Люсия, — произнес Дэн и потянул меня вперед. — Знойная девица.

Люсия действительно была знойной. Высокая, с тонкими чертами лица, с распущенными рыжими волосами, которые змеились по спине до самых ягодиц, длинными ресницами и пухлыми розовыми губами, которые и красить-то не нужно было. Обворожительный эффект естественной красоты.

Когда мы подошли, она лучезарно улыбнулась мне и крепко обняла.

— Я ждать тебя, — сказала хриплым, осипшим голосом. — Видеть во сне. Поздно. Друг уже найти тебя. Прости.

— Люсия плохо говорит по-русски, — пояснил Дэн. — Она выросла в Штатах, с родителями. Жила, почти как ты, до тринадцати лет.

— Привет, — поздоровалась я, не веря, что вижу ее на самом деле, а не в вымышленной хельзе. Повернулась к Дэну и спросила: — Где мы?

— В Сибири, — усмехнулся он. — В лесу. Так живут сольвейги. Если останешься, придется привыкнуть.

Я еще раз осмотрелась. Поселение сольвейгов в палатках выглядело как привал туристов-экстремалов, привыкших спать на снегу в спальных мешках и ходить в туалет в кусты. К слову, кустиков тут не наблюдалось — по нужде, наверное, бегали в елочки. Я с

ужасом поняла, что о фене, утюжках, косметике и любимых джинсах придется забыть. Тут скорее подойдут ватные штаны... Как эти люди купаются, вообще представлялось с трудом.

Я поежилась и сглотнула. Да уж, не так мне виделась жизнь сольвейгов.

— Идем тебя кормить! — просияла Люсия и потянула меня к костру.

Там уже собралось много народа — человек двадцать. С каждым меня знакомили, каждый меня обнимал, приветствовал, иногда не по-русски. Я рассеянно улыбалась и кивала. Имена и лица смешались в сумасшедший водоворот и спутались в памяти.

Они принимали меня, как свою. Словно я давно жила среди них, знаю каждого не один день и с каждым успела поделиться секретом. Мне поставили раскладной стул, прямо там, у костра, в руки всучили алюминиевую тарелку с горячей похлебкой и ломоть ржаного хлеба. Похлебка, к слову, оказалась восхитительной. Мясной бульон, какая-то каша и крупно нарезанная картошка. Обедение!

Пока я ела, парень по имени Юлий — совсем еще подросток, лет шестнадцати, похлопывал меня по плечу и приговаривал:

— Ну надо же...

Дэн тоже уплетал за обе щеки, смотрел на меня исподлобья и посмеивался. Казалось, он был тут своим. Обычный хищный среди сольвейгов. Как я среди атли, только наоборот. Казалось, разница энергетик его ничуть не смущала — отвлекаясь от меня, он строил глазки Люсии, а она весело хохотала и обзывала его бабником. Наверное, радовалась, что понимала такое распространенное русское слово.

А я вдруг поняла, что мне невероятно легко здесь. Словно я нашла свое место — тяжесть упала с плеч, боль утихла, обиды затерлись, растворились в новых ярких впечатлениях, постепенно заменились образами смеющейся Люсии, непоседливого Юлия, лукавого Дэна, скромного и постоянно смущающегося Алексея — мужичка с дровами, как я его прозвала по себя. Он стоял в стороне и говорил невпопад, но от него исходила сильная волна тепла и участия.

Вот она — моя семья. Настоящая. Живущая странной жизнью отшельников, безумно позитивная и дружная. Место, где я не чувствую себя изгоем.

Почему же именно здесь я явно ощутила, как ноет в груди, выворачивает кишки тоска по людям, которые остались там, во внешнем мире? В том мире мне не место. Там боль и предательство. Там осталось прошлое, едва не сломавшее меня...

Почему именно здесь — где связь с тем миром истончилась, рискуя порваться навсегда — мне так не хочется его отпускать?

Дэн поставил тарелку на снег и поднялся на ноги, отвлекая меня от меланхолических размышлений. Лицо его стало серьезным, сосредоточенным, а в голосе явно читалось тепло, когда он сказал:

— Барт вернулся.

Я повернула голову — на поляне, с той стороны, откуда появились мы, из-за елок вышла компания из пяти мужчин. Они были одеты в фуфайки, а за спинами на кожаных ремнях у них висели охотничьи ружья.

Впереди странной делегации стоял раскрасневшийся Барт в черной вязаной шапке набекрень. Он улыбнулся и бросил на снег холщовый мешок.

— Думал, вы будете позже. — Посмотрел на меня ласково и добавил: — Добро пожаловать домой, Полина.

В мешке оказались зайцы. Мертвые, серые, со склоненной набок головой и испачканной

в крови шкуркой. Я поморщилась, когда Юлий доставал их и передавал Люсии. Барт же, не обращая внимания на мое замешательство, подошел и обнял за плечи.

— Освоилась?

— Немного. Тут все так... естественно.

— И неудобно, — кивнул он. — Особенно для привыкших к благам цивилизации.

— Ты поэтому говорил, что мне не суждено здесь жить?

— Поэтому тоже. Но не только. Идем, нам нужно о многом поговорить.

Барт увлек меня к самой большой, темно-синей палатке недалеко от костра. Скорее это была даже не палатка, а шатер — высокий, просторный и на удивление теплый внутри. Тепло давал современный керосиновый обогреватель, похожий на тот, рекламу которого я видела недавно по телеку в какой-то передаче для туристов.

— Условия жизни у нас не сахар, но мы привыкли, — сказал вождь сольвейгов, снимая коричневые вязаные перчатки и бросая их на «кровать». — Есть хочешь?

Я помотала головой.

— Меня покормили.

Осмотрелась. Две раскладушки, накрытые пуховыми одеялами, раскладной столик между ними, на котором стояла тарелка с печеньем и две чашки. В одной — недопитый чай «Липтон». Современненько...

— Мы уже месяц в Сибири. — Барт снял шапку, фуфайку и аккуратно положил их рядом с перчатками. Сам присел и указал мне на вторую раскладушку. Я послушно опустилась на нее. — Как ты, наверное, уже поняла, сольвейги кочуют.

— Из-за Альрика?

— Из-за него тоже. — Он поморщился. — Кому охота попасться в руки к сумасшедшему древнему экспериментатору? Слыхал я о его опытах...

— Да уж, — пробормотала я.

В шатре я быстро согрелась, поэтому тоже сняла куртку и сложила на коленях.

— То, что произошло с тобой, ужасно. Надеюсь, что смогу помочь, облегчить боль. Мы умеем это — помогать друг другу. Лечим души.

— Здесь спокойно, ты не врал, — призналась я. — Но я не дома.

— Дом — это не место, Полина. Дом всегда там, где душа, как бы пафосно это ни звучало.

— Я не смогу жить с атли, — сердито сказала я. — Ты можешь оправдывать Влада сколько влезет, но я не считаю его поступок правильным. Нельзя ломать людей. Калечить. Ради чего? Ради выживания?

— Некоторые люди формируют нас вовсе не для себя. Это стоит принять. История с драугром многому научит тебя. Опыт — большая ценность, и нужно быть за него благодарным.

— Возможно, это мудро — благодарить за боль, изменившую тебя. Но тогда выходит, что я не мудра.

— Я не тот, кто будет учить тебя прощать, — улыбнулся Барт, откидывая назад прилипшую ко лбу темную прядь. Его волосы растрепались и волнами обрамляли лицо, делая вождя сольвейгов похожим на Торина Дубощита. — Но у меня есть, чему тебя научить. Например, использовать свои способности, не теряя так много кена. Общаться с ясновидцами без дикого желания выпить их. Связываться со мной и Люсией, когда нужна будет помощь. Если вдруг решишь остаться во внешнем мире.

— Ценные умения, — согласилась я. — Но зачем помогать, если я уйду?

— Не все в этом мире продается и покупается, — напутственно изрек Барт. — Все вы дороги мне, каждого из вас я чувствую, но к тебе... — Он вздохнул и прикрыл глаза, словно то, что он скажет, будет роковым для нас обоих. — К тебе у меня особое чувство. Твоя судьба не будет простой — так сказано в книге. Но посмотри, сколько ты прошла, сколько пережила, и вот сидишь тут, говоришь со мной и ощущаешь себя нормальной. Ты выжила. Не сломалась. Полюби себя, Полина. Полюби себя сильную — ту, которой являешься. И увидишь, как все изменится.

— Попробую... — хрипло прошептала я, только теперь осознавая, что плачу.

Не знаю, отчего были те слезы. Может, оттого, что Барт пожалел меня, не жалея. Понял. Принял. Может, оттого, что не давил. А может, он сказал мне то, во что я уже, по сути, не верила — что я смогу пережить эту тупую, ноющую боль, которая превратила внутренности в кашу, отзывалась на каждый шаг, каждое движение. Боль, которую я старалась затереть физическими упражнениями, успокоительными отварами, разговорами ни о чем, но которая неизменно возвращалась в одиночестве. Особенно по ночам, когда не оставалось сил шевелиться, думать, отвлекаться. Тогда эта боль вливалась в душу мутным, едким потоком, медленно разъедала ее, сжигая по крупице.

Тут, у сольвейгов, та боль казалась ненастоящей. И Барт наверняка была прав — останься я, она окончательно вытравится милыми улыбками, участием, добротой и физическим трудом, которого тут было в достатке.

Но проблема в том, что мне не хотелось оставаться. Хотелось драться с ней — с этой болью — и победить. Быть той, кого описал вождь сольвейгов — сильной, решительной и любящей себя женщиной.

Хотелось жить.

Вечером того же дня сольвейги устроили праздник в мою честь. Было вино, жаренные зайцы, печеная картошка и музыка. Праздновали прямо там, у костра. Вокруг зажгли фонарики, запитанные от небольшого генератора, который прятался за палаткой Барта.

Я быстро захмелела и наблюдала, как танцует Люсия. Ее огненные пряди развевались, словно языки пламени. Сама она подпевала старенькому магнитофону, который, скрипя, все же выдавал популярную в девяностых песню про желтые тюльпаны.

В конце вечера я обнаружила себя сидящей, плотно прислонившись к Дэну, моя голова лежала у него на плече, а сам Дэн покачивался из стороны в сторону, восторженно смотрел на Люсию и подпевал уже ей, фальшивя и путая слова. Я поправляла его, и наши голоса сливались в нечто феерично безобразное, но нам было плевать. А Барт улыбался, глядя на меня через дымовую завесу от костра.

Проснувшись я в полумраке. Долго пыталась вспомнить, где я, а потом поняла, что нахожусь в палатке Барта на раскладушке, по подбородок укрытая теплыми одеялами. Было так уютно, что не хотелось вставать. Пахло костром, растворимым кофе и корицей.

Я нехотя поднялась и потянулась. Голова не болела, желудок призывно урчал, требуя завтрак. Я сунула ноги в теплые угли, натянула куртку, которая аккуратно лежала рядом на раскладном стульчике, и вышла из палатки.

Вокруг сновали сольвейги — с дровами, сумками, просто бежали по делам. Кипела жизнь, лишенная привычных благ цивилизации, с дикими для меня условиями. Жизнь людей, которых я не знала. А они, казалось, знали меня всегда. Как только увидели, замахали руками, заулыбались, а Люсия подошла и взяла за руку.

— Идти со мной, — сказала и настойчиво потянула в сторону елочек.

О, нет! Только не елочки. Тут же холодно, снег хрустит под ногами. Зима полным ходом.

Но, к моему удивлению, за елочками стояла еще одна палатка — цвета хаки. Внутри топилась печь — небольшая, я даже не знала, что такие бывают. От нее шел пар, наполнявший пространство, рядом с печью стояла низкая деревянная лавка.

— Здесь мы мыться, — сказала Люсия и указала на с ведро с вениками. — Раздеваться.

Биотуалет в каждой палатке, переносная баня в елочках — все же цивилизация везде. Впрочем, не уверена, что с интернетом тут так же хорошо. Скорее всего, Барт не одобряет излишнего общения с людьми. Если сольвейги вообще с ними общаются.

В бане я быстро разомлела. Люсия уложила меня головой себе на колени, перебирала волосы и приговаривала:

— Отпустить, отпустить тоска...

Когда я открыла глаза, увидела, что губы у нее не шевелятся, а голос все равно звучит у меня в голове. Потом мы хлестали друг друга вениками, хохотали, а после бани Люсия бросилась в сугроб — как была, в неглиже. Мы бежали босиком по снегу до ее палатки, там упали на лежанку, закутались в одеяла и грелись.

Люсия заварила чай из трав. Сказала, что собирала их на лугах в центре России, где они жили летом. Дар целителя ей достался от мамы — она была хищной из племени тали из США. Барт почувствовал Люсию еще до рождения, но родители уговорили его не забирать девочку сразу. Поэтому она росла с ними, втайне от тали в пригороде Солт Лэйк Сити до тринадцати лет, а потом сама изъявила желание примкнуть к сольвейгам. И ничуть об этом не пожалела. Люсия была их сердцем — ярким, горячим, трепещущим естеством племени светлых.

— Барт говорить, ты должна забывать, — сказала она, когда мы оделись и допили чай. — Научиться... как это по-русски? Отпустить?

— Отпускать, — поправила я. — Это сложно.

— Совсем нет, — ответила она, заплетая огненно-рыжие волосы в косу. Ее кожа — молочно-белая, гладкая, вопреки всем законам, придуманным природой для рыжих, не была испорчена ни одной веснушкой. — Ты выжить. Драугр уйти. Учиться понимать главное. Ты выжить — это главное.

— Ты знаешь мою историю? Полностью? Потому что иначе...

— Я видеть! — перебила Люсия, приставив указательный палец ко лбу. — Жить с тобой каждую ночь. Плакать с тобой. Нас связать боги. — Она вздохнула. — Но ты понимать, что главное — выжить. Есть цель. Ты, я, все мы.

— Возможно... Ты видела, что меня ждет? Если уйду от вас?

Она улыбнулась. Темно-серые глаза расширились от радости, и девушка кивнула:

— Там тебя ждать кто-то. Ты изменить его, он изменить тебя.

— Меня там никто не ждать, — передразнила я ее и рассмеялась. — Кроме Глеба.

— Твой вождь ждать тебя, — подмигнула она, тут же испортив мне настроение. Наверное, я не готова отпускать. Потому что воспоминания о Владе кололись до крови, бередили покрытые коркой раны и невероятно раздражали.

— Мужчины считать, они главные, — внезапно посерьезнев, произнесла Люсия. — Твои мужчины зависеть от тебя. Меняться. Так кто главный?

— Я не хочу быть главной, — вздохнула я. — Просто хочу, чтоб меня оставили в покое.

— Покой не для сольвейг, — улыбнулась она. — Сольвейг — всегда проблема.

— Наверное, так и есть, — согласилась я.

Следующие несколько недель прошли бурно. Днем я полностью выматывалась, помогая женщинам по хозяйству, а вечерами мы с Люсией сидели в ее палатке, держась за руки, и учились общаться без слов. Тогда мне казалось, я растворяюсь в ее больших серых глазах, проникаю в нее, а она проникает в меня. И когда она была во мне, то вычерпывала боль пригоршнями — методично и постепенно освобождаю душу, наполняя ее светом, спокойствием, умиротворением.

Иногда я говорила с Бартом, и он поведал мне легенды о первом сольвейге — сыне Лив и Гарди. Словно он, как и Первые, живет вечно и присматривает за нами из миров, вход в которые закрыт для смертных. И будто бы для каждого из нас у него есть миссия, которую он записывает в книгу предсказаний, что хранится у Арендрейта — первого жреца первого племени хищных, ар.

Барт иногда листает эту книгу во сне — в день, когда узнает о каждом из нас. К нему является Гуди — первый сольвейг и вещает о вновь найденном ребенке с помощью книги.

По воскресеньям мы с Бартом заходили глубоко в лес — в чащу, и он тренировал меня. Заставлял собирать кен в ладонях и выплескивать его так, чтобы ни капли не потерять. Чтобы все, что выходит из жилы, достигало цели. В другие дни я тренировалась одна или с Дэном, который часто нас навещал.

Ежедневные тренировки оказались не напрасными — от решения ударить до самого действия проходило несколько секунд, а не минут, как раньше. Била я метко — четко попадала в дерево с расстояния нескольких метров. И каждый удар не опустошал меня настолько, как раньше.

Рядом с сольвейгами я стала сильнее — не только морально, но и физически.

А однажды ночью меня разбудил Дэн, приставил указательный палец к губам, призывая на будить Люсию, и указал на выход.

— Что случилось? — спросила я, вылезая из палатки и натягивая куртку.

На небе яркими бусинами горели звезды. Вершины елок треугольными тенями украшали полотно цвета индиго. Вокруг звенела тишина — вливалась в уши, наполняла мозг и расслабляла.

— Идем, цивилизация ждет, — туманно ответил Дэн и взял меня за руку. — Пора познакомить тебя с парочкой ясновидцев.

Такие перемещения всегда молниеносны, но благодаря Мирославу, я немного привыкла к ним.

— Где мы? — по привычке шепотом спросила я и осмотрелась.

Мы стояли на тротуаре у небольшого одноэтажного домика среди других таких же. Проселочная дорога сворачивала влево и исчезала за поворотом, освещаемая ярким светом фонарей. Снега не было, асфальт был сухим, а тротуар засыпали пожухлые от холода листья.

— Мышцкое, — махнул головой Дэн, приказывая следовать за ним. Открыл ярко-синюю, не так давно покрашенную калитку, ведущую во двор. — Подмосковье.

Калитка нервно скрипнула, возмущаясь. Словно не хотела его пускать. В соседнем дворе истошно залаяла собака. Дэн обернулся почти у порога.

— Ну, ты идешь?

От дома веяло неприятностями. Даже не так. Все внутри меня протестовало, противилось тому, чтобы я вошла. Сам дом виделся опасным. Но ведь со мной Дэн. Барт

доверяет ему, а я доверяю Барту.

Я нерешительно вошла и аккуратно прикрыла калитку.

Краска на двери облущилась и выгорела. Железные перила покорежились ржавчиной. Казалось, тронь — и рассыплются. Дэн постучал три раза — каким-то особым стуком. Один длинный, два коротких. Азбука Морзе? Условный сигнал?

На небольшой веранде зажегся свет, а через секунду нам открыла женщина лет пятидесяти. Недобро зыркнула на Дэна, подозрительно покосилась на меня и буркнула:

— Деньги вперед.

Дэн нырнул во внутренний карман куртки и вытащил стодолларовую бумажку. Женщина еще раз посмотрела на меня — теперь уже оценивающе — взяла купюру и кивнула.

— Входите.

В доме было грязно. Разуться нас не просили, да и я бы побрезговала. Даже живая столько с сольвейгами, к чистоте относилась трепетно, а тут она была явно не в почете: затоптанный грязью пол, гора немытой посуды в алюминиевом тазу на табуретке, окурки на полу.

Его я увидела сразу. Щупленький, бледный, с лихорадочным блеском в глазах и спутанными волосами. Их, наверное, не мыли вечность. На вид подросток лет семнадцати. Тонкие черты лица, вытянутые в черту губы, длинный нос. И, тем не менее, он был невероятно притягателен. Ладони зудели — так хотелось коснуться.

Женщина постояла немного, глядя то на подростка, то на меня, а потом медленно пошла к выходу.

Она была человеком и понимала, что делает.

Мне стало противно. До одури жаль его — того, кто смотрел на меня со смесью страха и вожделения. Совсем еще мальчик, которого только что продали для эксперимента. Странно, но жажда утихла, сменилась жалостью, и я шагнула к нему.

— Не так быстро. — Дэн удержал меня за руку, встал между мной и мальчиком и покачал головой: — Мы же не хотим, чтобы он пострадал.

— Кто он? — спросила я, не отводя взгляда от темно-карих, блестящих, как у вороны, глаз.

— Меня зовут Егор, — сказал мальчик сиплым голосом. — Я умираю.

— У Егора рак. Лейкемия. Последняя стадия, — пояснил Дэн. — Его отправили домой умирать.

— И ничего нельзя сделать?

— Я не лекарь. Ты тоже. Ясновидцы болеют так же часто, как люди.

— Зачем мы здесь?

— Ты должна научиться контролировать себя, Полина.

— Привел меня к умирающему мальчику, заплатил деньги мамаше... не пойми куда она их потратит! Мы что же, платим им за кен? Ты в своем уме вообще?!

— Он добровольец. Ему нечего терять. Лучше найти того, у кого семья? Чтобы кто-то из его родных взбеленился, и родился новый охотник? Очнись, жизнь жестока. Он, — Дэн указал рукой на Егора, — знает, на что идет. Ему нужен морфий. Мать у него не особо чистоплотна, но сына любит. Понимает, кто он. Понимает, что скоро его не станет. И пытается, как может, облегчить ему участь.

Дэн вздохнул, подошел ко мне и положил руки на плечи.

— Знаешь сколько их таких — ясновидцев, что продают свой кен? А сколько тех, что готовы рискнуть за сумму поменьше? Уверен, твой вождь и сам пользуется их услугами. Как и твои соплеменники-атли. Как и я. Иначе сейчас не выжить. Охотники делают на нас бизнес, ясновидцы решили не отставать. Рыночные отношения, чтоб их! — Он сделал паузу и сказал уже мягче: — К тому же мы здесь не для того, чтобы ты пила. Наоборот, Егор научит тебя сдерживаться. Правда ведь, Егор?

Мальчик решительно кивнул и сел на кровати. Руки положил сверху одеяла, ладонями кверху.

Я покачала головой, отступила на шаг. Меня пробил холодный пот, колени затряслись.

— А вдруг не смогу? Не сдержусь? Что тогда?

— Сможешь, — уверил Дэн. — Гляди, сколько всего смогла. Барт говорит, твои успехи феноменальны. К тому же, тебе не нужно пить ясновидцев. А тяга — это просто инстинкты. Инстинкты хищной. Их можно сдержать. Даже я могу, смотри.

Он смело шагнул к Егору, присел рядом и взял его за руку. Парень смущенно улыбнулся и взглянул на меня.

— Нет, — упрямо выдавила я. — Если не сдержусь, никогда себе не прощу.

— Будешь сомневаться — никогда не попробуешь. Все через это проходили. Даже Барт. Ну же!

Я глубоко вдохнула и сделала шаг...

Ладонь у Егора была холодной и влажной. Когда я коснулась его, жила встрепенулась, требуя свое, заныла. Вены на руках горели, возник привычный зуд в ладонях.

— Просто представь, что твой отец был одним из них, — шепнул мне на ухо Дэн. — Просто представь.

Я закрыла глаза. Контролировать себя было практически невозможно, я чувствовала — еще немного, и не сдержусь. Подумалось, что тогда мне ничего не будет. Я просто выпью его и все. Егор сойдет с ума, а его мать сделает вид, что так и было. Потому что она сама продала его. Сама...

— Вот видишь, все ты можешь, — шепнул Дэн и расцепил наши с Егором руки. — Для первого раза достаточно.

Выйдя за калитку, я облокотилась о соседский забор. Ноги подкашивались, тело била крупная дрожь, а на лбу выступил пот, и я вытерла его рукавом.

— В порядке? — осторожно спросил Дэн.

Я подняла голову к небу.

— Курить хочу.

— Курить вредно.

— Общаться с ясновидцами вреднее — для психики, — резко ответила я.

Круглосуточный ларек мы нашли через двадцать минут. Жадно затянувшись, я присела на лавочку у чьего-то двора и посмотрела прямо перед собой.

— Неправильно, что они вот так продаются.

Дэн присел рядом, откинулся на спинку и закинул ногу на ногу. Выглядел он при этом спокойным и расслабленным.

— Такова жизнь.

— И часто ты их... покупаешь?

— Время от времени, — и глазом не моргнув, ответил он. — Это честнее, чем отбирать кен бесплатно.

— А деньги откуда? С таким графиком, как у тебя, работать сложно.

— Я фрилансер. Айтишник. Пишу на яве, поддерживаю несколько постоянных проектов. Работаю в основном по ночам. Деньги неплохие — на жизнь хватает, да и Барту могу кое-что подкинуть.

— Жизнь — дерьмо, — констатировала я, отлипая от лавочки. — Мы почти убийцы. Забираем у ясновидцев кен, и они сходят с ума. Но чтобы так цинично покупать чей-то разум...

— Они ведь продают, — пожал плечами Дэн.

— Бог мой, Даниил! — всплеснула я руками. — Ты видел этого мальчика? Он еле дышит, ему больно. Разве можно на таком спекулировать?

— А ты думаешь, почему я привел тебя именно к нему? — Дэн тоже встал и уже не казался таким спокойным. — Почему не к одной из тех девок, что продают не только кен, но и тело? Это стоит дороже, а если пообещаешь не пить из них, то тебе дадут большую скидку. Потому что ты здесь не для того, чтобы портить мальчика. И мать это понимает. Знаешь, сколько сольвейгов приходило сюда со мной? Люсия была здесь, когда Егору было десять — тогда он только узнал, что болен. Им нужны были деньги, Барт предложил взамен на риск. Но он давал матери слово, что ее сын останется нормальным, и, как видишь, сдержал.

— А если бы я не смогла? Если бы выпила Егора?

— Но ты уже смогла и не раз. Было еще два ясновидца, так ведь? И оба раза ты сдержалась.

— То была слабость... — Я опустила глаза.

— Нет, — твердо сказал Дэн. — То была сила. Твоя сила. Та, в которую ты не веришь. И знаешь, бесит это твое самокопание. Повзрослей уже!

— Ты... да ты... — вскипела я.

— Что? Ну что я? Не надоело себя жалеть? Пойди, ударь, если больно. Ты же боевик! Барт ставит на тебя. Будет обидно, если подведешь.

— Ставит? То есть у него на меня планы? Тоже?

— Он отпускает тебя. Никого до этого не отпускал. Понимаешь, чем он рискует? Там чертов Первозданный, и если проболтаешься...

— Я не скажу Альрику! Совсем сбрендил?

— Знаю, что не скажешь, — буркнул он и отвернулся. — Но есть другие способы узнать.

— Я не скажу никому, понятно, — обиженно проворчала я. — Думаешь, смогу, после всего... после того, как Барт...

Он вздохнул.

— Извини. Просто он для меня, как отец.

— Я не предам Барта, Дэн.

Он посмотрел на меня исподлобья и кивнул.

— Знаю.

— Ты сказал, что познакомишь меня с парочкой ясновидцев, но познакомил с одним.

— Верно. Второй будет другим. Из тех, с кем лучше не пересекаться хищному. И мы не будем подходить — посмотрим издалека. Знакомство с таким чревато для тебя последствиями.

— Какими последствиями? — насторожилась я.

— Ты можешь умереть.

— Что значит — умереть? — ошарашено спросила я, подавляя знакомый приступ

тошноты после перемещения.

На этот раз мы были в городе и довольно большом, если учесть ширину автострады и высоту многоэтажек. В нос тут же ударил запах бензина и выхлопных газов — неизменные спутники мегаполиса. Я отвыкла от них в лесу, где воздух настолько свежий, что больно вдыхать.

Мы с Дэном появились в проулке, ведущем во двор новостройки — в тени, рядом с изрисованной граффити стеной. Яркая абстракция — словно протест серости и тоске.

Дэн потянул меня ко двору, поясняя на ходу.

— Бывают такие ясновидцы, как... ну, положим, мухоморы. Сильные, красивые, но несъедобные. От них потом живот болит. Буквально. Черт, опоздали!

Он оттеснил меня и прижал к стене. В нос удалил свежий аромат одеколона, а щека прижалась к холодной плащевой куртке.

— Нельзя, чтобы нас заметили, — шепнул он мне на ухо.

Из подъезда вышли двое — один высокий худощавый мужчина в сером пальто до колен. Серые волосы коротко и по моде острижены, подбородок приподнят, походка — королевская. Второй — плотный, в теплой кожанке на меху, расстегнутой до пупка — семенил рядом.

Дэн проникновенно посмотрел мне в глаза и провел ладонью по щеке, делая вид, что полностью занят соблазнением, а я затаила дыхание и проводила ясновидцев взглядом.

— Тот, что в сером — Гектор, — шепнул Дэн и тоже повернулся.

Второй, коренастый, обогнал Гектора и галантно открыл ему дверцу белого «БМВ», припаркованного неподалеку. Гектор махнул рукой и, распахнув на ходу телефон-раскладушку, принялся что-то настойчиво объяснять в трубку. Положив ладонь на крышу авто, постукивал по глянцевой поверхности тонкими музыкальными пальцами.

Гипнотизировал, манил... Сладкий, сладкий кен. Близко, в нескольких метрах. Я мгновенно опьянела и неосознанно попыталась шагнуть в сторону ясновидца.

— Вот и я о том же, — прервал мои мечты Дэн и крепче прижал к себе. — Так он это и делает.

— Делает что? — Я облизнула губы, с сожалением наблюдая, как Гектор — сладкий, недостижимый Гектор — садится в машину, а второй, безымянный ясновидец закрывает за ним дверцу. «БМВ» тронулась, и Дэн меня отпустил.

— Приманивает хищных. Они пьют его, и он влияет на их будущее. Через кен.

— В смысле, влияет? — Я тряхнула головой, пытаюсь избавиться от остатков наваждения.

— В смысле творит его. Представит, например, что на тебя стена кирпичная падает — тебя обязательно пришибет чем-то.

— Ого! Жестко.

— Барт говорит, дочь Гектора выпили много лет назад. И он все ищет — в каждом убитом хищном видит того самого.

— Грустно, — вздохнула я. — Но как он восстанавливается? И откуда у него такой дар?

— Способность восстанавливаться — врожденная. А еще Гектор умный. Много где бывал, многому учился. Есть в мире еще несколько таких, Полина. Барт настоятельно рекомендует держаться от них подальше. Ну, и защиту он на тебя от таких поставит. Чтобы не тянуло выпить.

— Как тебя?

— Я бы не выдержал — точно сорвался бы, — кивнул Дэн. — Барт вовремя оказался рядом. И главное — доказать-то ничего нельзя. Хищный умирает не от разрушительного кена. Вернее, от него, но действие не отследишь. Обычные смерти — несчастные случаи, человеческие убийства, поножовщина, болезни.

— Поэтому никто не в курсе, — догадалась я. — О таких, как Гектор.

Дэн кивнул.

— И ты не трепись. Если он или подобные ему прознают, кто сливает информацию, все твоё племя уничтожат. И все знакомые племена.

Когда мы вернулись, у сольвейгов уже был день. Племя Барта погрузилось в будничную работу, ежедневную и монотонную. Вдали от проблем внешнего мира, от странных ясновидцев с аномальными способностями убивать хищных. Вдали от воспоминаний, царапнувших душу в цивилизации.

Хорошо было понимать, что от опасностей отделяют сотни километров и несколько слоев защиты.

Я поела и взялась помогать Люсии — мы собирали хворост для костра и слушали лес. Лес дышал тихо, едва уловимо, его дыхание заглушалось шорохом ветвей и хрустом веток под ногами. По верхушкам елок сновали белки — их было много, и я залюбовалась красивым, грациозным танцем рыжих хвостов. Никогда в жизни я не видела столько белок, как за последние недели жизни. Никогда не слышала столько тишины.

Вечером вернулся Барт и расспрашивал меня о наших с Дэном приключениях. Одобрительно кивал и много интересовался жизнью Егора. Похоже, ему действительно был безразличен мальчик. Когда я дошла в рассказе до Гектора, Барт нахмурился.

— Попомни мои слова, принесет он нам бед. Если только... — И замолчал.

— Если что?

— Нужно проверить кое-какую теорию. Но пока рано загадывать. Я поставлю на тебя защиту от влечения, а лучше сделаю амулет — он бессрочный.

— Спасибо.

— Ты уже решила, что будешь делать?

Я покачала головой.

— Знаю, что нужно вернуться, но вот куда? Да и точки ставить совсем не умею.

— Хочешь поставить точки?

— А разве не этим должны заканчиваться грустные истории?

Барт пошевелил длинной палкой угли в костре. Где-то далеко жалобно вскрикнул филин.

— Для тебя все только начинается, Полина, — загадочно ответил вождь сольвейгов.

А ночью мне приснился дом. Вернее, не сам дом, а Липецк. То ли я уже вернулась, то ли не уезжала. Во сне не было воспоминаний о Кире. Сон был темный, жуткий и чем-то смахивал на фильм ужасов.

Я иду по темному коридору штаба охотников. Шаги гулко отдаются эхом в пустом здании, помещение освещено лишь льющим из окна светом уличных фонарей.

Я знаю, куда идти. Даже понимаю, что там увижу. Это заставляет спешить, и я перехожу на бег. Бегу, не глядя под ноги, спотыкаясь и путаясь в длинной юбке.

Дверь в зал заседаний распахнута настежь. Свет выключен, но на трибуне, что в прошлый раз неприятно холодила ладони, горят свечи. Их пламя танцует, колышется, то удлиняется, то приседает, рождая в мозгу ассоциации со Средневековьем...

Но нет, не только свечи всему виной — в нескольких метрах от трибуны, привязанный за руки к перекладине, висит человек. Покрытый ушибами и порезами, ослабленный и, кажется, без сознания. Голова опущена, вены на руках вздуты, мышцы напряжены из-за натяжения веревок.

Рядом стоит охотник. Я помню его — именно от него мы с Мирославом убежали в Венген. На его лице — удовлетворение и злорадство, а в руках... О боги, это чертовы щипцы или что-то типа того!

Охотник хватает пленника за волосы и запрокидывает голову назад.

— Ну что, нравится, тварь?

Тошнота подкатывает к горлу, я зажимаю рот рукой и непроизвольно отступаю назад. Но поздно — тот, кто прячется в тени, на притаившихся у стены креслах уже заметил меня. Он встает, улыбаясь, а от его улыбки леденеют лопатки.

— Привет, Кастелла, — говорит Мишель и поворачивает голову в сторону палача и жертвы. — Хорошо, что пришла. Наказание должно быть полным.

Я невольно следую за его взглядом, наполняюсь страхом и отчаянием — чувствами, о которых давно позабыла. И словно со стороны слышу собственный стон...

Кровь на лице, кровь на полу. И моя собственная кровь гулким пульсом стучит в висках.

Он смотрит на меня, не мигая — жертва и мой палач. И этот взгляд гораздо ужаснее всех пыток на свете. И мне вдруг становится до одури страшно, что этот взгляд погаснет.

— Так нужно делать с теми, кто причиняет боль, — говорит Мишель, подходит к Владу и сжимает его подбородок. — Судить. И казнить.

Палач тем временем меняет щипцы на нож — большой, с длинным блестящим лезвием. Он скользит плавно, оставляя глубокие, ровные порезы.

Сердце гулко стучит о ребра.

Кровь стекает на пол.

Пламя танцует, превращая улыбку древнего в зловещую гримасу.

Я проснулась на полу, тяжело и порывисто дыша. Безбожно ныл ушибленный локоть. Лоб покрыла противная холодная испарина.

— Твою мать! — выругалась я и закрыла лицо ладонями.

— What's wrong? — Люсия подскочила и протянула руку, стараясь меня нащупать.

Я поймала ее ладонь и вздохнула:

— Прошное, чтоб его...

Глава 4. Ультиматум

— Уверена? — Ира присела на кровать и положила ладонь поверх моей сумки, словно я могла схватить ее и выбежать из квартиры, не попрощавшись.

— На все сто, — кивнула я. — Нельзя кормить внутренних демонов — так сказал Барт. Я ему верю. К тому же, я все еще атли, как и ты. Ты знаешь, что это значит.

— Пока ты не увидела тот сон, все было проще... — пробормотала она и отвернулась. — Боюсь, тебе будет тяжело в Липецке.

— Не будет, — уверила я. — Если боишься, поехали со мной.

— Я еще не готова драться со своими демонами. — Она убрала руку с сумки, как бы давая мне позволение уехать. — Тебя Дэн... подбросит?

— Так быстрее.

— Позвони, как только будешь на месте. Я изведусь тут.

Я улыбнулась и крепко обняла подругу.

— Меня там никто не съест, — пообещала и погладила ее по голове. — А ты здесь не балуйся без меня.

— К Евгению по пути?

— Заеду сама. Дэн не отмечается. Не уверена, что охотники вообще знают о его существовании.

Евгений — смотритель Москвы — был достаточно молод и невероятно толерантен к хищным. Авторитетом не давил, просто вел учет приезжих. Мы с Ирой отметились у него в день прибытия, он кивал и улыбался, затем позвонил Мишелю и получил подтверждение. Довольно бюрократичная система для мира, где все построено на кене.

Дэн, насколько я поняла, вообще не числился как хищный ни в одном городе ни в одной стране. Ну а что? Он одиночка, племени нет, обязательств тоже. Нет привязанностей, зато есть отличный дар. Благодаря ему Дэна не найдут. А если найдут, это будет уже совсем другая история...

Память заботливо подбросила картинку из снов, которые снились мне последние две недели — пыточная Альрика, довольное лицо Мишеля и Влад, подвешенный на перекладине. Истекающий кровью и медленно теряющий кен. Сны были один красочнее другого. Судили его за банальное питание на территории охотников. Наверняка палач Мишеля поймал на горячем.

Тут же проснулась навязчивая тревога за Андрея. Ведь именно он был смотрителем атли и должен был сообщать Мишелю об их проступках. Уверена, Андрей не стал бы сдавать Влада. Несмотря на странное положение вещей, сложившееся после войны, Андрей не мог настолько пропитаться цинизмом. А это значит, он тоже в опасности. Его могут судить за содействие хищным, подобное преступление, насколько я знаю, каралось жестоко. Смертью. Этого я точно не могла допустить.

Глебу я позвонила на следующий день после видения. Чтобы убедиться, что действительно видела будущее, а не настоящее, и Влада еще не казнили.

В тот же день вернулась в Москву. С сольвейгами попрощалась и слезно обещала вернуться. Хотя бы погостить. Люсия подарила мне несколько пакетиков с травами. Успокоительный отвар, сбор от простуды и, как она шепнула мне на ухо, то самое средство,

аналогов которого еще не придумали в медицине для хищных. Противозачаточное. Дающее стопроцентный результат.

Я покачала головой и закатила глаза, но она настойчиво сунула мне пакетик в руку и серьезно сказала:

— Пригожжаться.

Я была уверена, что оно мне не «пригожжаться», но подарок взяла, а провидицу поблагодарила. С ней мне хотелось расставаться меньше всего. А еще с Бартом. Он проводил меня до дома, где мы жили с Ириной и надел на шею амулет, защищающий от ясновидцев типа Гектора. Теперь-то я знала, что в мире много опасных существ, даже если они отлично маскируются под беззащитных. Барт крепко обнял и обещал за мной приглядывать. Наверное, с помощью Дэна.

Впрочем, я не хотела, чтобы они подставлялись из-за меня. Ни сольвейги, ни сам Дэн. Уверена, Мишель не пощадит моих друзей. Не знаю, что у него ко мне были за чувства, но явно нездоровые.

Именно поэтому я попросила Дэна подождать меня в квартире. Нужно было отметить у охотников, не к чему ему светился в Липецке. Хватит с меня других переживаний.

Они встретили меня в парке. У того самого памятника, что видела Люсия. В Липецке Дэн до этого не бывал, но у рыжей был дар ментально делиться картой местности. Такой себе мысленный навигатор. Ну а что, удобно — показал Дэну нужное место, и вот вы уже там. Весьма ценно для сольвейгов, так легче искать своих.

Заснеженный парк пустовал. Я попросила Дэна задержаться, и мы прогулялись до беседок. Тех самых, в одной и которых провалилась моя первая охота. Я посидела на лавочке, где жалась от страха Таня, и где Лёня искал радугу.

Так странно, почти ничего не осталось от тех эмоций. Они вызывали грустную улыбку и, казалось, отдавали горечью на языке.

До Достоевского мы добрались уже на такси. Каждая секунда в городе налипала на мозг воспоминанием, и когда мы вошли в подъезд, их было уже не счесть. Психика рисковала не выдержать, и я предусмотрительно заварила себе успокоительный отвар, который дала Люсия. Помогло — сердце забилося ровнее, а руки перестали трястись.

Я сильная, сказала себе. Выдержу. Вытравлю воспоминания о дружбе новыми — счастливыми и радостными. Ведь многое из того, что произошло со мной здесь, оставило в душе место для улыбки. Например, посиделки с Глебом, когда он пугал соседей матерными песнями под гитару. Редкие вечера, проведенные с Викой на кухне. Или вкусный чай с пирогами у Андрея.

Его голос слышать было безумно приятно. Охотник удивился, узнав, что я вернулась. Я сообщила, что заеду через час. Он должен был отвезти меня в штаб охотников, чтобы представить пред ясны очи зрителя города.

Впрочем, переживала я намного меньше, чем ожидала. Ни мебель в пропитавшейся пустотой квартире, ни вид из окна, ни знакомый запах помещения не вызывали замирания в груди и не учащали пульс.

Лишь понимание причин возвращения, необходимость ехать в ставший ненавистным дом, видеть людей, что легко наплевали на предательство, слегка корбило.

Но я все еще атли — это было мое решение. А значит, должна быть атли до конца. Не уподобляться. Не быть мстительной. Не отыгрываться на других за собственные слабости.

Признаться честно, что бы ни произошло у нас с Владом, я не хотела для него такой

участи. Какими бы извращенными не были его методы, он всегда боролся за мою жизнь, и я его жизнь разбазаривать не собиралась.

Да и давно пора решить для себя, выбрать будущее. Все же я не видела себя одиночкой, как Дэн, а среди сольвейгов не нашла места.

Барт говорил, все решится для меня внезапно, но мне верилось с трудом. Что может решиться, если выбор делать все равно мне? А чтобы сделать выбор, нужно взглянуть в глаза собственным страхам.

Что ж, я была готова.

В подъезд Андрея вошла полная решимости разрулить проблему быстро. Раз вернулась, нечего сомневаться. Мишеля видеть не хотелось, но таковы реалии нашего мира — я просто обязана сообщить о возвращении. Охотники зациклились на контроле, а если добавить к этому личную помешанность на мне зрителя Липецка, то отвертеться точно не получится.

Квартира Андрея встретила запахом свежееиспеченных блинов. Хозяин пригласил меня внутрь и порывисто обнял. Я поморщилась, пытаюсь подавить давно забытое чувство тревоги, он отступил на шаг и пробормотал:

— Извини.

— Ничего, — нервно улыбнулась я. — Давно не обнималась с охотниками.

— Проходи, покормлю, — сказал он и кивнул в сторону кухни.

— Мы не спешим? — улыбнулась я, стягивая сапоги. — Мишель не заругает?

— Подождет, — уверенно бросил Андрей через плечо и скрылся на кухне.

— Чай? — спросил, когда я смущенно присела на край стула.

Я машинально кивнула и осмотрелась. Казалось, здесь ничего не изменилось — те же занавески на окнах, приближенная к стерильности чистота, вкусная еда и уют. Хотя... кое-что все же было.

— Ты живешь с кем-то? — спросила я, кивая на розовый шелковый халатик, брошенный на спинку стула.

— Нет, она просто... бывает здесь, — ответил охотник и поставил передо мной чашку с ароматным чаем. Подумал секунду и добавил: — Женщина.

— Я поняла, — улыбнулась я. — Человек?

— Нет. Ясновидица из местного клана.

Упоминание о ясновидцах тут же испортило мне настроение.

— Надеюсь, ты за ней хорошо приглядываешь.

— Ты о чем? — озабоченно спросил Андрей и присел на соседний стул. Машинально придвинул ко мне тарелку с золотистыми блинами. Аппетит пропал, а кухня зрителя атли перестала казаться такой уж уютной. Захотелось обратно — в лес, к сольвейгам.

— Что у вас творится в городе? Говоря «у вас», я имею в виду...

— Атли, — закончил он за меня. — Ты поэтому вернулась?

— У меня было видение. Ты ведь не покрываешь Влада?

— Что ты имеешь в виду?

— Он много питается, верно? А ты зритель племени.

— Я не имею никакого отношения к делам Влада, Полина, — резко ответил он. — И пристально слежу, чтобы в городе ясновидцы были в безопасности.

— Но в остальном позволяешь ему вольности, — не унималась я.

— Этот порядок глуп! — вспыхнул он. — Я не цепной пес, чтобы следить за твоим

вождем. А некоторые... представители моего вида торгуют кеном добровольно. Некоторых сдают сами охотники, чтобы поиметь больше денег. Это система, которую негласно одобряют древние. Хищным нужно питаться, а охотники хотят денег.

— Негласно, — согласилась я. — Это все равно незаконно.

— Чего ты от меня хочешь? — устало спросил он. — Чтобы я запретил Владу питаться? Серьезно думаешь, я могу ему запретить?

Я вздохнула.

— Не думаю. Но Мишель пасет его, как пить дать! Не тот он человек, чтобы просто забыть.

— Он вообще не человек, — согласился Андрей. — Зря ты вернулась.

— Я еще ничего не решила. Но пока я атли... Впрочем, ты знаешь законы.

Я ела, Андрей молчал и о чем-то сосредоточенно думал. Блины были на редкость вкусными, но все равно осели в желудке камнем.

Пока я обувалась, охотник говорил по телефону в комнате. Слов я не разобрала, но тон разговора был серьезным и деловым. Затем он тоже оделся, механическим жестом проверил содержимое карманов и достал ключи.

— Едем?

Я кивнула.

Чувство тревоги росло в геометрической прогрессии, к нему подмешивалась неприязнь и нежелание видеть древнего. Хотя я понимала, что это неизбежно. Просто нужно собраться и выглядеть перед Мишелем уверенной и непоколебимой.

К штабу охотников мы приехали ближе к четырем часам вечера. Небо заволокло тучами — низкими, снеговыми. Январский воздух наполнился тяжестью и вдыхаться решительно не хотел.

Мы преодолели крыльцо и холл, но, вопреки моим ожиданиям, Андрей повел меня не в зал совещаний, а в маленький уютный кабинет Альрика. Мишель сидел в том самом кресле, в котором в прошлый раз распивал коньяк Первозданный. Похоже, Альрик оставил его тут за главного. Интересно, где он сам?

Когда мы вошли, древний хмурился, уткнувшись в планшет. Поднял глаза и повелительным жестом пригласил присесть на диван. Несколько минут еще пялился в экран, затем отложил планшет, сложил руки на груди и вздохнул.

— Итак, ты вернулась.

— Как видишь, — невозмутимо ответила я.

— Надолго?

— Это важно?

Бровь древнего удивленно приподнялась, словно я сморозила какую-то глупость.

— Я смотритель города, если ты забыла.

— А я — атли. — Сделала многозначительную паузу и язвительно добавила: — Если ты забыл.

Наверное, не стоило его злить. Наверное, просто нужно было послушать, что он скажет. Кивать и улыбаться. Ведь от Мишеля, по сути, зависел исход жизни Влада, а ради этого я, собственно и вернулась, но... Я просто не смогла сдержаться. Самоуверенное лицо древнего, гнилая система правления охотников, в которой те, кого они защищали, имели меньше прав, чем до войны, просто снесли мне крышу.

— Вот как? — Мишель даже поднялся, всем видом показывая, как его задела моя

дерзость. — В последние месяцы ты это незаметно выражала.

— Это мое дело. Мое и моего вождя.

— Да-да, как же. Ваши... хм... взаимоотношения весьма интересны.

— И они никоим образом не касаются тебя, — с вызовом произнесла я. — Насколько я знаю, Влад исправно платит налоги.

Древний улыбнулся. Недобро, хищно.

— Ты, наверное, забыла о субординации в Москве, Кастелла. — Он сделал шаг ко мне и вздернул подбородок. — Когда я настоятельно что-то рекомендую, это призыв к действию, а не к размышлениям. Перед отъездом я говорил, что ты должна уйти из атли.

— Это мне решать! — перебила я и тоже встала. — Я здесь для того, чтобы обозначить свое присутствие. В Липецк я вернулась надолго, и тебе нужно это принять. Хотя, признаться, по тебе я не скучала.

— Ты права, решать тебе, — неожиданно мягко произнес Мишель и тепло улыбнулся. — Возможно, я слишком резко выразился, извини. Время покажет.

Поведение охотника обескуражило и сбilo с толку. Слишком быстро у него поменялось настроение. Словно он знал что-то, чего не знала я. Или чувствовал. Впрочем, среди охотников провидцев не бывает. Их дар умирает после того, как приходит благодать.

На улице, пожившись от холодного ветра, я расстегнула куртку и сжала амулет Барта. Словно он мог помочь мне чем-то. Или защитить.

— К атли? — глухо спросил Андрей.

Я вынырнула из тревожных мыслей и кивнула. Пора покормить своих демонов. А затем избавиться от них.

Я не стала никому звонить. Даже не знаю, почему. Скорее всего, боялась дать задний ход. Развернуться и бежать в Сибирь, к Барту. Чем ближе мы были к дому, тем ярче разгорался страх перед прошлым. Почему-то подумалось, что Герда может встретить меня на пороге и провести экскурсию в наполненный остывающими телами дом.

Но Андрей спокойно вел машину, и я понимала, что этот путь он преодолевает часто, возможно, чаще, чем раз в месяц. Смотрители общаются с племенем. Наверное, у хищных скоро атрофируется страх к охотникам. А зря. Что-то подсказывало мне, что эта власть долго не продержится. Будет новая война, новые смерти.

После гибели Первозданных изменилось нечто важное в нашем мире, и ничего уже не повернуть вспять. Придется адаптироваться, а это я умела плохо.

Дом атли ничуть не изменился. Все такой же высокий, гордый, статный, принимающий лишь избранных. Ворота перед нами величественно разъехались, впуская внутрь. Подъездной путь вился среди заснеженных клумб и горящих холодным светом фонарей. Крыльцо молчаливо встретило покрытым инеем козырьком, переливаясь всеми оттенками сиреневого. Два больших уличных светильника разлили на полу огромные пятна света, рассеивающиеся по краям и заползающие на дверь.

Андрей за всю дорогу к атли не проронил ни слова. Был предельно сосредоточен и молчалив. Дверь открыл сам и, не пропуская меня вперед, решительно шагнул внутрь.

Ну, конечно же, он тут в своей среде. Это я отвыкла. От внезапных ежемесячных визитов охотников, от необходимости кланяться и подчиняться, от советов, где почти шепотом решалось, кто питается в этом месяце.

У сольвейгов ничего этого не нужно было делать. Был просто лес, костер, общение. Была Люсия, рядом с которой разливалось тепло, окутывал покой, и хотелось улыбаться.

Барт, неизменно приносящий уверенность и ласку. Неугомонный Юлий, от шуток которого к вечеру болел живот, а щеки ныли от безудержного смеха. Скромный Алексей, добрый, щедрый, великодушный. Он мастерил защитные амулеты и дарил их сольвейгам. Мужчина-защитник. Чудно.

От дома атли веяло холодом. То ли оттого, что январь в этом году выдался холодным, то ли мои внутренние радары уловили некую отчужденность. И в то же время давно знакомое, забытое чувство принадлежности накрыло с головой, обескуражило, сбilo с толку. Это все связь. Чем я ближе к племени, тем она сильнее. Ничего не поделаешь, хищные все это переживают.

В гостиной нас встретила Лара. Как всегда, ослепительно красивая, с безупречной укладкой, одетая в обтягивающие леггинсы и свободную тунику. Защитница, видимо готовилась сказать что-то колкое Андрею, но, увидев меня, тут же замолчала. Катя поднялась с дивана и жеманно прижала ладони к груди.

Умею я произвести впечатление, ничего не скажешь. А главное, сразу чувствуется, как тут мне рады.

— Поля! — услышала я из-за спины радостный голос и тут же утонула в крепких, удушающих объятиях. Почему-то смутилась и постаралась высвободиться. Тщетно. А с виду такая хрупкая девушка, откуда только силы берутся?! — Польша, как же я рада, что ты вернулась! Я звонила тебе, писала. Ты читала мои сообщения в фейсбуке? А вконтакте?

— Я там... редко бываю, — буркнула я, наконец, выбираясь из цепких рук сестры. — Привет, девочки.

Лара приподняла бровь, а Катя сложила руки на груди. Ну прямо верх радушия!

— Тебя подождать или ты останешься? — спросил Андрей.

Видно было, что ему некомфортно тут. Казалось, за время, проведенное у сольвейгов, я научилась читать не только их эмоции. От Андрея сейчас исходила сильная волна неприязни, но кому она предназначалась, я так и не смогла понять.

— Поезжай, я потом вызову такси. — Я взял его за руку и, не обращая внимания на окружающих, крепко обнял. На этот раз тревогу подавить удалось быстрее, я даже не вздрогнула. — Спасибо за все.

И тут же поймала коронный взгляд Лары. По некоторым вещам просто невозможно соскучиться, но по этому ее взгляду а-ля «посмотрите на эту чокнутую» я реально скучала. И по нашим перепалкам, по Глебу, по доброму Кириллу, по застенчивой Лине.

Но среди вещей, за которыми невозможно соскучиться, были лицемерные объятия раскаявшейся сестры. Рита снова стиснула меня так, что перед глазами потемнело.

Честно сказать, я не знала, как на нее реагировать. Гораздо лучше было, когда она обнимала Влада, а меня ругала за неподобающее поведение. Вот если бы наехала за долгое отсутствие, я бы почувствовала себя комфортнее. А она захлебывалась тихими «прости» и заглядывала в глаза взглядом побитой собаки.

Я невольно отступила на шаг и подавила дикое желание отряхнуться.

— Не стоит... Все в прошлом.

Ничего не было в прошлом — в этом доме я это отчетливо понимала. Тяжесть оказалась темной, прилипчивой, как Рита, оседала на плечах, туманила взгляд и вдыхалась вместе с кислородом.

— Ты голодна? Я могу приготовить, — пискнула Рита и почему-то стихла. Посмотрела вверх и опустила глаза. Я проследила за ее взглядом, сердце на миг замерло, а затем

пустилось галопом. В груди стало горячо, даже жарко. На глазах выступили предательские слезы.

— Глеб...

Он спустился быстро — казалось, в секунду. И тут же меня обнял. Это были другие объятия — плотные, теплые, подавляющие. Словно он действительно хотел меня придушить. Я замерла, не понимая, как реагировать на него — отчаянно открытого и родного. И буквально кожей ощущала неприязнь Кати.

— Не позвонила даже! — обиженно бросил он и выпустил меня. — Давно приехала?

— Сегодня. Отметилась у Мишеля и сразу к вам.

— Ты такая... прямо ух! — Глеб восхищенно осмотрел меня и повернулся к Рите. — Я говорил тебе.

Что он там говорил, я так и не поняла. К нам подошла Катя, фальшиво мне улыбнулась и резко сказала Глебу:

— Можно тебя на минутку?

— Давай позже, — не сводя с меня взгляда, ответил он.

Черт, кажется, я спровоцировала скандал. Странно как-то, ведь меня несколько месяцев не было, и ревновать его абсолютно беспочвенно. Особенно если учесть, что когда-то мы уже пробовали, и все это окончилось дружбой.

Но от Глеба я на всякий случай отступила и мило улыбнулась Кате в ответ.

— Ты навсегда вернулась? — спросила Лара и грациозно подошла к бару. Манерно провела указательным пальцем по крышке графина, делая вид, что задала вполне будничный вопрос. А мне почему-то показалось, что этот вопрос значит для нее намного больше, чем защитница хочет показать.

— Не уверена, что вернулась, — уклончиво ответила я. — Во всяком случае, в этот дом. Влад дома? Мне нужно с ним поговорить.

— Кто бы сомневался! — выдохнула Лара и замолчала.

Количество ревнивых девушек-атли на один квадратный метр явно зашкалило. Я не готова была к эмоциям такого плана, ведь действительно ни на что не претендовала. А та, кто имеет право высказываться подобным образом, осталась в Москве и вообще никогда себе этого не позволяла.

Вот почему мне обязательно по кому-то скучать? Нельзя собрать всех близких людей в одном месте, отгородиться от мира и забить на все?

— Он поехал к очагу, — глухим голосом ответил Глеб. — Он в последнее время туда зачастил.

— Хорошо, — сказала я, ни к кому не обращаясь. — К очагу, так к очагу.

— Тебя подвести? — предложил он.

Я бросила мимолетный взгляд на Катю — та отошла к окну и нахмурилась. К черту! Он мой друг, почему я должна бояться это показать?

— Отвези, — кивнула я и направилась к выходу.

Этот дом слишком сложный для меня, особенно после того, как я научилась смотреть на мир проще. Незачем тут задерживаться.

На улице вернулась уверенность. Казалось, даже земля стала тверже — пол в гостиной атли покачивался, как палуба корабля, попавшего в шторм. Так и норовил подставить подножку и уронить.

Глеб закурил и облокотился о перила крыльца. Протянул мне пачку, но я помотала

головой.

— Бросила.

Стала рядом. Глеб напряженно курил и смотрел вдаль.

— Злишься?

— Ты не звонила. Не писала. Даже смс. Я думал, ты там навсегда, со своими сольвейгами. — Глеб воровато оглянулся, видимо, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает. — А ты тут. Возвращаешься неожиданно, приходишь к атли... Зачем? Себя помучить?

— У меня было видение.

— Ты могла позвонить.

— Говорить по телефону после того, что произошло? Сделать вид, что все в порядке и что меня ничего не волнует? Я могла не звонить вообще! И не приезжать.

— Не смогла бы, — криво улыбнулся он.

— Пришла пора решать...

— Нет! — оборвал он меня. — Не говори, что вернулась, чтобы отречься. Лучше бы вообще не приезжала.

— Я и не говорю, — ласково сказала я. Погладила его по плечу. — Между нами ничего не изменится, Глеб.

— Уже изменилось.

— Не хочу так думать, — упрямо произнесла я. — Ты дорог мне, как никто.

Он вздохнул и закурил вторую.

— Что ты видела?

— Влада в пыточной Мишеля. И охотника, с которым ты дрался в гостиной. Ну, того, жуткого, помнишь?

— Это Марк, он иногда приезжает с Андреем. Реально фанатик. Если бы не законы, убил бы нас, не раздумывая. Впрочем, это не мешает ему в открытую торговать ясновидцами. Марк — любимчик Мишеля.

— Теперь понимаешь, зачем я приехала?

Он покачал головой.

— Я могу сказать Владу. Зачем себя мучить? Ты же увидишь его и сломаешься.

— Не сломаюсь, — уверила я. — Сольвейга невозможно сломать.

Сверкнув фарами, у ворот затормозило такси. Привет, цивилизация, я скучала!

До очага мы добрались быстро — минут за двадцать. За это время успели обсудить с Глебом последние события у атли: и постоянные терки с Мишелем, и слежку, и отношения с альва. Мирослав всерьез задумывался о том, чтобы вернуться в Тверь, а в Липецк со дня на день должны вернуться скади.

Да уж, перемены значительные. Жаль, что я не могла рассказать Глебу о сольвейгах. Все же он был моим лучшим другом. Хотелось бы верить, что он им и остался.

Машина затормозила у закрытой калитки, и Глеб вручил мне ключ. Свой я оставила на Достоевского. Вот балда, даже не подумала. Впрочем, я-то надеялась найти Влада у атли.

— Справишься или с тобой? — тревожно спросил Глеб.

— Справлюсь. Придержи такси.

Я вышла и тут же утонула сапогами в глубоком, рыхлом снеге. Мороз щипал кожу, злой ветер полыхнул по щекам, растрепал волосы. Машина Влада стояла неподалеку — в нескольких метрах. А чуть поодаль, за забором, в неприметном на первый взгляд, но таком

значимом для атли строении горел свет...

Я шагала осторожно, стараясь не поскользнуться и не рухнуть в сугроб. Дышала размеренно и методично. Вдох-выдох, вдох-выдох. Кулаки сжала и сунула руки в карманы. Тщетно — все равно ладони промерзли до костей. Слушала скрип снега под ногами и стук собственного сердца — оно билось, как загнанное животное, громко и глухо.

Мыслей не было. Приготовленной заранее речи — тоже. Эти речи никогда не пригождаются, так толку придумывать слова?

Лампочка у входа угрожающе качнулась, метнув мою тень в сторону. Половица крыльца жалобно скрипнула под ногами, дверь зашуршала и поддалась...

Я была внутри. В средоточии племени атли. Где десятками лет смешивалась кровь и кен хищных. Где проводились ритуалы, посвящались и отрекались, венчались, соединялись и разрывались связи атли. Веками. Место, впитавшее и мой кен тоже. Мою кровь. Мои слезы.

Вокруг горели свечи, превращая комнату в волшебную, таинственную пещеру. Свечи были повсюду — на полу, на высоких подставках и низких, в подсвечниках и просто на полу. У входа распространяла приятный сандаловый запах глиняная аромалампа. Усиливала магию источника силы.

И я поняла, куда именно меня влекло с того самого дня, как уехала. Я и это место — связаны. Равно до тех пор, пока я атли...

Я закрыла дверь и выдохнула. Вздох эхом разнесся по комнате и затаился в углах. Голова закружилась от близости очага, противоречивых воспоминаний и Влада, которого почему-то в комнате не было.

Зато был он. Камень. Неизменный атрибут очага. Завороженная, я шагнула к нему, провела рукой по прохладной, шершавой поверхности.

Сзади громко стукнула дверь, и я обернулась.

— Ты...

Голос хриплый, сдавленный. Пробирает до костей сильнее, чем холод. Мир сдувается медленно, но верно, превращаясь в небольшой шарик. И тут же становится душно.

Я молчала. Не знала, что сказать, да и нужно ли? Я уже и забыла, как все остро рядом с ним. И почему-то подумалось, что это меня и привлекало — острота ощущений. Как мотылька на огонь. Жизнь кажется ярче, насыщенней. И опасней. Яркость и опасность всегда ходят вместе.

— Когда вернулась? — Тот же хриплый голос, только уже не такой растерянный. Влад всегда умел быстро собраться.

— Сегодня.

Он так изменился. И дело даже не во внешности, не в непривычной трехдневной щетине, которая все равно была ему к лицу, не в рассыпавшихся беспорядочно светлых волосах. Было что-то во взгляде — незнакомое, новое. И на плечах — незаметное для других бремя, которое безбожно давит.

Вдруг захотелось потрясти его и крикнуть в лицо: «Зачем, ну зачем ты это сделал?!», но я, конечно же, не стала. Все в прошлом. Мне новой, измененной философией сольвейгов, должно быть все равно.

Влад прислонился спиной к двери. Прожигал взглядом, и мне подумалось: хорошо, что он далеко стоит. Эмоции находили волнами, смешивались в невообразимую кашу — облегчение, злость, обида, радость. Они кружили вокруг меня разъяренным вороньем, так и норовя заклевать насмерть.

Скажи ему. Скажи и уходи, Полина. Это же так просто.

Просто не было. И не будет никогда. Но Барт предупреждал, говорил, я выдержу.

— Ты уехала и даже не дала объяснить, — обиженно сказал Влад, оттолкнулся от двери и сделал шаг навстречу. Потом замер, будто побоялся, что от излишней активности я сбегу, телепортируюсь или испарюсь.

А я растерялась. Ждала ведь чего угодно — злости, холода во взгляде, обвинений. Но не обиды. Не открытости. Влада редко можно увидеть открытым, для этого его нужно застать врасплох. Как сейчас, наверное, и вышло. Он быстро придет в себя и наденет привычную маску всезнайки.

Поэтому я отвернулась и сделала вид, что изучаю текстуру ритуального камня.

— Поступки всегда говорят лучше слов. Точнее — доходчивей.

— Поступки имеют причину, — возразил Влад. — Всегда. Мои тоже.

— Хочешь поговорить о причинах? — горько усмехнулась я.

— Хочу, чтобы ты поняла.

— Зачем?

— Ты же хотела знать, разве нет?

Я закрыла глаза. Ладони приятно холодил камень. Это приносило облегчение, потому что жар в груди усилился, спустился вниз и затронул жилу.

— Говори.

— Все началось, когда ты жила у меня. Тогда Герда впервые явилась, заставила вспомнить... В прошлой жизни я не отличался разборчивостью. Она просила найти для нее сольвейга, а тогда я уже знал, понял, что ты не просто хищная. Особенный кен замечен за версту. Герда хвасталась способным адептом, назвала его имя. По глупости, наверное. Или Тан не говорил ей, что мы знакомы. И я понял, что ты не спасешься, если останешься со мной.

— Я и так не спаслась.

Он кивнул.

— Тан все же нашел тебя. Наверное, радовался — ведь и ты, и атли находились в одном месте, не нужно было метаться.

— И тогда ты решил, что можешь... — Я не договорила. Жгучие слезы царапали горло, а я пыталась их сдержать.

— А что я должен был делать? Убедить тебя пойти на это добровольно? Тогда я еще не знал, что ты — атли.

— А если бы знал, обязательно использовал внушение, — с горечью закончила я за него. Ногти произвольно царапнули жертвенный камень. Мы навеки связаны — я и эта глыба, окропленная моей кровью.

— Использовал бы, — без промедления ответил Влад. — Иначе ты посчитала бы меня психом. Убеждать времени не было, да и твоя реакция всполошила бы колдуна. Ведь он затаился поблизости. Знал, что я его пасу.

— А потом? — безэмоционально спросила я. — Почему отпустил?

— Не думал, что сбежишь. Ты была слаба, кен в жиле еле теплился. Тогда я еще не знал, насколько быстро восстанавливаются сольвейги. Да и Лара вернулась из Австрии. Так не вовремя...

— Когда ты решил просить Альрика? До или после ритуала? — Я развернулась и резко посмотрела на Влада. Хотелось ударить его снова — как там, на берегу Дуная. Сделать

больно. Так же, как больно сейчас мне. Барт учил отпускать, но, похоже, я так и не научилась.

— После, — и глазом не моргнув, ответил Влад. Взгляда не отвел. Он никогда его не отводит. Даже сейчас считает, что прав. — Целью ритуала было ослабить тебя и найти великую мощь, о которой пишут летописи. Банально — получить кен и знания. Ты бы не умерла — сольвейги крепкие, нужно вылить много кена, гораздо больше, чем требует ритуал. Я искал пророчицу. Другую. Даже нашел, в Штатах, но появился Андрей и все мне испортил! Я спугнул Линду. Неважно... Я всегда умел принимать трудные решения, ты была одним из них. Потом уже, когда я пытался отдышаться, когда начинал осознавать, что произошло, Альрик сам нашел меня и предложил...

Я закрыла глаза и снова отвернулась. Боги, как же я заблуждалась в прошлом! Маленькая девочка, вовлеченная во взрослые игры, выигрышем в которых стала моя жизнь.

Странно, но осознание этого не причиняло боли. Совсем. Я все прекрасно понимала — причины, мотивы, побуждения. Каждого из них. Даже Альрика.

— Она вцепилась в меня, как клещ! — воскликнул Влад и шагнул ко мне. Я вздрогнула, и он остановился. К сладкому запаху сандала примешивался другой — давно забытый, ванильный. — И в тебя, между прочим, тоже. Каждую ночь приходила во сне и приговаривала использовать. Скажи я ей, что против, другой адепт не отказал бы. Магия драугра, даже с поврежденной жилой, сильна. Да ты и сама знаешь. Так что, по-твоему, я должен был сделать?

— Сказать мне, — прошептала я. Громко выдохнула, едва сдерживая истерику. — Ты должен был сказать мне еще тогда. Позволить мне решать. Мне! Это моя жизнь. Не твоя, не Альрика и уж тем более, не древнего подлого существа, которое я даже женщиной назвать не могу. В любой момент ты мог осознать свою ошибку и сказать...

— Ошибку?! — взорвался он. — Ты жива, а драугр там, откуда не вернется никогда. И это, по-твоему, ошибка. Ты жива...

— А ты кто — бог — решать, кому жить, а кому умереть?! — выкрикнула я, и слова эхом отразились от выбеленных, немых стен. Пламя свечей качнулось, тени закружились в причудливом танце, делая это место еще таинственнее. — Ты даже не понял, что именно сделал. Заставил меня поверить, что она...

Я опустила глаза. Бороться с собой практически не могла, и мне вспомнился Барт. Шершавые руки, теплый взгляд, доверие и доброта. То, чего у нас с Владом никогда не было. То, что помогло мне встать с колен. Стоять здесь и чувствовать себя живой. Раненой, истерзанной чужими поступками, но живой.

— Впрочем, и не поймешь.

— Я не мог сказать. Альрик запретил. А он, если ты не в курсе, умеет читать мысли.

— Это неважно, — устало произнесла я и потеряла виски. — Все в прошлом.

— Зачем ты вернулась? — глухо спросил он.

— Не знаю, — честно призналась я. — По большей части из-за видения, наверное. Все же я не палач, Влад.

Он повернулся снова и посмотрел недоверчиво.

— Видения?

— Ты слишком много питаешься. Настолько много, что Андрей уже не в состоянии прикрывать тебя. Так ведь?

Он не ответил — смотрел на меня все так же прямо и пристально.

— Игры с Мишелем тебя погубят. А вместе с тобой и Андрея. Со своей жизнью делай что хочешь, но своих друзей я подставлять не позволю.

— Андрей согласен, что охотники — беспредельщики! — резко выдохнул Влад. — Да и не знает он обо всем. Все же он ясновидец в прошлом.

— Охотники правят миром, смирись. Мы проиграли войну и должны признать новую власть. Ты сам так говорил, что изменилось?

— Многое. Появились союзники. Планы. Знания. Охотники не так сильны, как кажутся. Я покачала головой.

— Твои планы однажды тебя погубят, Влад Вермунд.

— Тебе разве есть дело?

Он горько усмехнулся, и у меня почему-то защемило в груди от этой усмешки. Знакомое чувство. Неправильное. Нужно было подольше побыть у сольвейгов — там все предельно ясно. И спокойно.

— Есть, раз приехала сказать тебе лично.

— Поля... — Влад сделал еще шаг ко мне, воздух сгустился, голова закружилась. Слишком много эмоций. Нужно домой, отдохнуть и подумать.

Я выставила руки вперед, призывая его остановиться.

— Это ничего не значит. Совсем. Я все еще атли, и сообщать о видениях — мой долг. Не уверена, что так будет и дальше, так что не дави на меня.

— Хорошо, не буду.

Надо же. Так сразу согласился. Не спорил, не пререкался. Возможно, стоило раньше уехать?

— Что ты видела? — тихо спросил Влад.

— Тебя в пыточной у Альрика. И Мишеля, руководящего процессом. Уверена, он мечтает, чтобы ты там оказался быстрее. Будешь питаться — там и закончишь.

— Это все? Никаких опасностей для атли?

Я помотала головой.

— Хорошо.

— Я домой. Устала.

— Тебя отвезти?

— Не стоит. Меня Глеб ждет.

На улице было холодно, даже слишком. Мороз опалил щеки, и я подняла воротник, пряча под него уши. Ноги утопали в колючем, хрустящем снеге, отражающем по-летнему яркие звезды и полную луну.

На выходе, у калитки меня ждал Дэн. Окинул насмешливым взглядом и сказал:

— Думал, вы там на всю ночь застряли. Тут, между прочим, холодно...

— Что ты здесь делаешь? — Я тревожно огляделась. — И где Глеб?

— Я сказал, ты позвонишь ему позже. Ну и наврал, что я из сольвейгов — для таинственности. В какой-то мере так и есть. Видела бы ты его лицо...

Я укоризненно покачала головой.

— Что-то случилось? С Бартом беда?

— С Бартом все окей, я только что от него, — бодро ответил Дэн. — Но он говорит, лучше тебе переждать некоторое время в защищенном доме. Из меня защитник не ахти, только кен зря расходовать. Могу с тобой перекантоваться пару дней, а потом мне нужно назад, к твоим. Они перебираются в более теплое место, так что...

— Понимаю. Барт просто беспокоится или предупреждает?

— Скорее второе. Говорит, предчувствие плохое. А его предчувствия редко обманывают.

— Но как ты нашел меня?

— Тренируюсь, — гордо улыбнулся он. — Чувствую тебя. Когда общаюсь с человеком долго, могу определить примерно, где он находится. Эти способности проявились недавно и неожиданно. — Он почесал затылок. — Правда, не всегда получается в нужное место телепортироваться. Вот сегодня занесло на трассу вообще, вон туда. — Дэн указал рукой в направлении дороги. — Хорошо, что такси заметил, а то заблудился бы тут в сугробах.

— Хороший дар, — согласилась я и покосилась в сторону очага атли. — Но тебе нельзя... ну, знаешь...

— Серьезно? — Дэн расхохотался. — Я всю жизнь только тем и занимаюсь, что прячу сольвейгов! Думаешь, буду трепаться о вашем источнике?

— Извини... — смутилась я. Чего это, в самом деле, наезжаю, когда Дэн всего лишь хочет помочь?

— А Барт прав — ты все еще атли, — усмехнулся он. — Во всем. Давай руку, я тут уже околел.

Квартира на Достоевского тут же окутала теплом и запахом свежей выпечки. На кухне я нашла булочки — целую гору. Румяные, щедро посыпанные сахарной пудрой, они источали неприлично пьянящий аромат. Желудок тут же откликнулся недовольным урчанием.

— Чаем угостишь? — подмигнул Дэн и тут же развалился на стуле. — Устал.

Я включила чайник, достала заварник и набрала Глеба.

— Ты дома? — спросила, когда он взял трубку.

— В городе. У тебя все в порядке? Тот тип, что за тобой пришел, доверия не внушает.

Я покосилась на Дэна, мирно уплетающего сдобу. Да уж, что-что, а еду ему точно доверить нельзя.

— Он надежный, — заверила я Глеба. — Приедешь? Если поспешишь, успеешь на булочки.

— Ты дома? То есть... — Он замялся.

— Дома. На Достоевского. Приезжай.

В общем, булочек мне не досталось. Ни одной. То, что не схомячил Дэн, Глеб съел в первые минуты после приезда. Он сначала косился на Дэна подозрительно, а затем, когда я опровергла тот факт, что он сольвейг, немного расслабился. Наверное, нас все побаивались, в том числе и Глеб. Меня-то он знал, а вот на счет остальных наверняка были сомнения. Конечно, когда можешь распоряжаться таким даром, как у меня, тебя явно начнут сторониться — мало ли что.

Но Дэн удивительно располагал к себе, и я признала, что он действительно может быть милым, когда захочет. Ближе к ночи он удалился, предварительно трижды спросив, можно ли меня доверить Глебу. Будто я антикварная вещь, которую украдут, если снять сигнализацию и посадив ненадежного сторожа.

После моих уверений он все же ушел, вернее, исчез, и мы остались с Глебом вдвоем.

На душе было легко и спокойно. Никакие тайны больше не тяготили, обязанности не давили на мозг, а неопределенности не пугали. Все же хорошо, что я сказала Владу лично. Было трудно, конечно — видеть его, слушать, ощущать. Но я справилась и могу с уверенностью праздновать первую победу.

Глеб много расспрашивал о том, как прошел разговор, настороженно вглядывался в лицо, но, видимо, не найдя на нем отчаяния и беспросветной тоски, расслабился. Пару раз ему звонила Катя, и он что-то долго объяснял ей, закрывшись в ванной. Едва проклюнувшиеся ростки угрызений совести я тщательно растоптала. Глеб взрослый и сам решит. А Катя глупая, если думает, что между нами с Глебом может что-то быть. Между нами уже есть — и намного больше, чем просто интрижка.

Последующие несколько дней прошли в относительном спокойствии. Дэн навевался часто, а звонил — еще чаще. Ответственно подошел к просьбе Барта, в общем. Насколько я поняла, он вообще к его просьбам относился весьма ответственно, а самого Барта чуть ли не боготворил.

На следующий день ко мне зашли Кирилл с Леной. Лекарь атли долго обнимал меня и радовался, что я вернулась. Я даже смутилась. В первый день моего возвращения прием был не таким теплым.

Кирилл хмурился и, почему-то смущаясь, рассказал, что Филипп тоже в Липецке. Словно бы назло Владу обосновался здесь, зарегистрировался у охотников, а сейчас живет в своей старой квартире.

О племени бывшего жреца Кирилл знал мало, лишь то, что они казались нелюдимыми, забитыми и во всем слушались Филиппа. В общем, Макаров добился своего — во всем король.

Меня навестили также Оля с Линой. Деторожденная, не глядя в глаза, тихо поинтересовалась, собираюсь ли я оставаться или все же уйду. Что ж, ее можно было понять — нарисовалась возможность, наконец, выделиться. Ведь ее дар не проснется, пока я атли. А без дара она просто хищная, потребляющая кен.

Я не стала крыться, сказала, что еще не решила. Я действительно колебалась, хотя и призналась себе, что в Липецке чувствовала себя лучше. Не такой потерянной. Зависело ли это от источника силы атли или же просто сказывалось «лечение» Барта — сложно было сказать. Я просто жила.

Через пару дней ко мне заявился Мирослав. С тортом. Огромным таким, шоколадным с розочками из взбитых сливок. Посмотрел виновато, сказал пару слов, впихнул меня в квартиру и заглушил возмущения грубой лестью. В общем, растопил мое сердце. Подлиза!

Я опомниться не успела, как мы уже пили чай на кухне, а я уплетала злосчастный торт. Нужно поставить сигнализацию на дверь для желающих пронести сладкое. Чтоб не сбивали с толку, и я могла сохранить хоть какую-то твердость духа.

Вождь альва просидел у меня ровно столько, чтобы я не успела припомнить ему подлость и предательство. Крепко расцеловал и обещал звонить. В общем, оставил после себя легкое недоумение.

А потом я забила. Все же Мир ни при чем — он наверняка и понять-то ничего не успел, времени было мало. А Влад, когда хочет, может быть очень убедительным.

Вспомнился его взгляд — больной, обиженный. И подумалось, что ему наверняка было не так весело, как я полагала в Москве. Но обида царапалась дикой кошкой, отвергала всяческие «может», и ставила на свое место «никогда». Тут оно смотрелось гармонично, нефальшиво и правильно.

Жизнь все решила за нас, увы...

Впрочем, у жизни иногда бывают странные повороты. И некоторые решения все же приходится принимать, как бы ты от них ни бежал.

Не знаю, зачем я надела ту юбку. Наверное, хотела примерить перед тем, как выбросить. Я ее не особо любила — из воспоминаний о ней осталась пара прогулок с Кирой по магазинам. Остальное стерлось яркостью и глубиной неожиданного предательства. Видение окончательно убедило, что от нелюбимых вещей нужно немедленно избавляться. Но все же примерить означало убить еще одного демона.

Я крутилась перед зеркалом, когда раздался звонок в дверь. Короткий и тревожный. Затем еще и еще.

На пороге стоял Андрей — бледный и напуганный. Впервые видела его таким, даже опешила.

— Обувайся, — сказал он резко, развернулся и направился вниз.

Не раздумывая ни минуты, я схватила куртку, натянула сапоги и выбежала вслед за охотником.

Свежевыпавший снег слепил. Возле новенькой зеленой скамейки радостно кружили воробьи, судорожно хватая оброненные кем-то крошки.

Андрей ждал у подъезда и, как только я вышла, кивнул в сторону машины. Ничего не объяснял, шел быстро и размашисто. Я семенила за ним, путаясь в злосчастной юбке. Догнала, когда он уже открыл для меня дверцу. Охотник завел «Девятку» и лихо рванул с места.

— Что случилось? — спросила я, провожая взглядом родную и безопасную улицу.

— Что-то определенно случилось. — Он помолчал секунду и добавил: — Раз Ника здесь.

— Ника?

Андрей резко крутанул руль, сворачивая на до боли знакомую трассу. Мельком взглянул на меня и спросил:

— Твои видения всегда сбываются?

Показалось, у меня зашевелились волосы на макушке. Подумалось, что я уже ни на что не могу влиять. Никогда не смогу. Если Мишель... если...

— Кто такая Ника?

— Ясновидица, — ответил Андрей и замолчал.

Я хотела расспросить его, узнать подробнее о Нике и том, почему одно ее имя заставляет его тревожиться, но перед глазами стояли ужасные сцены из пыточной Альрика. А в голове крутилась одна-единственная мысль. Она плавала там, как зародыш в формалине — медленно и хаотично.

Зачем я надела чертову юбку?!

Сознание постепенно плавилось, заполняясь плохим предчувствием.

Ворота атли были распахнуты настежь, а на парковке, кроме знакомых машин, стояла черная «Волга». Я двигалась на автомате. Безумно хотелось взять Андрея за руку, а еще лучше — обнять. Странное чувство, если учесть несовместимость наших видов. Но то, что ждало внутри дома атли, казалось страшнее объятий охотника.

Неизбежность.

Атли столпились у дивана. Сплошной стеной. Бледные все, даже Глеб. Я поймала его взгляд и нахмурилась, пытаясь разглядеть на лице хоть какое-то объяснение, но он быстро опустил глаза.

А потом я увидела ее. Чуть поодаль, рядом с Владом. Там же, сложив руки за спиной, стоял и Мишель, но он почему-то сейчас не вызывал такого ужаса, как она. Ясновидица.

Не к месту вспомнился Гектор, и я машинально потянулась к амулету на шее.

Девушка была красивой. Не холеной красотой, поддерживаемой салонами и тренажеркой, а естественной. В меру высокая, женственная, темноволосая. В глазах — огонь и ни капли страха к нам, хищным. Подбородок вздернут, спина прямая.

— Ну, вот и все в сборе, — ласково произнес Мишель. — Можно начинать.

— Начинать что? — вырвалось у меня. Взгляд автоматически переместился на Влада.

Он, казалось, был спокоен. Расслабленная поза, легкое раздражение от присутствия Мишеля. Смотрел прямо на меня, как-то жадно, пронзительно, и мне стало не по себе.

— Как что? — наигранно удивился Мишель. — Дознание. — Повернулся к ясновидице и серьезно велел: — Ника, приступай.

Девушка выдохнула и развернулась к Владу.

— Пусть расстегнет рубашку.

— Слышал, атли. Расстегни.

Я дернулась вперед, но Андрей крепко ухватил меня за руку. Ну, хоть так. Хоть что-то знакомое и надежное в этом театре абсурда.

Влад невозмутимо повиновался. Медленно, не спуская с меня взгляда, обнажил торс. Ясновидица подошла и положила ладонь ему на живот. Закрыла глаза.

Я слышала собственное прерывистое дыхание — такой была тишина в гостиной атли. Секунда. Две.

Ника отняла ладонь и брезгливо вытерла ее о штанину.

— Да, он сделал это, — выдавала безразлично.

— Здесь?

— Ты же знаешь, я не могу утверждать...

— Ты можешь высказать мнение. Как... эксперт.

Ясновидица пожала плечами.

— Нелли не выезжала из Липецка несколько месяцев, насколько мне известно.

— Этого достаточно, спасибо.

Откуда-то материализовался Марк, взял девушку за локоть и вывел из дома. Я закрыла глаза. Происходящее казалось одним из тех кошмаров, которые всегда оканчивались одинаково. Оно и было им. Только если этот сон закончится так же, его нельзя будет переиграть, пересмотреть, придумать другую концовку.

— Вы все видели, атли, — будничным голосом заявил Мишель. — Ваш вождь нарушил закон и будет казнен, согласно правилам. Советую вам озаботиться выбором нового, более... осмотрительного.

Сзади громко всхлипнула Лара. Зашуршала обивка дивана, и я была уверена, что Рита уже плачет.

Влад все так же смотрел на меня — неотрывно, отчаянно.

Нужно что-то делать, сказать что-то... Вмешаться, изменить. Действовать, в конце концов!

— Разве это законно? — услышала, как через туман, голос Глеба. — Какая-то девка пришла, кивнула, и все поверили. Что за бред вообще?!

— Эта, по твоим словам, девка, — медленно повернулся к нему Мишель, — может считать с твоей жилы каждого ясновидца, которого ты выпил. Хочешь быть следующим?

— Он не хочет, — вмешалась я. Пристально посмотрела на древнего. — Мы можем поговорить... наедине?

— Извини, Каstellла, но время разговоров вышло. К тому же я сегодня занят.

С улицы вернулся Марк — раскрасневшийся и злой. Грубо толкнул Влада к выходу и бросил:

— Вперед, тварь!

Мишель последовал за ними, обернулся на пороге и кивнул Андрею:

— Ты тоже — в машину. Завтра я подыщу атли нового зрителя.

И вышел. Андрей вздохнул и тоже покинул дом.

— Ну, кто-то будет что-то делать?! — воскликнула Лара и закрыла лицо ладонями.

Время медленно стекало секундами на паркетный пол. Тикало в голове, мешало сосредоточиться. Рита уже вовсю рыдала на диване, Оля обнимала ее и гладила по спине. Неизменный атрибут моего присутствия в этом доме — обреченность. Словно я привезла ее с собой.

Но я не привезла — она тут и была все время. Просто этот дом отравлен. Недомолвками, ложью, интригами, завистью. Страшными, необъяснимыми обстоятельствами. Но я не хочу, чтобы так было! Хочу вылечить его. Пусть даже не останусь.

И Андрей. Как... что теперь с ним будет? Увезли, всех увезли...

Я посмотрела на Глеба.

— Твой байк на ходу?

Он растерянно кивнул.

— Поехали.

Зимой ездить на мотоцикле — самоубийство. Но даже если отбросить скользкие дороги, приятного в такой поездке мало. Ветер пробирает до костей, от холода немеют руки и ноги, и единственное, чего хочется — поскорее приехать и слезть с железного коня.

В этот раз я не ощущала холода. Хотелось скорости. Яркости. Ощущений. Как же долго я себя хоронила!

Значительного в жизни мало. У меня всегда так было. Иногда это значительное вообще нельзя было назвать своим. Но его всегда было страшно потерять.

Тогда я не думала об этом. Воздух в штабе охотников был спертый и несвежим. Горло жгло, глаза слезились. Пока мы ехали, стемнело — зимой темнеет рано — и в окна лился ядовитый свет уличных фонарей. Я шла быстро, почти бежала, преодолевая пролеты и коридоры, точно зная, куда направляюсь.

Почти у самых дверей в зал советов натолкнулась на Нику, отскочила от нее, как ошпаренная, и бросилась дальше. Нельзя тратить время на ненависть и месть. Да и девушка, по сути, не виновата. Мы — звери. Они — добыча. Охотники — палачи.

Таков порядок.

Я с шумом распахнула двустворчатую дверь и буквально влетела в зал. Звук громогласным эхом прокатился по комнате и вернулся ко мне гулким отголоском.

— Прошу безотлагательной аудиенции у зрителя, — выдохнула я, стараясь не смотреть, как Марк привязывает Влада к перекладине.

Я успела. Еще есть время! Ведь не зря я ушла от сольвейгов — теперь точно понимала это. Видения даются пророчицам не просто так. И всегда, всегда сбываются!

Мишель изучал меня с полминуты, а затем кивнул.

— Продолжай его готовить, — бросил Марку через плечо и медленно приблизился ко мне. — У тебя есть пять минут.

— Мне хватит.

Темный коридор угнетал. Авторитет древнего, от которого многое зависело, подавлял и побуждал стать ниже ростом. Хотя куда уж ниже-то? Я расправила плечи и смело посмотрела на Мишеля.

— Где Андрей?

— Это все, что тебя интересует? — удивленно спросил он. Удивился не наигранно, по-настоящему.

— Остальное я и так знаю.

— Андрея будут судить. Как соучастника, — уклончиво ответил охотник и сделал вид, что изучает краску на стенах. Что ее там изучать? Серая, как он сам. — Мне кажется, Марк больше подойдет атли как смотритель.

— Не знаю, какие цели ты преследуешь, но не делай этого.

Мишель перевел на меня взгляд.

— Это моя работа.

— Я прошу... — И замолчала.

Не могла ему ничего обещать. Ничего дать. Я не знала его. Боялась иногда, но больше презирала. Почему? Резонный вопрос. По сути, Мишель ничего плохого мне не сделал. Даже в какой-то степени пытался помочь. Но отторжение было — на подсознательном уровне. И вот теперь от него зависели жизни Андрея и Влада.

— Андрей нарушил закон. Как и Влад Вермунд.

— Знаю, — кивнула я. — Но все равно прошу за них. — Помолчала и добавила уже тише: — Неофициально.

Древний вздохнул. Сложил руки за спиной, прошелся по коридору. Молчание убивало. Из-за двери раздался глухой стон, и у меня похолодело между лопатками.

Как же было хорошо у сольвейгов. Без видений, выбора и горького отчаяния. Иногда лучше не знать. Дар предвидения делает тебя больным и несчастным. Особенно когда понимаешь, что не можешь ничего изменить.

— Так и быть, Кастелла, — наконец, сказал охотник. — Я дам Андрею еще один шанс. И этому, — он махнул в сторону зала советов, — тоже.

Я облегченно выдохнула и едва не расплакалась. И, наверное, расплакалась бы, если бы Мишель не добавил:

— Но у меня тоже есть просьба. — Посмотрел на меня пристально, заставляя невольно попятиться к подоконнику. — Неофициальная.

Пауза в разговоре. Пульс на висках. Еще один стон.

— У тебя будет три дня, чтобы ее обдумать. Принять решение, которое либо вернет Андрея на скамью подсудимых, а вождя атли — на место казни, либо... либо мы просто обо всем забудем. У меня хватит полномочий, чтобы закрыть глаза на преступление.

— Поняла, — кивнула я. — Что нужно делать?

Он шагнул ко мне и вдруг оказался близко. Древесный пряный аромат ударил в нос, сердце заколотилось, а сама я едва устояла на ногах. Древний охотник рядом — то еще удовольствие! Мишель в тот момент выглядел безумцем.

Он медленно наклонился и шепнул мне на ухо простую фразу. Холод от лопаток поднялся выше — к затылку, проник внутрь и сковал легкие. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Но я все же нашла в себе силы ответить...

Мишель отстранился, потер указательными пальцами виски и, казалось, полностью забыл обо мне. Направился в зал советов, даже не удосужившись прикрыть за собой дверь.

— Снимай его! — прозвучал из зала громкий приказ.

Я же стояла, прислонившись к стене в коридоре, и смотрела в одну точку.

Плевать! Теперь-то что?

Во мне все стихло: мысли, внутренние диалоги, страхи, переживания. Сознание замело снегом — холодным, колючим, немым.

Осталось только шесть слов.

Шесть слов, которые навеки изменят мою судьбу, жизнь. Меня.

И почему так плохо, неотвратно? Будто выскребли душу, исцарапали...

Шесть слов, которые сделают меня одинокой по-настоящему.

Разве я не этого хотела?

Шесть слов, словно шесть ножей...

— Ты должна уйти из атли. Навсегда.

И седьмое, сказанное уже мной.

— Хорошо.

Глава 5. Новые угрозы

Морозный воздух опалил щеки, вернул трезвость мысли и напомнил: у меня есть три дня. Три дня — не так мало, особенно если знаешь, чего хочешь.

Сейчас мне хотелось убить Мишеля. Прямо в зале советов. Открыть ладони и превратить древнего в пепел. Хотя я понимала, что это ничего не изменит — только добавит проблем. Перед уходом он оговорил нюансы нашего соглашения. Я уйду и не имею права встречаться с атли — ни с кем из племени. Даже с Глебом. Это не обсуждалось. Нарушу запрет — Влад умрет, а Андрей... В общем, ничего хорошего не будет. Да и мне Мишель пообещал подкинуть проблем.

Глеба на улице не было. Как и его мотоцикла. Заволновавшись, я набрала его по телефону. Спустя несколько секунд трубку он все же поднял.

— Ты где? — взволнованно спросила я.

— Я это... У тебя все хорошо? То есть я... — Он помолчал немного. — Мысли в кучу не собираю.

— Где ты? — настойчиво повторила я вопрос.

— На квартире. То есть... у тебя.

— Да что с тобой, Измайлов?! — взорвалась я, но тут же запнулась, так как догадка казалась такой логичной и одновременно нелепой. — Ты что, пьян?

— Да, то есть... нет. Влада отпустили уже?

Я вздохнула и покосилась в сторону входной двери. Там, облокотившись о кованые перила, опустив голову стоял Влад, а Мишель ему что-то серьезно объяснял.

— Отпустили, — мрачно ответила я. — Постой, а откуда ты...

— Неважно. Слушай, Полевая, тут такое дело... Ты не могла бы переночевать у атли? Я приеду чуть позже, нужно кое-что разрулить.

— Твоего вождя чуть не казнили, а тебе нужно кое-что разрулить? — опешила я. — Глеб, все в порядке?

— Потом расскажу. Поезжайте на такси, я через пару часов буду. — И отключился.

Наверное, мир потихоньку сходит с ума. Или я. Одно из двух.

Я вызвала такси. К атли не хотелось, но, как назло, Глебу понадобилась квартира. Именно сегодня. Ну что за несправедливость? Не могла она ему понадобиться, когда я была у сольвейгов?

Такси приехало на удивление быстро — в течение пяти минут. Мишель отпустил Влада и проводил нас пристальным взглядом, от которого захотелось отмыться. Влад сел рядом со мной — на заднее сиденье. Выглядел неважно, но лучше, чем в видении. Рубашку застегнул, но она вся испачкалась в крови, и я чудом подавила тошноту.

Мы выехали за город.

Таксист вел медленно и плавно, позволяя насладиться видом за окном — бесконечной дорогой, освещаемой фонарями, и полем, полностью укрытым сверкающим снегом. Романтика!

— Как ты? — тихо спросил Влад.

— Замолчи! — прошипела я и отвернулась к окну.

Меньшее, чего сейчас хотелось — говорить с ним. Казалось, одно слово — и пришибу

вместо Мишеля.

Оставшуюся часть пути мы преодолели в полной тишине. Так же молча вошли в дом.

В гостиной стоял невообразимый гул, который смолк тут же, как мы появились. Кроме атли, присутствовали Мирослав, несколько альва и незнакомые мне хищные — смуглый темноволосый мужчина с тонкими чертами лица, кудрявая низкорослая шатенка и загорелая блондинка с выразительными бирюзовыми глазами.

Она поднялась с дивана, с облегчением выдохнула и бросилась Владу на шею. Обняла так крепко, что, показалось, он задохнется.

— Я знала! Знала... — прошептала горячо и повернулась ко мне.

— Спасибо!

Я не поняла, за что она меня благодарит, кто она такая и что тут делает. Мне было наплевать. Жутко хотелось закрыться где-нибудь и подумать. Времени осталось мало, и я не желала тратить его на разных незнакомцев.

— Извини, что не встретил, — устало произнес Влад и погладил блондинку по волосам.

— Ничего. Кирилл позаботился. Как ты?

— Давай потом. — Влад повернулся ко мне. — Нужно кое-что обсудить с Полиной.

— Не уверена, что хочу говорить с тобой, — зло сказала я. — Сегодня точно.

— К сожалению, у нас не так много времени.

Как бы я не злилась на Влада и на ситуацию в целом, не могла не признать, что он прав. Нужно что-то решать, а решение никак не хотело придумываться. Я не была мастером интриг, а вот Влад как раз в этом преуспел. Возможно, у него будут идеи, которые не ограничатся фразой «прибить Мишеля». Теперь мне даже хотелось быть атли. Принципиально. Чтобы поставить этого выскочку на место. Да кто он такой вообще, требовать от меня уйти? Это должно быть мое решение. Мое!

Чертовы охотники!

В кабинете атли пахло лимоном и хвоей. Как давно я тут не была! Хотя, признаться, все неприятные разговоры происходили у меня именно здесь. И вот еще один — не менее сложный. С Владом. Прямо проклятие какое-то. Очередное.

Он устало опустился на диван и посмотрел на меня исподлобья.

— Ты не обязана всегда меня спасать.

— Тебя — нет, — согласилась я. — Но ты подставил Андрея.

Он прикрыл глаза и с минуту о чем-то сосредоточенно думал. А потом сказал:

— Не нужно отрекаться. Я изгоню тебя сам. Так у тебя будет возможность видаться с атли.

— Мишель запретил мне видаться с атли! — резко ответила я.

— Древние не бессмертны, — зло произнес Влад. — Кому как не тебе это знать. Эта власть не вечна, и когда империя охотников рухнет, ты сможешь вернуться.

— Не уверена, что захочу. — Я сложила руки на груди. — Знаешь, может, и к лучшему, что уйду. Не придется тебя видеть.

— Понимаю, ты злишься...

— Нет, — перебила я. — Не понимаешь. Я жила вдали от атли несколько месяцев, но стоило мне вернуться, ты тут же облажался. А разгребать мне. Все твои чертовы амбиции... ненавижу!

— Поля... — Он вздохнул. — У нас все непросто. И ты потом решишь сама, обещаю, а пока... У меня есть некоторые предположения касательно сольвейгов. Думаю, тебе стоит

знать.

— О сольвейгах? — насторожилась я.

— Пока тебя не было, я навел справки. — Он выжидающе посмотрел на меня. — О твоём отце.

Вместе с воздухом в легкие ворвался страх. Внутри все занемело, ноги подкосились, и я схватилась ладонями за полированную столешницу. Я знала, что он скажет, и от этого становилось жутко.

— Твой отец был ясновидцем.

Наверное, я побледнела, так как Влад замолчал, на его лице отразилось удивление, а затем он прищурился.

— Ты знаешь!

Я молчала. Понимала, что отпираться нет смысла — его вообще сложно обмануть. Барт хранил эту тайну много лет, и теперь она рисковала раскрыться так глупо.

— Если скажешь Альрику, лично тебя убью, — безапелляционно заявила я прямо ему в лицо.

— Ты... совсем, что ли? — обиделся он. — Зачем мне говорить Альрику? Я, по-твоему, больной?

— То есть ты не скажешь? — недоверчиво спросила я.

— Чтобы Альрик занялся массовым производством сольвейгов? — иронично улыбнулся он и тут же поморщился. Прижал руку к животу. Больно, наверное. Надо бы Кирилла позвать... — Откуда ты знаешь? — А потом догадался: — Ты видела их, так ведь? Других сольвейгов?

— Я ничего тебе не скажу, — упрямо заявила я и сложила руки на груди. — Ни тебе, ни кому бы то ни было.

— Правильно, — похвалил он. — И не стоит. Поступим так: я тебя изгоню. Древний даже защиту запретил ставить на твоё жилище. Параноик чертов! Попросим Мирослава или Дашу — она замечательная защитница. А со временем придумаем что-нибудь. — Он поднялся, все так же держась за живот. Проникновенно посмотрел на меня. — Слышишь, я что-нибудь придумаю.

Да уж, придумает он. Я вздохнула. Даша, наверное, и есть та самая блондинка. Что ж, все сойдётся. Глеб говорил, скади должны вернуться.

— Тебе нужен Кирилл. Кровь идет.

— Переживу.

— Я тут переночую, — устало сказала я. — Глеб просил дожждаться.

— Тебе всегда тут рады.

— Только не начинай! — воскликнула я. — Этот дом и ты — две составляющие моих проблем. И знаешь, если бы я могла что-то изменить...

Договорить мне не дали — дверь распахнулась, и на пороге появился мужчина. Ещё один незнакомец. Бессовестно высокий и широкий — занял весь дверной проём. Длинные светлые волосы, невообразимо пугающие глаза — прозрачные, цвета воды в лагуне, и насмешливый взгляд. Черная рубашка расстегнута почти до пупка, а на груди — большой серебряный амулет.

— Не помешал? — Светлая бровь незнакомца удивленно поползла вверх, когда он увидел Влада. — Ого, как тебя отделали! Могу помочь.

— Давай не сейчас, а, — почти простонал Влад.

— Как знаешь. — Мужчина скользнул по мне взглядом и вновь перевел его на Влада. — Там водонагреватель не работает.

— Я решу это. Дай пять минут.

— Не стоит из-за меня откладывать такие важные дела, — вмешалась я и повернулась к вождю атли. — Скажешь Глебу, что я у себя.

Я решительно направилась к выходу. Балаган какой-то: гости, водонагреватели, охотники, пытки. Добро пожаловать домой!

Незнакомец отходить не торопился. Я остановилась и подняла на него глаза.

— Можно?

Несколько секунд он молча изучал меня, а затем улыбнулся и кивнул.

— Конечно.

Улыбка у него тоже жуткая, подумалось мне. Я преодолела гостиную, не обращая внимания на пристальные взгляды, и поднялась к себе. Вернее, в комнату, когда-то бывшую моей.

Теперь она моей уже не будет. Как и ничто в этом доме.

Я вошла, прислонилась к двери спиной и закрыла глаза. Подождала, пока дыхание нормализуется, и пульс придет в норму.

Дома. Я дома. После Москвы и тайги это казалось таким нереальным. В принципе, так и было, я ведь здесь ненадолго.

Круговыми движениями ладоней растерла щеки и включила свет. Надо же, все на месте — и драцена, и шторы те же. Даже совята таращатся с подоконника — почти что из прошлой жизни. Поддавшись странному порыву, я нашла в ящике комода пакет, сложила их в него и запихнула в мусорную корзину. Амулет, который подарил Влад после воссоединения племени, сняла и положила на тумбочку. И почувствовала, что отдала долг этому дому и племени.

Сил не было никаких, желания что-то делать тоже. Поэтому я просто легла на кровать и поджала ноги. Уснула почти сразу, а проснулась оттого, что кто-то гладил меня по волосам. Открыла глаза.

— Глеб!

— Тссс, не кричи. — Он почесал затылок. — Я, по ходу, налажал...

— В смысле? — обеспокоилась я.

— Ты не будешь ругаться, если с тобой девочка одна поживет. Она опрятная и нелюбопытная.

— Девочка? Какая девочка?

— Идем. — Он кивнул в сторону балкончика.

Глеб закурил, а я стала рядом и облокотилась на перила. Его заявление не испугало — слишком он был спокоен, но насторожило.

— Что ты натворил?

— Спрятал главное оружие Мишеля.

— Какое оружие? — нахмурилась я.

— Помнишь ясновидицу? Ту, что Влада проверяла?

— Ты... вообще, что ли?! — взорвалась я. — С ума сошел? Я еле Влада с Андреем отмазала, а ты... Где она? На Достоевского?

— Поля...

— Поехали! — отрезала я и рванулась в комнату.

Если древний узнает, что Глеб похитил Нику, он ему голову оторвет, и никакие уговоры не помогут. Одно дело — отпустить Влада, а совсем другое — потерять ясновидицу с уникальным даром. За это Альрик Мишеля по головке точно не погладит.

— Нет, — твердо сказал Глеб, преграждая мне путь. — Мы никуда не поедem.

Я с шумом выдохнула и посмотрела на него укоризненно. Они что, сговорились все, что ли? Или кто-то выносящий мозги газ распылял в Липецке, пока меня не было? Один питается, не глядя по сторонам, второй похищает ясновидцев.

— Нельзя укрывать ее, Измайлов, — терпеливо объяснила я. — Она числится в штате у охотников. Мишель уничтожит атли, если узнает, и Альрик самолично ему поможет. Да и такие, как эта Ника, опасны. Ты их пьешь, а потом...

— Они восстанавливаются и тебя убивают, — закончил он за меня. — Знаю.

— Откуда ты... О, черт! Она шантажирует тебя, что ли?

— Что? Нет! С чего ты взяла?

— Ты же выпил ее.

— Ну да. Со злости... — смущенно признался Глеб. — Крышу сорвало. Но Ника не угрожала мне, даже наоборот. А с охотниками она потому, что Марк ее постоянно использует. Если ерепенится — сдает какому-нибудь хищному за деньги. Ника — одиночка, из клана давно ушла, защитить некому.

— А ты в защитники записался, что ли?

— Она боится, Поля. Знаешь, каково это — когда никого нет? Совсем?

— Могу себе представить, — сдавленно ответила я. — Только вот все равно не смогу ее приютить, Мишель будет за мной пристально следить. За тем, как я выполняю условия соглашения.

— Какого соглашения?

— Древний дал мне три дня, — сказала я и снова посмотрела вдаль. Снег красиво переливался в сиреновом свете фонарей. На крыльце послышался смех и громкий разговор. Гости в доме — всегда суета. — Я ухожу, Глеб. Навсегда.

— То есть как... уходишь? — опешил он.

— А как ты думаешь, зачем был весь этот концерт? — горько усмехнулась я. — С Никой твоей, пыточной и вообще... Устала я. Думать, решать. Пусть лошадь думает, как говорят.

— И как... что будешь делать?

Я пожала плечами.

— Жить. Дэн вон живет как-то, значит, и я смогу. Буду скучать по тебе, Измайлов.

— Да брось, Влад что-нибудь придумает.

— Он уже достаточно сделал, — резко выдохнула я. — Хватит!

— Ну ладно, пусть не Влад... — Глеб задумался. — О, слушай, скиди же вернулись. Они ого-го, между прочим. Со своими плюшками. Сможем общаться через них или через альва.

— Нет. — Я покачала головой. — Мишель ясно дал понять — ни при каких обстоятельствах.

— Вот урод!

— Останься сегодня со мной, — попросила я.

Глеб притянул меня к себе. Я положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Хотелось плакать — от обиды, несправедливости, от того, что скоро не смогу вот так опереться на друга, который был рядом столько лет. И все из-за инфантильных требований охотника.

Наплевать бы на все, подкараулить Мишеля в темном переулке и убить. А что, может,

так и сделаю. Я же уже перестану быть атли, и они не обязаны будут отвечать за мои бесчинства.

Глеб уснул ближе к утру. Раскинулся на всю кровать, периодически удушающе накрывал меня руками — устала сбрасывать и перекидываться на другую сторону. Потом забила и встала. В окно светила луна — еще не полная, но уже с округлыми боками, налитая и белесая. Одна среди неба, усыпанного далекими звездами. Не символично ли?

Не стоит об этом думать. Лучше подумать о чем-то приятном, например, о еде. Спуститься на кухню и поужинать. Вернее, уже позавтракать. Желудок безбожно урчал, требуя компенсацию за потраченные на нервотрепку калории.

Заморачиваться я не стала — приготовила бутерброды и чай. Решила поесть у себя, на пустой кухне атли совсем уныло, а в комнате можно включить тихо телек и дожить до утра. Думать и что-то решать категорически не хотелось, и я отложила до рассвета.

В гостиной было темно, лишь огонь в камине отбрасывал тени на ковер. Я продвигалась осторожно, стараясь не задеть мебель. Впрочем, я слишком хорошо знала дом и могла не бояться свалить какую-нибудь вазу.

— Ты не очень уважительна к своему вождю, — раздался низкий хриловатый голос из глубины гостиной, и от неожиданности я споткнулась о ступеньку и чуть не выронила поднос.

Обернулась. Из темноты вынырнула фигура, и я узнала сегодняшнего незнакомца. Того, с жуткими глазами.

— Я — Эрик, — ни капли не смутившись, представился он, — брат Дарьи.

Ну да, схожесть прослеживается. Тоже блондин, правда, в отличие от сестры, в солярий явно не ходит. Довольно хорош собой. Не смазлив, но колоритен. До безобразия высок. Наверное, чтобы смотреть ему в лицо, находясь рядом, мне пришлось бы запрокидывать голову.

Беспросветно наглый. Взгляд насмешливый, прямой. Подбородок с глубокой ямочкой вздернут, руки спрятаны в карманы широких светлых брюк.

А еще рядом с ним чувствовалась легкая угроза — сразу становилось понятно, что лучше иметь такого в числе друзей, чем враждовать.

Впрочем, дружить с Эриком я точно не собиралась.

— Очень неприлично вот так пугать людей, — строго сказала я и крепче обняла поднос.

— Я напугал тебя? Извини, не хотел.

Он еще и смеется надо мной! Невиданная наглость. Жаль, у меня не то настроение для полемики.

— Да, я так и подумала, — едко ответила я и отвернулась. — Спокойной ночи.

— А ты злючка.

— Прости, что? — опешила я.

— В кабинете на Влада злилась, сейчас — на меня. Ты со всеми мужчинами такая колючая?

Я уже собралась ответить. Даже речь приготовила — о том, как нехорошо лезть не в свое дело. Не успела. Потому что чертовы видения всегда посещают внезапно. Я выронила поднос и оступилась, пытаясь схватиться за поручень, но он коварно выскользнул из рук.

Я захожу домой, и тянусь к выключателю, чтобы включить свет. Вспышка на миг ослепляет, а через секунду я понимаю, что в квартире не одна. Тут же замираю, а из глубины на меня смотрят пугающие, глубокие глаза. Человек в белом плаще шагает ко мне, я

отступаю, пытаюсь закричать, но тщетно — голосовые связки парализовало. Сзади чьи-то руки толкают меня вперед — к страшному человеку с темными волосами. Он молча подходит и накидывает мне на плечи плащ. А дальше — пустота.

Голова безбожно болела, и я осторожно открыла один глаз.

Жива. Даже сижу на чем-то мягком, кажется, на диване. Кто-то заботливо сжимает мои плечи. Кто-то теплый, крепкий, становится надежно в этих объятиях...

— Ты в порядке? — спросил Эрик, и на этот раз в голосе не было и намека на насмешку. — Ты чудом не упала с лестницы.

— Ммм... — только и смогла промычать я и уронила голову ему на плечо.

Черт, ну за что мне дар, от которого так больно? Не могла родиться целительницей, например, или, на худой конец, защитницей? Хотя нет, защитницей не хотелось быть. У меня на них в последнее время аллергия. Взаимная.

— Что, больно? — Эрик отстранил меня и пристально посмотрел в лицо.

Я кивнула и приложила ладонь ко лбу. Не помогло. Последствий видений вообще сложно избежать — даже таблетки не всегда помогают.

— Ты болеешь? Что это было вообще?

Я помотала головой и снова приоткрыла один глаз.

— У меня такое часто. После видений.

Эрик на секунду замер, затем выпустил меня и встал. Отошел на несколько шагов, затем резко развернулся.

— Ты — пророчица?

Я настороженно кивнула. Уже даже не рада была, что призналась. Мало ли, вдруг ему тоже понадобится моя кровь для ритуала. Кто их знает, этих мужчин?

Барт ведь предупреждал об опасности, а теперь, когда придется уйти, я буду совсем одна. Нужно быть осмотрительней.

Прозрачные глаза смотрели пристально, изучающе. Кожа покрылась мурашками, и я на всякий случай собралась, как учил Барт. Сольвейг должен быть наготове. Всегда. Это незыблемое правило нашего мира.

Я думала, Эрик будет расспрашивать о видении, но он просто спросил:

— У меня есть шанс тебя сманить?

Да уж, мастер неожиданностей нашелся! Но, наверное, мне хватит неожиданностей на сегодня. Несостоявшаяся казнь, ультиматум, Глеб еще со своей ясновидицей...

Я покачала головой.

— Нет.

— Жаль, — сказал он и снова отвернулся.

Оцепенение прошло, и я подумала, что он просто влиял на меня. Проверять на прочность, как когда-то Мирослав. Выдохнула с облегчением, но до конца прийти в себя не удалось.

— В вашем племени нет пророчицы? — спросила зачем-то.

— Нет. Не в каждом племени она есть, — отстраненно ответил Эрик, не поворачиваясь. Затем сел в одно из дальних кресел и притих.

Я подняла поднос, тарелку и чашку, собрала остатки бутерброда и отнесла все на кухню. Есть перехотелось, так что решила и это отложить до утра. Выпила таблетку, оттерла пятно от чая с ковра на лестнице.

— Спокойной ночи, — пожелала как можно дружелюбнее, но Эрик не ответил.

Я поднялась к себе, упала на кровать, прижалась к Глебу и уснула без сновидений.

На следующий день я проснулась поздно. После видения остался неприятный осадок из тревоги и страха, и я терялась, говорить о нем Владу или нет. Как атли я должна сказать, но технически через два дня я буду уже не атли. К тому же, похоже, что видение касалось только меня, угрозы для других членов племени я не ощущала.

Да и с каких пор во мне развилось послушание? Обойдется. А то еще полезет решать мои проблемы, а у него это в последнее время получается неважно.

Глеба в комнате не было, и я примерно представляла, где он может быть. От этого по коже пробежал неприятный холодок, а сердце забилось гулко и тревожно. Надеюсь, он не станет тупить — даст этой Нике денег и посадит на автобус. Иначе... Нет, я даже думать боялась, что случится в этом случае.

Впрочем, на звонок Глеб ответил бодро и уверил, что с ним все в порядке. Что квартира освободится очень скоро, и мне не придется переживать. И вообще в будущем мне мало придется переживать о безопасности. А потом добавил, что Ника просит прощения за то, что у меня все так сложилось, и пророчит мне счастье.

Какие-то у ясновидицы неправильные видения. Или у них не видения вовсе? Интересно, как они предсказывают? Нужно было расспросить Егора.

При воспоминании о мальчике стало грустно. Жаль, что ему нельзя помочь, излечить. Это хищным просто — даже человеческие болезни могут вылечить целители. Да и болеем мы намного реже, чем люди и, как оказалось, ясновидцы. Может, и справедливо, что есть такие, как Гектор и Ника? Только вот хищным нужно питаться. Где еще найти кен, чтобы выжить?

Мы с Глебом договорились, что я приеду в обед. Мне и самой любопытно было познакомиться с девушкой, которая так его затронула, что он готов рискнуть многим. Впрочем, это же Глеб, для него жизнь без риска — не жизнь. Адреналиновый наркоман, я всегда это знала.

Поутру желудок вообще неистовствовал — безбожно урчал, напоминая, что вчера в него ничего так и не положили. Да уж, ночка еще та. И гости у атли странные. Может, и лучше, что я ухожу — еще одного желающего иметь пророчицу я просто не выдержу.

Поживу одна, попробую, ведь Дэн как-то это делает. К тому же, я всегда смогу вернуться к Барту, если захочу. Прорвемся!

На кухне было многолюдно. Лара о чем-то сосредоточенно шепталась с Кириллом, а когда я вошла, замолчала и принялась ковырять еду в тарелке. Кирилл грустно улыбнулся мне и предложил кофе. Вот по кому точно буду скучать в атли. По нему и по Глебу. И уж точно не по Рите — периодически вздыхая, сестра присела рядом и гладила меня по спине. Ничего не говорила, сказать, видимо, было нечего. Все же мое решение уйти было напрямую связано с жизнью ее ненаглядного братца.

Катя прожигала меня ненавидящим взглядом, а Лина наоборот смотрела виновато, словно была причиной моего ухода.

Она не была. Теперь ей предстоит испытать все на себе — вещие сны, видения, головную боль. Интересно, а у меня пройдет? Ведь у непосвященных дар не проявляется. Хорошо бы прошло, и остался лишь дар сольвейга — он намного полезнее в критических

ситуациях.

В общем, завтрак прошел в нервной обстановке. Я съела омлет с колбасой, что заботливо приготовил Кирилл. Повар из него был так себе, у брата явно получалось лучше. Но с братом ему теперь общаться нельзя — такая ирония. Зато мне будет можно после изгнания. Искушение высказать в лицо все, что думаю о Филиппе, было сильным, но я понимала, что это ничего не даст. Он долго к этому шел, использовал все, что имел под рукой. Что даст моя горячая речь? Совесть у него точно не проснется.

Собралась я быстро — приняла душ и переоделась. Благо, почти все мои вещи остались тут — возвращаться за ними после событий в Будапеште я не стала, а сейчас вот пригодились.

Хотела выскользнуть из дома незаметно, но не вышло — у самой двери наткнулась на входящих Влада и Дашу.

Девушка действительно была красивой — вчера не удалось ее хорошо рассмотреть, не до того было. А сегодня я не могла не признать, что она действительно хороша собой. Заметная схожесть с Эриком тут же испарилась — несмотря на общие внешние черты, Даша была до беспредела женственной, с мягкими плавными движениями, теплой улыбкой и сияющим взглядом. Одевалась так, как я никогда не умела — ярко и элегантно. В общем, была из тех женщин, с которыми Влад крутил романы.

Интересно, что он во мне нашел-то? Кен сольвейга? Сомнительное удовольствие.

Хорошо, что у нас ничего не вышло — слишком мы разные. Жертвовать любимыми джинсами и кедами я точно не готова.

— Привет, — тепло улыбнулась она и протянула руку. — Мы вчера не успели познакомиться. Я — Даша.

Да уж, вчера нам было не до этого, подумалось мне, и я пожала теплую ладонь защитницы. Даже странно, что она ко мне благосклонна. Наверное, антипатия проявится при более близком общении — у меня со всеми защитницами так. Разве что Лара возненавидела меня почти с первого дня. Но у нее была веская причина — проклятие.

— Полина, — представилась я.

— Знаю, — дружелюбно ответила она и нахально потащила меня на диван. Нет, пожалуй, я погорячилась — сходство с братом прослеживается. Я вообще-то уходить собиралась! К Глебу. А не общаться тут со всякими...

Я недовольно покосилась на Влада, но он лишь пожал плечами. Выглядел сегодня получше, мне даже обидно стало. Нужно было дать Марку помучить его подольше. Ведь ничего же не осознал! Хотя это не лечится.

— Охотники — беспредельщики! — зло заявила Даша, участливо сжимая мою ладонь. Вцепилась в нее, как в трофей, и отпускать не торопилась. — Но им недолго осталось править.

— Все это говорят, — с сарказмом возразила я. — И, тем не менее, некоторые все еще попадают в пыточную.

Я многозначительно посмотрела на Влада, и он поморщился.

— У Мишеля ко мне личная неприязнь, и ты это знаешь, — сердито буркнул он.

— Ну, он тут главный — вот и рулит, как умеет. Звездной болезнью, знаешь ли, не только вожди хищных страдают.

— Он передумает, — уверенно сказала Даша. — После общения с моим братом многие охотники меняли решения.

— Вот не думаю, что стоит вмешивать в дела атли твоего брата, — поморщилась я, вспомнив пронзительный, ледяной взгляд. — Только подставится. Уверена, Альрик ошибается совсем близко, а он любитель красивых шоу.

— Да, не стоит вмешивать Эрика, — согласился Влад. — Я сам все решу.

— Все уже решено. — Я осторожно высвободила руку и поднялась. — Мне нужно в город, к Глебу.

— Странно, что он уехал, — подозрительно прищурился Влад. — Даже не высказал мне. На него не похоже.

— У Глеба есть дела поважнее, чем ругаться с тобой, — съязвила я и направилась к двери.

— Вернешься сегодня? — настиг у выхода вопрос.

Я с шумом выдохнула и вышла, не удостоив Влада ответом.

В городе была через сорок минут — поехала на автобусе, как в старые добрые времена. Пялилась в окно на мокрый, густой снег, липнувший к стеклу. На голые, спящие деревья, на низкое небо с волокнистыми, пухлыми тучами, грозно нависающими над дремлющими полями.

Глеб открыл почти сразу, и я тут же увидела ее. Ника сидела на диване, сложив ладони на коленях, и казалась смущенной. Когда я вошла, поднялась и покосилась на Глеба.

— Все хорошо, — сказал он тихо, закрывая за мной дверь. — Полина никому не скажет.

— Мишель помешан на ней, — возразила Ника. — Может следить.

— В эти три дня он не станет, — уверила я. — А потом глаз не спустит. — Повернулась к Глебу. — Что вы собираетесь делать?

— Увезу ее в Елец — там никто искать не станет.

— А если найдут, тебя будут судить!

— Не найдут, — упрямо произнес он. — Никто не свяжет ее со мной. Влада проверят, конечно, и успокоятся. К тому же у Мишеля будут проблемы посерьезнее Ники.

— Вот как? И какие же?

Девушка предусмотрительно удалилась на кухню, оставив нас с Глебом наедине. Похозяйски зазвенела посудой, включила плиту. Интуитивно Ника нравилась мне, но тревога за Глеба не утихала. Теперь, когда нам нельзя будет общаться, как я смогу присматривать за ним?

— Эрик Стейнмод, — ответил тем временем Глеб. — Он оторванный вообще. И охотников ненавидит. Уверен, Эрик не в восторге, что в его городе творится беспредел.

— В его городе? — удивилась я. — Ого! А Влад слышал, что ты так отзываешься о его территории?

Глеб пожал плечами.

— Влад знал, что однажды они вернутся — тут же источник силы скади. Хотя, поговаривают, Эрик создал еще один — в Лондоне. Но все же здесь их родина. А Даша с Владом так вообще неразлейвода. С детства. Ну, собственно, мы с Владом поделили их — пока Влад тусил с Дашкой, мы с Эриком отрывались по-взрослому. За что и выгребали от родителей. — Глеб улыбнулся. — Отличные были времена!

— Я думала, ты отрывался с Владом, — проворчала я. — Разве не он был твоим лучшим другом?

— Ну... он был. До определенного момента. Зато потом Эрик очень поддержал меня, буквально вытащил — ты же знаешь, как я на все реагирую. Дашка постоянно за Владом

таскалась, как хвостик. Мы еще шутили, что когда они повзрослеют, обязательно первым делом поедут к очагу — венчаться. Детские шуточки, в общем... Эрику было семнадцать, когда их отца, Эдмунда, убил охотник. Тогда ему крышу и сорвало. Как говорится, сила есть — ума не надо. Эрик отыскал того древнего и прибил. Подробностей не знаю, но Влад говорил, что смерть была не очень... эстетичной. А через год после гибели их отца, Божена, их мать, тоже умерла. Загадочно. Говорили, есть ритуал, который позволяет отыскать человека в новых воплощениях, хельзе или где он там оказывается. Только сам ты тоже того. — Глеб провел большим пальцем по горлу. — Как бы там ни было, она уснула и не проснулась, а через несколько месяцев Эрик распустил скади, и они уехали.

— Грустная история, — пробормотала я. — Это к ним ты ездил в Лондон за ножом?

Глеб кивнул.

— Со скади мы, по сути, не прекращали общаться. Я с Эриком редко, а вот Влад с Дашкой, насколько знаю, так и остались близки.

— Мишель все равно не позволит им жить у атли. Альянсы в городе запрещены.

— Им и не придется, — улыбнулся Глеб. — У скади есть дом недалеко от Липецка. Скорее всего, его просто не успели привести в порядок к их приезду. Скоро они свалят от атли. Но не уверен, что Мишелю стоит расслабляться.

— Ты слишком много ставишь на хищных, — взволнованно возразила вернувшаяся Ника. Поставила на столик у дивана разнос, на котором дымился заварник с ароматным чаем из трав.

Ясновидица улыбнулась мне:

— Нашла у тебя в шкафчике несколько мешочков. Интересный сбор — такие только мои сородичи умеют делать.

— Не только, — уклончиво ответила я. — Это он?

Девушка покачала головой.

— Это мой. Делает разум ясным, убирает из мыслей несущественное и оставляет главное. Положила там тебе пакетик с травами.

— Спасибо.

— Боги хранят тебя, Полина. Но и враги у тебя есть. Кто-то из прошлого и кто-то из будущего. Скоро они оба проявят себя.

— Ты видела их? Врагов?

Она вздохнула.

— Нет. Я никогда не вижу картинки — только чувствую.

— Это плохо, — заключил Глеб и посмотрел на меня встревоженно. — Только старых врагов отвадили, как новые нарисовались. Древний еще наделает дел, вот увидишь.

— Дэн обещал за мной присмотреть. Вот и Ника говорит, меня боги хранят. Ты бы лучше о себе подумал. Влад, если узнает, голову тебе оторвет не хуже Мишеля.

— Не узнает. Ты же не скажешь, а больше некому.

Я кивнула.

— Хорошо. Увози Нику поскорее, иначе никому не поздоровится.

— А ты?

— Не пропаду. Напьюсь вон с Викой и Андреем. Только бы его отпустили. Я ему второй день дозвониться не могу.

— Думаешь, ему перепало?

— Считаю, Мишелю незачем мучить его. Целью ведь был именно Влад, а Андрея

древний использовал, чтобы на меня надавить. Но все равно волнуюсь. Съезжу к нему, наверное.

Андрей на звонки по-прежнему не отвечал и дверь не открыл, так что домой я вернулась еще более встревоженная. Глеб позвонил и сказал, что останется в Ельце — поможет Нике обустроиться. Вернулся под утро, и весь день мы провели вместе. Вдвоем.

Я позвонила Ире и рассказала о случившемся. Воительница обещала приехать попозже и три раза повторила, что плевать ей на всяких там Мишелей. Что я могу забить на все и вернуться к ней, в Москву. Я обещала подумать. Вряд ли Мишель будет следить за мной, если покину Липецк. Ведь требования касались по большей части Влада.

А после обеда следующего дня Глеб отвез меня к атли. Тучи нависли ниже, усиливая мрачность и безысходность. Чем ближе был момент «икс», тем меньше мне хотелось уходить. Я говорила себе, что все это из-за Глеба. Из-за чего же еще? И этот дом, и его обитатели, и события — кровавые, мрачные, жестокие — оставили на душе неизгладимые отметины. Но тот, другой мир, был неизведанным и страшным, и я вдруг поняла, что боюсь.

Признаться в собственном страхе было неприятно. Словно я девчонка, а не сильный сольвейг. Но он — этот страх — прочно засел в мозгу и клевал его надоедливym дятлом.

В гостиной, как назло, собрались все наши. К страху примешалась брезгливость оттого, что все они смотрели на меня, словно провожали, и, уверена, некоторые были просто счастливы, что я уйду. Никто не остался равнодушным: ни старающаяся держать лицо Лара, ни Рита, в душе ликующая, что я спасла ее брата, а ведь могла не спасти. Ни Катя, которая встретила нас с Глебом испепеляющим взглядом. Ни Лина, что с трепетом ожидала этого момента. Уверена, деторожденная стыдилась своей радости, но и скрывать ее уже не могла. Все же выйти из тени и погреться в лучах славы всегда приятно. Каждый из атли почувствовал что-то в связи с моим уходом. Кирилл печалился, Глеб злился, Оля грустила. Впрочем, эти эмоции захватили не только атли — подруга Влада, Даша сидела на диване, сжав кулаки.

Наверное, единственный, кто плевал с большой колокольни на мой уход, был Эрик Стейнмод. Он расположился в кресле у камина и встретил меня насмешливым взглядом. И от этого взгляда — почти безразличного, холодного — мне почему-то стало легче. Словно на ожог положили кусок льда.

Но ко мне подошел Влад, тронул за плечо, ожог снова заныл, а очарование момента рассеялось.

— Идем?

Я кивнула, порывисто обняла Глеба и последовала за Владом в кабинет.

Основной свет не горел, лишь торшер в углу оставлял бесформенное пятно на полу. Влад взял меня под локоть и подвел к дивану. Ладони почему-то вспотели, а глаза наполнились слезами — нежелательными и совершенно лишними. Я растерялась и не знала, как себя вести. Захотелось убежать, пока ничего непоправимого не произошло, и в то же время хотелось, чтобы все быстрее закончилось, и я могла поехать домой, Позвонить Вике или Андрею. Кому угодно, лишь бы заглушить нарастающую пустоту внутри. Одиночество. Почему я все еще боюсь его? Разве после жизни в Москве и у сольвейгов не должна была к нему привыкнуть?

Влад присел рядом, взял за руку. Зачем он это делает? Смотрит, словно в душу... Тошно! И воздуха, воздуха так мало. Открыл бы окно, что ли...

— Это ненадолго, — уверенно сказал он, и я поморщилась.

Снова врет. Точно знала, что врет. Но нужно играть. Вся жизнь — игра.

Я кивнула.

— Что делать?

— Я должен буду касаться твоей жилы. Поэтому подними...

О, черт, нет! Воспоминания тут же накатили волной — той самой, речной, в которую я зашвырнула Влада в Будапеште. Его горячие руки на моем животе, эйфория вперемешку со страхом. Боль. Отчаяние. И неизменно она. Герда. Как отражение моей глупости.

— Еще есть шанс все переиграть, — тихо произнес Влад. — Если не хочешь...

— Нет! — резко перебила я и задрала свитер. — Давай только поскорей.

Он вздохнул и положил ладонь мне на живот. Воздух тут же наполнился ванилью — она кружила голову, дурманила мозг, мешала соображать. Жила напряглась, откликаясь, полностью подчиняясь тому, что делал Влад.

Может, оно и к лучшему? Плохо, что он все еще так на меня влияет.

Я откинулась на спинку дивана, закрыла глаза и закусил губу. Сфокусировалась на боли, чтобы отогнать ненужные эмоции.

Полумрак. Я. Влад. Нехорошо...

Он говорил что-то, но я не запомнила ни слова, хотя каждое из них причиняло боль, рвало душу изнутри. Слезы уже невозможно было сдержать, да я и не пыталась — совсем другое волновало. Отторжение. Отторжение меня.

Влад гладил по голове, говорил ласково и, показалось, в один момент его голос дрогнул. Я проваливалась в темноту, спасаясь от нарастающей боли в животе. И в этой темноте было тепло, уютно. Меня любили, обо мне заботились. Как Барт.

Воспоминание о сольвейгах заставило очнуться. Влад обнимал меня все там же, на диване, и крепко прижимал к себе. Голова лежала у него на груди, и я слышала, как билось его сердце — гулко и быстро.

Резко отпрянула, оттолкнув его, и вскочила на ноги. Тут же поморщилась — живот болел, голова гудела, а легкие словно выскребли. В груди разгорелся пожар, огонь поднялся к горлу, впитался в кровь, растекаясь по венам обжигающей лавой.

— Какого черта? — прокашлялась я и расправила свитер.

— Поля...

— Не смей на меня влиять! Впрочем, у тебя и не получится. Уже нет. — Я истерически рассмеялась. Эмоции смешались в один разноцветный пластилиновый ком, пульс гулко стучал в ушах, хотелось сбежать и спрятаться подальше, чтоб никто не нашел.

Я вдруг ощутила себя беззащитной рядом с Владом. И почему раньше не было этого чувства — ведь оно действительно правильное? Он может причинить вред, сделать больно...

— Это последствия изгнания, — мрачно пояснил он. — После отречения было бы еще хуже.

— Я хочу... домой... — простонала я и отвернулась.

Чужая. Я здесь чужая...

Тошнота усилилась, голова гудела все сильнее, а еще болел живот. Да уж, приятного мало. Но не смертельно — вон Глеб пережил, и ничего.

— Позволь отвезти тебя. У нас еще есть время...

— Время на что? — выдохнула я.

Взгляд обжигающий, дикий. И слова царапают горло — правильные, но такие горькие. Влад поднялся, но подходить не стал. Просто смотрел на меня, а в голове, наконец,

оформилась четкая мысль: я вижу его в последний раз.

Мы уже не связаны. Никто друг другу.

— Я не очень умею извиняться, — поморщился он.

— Просто ты не считаешь себя виноватым, — горько усмехнулась я.

— Не считаю, — признался Влад. — Я спасал твою жизнь — это было главной задачей.

— Зачем? — Я развела руками. — Что это дало мне? Когда я рядом с тобой, мне постоянно больно. Даже сейчас... Наверное, к лучшему, что я уйду.

— Древний зря думает, я так это оставляю.

— Прошу, не нужно, — сказала я и посмотрела в пол. На него смотреть было невыносимо — тоска разрасталась, множилась воспоминаниями, больно кололись осколки разбитой гордости. — Не заставляй меня думать, что я прошла через это напрасно.

— Я не подставляюсь, — пообещал он.

— Мне пора.

Напольные часы показывали полчетвертого. Приеду домой — лягу спать. Просто забуду на все. Охватили дикая апатия и усталость.

Не знаю, как я оказалась в коридоре. Голова все еще кружилась, но живот болел терпимо. На меня с ходу налетела Майя и, крепко обняв за талию, уткнулась носом в грудь. Я погладила девочку по спине.

— Все хорошо, Рыжик.

— Мне жаль, — сочувственно сказала Ева, стоящая неподалеку.

— Мне тоже, — улыбнулась я в ответ. — Ничего, не пропаду.

— Мы только вернулись. Отдыхали в Египте. Майя любит загорать, Мирослав каждый год нас вывозит.

— Я буду очень скучать, — сказала я, едва сдерживая слезы.

Защитница ничего не ответила и тоже меня обняла.

Когда мы вернулись в гостиную, все притихли. Я нашла взглядом Глеба и кивнула, как бы говоря, что все в порядке. На большее меня не хватило.

— Когда планируешь уехать? — тихо спросил Кирилл.

— Чего ждать? — усмехнулась я. — Сейчас отдышусь и поеду.

Я провернулась к Лине.

— В кухне над мойкой и в комнате, в комоде остались таблетки. Мне все равно уже ни к чему.

Деторожденная еле заметно кивнула и отвела взгляд. Понимала, наверное, что, если я вернусь в племя, она потеряет и дар, и привилегии. Что ж, теперь это ее крест.

Больше никто высказаться не торопился, только Глеб подошел и обнял меня за плечи. Я вызвала такси и в последний раз обвела гостиную взглядом. Тут я появилась маленькой и неопытной девчонкой. Здесь читала на диване, принимала колдуна, ждала воскрешенных атли, здесь ударила древнего, и он упал вон туда, на светлый ковер. Здесь у меня было последнее в атли видение.

Вся моя история — здесь. Здесь она и закончится.

— Ты можешь стать моей пророчицей, — внезапно сказал Эрик.

Он произнес это непринужденно, как бы между прочим, и я застыла, не понимая, как на это реагировать. Впрочем, непринужденно себя чувствовал только сам Эрик. Все молчали, а Влад выглядел так, словно готов наброситься на него с кулаками. Естественно, такой невиданной наглости не позволял себе никто.

Эрик повернулся к Владу и спокойно произнес:

— А что? Она ведь больше не атли — ты ее изгнал. Я лишь предлагаю ей безопасность и защиту.

И тут я поняла, осознала окончательно. Я больше не атли. Навсегда.

Стало тяжело в груди, дыхание сбилось. Я была здесь лишней.

— Ну, так как? — пристально глядя мне в лицо, спросил Эрик, и я отчетливо поняла, что хочу его ударить. Несмотря на слабость жилы, ладони зачесались, забылось все, чему учил Барт. — Или тебе нужно время подумать?

— Не нужно, — сдавленно ответила я и отвернулась. — Я не буду твоей пророчицей, советую агитировать кого-нибудь другого.

И, с шумом выдохнув, покинула дом. Последнее, что запомнила в тот вечер — пунцовое от стыда лицо Даши.

Домой приехала совершенно раздавленная. Позвонила Вике, и подруга тут же защебетала о том, какая я негодница, и что она сейчас приедет и все-все мне выскажет в лицо. Пререкаться сил не было и, положив трубку, я просто откинулась на спину и уставилась в потолок. Попыталась отрешиться от ноющей боли в животе и уснуть — не вышло.

Вика приехала через два часа при полном параде: кожаная мини-юбка едва прикрывала то самое место, под гипюровой черной кофтой явно просматривался кружевной лифчик. Боевой раскрас подруги заставил меня насторожиться.

— Собирайся, едем в клуб, — безапелляционно заявила она, подтверждая мои опасения. Все попытки возмущаться, тут же погибли под ее строгим взглядом.

А что, в самом деле, я теряю? На душе паршиво так, что выть хочется. Авось немного алкоголя и громкая музыка приглушат тоску.

Правда, на наряд, который выбрала для меня Вика, я посмотрела скептически. Это платье я купила во время шопинга с Ирой — красное обтягивающее, с глубоким вырезом. Еще на выходе из магазина поняла, что ни за что его не надену. Да и некуда было — не в лесу же в нем дрова рубить.

Но Вика настояла, сказав, что больше ничего для снятия стресса и лечения депрессии в моем гардеробе не подходит.

Пока я натягивала платье, раздался звонок в дверь — короткий и тревожный. Я открыла и облегченно выдохнула — на пороге стоял Андрей.

— Как же хорошо, что ты жив! — не скрывая радости, воскликнула я и втащила его в квартиру.

— Извини, я только вернулся и увидел, что ты звонила... Мишель устроил мне командировку в Москву на два дня.

— Ну, понятно, — нахмурилась я. — Нагнетал.

— Что нагнетал? — Он прищурился и тут же отпрянул. — Черт! Ты... ушла.

Я кивнула.

— Не стоило из-за меня...

— Не только из-за тебя. Владу подписали смертный приговор.

— Чего нарядилась? Словно праздновать собралась.

— Напьюсь, — улыбнулась я, желая прогнать атмосферу отчаяния. — С подругой. Хочешь с нами?

— Даже не знаю, — смутился он. — Не хочу мешать.

— Глупости. Собираемся и идем!

Через час мы уже сидели в клубе. Громкая музыка, дым, прожекторы и толпа на танцполе — словно исполняющая ритуальный танец. Официанты в белом разносили напитки на блестящих подносах.

Как ни странно, неловкости не возникло, Вика с Андреем поладили, и разговор был оживленным. Разговаривали на обычные человеческие темы. Как оказалось, Вика записалась на кулинарные курсы, и Андрей объяснял тонкости приготовления некоторых блюд.

Мне полегчало. Не то, чтобы прям очень, но жила почти не ныла, а отчаяние отступило. Коньяк иногда творит чудеса, особенно если им не увлекаться. Я выпила достаточно, чтобы унять дрожь, расслабиться и притупить переживания.

Через некоторое время Вика, как обычно, потянула меня танцевать, но я отказалась. Андрей не хотел на танцпол, а я не горела желанием оставлять его одного за столиком. Да и от каблучков отвыкла, ногам было жутко неудобно и постоянно хотелось снять сапоги.

Когда подруга ушла, охотник сказал:

— Что-нибудь придумаем, а пока не циклись. Мишель не всегда был у власти, возможно...

— Хорошо, не буду, — перебила я.

Говорить об уходе из атли не хотелось, от этого возвращалась тоска, а я сегодня собиралась забыться. Успею еще попереживать — тем более, у меня это всегда получалось с блеском.

Вика вернулась. Присела на свой стул и расплылась в улыбке.

— Я влюбилась с первого взгляда, — произнесла томно. — Такой красавчик! Подойти? Я закатила глаза.

— Все равно ведь подойдешь. Зачем спрашиваешь?

— Ну-ка, Андрюшка, плесни мне для храбрости! — Она откинула назад волосы и облизнула губы. Достала зеркальце и какое-то время пудрилась. — Такого непросто будет заарканить.

— Где он? — заинтересовано оглянулась я.

— Эй, не пали контору! — возмутилась Вика и поднялась. Залпом выпила коньяк и направилась к барной стойке.

— Охотница, — восхитился Андрей.

— Да, благодать у нее в крови, — пошутила я.

— И что, закадрит?

— Увидишь, через пару минут они подойдут вдвоем, потом, возможно, посидят с нами недолго, а возможно сразу поедут к ней. Или к нему. В крайнем случае, Вика отложит более близкое знакомство. Но это, если он ей очень понравится, и она не захочет ограничиваться одной встречей.

Андрей покачал головой.

— Я знаю Вику с детства, — пояснила я. — Ее тактика с годами только совершенствуется.

— Ты была права, — сказал он восторженно. — Они идут к нам.

— Я же говорила, — гордо произнесла я, тоже выпила и поперхнулась — следом за Викой, нагло улыбаясь, шел ее «кавалер». Тут я окончательно перестала верить в случайности.

— Эрик!

— Полина.

Эрик Стейнмод смотрел на меня сверху вниз, саркастично изогнув бровь. Первое, о чем я подумала: он следил за мной. То есть либо Влад подослал его шпионить, либо, что вероятнее всего, это была его собственная инициатива. Он ведь так хотел иметь пророчицу.

— Вы знакомы? — разочаровано протянула Вика.

— Что ты здесь делаешь? — не обращая внимания на досаду подруги, резко спросила я.

Надоели интриги. Все эти слезки, заговоры, оборачивающиеся для меня такими посиделками и пьянством. Разочарованием и одиночеством. Это жутко злило.

— Да вот, пришел к бармену, он мой... — Эрик покосился на Андрея, затем на Вику. — Из спортклуба.

— Ты качаешься? — Вика захлопала ресницами и жеманно округлила глаза.

— Хочешь сказать, бармен — скади, и ты тут совершенно случайно? — язвительно парировала я.

— А ты каждому рассказываешь о таком?

Он казался удивленным. Присел рядом, не спуская с меня пристального взгляда. Внезапно показалось тесным яркое обтягивающее платье, а вырез — слишком глубоким.

Не знаю, кто дает людям такие глаза. Может, боги и правда существуют, но это просто несправедливо. Приближается, гипнотизирует, а ты морально спотыкаешься и забываешь слова. Плависься от напряжения, а он все смотрит. Я отвернулась и только теперь заметила, что Андрей встревожен. И на лице его читался... страх?

— Вика все знает обо мне, а при Андрее и подавно можно не притворяться. Он смотритель атли, если ты не в курсе, — сердито ответила я машинально, и обратилась к Андрею. — Это Эрик Стейнмод. Они приехали недавно и сейчас гостят у атли.

— Ты зарегистрировался? — деловито поинтересовался охотник, стараясь при этом казаться грозным. Тщетно — выражение его лица явно выдавало беспокойство.

— Успею еще.

— Ты очень сильный, — зачем-то сказал Андрей и замолчал. Вика раздраженно поерзала на стуле.

— У каждого свои недостатки, — непринужденно ответил Эрик и обратился ко мне: — Заливаешь горе?

— Привыкаю к новой жизни.

Говорить с ним никак не хотелось. Вообще общаться с Эриком мне не нравилось. Его высокомерие и странные вопросы, словно он хотел выведать побольше о моей жизни, раздражали.

А еще, наверное, казался коньяк или, может, изгнание, потому что внезапно замутило и стало дурно.

— Пожалуй, мы пойдем. — Я многозначительно посмотрела на Андрея и поднялась. Чуть не подвернула ногу, но героически схватилась за стол и удержалась на ногах.

— Недалеко ты уйдешь — в твоей жиле яд, — поменяв шутливый тон на серьезный, возразил Эрик. — Тебя отравили.

— Что за бред? Кому нужно меня травить?

— Понятия не имею. — Он пожал плечами. — Но яд уже действует. Пойдешь с ним — рискуешь погибнуть.

Я растерялась, а затем резко поморщилась, так как живот заболел сильнее, а еще показалось, я слышу голоса. Вернее, один голос. Мужской. И он звал меня.

— С чего ты взял, что ее отравили? — воинственно спросил Андрей. — Разве что ты сам сделал это!

— Черт, пророчица, мне совсем не хочется сейчас выяснять отношения с охотником! Мы теряем время, а я мог бы уже вылечить тебя.

— Мне не нужна твоя помощь, — упрямо ответила я и повернулась к выходу.

На свежем воздухе стало легче. Живот перестал болеть, тошнота ушла, только голос в голове стал четче, и я вдруг поняла, что нужно слушать его. Слушать внимательно.

— Иди ко мне, Полина, — шептал он. — Ты должна ко мне прийти...

Конечно, должна. Я знала, что если не приду, мне будет очень плохо. Значит, нужно идти.

— Избавься от охотника, — прошептал голос.

Я повернулась к Андрею.

— Слушай, я прогуляюсь немного. Одна, если ты не против.

— Тебе же плохо было, — обеспокоился он.

— Да я разыграла это, чтобы от него избавиться. — Я махнула рукой в сторону клуба. — Достал.

— Ты точно в порядке? — Андрей пристально всмотрелся мне в лицо, и я улыбнулась как можно непринужденней. — Этот Эрик говорил о яде...

— Пффф! И ты поверил. Ему просто пророчица нужна, вот он и выдумывает способы. Тот еще проныра.

Андрей еще несколько минут поколебался, а потом сдался.

Убедившись, что он ушел, я облегченно выдохнула. Оглянулась в поисках слежки, но ее не было — видимо, Эрик решил остаться внутри, с Викой. Черт его знает, может, он и правда приходил сюда по делам...

— Умничка, — произнес голос. — А теперь иди. Сверни за угол, оттуда прямо в сторону парка.

Я поспешила выполнить приказ — преодолела проезжую часть и свернула направо.

Поднялся ветер, зашевелил ветви деревьев и швырнул мне в лицо горсть снега. Я зажмурилась, остановилась, чтобы прикрыть лицо. Было душно и сладко. Спокойно. Словно я шла туда, куда должна идти, а там меня ждет... А черт его знает, что там меня ждет! Неважно. Все неважно, кроме этого голоса...

Я решительно шагнула вперед, но путь перекрыла высокая фигура. Я испуганно отшатнулась, отступила назад и чуть не упала, споткнувшись о бордюр.

Сильные руки поймали меня, сознание заволочло туманом, и я услышала голос — хриплый и ласковый:

— Тише. Уже все хорошо, малыш...

И отключилась.

Глава 7. Второе пришествие

Все вокруг было синим. Синева проникала в мозг расслабляющей прохладой, успокаивала, снимала боль. Шевелиться не хотелось. Хотелось просто лежать и ни о чем не думать. Проваливаться в небытие, приходить в сознание, вновь проваливаться. И ни в коем случае не двигаться.

Откуда-то сбоку и в тоже время издалека раздался знакомый, родной голос:

— ...нельзя же...

— Не глупи. Можно, раз говорю! — отвечал второй голос с нотками раздражения.

— Лучше она сама. Такое уже было, — упрямылся первый.

— Глеб... — прохрипела я и постаралась поднять руку. Не вышло.

— Тссс, я здесь. Держись, слышишь!

— Нет времени! — окончательно рассердился второй. — Режь.

Через секунду я почувствовала слабую боль в правой ладони, скорее это была не боль — отголосок боли. Все казалось далеким, иллюзорным и несущественным.

Затем кто-то взял меня за руку, и я с шумом выдохнула. Вены наполнились кеном. Сладким, тягучим, обжигающим. Карамельным. Он проник в жилу, взбудоражил, опьянил. Хорошо... Как же... хорошо! Я застонала от удовольствия и сильнее сжала широкую ладонь.

— Ну, все, хватит, — ласково сказал второй голос, и ладонь, источающая сладкий кен, отпустила мою. Разочарованная, я попыталась открыть глаза, но они решительно не хотели открываться. Хотелось еще, поглощать и наслаждаться. Ни о чем не думать, кроме удовольствия.

— Поля. — Глеб присел рядом, погладил по щеке.

— Ммм...

— Жива?

Постепенно опьянение отпускало, мысли прояснялись, даже один глаз слегка приоткрылся. В поле зрения появился Глеб — встревоженный и растрепанный.

— Тебе не стоит быть со мной, — прошептала я и облизнула пересохшие губы. — Мишель...

— Помолчи, а! — перебил он. — Ты как?

— Пить хочу...

Глеб тут же приподнял мою голову, сунул стакан с водой, и я залпом его осушила. Разлепила и второй глаз, осмотрелась.

Комната была синей. Синий разделился на множество оттенков и рассыпался по стенам, потолку, кровати, кое-где разбавляясь белым и черным. Ночь цвета индиго скалилась в окно через темную газовую занавеску. Отражалась в зеркале на стене смесью городских огней и темноты. Со стен лили холодный свет тонкие изогнутые дугой светильники. Другие части этих стен украшали аляповатые картины-абстракции.

Под головой у меня заботливо лежала темно-синяя парчовая подушка.

Я приподнялась на локтях.

— Тебя не учили не тратить силы при истощении? — строго отчитал меня Глеб и вновь уложил, надавив на плечи.

— Истощении? — переспросила я. Понимала с каждой секундой все меньше, а вопросов

собиралось все больше. — Где мы?

— У Эрика. Он позвонил мне из какого-то клуба. Тебя отравили, а он вылечил. Кажется, даже без последствий... — Глеб внимательно меня осмотрел, позаглядывал в глаза, пощупал пульс и, наконец, облегченно выдохнул: — Ну, слава богам, жива!

Потом что-то еще говорил, но я не слушала. При упоминании об Эрике в груди разлилось тепло, жила откликнулась, заныла, а ладони зачесались.

Во мне его кен. Сладкий, карамельный. Именно от него голова и кружится.

Так, стоять. Глеб сказал, меня отравили. Значит, правда... Я вспомнила голос, что настойчиво куда-то звал, а я шла, как под гипнозом. Бррр, жутко! А если бы дошла до цели? Что было бы тогда?

Размышления прервал мой неожиданный спаситель. Он вошел в комнату с бинтами в руках. Подвинув Глеба, присел на кровать, взял мою руку и начал обрабатывать рану.

Только теперь я увидела поперечный порез на ладони и поняла, что Эрик передавал мне кен через кровь. Разве так можно при истощении? Разве это не заканчивается смертью?

Но я была жива, даже слишком жива для истощенной — сердце гулко забилося где-то у горла, мысли спутались, а взгляд остановился на лице Эрика — сосредоточенном и серьезном.

Он, казалось, увлекся обработкой раны. Светлые волосы собрал в пучок, лишь одна прядь выбилась и падала на лицо. Внезапно мне захотелось убрать ее за ухо, но я сдержалась. С интересом наблюдала за ним, необычно молчаливым, без капли насмешки на красивом лице.

У него были теплые руки, и меня окутало спокойствие и уверенность. Странный контраст с ощущениями нескольких предыдущих дней, а если учесть, что кто-то отравил меня, совершенно сбивающее с толку чувство.

Это все его кен, подумала я, но без злости.

— Спасибо, — произнесла тихо.

Эрик посмотрел в глаза, слегка улыбнулся и кивнул. Потом закончил перевязку и встал. Я села на кровати и расправила платье.

— Сорвался с крючка твой отравитель, — посетовал Эрик и рассеянно покрутил между пальцев серебряный амулет. — Не думаю, что он в ближайшее время объявится. Есть идеи, кто это мог быть?

Я пожала плечами.

— У меня не так много врагов.

— Правда? А так сразу и не скажешь, — пошутил он. Протянул визитку и добавил уже серьезно: — Мой телефон, если вдруг передумаешь.

— Не передумаю, — нахмурилась я. — Но спасибо.

Он кивнул.

— Лучше полежи сегодня. Яд был сильным, пришлось почти весь кен с ним вычистить. Восстановиться как, знаешь?

— Да.

— Хорошо. — Кивнул Глебу. — Присмотришь за ней?

— Он присмотрит, — ответила я за Глеба и встала. Меня тут же качнуло в сторону, и Эрик ловко поддержал за локоть. Покачал головой и шепнул:

— Лучше бы ты осталась.

От его голоса — низкого, проникновенного, по спине пробежала дрожь. Бросило в жар,

затем в холод, мысли спутались, а потом и вовсе исчезли.

Это все последствия обмена, подумала я и заставила себя отвернуться. Глеб накинул мне на плечи куртку, и я сунула визитку в карман. Не собиралась звонить, но пусть будет. На всякий случай.

— На твоём месте я бы выяснил, кто пытался тебя отравить, — деловито произнес Эрик, когда мы были уже у выхода. — В следующий раз меня может не оказаться рядом.

— Как это вообще происходит? Разве можно отравить жилу?

Почему-то вспомнился Будапешт и слова Влада о том, что мой кен губителен для Герды. Тогда он тоже что-то сделал. Но что?

— Можно. Банально — яд подмешивается в еду. Или напиток.

Жуть какая! Стоило мне вернуться — и привет, неприятности. В Липецке никогда ничего не изменится. Тут атмосферу кто-то отравил.

Я с отвращением натянула высокие сапоги-чулки на шпильке. Чтоб я ещё раз надела их? Да ни за что! Только ноги ломать. Вот кеды — совсем другое дело. Или мои любимые ботинки от «Коламбия» — не промокают, ноги не мерзнут, и вообще. Даже в сибирском лесу в них комфортно было. Платье это ещё — красное, обтягивающее, постоянно задирается по самое не хочу. Нет уж, проверенные джинсы куда удобнее.

Уже на улице, подпрыгивая от дикого, кусачего холода и топча каблуками давно утрамбованный снег в ожидании такси, я поняла, что понятия не имею, как вычислить отравителя. А самое главное — зачем кому-то меня травить.

Вспомнила Мишеля, но тут же отбросила эту мысль. Если бы он хотел сделать со мной что-то, то давно сделал и без яда.

Тайная поклонница Влада? Но даже если она есть, зачем ей все это? Я ушла из атли, видаться нам нельзя — дорога открыта.

Больше ничего на ум не приходило, поэтому я не стала думать. Нужно с этим переночевать, а наутро решение, быть может, само придет. В крайнем случае, свяжусь с Бартом и посоветуюсь.

Впрочем, думать не особо хотелось. Голова все ещё кружилась, в груди было тепло, и казалось, ладони все ещё пахнут Эриком — его тягучим, карамельным кеном. Вспомнила непослушную прядь и мысленно сделала то, что не посмела в реальности. В конце концов, это лишь фантазии.

Такси, наконец, приехало, и я строго велела Глебу отправляться домой. Не хватало ещё, чтоб Мишель нас вместе увидел в день моего ухода из атли. Обещала звонить в случае чего и для убедительности помахала у него перед лицом визиткой Эрика.

В итоге он сдался и захлопнул дверцу машины. Я откинулась на спинку сиденья и назвала адрес. Набрала Дэна. Его телефон был отключен, а это означало лишь одно — он сейчас с сольвейгами. В груди шевельнулась тоска и тут же растворилась, как и остальные мысли. Было невероятно хорошо, легко и пусто.

Домой я вошла уставшая и сонная. Прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. Слишком много впечатлений.

Переезд, одиночество, яд... Эрик. Сильный, загадочный и такой притягательный Эрик. Мужчина, прорвавший кордоны.

Бред.

Я встряхнулась. Постояв ещё немного, включила свет, бросила на трюмо сумку и куртку, пошла на кухню. Очень хотелось пить. Налила воды в стакан и залпом выпила. Осмотрела

перевязанную руку, и вспомнила карамельный кен, от которого буквально опьянела.

Воспоминания прервал шорох в спальне. Очень характерный, нехороший шорох. Ну, нет. Что, снова?

Стараясь не шуметь, я пробралась к выходу. Мирослав дома, сказала себе. Он сильный и защитит. Тихо открыла дверь и уже собралась выйти, но...

На пороге стоял он. Человек из видения.

— Черт!..

...сказала бы я, если бы смогла. Но я не смогла. Голос исчез, прям как у русалочки из сказки. Эйфория сменилась ужасом, расслабленность — собранностью. Предательски дрогнули колени.

Я вспомнила, что слышала шорох из спальни. Обернулась — еще двое стояли за моей спиной. Все как на подбор: темноволосые, мрачные и молчаливые.

Один из них держал белый плащ, такой же, какие были надеты на них. Брюнет у входа втиснул меня в квартиру и закрыл дверь.

Бежать было некуда. Скользкий, холодный страх вползал внутрь.

Второй незнакомец, подошел и накинул плащ мне на плечи.

Голова закружилась. Сознание вновь затуманилось, и последней мыслью было: «Да что ж за день такой сегодня!».

Не знаю, сколько времени прошло, но я пришла в себя и почувствовала себя довольно бодрой. Поняла, что все еще стою и что обстановка поменялась. Незнакомая комната, пустая, почти без мебели, только посередине красовался аляповато красный — в тон моего платья — широкий диван.

Я осторожно осмотрелась и примерзла к месту от дикого, оглушающего ужаса. Внутренние демоны никогда меня не отпустят, а от судьбы не уйдешь...

Черноволосые похитители исчезли. Зато напротив, загораживая дверной проем и сложив руки на груди, стояла Герда.

Меня окатило ледяным ужасом, колени подкосились, и я чудом удержалась на ногах.

— Привет, «мамочка», — сказала она и улыбнулась.

Глава 8. Неожиданные видения

Я вновь в темной мутной воде. Барахтаюсь, пытаюсь выплыть. Тщетно. От драугра не сбежишь.

— Как ты... — выдохнула я и замолчала. Даже не заметила, что снова могу говорить.

— Как вернулась? — Она скучающе посмотрела на свой маникюр. — Я ведь предупреждала. И тебя, и Влада. Он мог стать сильнее, получить знания. — Она наигранно вздохнула. — Но, если тебе интересно, он убил не всех моих адептов.

— Влад не мог так облажаться! — вырвалось у меня.

— Он многое продумал, — кивнула Герда. — Кроме того времени, что я провела якобы в Венгене. Слишком был занят проблемами с охотниками.

— Ты не была в Швейцарии, — с досадой констатировала я.

— Не была. — Она шагнула ко мне, и я вздрогнула. От близости той, что стала самым большим страхом для меня, самым большим разочарованием, я превратилась из сильного, опытного сольвейга снова в ту беспомощную девчонку, лежащую на берегу Дуная. — Кому, как не тебе знать, что мужчины предадут?

Она горько усмехнулась, и тут я заметила, что левая часть некогда красивого лица покрылась серыми пятнами — рваными, налезавшими на лоб и веко. Она болеет, подумала я. Поврежденная жила дает о себе знать.

— После неожиданного предложения Тана на свадьбе я поняла, что сольвейги странным образом влияют на мозги, — тем временем продолжала Герда. — Как я могла полностью положиться на Влада, если ты с ним спала? Он, к сожалению, был сильнейшим моим адептом. Впрочем, ключевое слово здесь «был».

— Ты нашла еще одного...

— Нашла. Весьма неожиданно для себя.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — устало спросила я. — Как штамповый злодей в фильме ужасов. Я же здесь, чтобы умереть?

Герда подошла почти вплотную и заглянула в лицо. Некогда карие, блестящие глаза с длинными ресницами потускнели, потухли.

Ей плохо. Реально плохо. А я — лекарство.

— Ты ведь хочешь жить, не так ли? — спросила она хрипло.

— А тебе есть дело?

— Я дам шанс.

Тишина, последовавшая за этими словами, была такой глубокой, что шуршание одежды, когда Герда отошла от меня и присела на диван, резала слух. Даже сердце, казалось, замерло, боясь биться...

— Шанс?

— У тебя ведь есть друзья. Сильные. Подобные тебе.

Я отпрянула и, наверное, выглядела испуганной.

— А что такого? — удивилась Герда. — Разве вы не должны выручать друг друга? Слышала, вождь сольвейгов очень силен.

— Он тебе не по зубам!

— Тогда чего пугаешься? Устрой нам встречу.

— Нет, — твердо ответила я.

— А ты не боишься, что пострадает другое близкое тебе племя? Например, атли?

— Можешь шантажировать меня сколько влезет. Можешь убить. Но я не предам сольвейгов.

— Тогда ты предашь атли, — злорадно сказала она. — Начнем, пожалуй, с Глеба...

— Послушай, тебе ведь нужен любой сольвейг. Так вот он. — Я развела руки в стороны. — Я даже сопротивляться не буду. Не трогай Глеба. Он же никогда тебе зла не делал, даже наоборот.

— Ты себя-то видела? — жалостливо вздохнула она. — Снова на грани истощения. Да пока ты восстановишься, я зачакну!

Я смотрела на нее и не узнавала. Не находила больше тех черт, что так нравились мне. Циничная, холодная, жестокая женщина. Как я могла любить ее? Умирать за нее? Она ведь совершенно чужая. Не моя дочь.

Странно, но стало легче. Наверное, мне нужно было увидеть ее, чтобы отпустить.

Только вот встреча с Гердой не сулила ничего хорошего. Нужно тянуть время. Попытаться мысленно связаться Бартом, спросить совета.

— Мне нужно подумать.

— У тебя есть два часа.

— Два часа — это слишком мало, — возразила я.

— Посмотри на меня — у меня не так много времени, Полина. И будь паинькой. — Она подошла ближе и протянула руку. — Отдай телефон. Мы ведь не хотим, чтобы ты кого-нибудь подставила раньше времени. Влада, например.

Всем своим видом Герда показывала свое превосходство, но почему-то показалось, она пытается уколоть меня. Ведь на берегу мрачной, темной реки Влад именно ею пренебрег. Провел, как девчонку, а она древняя.

— Я отведу тебя в спальню — там отдохнешь и подумаешь. А после хочу, чтобы ты привела меня к вождю сольвейгов.

Я со злостью вручила ей мобильный — последнюю надежду на освобождение.

Спальня располагалась почти сразу за дверью, направо по коридору. Вообще квартира оказалась на первый взгляд обычной хрущевкой с паршивеньким ремонтом и почти без мебели. Если не учитывать диван в зале, спальня могла похвастаться односпальной кроватью и высоким лакированным шкафом с накренившейся дверцей.

Интересно, почему Герда не живет в доме Тана? Стыдно что ли?

Она вышла и закрыла дверь. Не на ключ, что характерно — наверное, не боялась, что сбегу. Я подошла к окну и отодвинула занавеску. Как оказалось, квартира находилась на первом этаже — ничем не примечательный двор из четырех стоящих квадратом хрущевок освещался тусклыми фонарями, а окна закрывали массивные решетки. Да уж, тут не сбежишь при всем желании. Скорее всего, и охрана у драугра имеется — во всяком случае, те трое, что меня похитили. Интересно, кто из них тот самый сильный адепт? Хотя какая разница? Это не главное. Главное — выбраться и предупредить Глеба, а на все про все у меня два часа.

Сначала я села на кровать и несколько минут просто дышала. Нужно успокоиться, иначе нормально подумать не получится. Выход есть всегда — кому, как не мне это знать. Влад доказал мне, что даже в случае с драугром он есть. Значит, нужно думать, как Влад.

Главное — выжить. Попытаться связаться с Бартом. Если не выйдет, обещать Герде что

удобно. Обещать — не значит выполнить. Она врала мне много лет, и я с чистой совестью могу врать ей. Если мы выйдем из этой квартиры, сбежать будет проще.

Только вот актриса из меня не очень... Ничего, жить захочешь, всему научишься.

Я села в позу лотоса и выпрямила спину. Положила руки на колени, закрыла глаза. Только бы Герда не вошла. Впрочем, что она сможет сделать? Отследить энергетическую связь сольвейгов не под силу никому.

Барта я звала долго, но увы, он не ответил. Никак не дал о себе знать. В результате у меня закружилась голова, а в душе поселилось беспокойство, растущее с каждой секундой. Если Барт не ответил, он тоже может быть в опасности.

С Люсией связаться было гораздо проще — она откликнулась почти сразу. Возникла в моих мыслях сияющим рыжим клубочком, расплескала в голове тепло. Уверенность. Приглушила страх перед вампиром.

Сольвейги не общаются мысленно словами. Скорее образами. Словно сидишь рядом с человеком и читаешь по его лицу. А еще понимаешь эмоциональный фон — очень удобно, когда нужно вовремя собраться.

Люсия мои эмоции вычислила сразу. Встрепенулась, дрогнула, и от ее чувств повеяло ужасом.

Не бойся, маленькая провидица, я не приведу драугра к вам. Мне просто нужен Барт. Хотя бы для того, чтобы поблагодарить. Я ведь так и не сказала, насколько вы все стали мне близки.

Барт ушел искать знания — все, что я поняла. Барт ушел, Дэн ушел, а сольвейги...

Нет, не говори мне. Безопаснее будет, если я не узнаю. Герда не получит ничего больше — у нее есть я, вот пусть мной и довольствуется.

Как же все-таки вовремя меня отравили! Теперь, чтобы восстановиться, мне понадобится время. Жаль, у атли его нет... Нужно найти способ предупредить Глеба! Я порылась в карманах и выложила их содержимое на кровать: связка ключей, жвачка и визитка Эрика.

Эрик! Наверное, он смог бы помочь. Было бы немного нечестно вмешивать его в разборки с драугром, но я всего-то хочу попросить предупредить Глеба. Если бы у меня был телефон...

Надо завести себе второй мобильный и прятать в сапоге — как в гангстерских фильмах делают все главные героини.

Боги, как я устала! Думать, выкручиваться, выживать. Поспать бы... Истощение явно давало о себе знать. Я прислонилась к стене и прикрыла глаза. На пару минут, сказала я себе. Просто чтобы собраться с мыслями. И провалилась в сон.

Проснулась я резко, понимая, что проспала, возможно, весь срок, отпущенный мне на раздумья. Жила болезненно ныла, пульсировала, посылая импульсы к ладоням. Жаль, что драугра нельзя убить кеном сольвейга. Жаль, что его вообще нельзя убить...

Я встала и немного размялась. Мышцы затекли и отозвались на движения противными, болезненными мурашками. Голова была пустой. Совершенно. Выход никак не хотел находиться, и я решила следовать первоначальному плану: обещаю Герде то, что она хочет, а по дороге попытаюсь сбежать. Позвоню атли, а затем придумаю что-то еще.

Из комнаты с диваном доносился едва различимый гомон. Вероятно, Герда развлекается со своими адептами в ожидании вкусняшки. Скоро придет, улыбнется и потребует. Как же она достала! Все они — хищные, охотники, драугры, которым от меня

что-то нужно.

Злость немного разогнала кровь и привела меня в чувство. Стоп, если adeпты Киры сейчас с ней, может, у меня получится сбежать. Потихоньку выберусь из комнаты и проскользну к двери. Поймают — скажу, что искала туалет. Идеальный план.

Я сняла сапоги, чтобы не привлекать внимание стуком каблуков, сжала их в руке и осторожно вышла в коридор. Голоса из гостиной стали громче, они чередовались с тихим, призывным женским смехом. Похоже, Герда кадрит очередного adeпта. Одного любовника сгубила, принялась за следующего.

Впрочем, мне нет до этого никакого дела. Вот она — дверь, до нее метра два. Я сделала шаг, еще один...

Навстречу из-за угла вырулил один из черноволосых прихвостней драугра. Застыл, уставился на меня изумленно, в руке опасно накренилась тарелка с бутербродом. Черт, как есть-то хочется, а! Герда хоть бы накормила, бессовестная. Я ее не так воспитывала.

Тьфу, что за мысли!

— Я туалет искала, — невинно улыбнулась я.

Жила натянулась сильнее, молчаливый прислужник драугра шагнул ко мне. А через секунду впихнул в меня в комнату с диваном и грубо толкнул вперед.

— Вот, сбежать пыталась, — грубо процедил он.

Герда смирила меня испепеляющим взглядом, затем перевела его на брюнета и процедила:

— Идиот!

Но мне уже было все равно. Абсолютно. Комната уменьшилась, сузилась, наполнилась мрачностью и безысходностью. Давила тусклыми стенами, ярким элементом интерьера, превратившимся внезапно в кровавое напоминание о прошлом и плохое предзнаменование.

Никогда не стоит доверять незнакомцам. Особенно сильным и таинственным. Потому что в итоге они могут переиграть тебя.

На диване, вальяжно раскинувшись и глядя на меня все так же насмешливо и непринужденно, расположился Эрик. Герда сидела вполоборота к нему, ее ладонь покоилась на рукаве его куртки и, казалось, только что перестала ее поглаживать.

Чертовы предатели! Все. Как же надоели. Как же я всех их...

— Ненавижу! — прошипела я прямо в это наглое, самодовольное лицо. — Тебя. Всех вас. Горите в аду!

— Уведи ее, — велела Герда, тут же превращаясь из милой соблазнительницы в фурию. — И проследи, чтобы без инцидентов.

Черноволосый безымянный adeпт кивнул и грубо схватил меня за локоть.

— Отпусти, — резко вырвалась я. — Сама пойду.

Я вошла в спальню и с грохотом захлопнула дверь. Казалось, даже штукатурка посыпалась. Плевать. Умела бы, разрушила всю квартиру. Эх, ну почему я слаба именно сейчас? Хотя известно почему — из-за Эрика. Из-за этого «спасателя». Вот кого бы в первую очередь жажнула! Ведь это он, как пить дать. Он — главный adeпт Киры. И он может близко подобраться к Глебу. Ко всем атли... Черт!

Черноволосый вошел следом, возмущенно посмотрел на дверь и бесцеремонно уселся на кровать. Втупился в меня ненавидящим взглядом, вполне взаимным, к слову, и не шевелился. Он что, тут и останется? Охранять меня пришел? Боится, что просочусь в окно?

Я встала возле шкафа, опустила на пол сапоги и сложила руки на груди.

Так, наверное, и стояла бы до вечера, если бы злосчастная дверь не открылась, и в комнате не появился Эрик. Заполнил собой весь дверной проем и просочился внутрь, делая и эту комнату неприлично маленькой.

— Убирайся, — зло выдохнула я. — Ненавижу тебя!

— Когда ты злишься, твой словарный запас скудеет, — насмешливо произнес он и пренебрежительно бросил моему надсмотрщику: — Подожди за дверью.

Ага, значит, все верно. Он тут самый главный и командует адептами. А ведь я могу ударить, даже с малым количеством кена. Не убью, так покалечу. Я мысленно направила кен к ладоням, приготовилась.

Темноволосый с мрачным видом покинул комнату, и мы остались с Эриком вдвоем.

— Стоило догадаться, что у тебя дар, — вздохнул он и посмотрел на меня исподлобья. Улыбнулся и, как ни в чем не бывало, весело добавил: — Влипать в неприятности.

— В смысле? — нахмурилась я.

— Если ты не в курсе, та женщина, — он указал рукой в сторону комнаты, где осталась Герда, — не очень хорошая компания для маленьких девочек вроде тебя.

— А для тебя, значит, хорошая? Или у вас особые отношения? — язвительно поинтересовалась я и сложила руки на груди.

— Воу, полегче! По-моему, я не давал тебе повода для ревности.

— Да сдался ты мне! Меня не тянет на темных прислужников драугра.

Эрик громко, раскатисто рассмеялся, а затем шагнул к двери.

— Идем.

— Никуда я с тобой не пойду. И говорить не собираюсь. Пусть она говорит, ведь это у нее ко мне претензии.

— Боюсь даже уточнять, какие, — вздохнул он и посерьезнел. — Идем, говорю. Или не хочешь домой?

— Как... домой? — опешила я.

— Ну, предположительно мы выйдем через дверь. Я мог бы телепортировать тебя, но невежливо будет уйти, не попрощавшись с хозяйкой этого... дворца. — Он брезгливо осмотрелся.

Получается, я ошибалась на счет Эрика? Он вовсе не адепт драугра и пришел, чтобы меня спасти?

— Как ты узнал, что я здесь?

— Я не знал. Мои ищейки пытались найти твоего отравителя и набрали на адептов Герды. А вот как ты вообще умудряешься влипать в такие ситуации — интересный вопрос. Только отправил тебя домой, а ты уже здесь!

— Они ждали меня в квартире, — мрачно ответила я.

— Постой, Глеб...

— Нет, он уехал. Мы попрощались у твоего дома.

— Хочешь сказать, он бросил тебя одну? — Эрик нахмурился.

— Он не бросал, — возразила я. — Глеб мне не нянька. И вообще нам нельзя видеться. — Эрик вопросительно посмотрел на меня, и я отмахнулась: — Долгая история.

— С тобой явно не соскучишься, — проворчал он.

— Сказал мистер предсказуемость, — передразнила я. — Откуда ты ее знаешь?

— Ты, правда, хочешь говорить об этом здесь? — лукаво улыбнулся он.

— Что ты обещал Герде?

У свободы всегда есть цена. Как и у жизни. Цена моей может быть неоправданной.

— Ничего из того, что могу попросить у тебя, маленькая болтушка. Я не принуждаю девушек со мной дружить.

Он шагнул ко мне и взял за руку. Высокий, сильный. Без каблуков я чувствовала себя рядом с ним малявкой. Облегченно выдохнула и, поддавшись порыву, прижалась лбом к его плечу. Захотелось разреветься, как маленькой, и я с трудом сдерживала слезы, глотая колючий ком, то и дело поднимающийся к горлу.

Я не одна. За мной пришли. Я буду жить.

Эрик прижал меня к себе и осторожно погладил по голове.

— Ну все... все хорошо, малыш. Обувайся.

В комнату к Герде мы вернулись вместе. Руку Эрика я так и не отпустила — вцепилась в нее мертвой хваткой, разве что ногтями не впиалась. Он, наоборот, совершенно не нервничал — держался уверенно, даже дерзко.

Герда сидела на диване со сложенными на коленях руками, а за спиной у нее, как преданная свита, с мрачными лицами застыли темноволосые адепты. На этот раз они были одеты обычно, и, если бы я их не знала, ни за что бы не приняла за колдунов.

— Мы вынуждены откланяться, — непринужденно произнес Эрик. — Сама понимаешь, дела. И да, моя просьба на счет переезда остается в силе. Не хочу нервничать из-за твоего присутствия.

— Ты знаешь, я не причиню вреда скади, — томно ответила Герда.

— Знаю, — кивнул он. — Но все же это мой город. Мир такой большой, уверен, ты найдешь себе место.

— Мы еще увидимся? — с надеждой спросила она и подняла на него глаза.

Казалось, меня в тот момент для нее не существовало, как и тех, кто охранял ее спину. Я уже видела у нее такой взгляд однажды — наутро после того, как случайно узнала тайну драугра. Тогда это мелькнуло на ее лице мимолетно, случайно. А сейчас уже просто невозможно было скрыть.

Тоска. Грусть древней, никем не любимой женщины. Сильной, но вынужденной питаться, чтобы выживать. Каждый испытывал страх перед ней. Каждый уступал. Но был один — тот, который дал отпор. Равный ей. И теперь она не может его забыть...

— Всенепременно, — небрежно ответил Эрик и мягко подтолкнул меня к выходу.

У самой двери Герда меня окликнула. Наверное, пришла в себя, а может, специально дожидалась, когда мы будем на пороге.

Я обернулась и еле устояла на ногах от ярости, с какой она на меня смотрела. Все эмоции были написаны на ее некогда красивом, а сейчас обезображенном болезнью лице. Я увидела ее слабость, а женщины такого не прощают другим женщинам. Особенно тем, кто уходит с их мужчиной. Пусть он принадлежит им лишь в мечтах.

Но что поделать, если именно с ним мне сейчас безопаснее всего?

— Передавай привет Глебу, — произнесла она милым голосом и хлопнула ресницами. — Если, конечно успеешь. — Вдохнула и невинно добавила: — Извини, не удержалась.

Я бы, наверное, так и осталась там стоять, примороженная к полу, от этих жестоких, злых слов. Она уже пугала меня смертью Глеба в Будапеште. Но что-то подсказывало мне, что сейчас Герда не врет.

Эрик крепче сжал мою ладонь, посмотрел на драугра и покачал головой:

— Не стоило этого делать.

Через минуту мы были уже на улице. Скрипучий, липкий снег подминался подошвами, коварно образуя глубокие ямки, в которые я периодически проваливалась и рисковала рухнуть. Эрик крепко держал меня за локоть, но мыслями, похоже, был далеко. Я надеялась, там же, где и я. В доме атли. Рядом с Глебом.

Мороз пробирал до костей, особенно в том месте, где заканчивалось тонкое трикотажное платье. Чертовы адепты! Не могли подождать, пока переоденусь.

Эрик остановился у внушительных размеров внедорожника — угловатого, высокого и пугающего, как и сам хозяин. Пикнул сигнализацией, выпустил мою руку и открыл черную гляцевую дверцу. Забраться внутрь на каблуках оказалось не так-то просто. Пальцы одеревенели от холода. Ладони тряслись, а ноги подкашивались. Провалив с треском две попытки, я все же уселась с помощью Эрика. В последнее время складывается впечатление, что я без него жить не могу. В прямом смысле: любой мой самостоятельный поступок заканчивается такой вот передрыгой, из которой ему приходится меня вытаскивать.

Он сел рядом и завел машину. Внутри сразу стало теплее, и я подула на озябшие руки. Почти ничего не соображала от усталости — наверное, сказывалось истощение. Нужно было поспать, выпить карое, а не ходить в гости к злобным драуграм.

— Вот, Герда отдала, — спокойно произнес он и протянул мой телефон. — Потерпишь немного? После атли найдем, чем тебе подкрепиться.

— Мне не надо... То есть я... Поехали!

В мозгу то и дело всплывали страшные картинки непоправимого будущего. Того, где не будет Глеба Измайлова.

Еще у подъезда Эрик позвонил Даше. Глеба нашли у порога, замерзшего, обессиленного и без сознания. Истощение было уже на той стадии, когда нельзя делиться кеном.

Нельзя обычным хищным.

Я исподлобья посмотрела на Эрика. На его лице все еще жили отголоски той эмоции, которую вызвала фраза Герды. И да, она снова облажалась. Столько лет грезить о мужчине и ничего не узнать о его прошлом! Например, о том, что в юности они с Глебом были друзьями.

В общем, баллов этот поступок ей не прибавил. А последняя фраза Эрика, где он действительно отнес атли к тем, кого он официально опекает, сорвала планы мести. Впрочем, я сомневалась, что Герда послушает его. Мужчины мужчинами, а уязвленную гордость нужно лечить. Уверена, этим она и займется в ближайшее время.

Хотя Эрик уверил, что это для нее будет чревато последствиями. Я не стала уточнять, какими. Все же он — тот самый, кто повредил ей жилу.

Надо же, какая ирония судьбы: полгода назад я искала его и готова была предложить что угодно взамен на спасение. И вот он здесь, помогает добровольно и ничего не требует. Почему?

В бесплатный сыр я перестала верить довольно давно. А тот, которым кормил меня Эрик, достаточно дорог, и что-то подсказывало мне, что такие угощения мне не по карману.

— Почему ты это делаешь? — спросила я, когда мы вырулили из двора и выехали на центральную улицу. — Почему помогаешь мне?

— В данный момент я хочу помочь Глебу, — не поворачивая головы, ответил Эрик. — О претензиях Герды к тебе поговорим позже, ладно?

Я кивнула. Это меня вполне устраивало. Некоторое время мы молчали. Я слушала тихий

шелест мотора и вглядывалась в разбавленную серым темноту за окном. Но с каждой секундой молчание становилось все невыносимее, а тревога — сильнее. Нужно было говорить о чем-то, чтобы не свихнуться. Чтобы не думать о том, что Липецк — город проклятых, и вернувшись сюда, я попала в сумасшедший дом, и которого просто нет выхода...

Поэтому я спросила:

— Как ты делишься кеном с истощенным, не причиняя вреда жиле?

— Этому искусству я обучался несколько лет, — ответил он уклончиво.

— Обучался где?

— Ты такая любопытная, — улыбнулся Эрик. — И поговорить любишь.

— Это от страха, — призналась я. — Кира умеет напугать.

— Кто такая Кира?

Вот черт, а я оказывается, не избавилась от привычки ее так называть. Столько дней медитаций и тренировок коту под хвост, стоило столкнуться лицом к лицу со своим страхом. Посмотреть ей в глаза. Воспоминания ворохом посыпались за шиворот, кололись там маленькими ежиками, мешали расслабиться.

Маленькая родинка, загадочная полуулыбка. Тепло руки.

Она не моя дочь!

— Герда, — ответила сдавленно. — Неважно...

Во рту появился знакомый привкус — тот, от которого я так долго старалась избавиться в племени Барта. Сладковатый, приторный привкус отчаяния.

— Если мы приедем вовремя, Глеб будет жить, — безэмоционально пообещал Эрик.

Я нахмурилась и посмотрела на него. Сосредоточенный. Серьезный. Если действительно волнуется за Глеба, то показывать этого не торопится. Впрочем, на эмоции Эрика мне плевать, главное в его фразе — три слова.

Глеб будет жить.

Я уцепилась за них и повторяла мысленно. Тем же уверенным тоном, которым говорил Эрик.

Когда мы въехали в поселок, небо посерело и окрасилось утром. Горизонт оккупировали низкие, темные тучи. На лобовое стекло внедорожника лениво падали редкие снежинки, и тут же исчезали под массивными дворниками.

Эрик небрежно нажал кнопку на брелоке, и ворота разъехались. Я воровато оглянулась, словно Мишель мог сидеть в сугробе и выскочить, как только я пересеку черту и окажусь во владениях атли. Из сугроба, естественно, никто не выскочил. Думаю, охотник в это время досматривал последние сны. Если древние вообще спят.

Когда мы остановились на парковке, я выскочила из машины и буквально ворвалась в дом, не оглядываясь на Эрика. И тут же, в гостиной натолкнулась на Влада.

Он разговаривал с кем-то по телефону, но увидев меня, буркнул короткое «перезвоню» и отключился. На усталом, осунувшемся лице отразилось удивление.

— Глеб у себя? — тяжело дыша, спросила я.

Он вздохнул. Нехорошо так, безнадежно. Но взгляд не отвел — смотрел прямо в глаза и молчал. Молчание убивало, множась плохими предчувствиями и подозрениями.

Сзади захлопнулась дверь, и появился Эрик. Вместе с ним вернулась надежда.

Выражение лица Влада тут же изменилось. Он пристально осмотрел меня, затем Эрика, и тут же окатил холодом, в котором четко прослеживалась незавуалированная ревность:

— Выглядишь ярко. Веселились?

— Ага, всю ночь, — истерично брызнула я сарказмом. Шагнула к нему и зло добавила:

— Герда вернулась.

На реакцию смотреть не стала — бросилась наверх, и через несколько секунд влетела в комнату Глеба.

Он лежал на кровати бледный, с ввалившимися щеками и заострившимися скулами. Под глазами темные круги. Висок свезен. Темные волосы раскинулись по подушке, спутались от крови. Рубашка разорвана, на груди едва зарубцевался продолговатый, кривой порез. И руки безвольными плетями на покрывале.

Бедный мой... Бедный...

Катя сидела рядом с ним и плакала. Увидев меня, поднялась, отвернулась и подошла к окну.

Я приблизилась к кровати, сжала холодную, безжизненную ладонь. Казалось, даже кровь застыла у него в жилах — кожа побелела, стала похожей на пергаментную бумагу. И лицо — восковая маска.

На плечо легла чья-то рука.

— Мы теряем время.

Голос тихий, почти ласковый. Я растерянно повернула голову — Эрик. Уверенный Эрик с ножом в руках. Ритуальным ножом атли.

Влад стоял в проеме двери со сложенными на груди руками. Смотрел едко, почти ненавистно на человека, который пришел спасти мою душу. Даша осторожно обошла его и просочилась в комнату. Скорбь на ее лице смешалась с моим полу-отчаянием, и я заставила себя отвернуться, не смотреть на защитницу скади.

Глеб будет жить.

Не уставала повторять про себя эту фразу, поражаясь, сколько в ней появилось смысла. Словно до этого момента он был скрыт, и вот выплыл.

— Принеси бетадин и бинты. Тут ты ничем не поможешь.

Уверенный голос вернул в реальность, заставил двигаться, думать. Мысли со скрипом зашевелились и поползли привычным потоком.

— Спасибо, — прошептала я, глотая горячие слезы. И когда успела заплакать?

— Потом, — отмахнулся Эрик.

Я выскользнула из комнаты, судорожно вытирая слезы, мысленно стряхивая с себя страх и негатив — его слишком много было в последние сутки. Составила себе примерный план на наступивший день: спасти Глеба и выспаться. Упасть на кровать, закрыть глаза и отрубиться. Как хорошо было бы проснуться и понять, что ни Герды, ни угрозы для Глеба, ни чудовищных требований Мишеля не было и в помине.

Мечты...

Бинты и все для дезинфекции нашла в своей бывшей комнате — остались еще со времен изгнания нали. Наверное, стоит закупить еще — на всякий случай. Вернее, на вполне определенный случай — ведь не просто так Эрик мне помогает.

Я отогнала мрачные мысли и развернулась, чтобы выйти. Но в комнату вошел Влад, захлопнул дверь и перекрыл мне путь к спасительному бегству. Злость на его лице, правда, сменилась тревогой, но от этого не стало легче.

— Когда? — лаконично спросил он.

Я пожала плечами.

— Почему мне знать? Ее adeпты ждали меня в квартире вчера вечером и доставили прямо на обеденный стол драугра. Но я была не в кондиции, так что Герда потребовала от меня сдать ей Барта.

Влад нахмурился.

— Что значит, не в кондиции? И кто такой Барт?

— Мне отравили... неважно. Барт — вождь сольвейгов. — Я вздохнула. — Давай не сейчас, а? Я так устала...

— А когда? Ты в своем уме! — Он шагнул ко мне, и воздуха снова стало меньше.

Словно когда Влад рядом, кислород исчезает, а комната наполняется пьянящим, ядовитым, сводящим с ума эфиром. От него в душе неизменно возникает чувство безысходности. Я так долго им болела, что и сама привыкла чувствовать себя больной. Но в последние дни, несмотря на суматоху, опасности, подножки судьбы, впервые почувствовала себя здоровой. И мне понравилось это ощущение.

— Нужно спрятать тебя, — безапелляционно заявил он.

— Не нужно, — отмахнулась я. — Я же здесь — живая. Не спрашивал себя, почему?

— Почему? — прищурился он.

— Потому что она тоже боится, — яростно ответила я. — Ты не поверишь, как приятно было это наблюдать!

— Боится чего?

— Не чего, а кого! Того, кто повредил ей жилу, конечно. Эрика Стейнмода.

Влад с шумом выдохнул, недоверчиво покачал головой.

Это для него неожиданность? Серьезно? Скольких бед удалось бы избежать, присмотрись он повнимательнее к человеку, которого знал с детства. Впрочем, я не была посвящена в особенности их с Эриком отношений. Может, они враждовали. Но Даша — неужели она не знала?

Хотя зачем Эрику посвящать ее в подробности общения с драуграми? Гораздо проще оградить...

— Именно его я искала в Будапеште, — устало произнесла я. — И вот нашла...

— Постой, ты... знала? — удивился он. — Была в курсе, кого искать?

Я покачала головой.

— Даже Тан не знал его имени — Герда умеет хранить секреты. А вот Нора знала. И если бы не погибла...

— Ничего бы не изменилось, — мрачно перебил Влад. — Эрика не было в этом мире два года. Он вернулся в ноябре. Ты все равно не нашла бы его.

— Зато теперь нашла, — вздохнула я. — Уверена, Герда пока не будет действовать — затаится. И у нас будет время подумать, что делать. А сейчас нужно помочь Глебу.

Я отодвинула его и пошла к выходу. Была почти у самой двери, когда меня настиг его глухой, отрешенный голос:

— А ты не думала, что тебе придется отдать взамен? Эрик ничего не делает просто так.

— Думала, — кивнула я, не оборачиваясь. — Вполне возможно, ему нужна моя кровь для ритуала. Что ж, два раза я выжила, выживу и в третий. Драугр намного страшнее изгнания Девяти.

Сказала это и вышла.

В комнате Глеба было уже значительно больше людей. Появился Кирилл, осматривающий моего друга. Он восхищенно качал головой и почему-то охал. Лара стояла

рядом с облегченно вздыхающей Дашей. Альфред безликим пятном замер у шторы.

Эрик появился из двери в ванную, взглянул сначала на меня, а затем на вошедшего следом Влада и хмуро спросил:

— Ты за бинтами в аптеку ходила?

Я не поняла, из-за чего он хмурится, но выяснять не очень хотелось. Гораздо сильнее интересовало другое.

Я присела на кровать, прямо у изголовья. Провела рукой по темным, свалявшимся волосам.

— Привет, — прошептал Глеб и попытался улыбнуться потрескавшимися губами. Облизнул их. — Ты здесь...

— Здесь. Тихо. Береги силы.

— Герда...

— Знаю, — перебила я. — Все хорошо.

— Там был колдун... Те трое — слабаки. Я бы их не подпустил, чтобы она... Главное, не дать ей дотронуться. Приказать она не может — слаба. Но он сильный. Мелкий совсем — лет тринадцать, но сильный.

— Ничего, — сказала я больше себе, чем ему. Взяла окровавленную ладонь, обильно полила спонж перекисью и принялась промывать. Рыдания буквально рвались из груди волнами, но я из последних сил пыталась их сдерживать. Я сильная. Не буду плакать. Он жив. Жив... — Мы со всем справимся.

Глеб отвернулся и посмотрел куда-то в сторону. Взгляд стал хищным, отчаянным. Я проследила за ним и поняла, что смотрит он на Эрика.

— Спаси ее. Кровью скади заклинаю!

Катя резко отпрянула от окна, зашелестела юбкой и, хлопнув дверью, вышла.

Эрик покачал головой, приблизился и встал рядом со мной. Вновь запахло карамелью, и вспомнилась синяя спальня. Как темные водные глубины. Наполненная тайнами и силой — дикой, неконтролируемой.

— Не тревожь кровь предков, — произнес он сипло. — Драугр больше не навредит никому из атли. — Пронзительно посмотрел мне в глаза и добавил: — Даже бывших.

Глеб едва заметно кивнул, расслабился и закрыл глаза.

— Спать хочу.

Я закончила перевязку, и он положил здоровую руку мне на предплечье.

— Иди. Тебе нельзя тут быть. Иди, все уже хорошо...

И, казалось, задремал.

Я поднялась. Руки дрожали. Накатила безумная, почти неконтролируемая усталость. Если бы могла, уснула бы прямо здесь, рядом с ним. Глеб прав, мне нельзя. Хорошо, если Мишель не узнает.

Впрочем, откуда? Разве что сам сейчас нагрянет с визитом. Но это маловероятно — слишком рано, только-только окрасился золотом горизонт. Тучи, как по волшебству, рассеялись, и выглянуло солнце. Ослепительное, яркое. И я, кажется, уже поверила, что это Эрик-кудесник зажег его. Для меня так точно.

Сам волшебник сиять не торопился — все так же хмурился, смотрел подозрительно и внезапно спросил:

— Почему тебе нельзя здесь быть? Ты же не отреклась.

Я вздохнула и покосилась на Влада. Слишком опасная тема для маленькой комнаты с

таким количеством людей. Лара увлеченно рассматривала маникюр, Даша почему-то побледнела, а вождь атли остался невозмутимым.

— Долгая история, — мрачно ответила я. — Может, как-нибудь и расскажу. Потом. Когда выплусь.

— Сварю-ка я карое, — смущенно пробормотал Кирилл и вышел.

Солнечный свет беззастенчиво проник через занавески и стелился по паркетному полу. Глеб безмятежно спал. Я наклонилась, поцеловала его в лоб — прохладный и умиротворенный — и встала.

Надоели эти взгляды — вьедливые, обвиняющие, словно я совершила преступление века. Они буравили кожу, жгли, заставляя сознание воспаляться и ныть. От этого спать захотелось еще больше.

Что дальше делать, я не знала. Вернуться домой? Квартира на Достоевского пропахла страхом и опасностью. Викина доверия не внушала. Вообще присутствие Герды в городе, пусть где-то за спиной, следующей за мной невидимой серой тенью ужаса, вытесняло остальные, не менее мрачные мысли. Мигало красным, предупреждая...

Я тряхнула головой и молча вышла.

На кухне Кирилл готовил карое. Улыбнулся мне, поставил чашку и налил горячую, мутную жидкость.

— На-ка, выпей. Выглядишь неважно.

— Спасибо.

Я пила жадно, морщась и снова глотая обжигающий напиток. Чем быстрее восстановлюсь, тем лучше. Теперь уже не стоит держать себя в состоянии истощения, Герда все равно при любом удачном случае прибьет меня. Она или ее адепт — тот самый, неизвестный мальчик с даром.

И что заставляет подростков дружить с плохими тетеньками? Неужели повелся на обещания о величии?

Впрочем, неважно. За Глеба я уже заочно ненавидела его.

— Как ты? — участливо спросил лекарь атли, присаживаясь рядом. — Одна...

Я пожала плечами.

— Не успела привыкнуть. Видишь, снова здесь. — Я сделала еще глоток и подняла на него глаза. — Этот Эрик... ему вообще можно верить? Что он за человек?

— Я не видел его много лет, Полина. А ты сама знаешь, как человек может измениться даже за несколько месяцев. Ты вот сильно изменилась. Но тогда, когда скади жили здесь, Эрик всегда вел себя достойно.

Я кивнула.

— Мне нужно идти. Нельзя здесь быть, вдруг Мишель или его прихвостни приедут проверять. А ты лечи Глеба. Проследи, чтобы он карое пил. Я его знаю — тот еще герой! И вообще... присмотри за ним, ладно?

Кирилл кивнул.

— Ты ведь вернешься? Когда-нибудь?

Я поставила на стол чашку. На дне мутным осадком плескалась горечь — смесь трав и моих эмоций. Отвечать не стала, вздохнула и быстро вышла из кухни. Нужно было уйти отсюда, выйти хотя бы на крыльцо, вдохнуть жгучего воздуха, остудить разгорающийся в груди пожар. Спасти от тоски, возвращающейся неизменно, когда переступаешь порог этого дома. Отучить себя от атли.

Зима окатила морозом, пронзительным, солнечным, скрипящим. Хотелось курить и лежать. Рухнуть в снег и смотреть на небо — безоблачное, лазурно-голубое, с расплескавшимся на нем солнцем. Вместо этого я присела на крыльцо — прямо на ступеньки — и положила голову на колени.

Куда теперь? Неизвестность сцепила грудь кольцом, давила, мешала дышать.

Сзади хлопнула входная дверь. Перед глазами возник Эрик, насмешливый и высокий.

— Ничего не отморозишь? — спросил весело. — Стремно тебя оставлять больше, чем на пару минут — влипнешь в историю. Ну, или прилипнешь к ступеньке.

Я невольно улыбнулась. Оказывается, еще могу.

— Это я умею.

Он протянул мне руку.

— Поехали завтракать, что ли?

Я секунду помедлила и кивнула.

В торговом центре было слишком шумно. Противно гудели эскалаторы, шаркали подошвы и постукивали каблуки о гладкую плитку. Не люблю суету. Особенно когда устала.

Зато вкусно пахло едой.

Мы свернули в небольшую уютную блинную, затерянную среди мелких бутиков, и уселись за дальний столик у окна.

Есть не особо хотелось. Карое, хоть и добавило сил, бодрость духа не вернуло. Жила снова ныла, в голове после посещения атли царил бардак. Эрик поглядывал на меня исподлобья и молчал.

Смазливая темноволосая официантка в неприлично короткой юбке-клеш поставила на стол тарелку с дымящимися блинами и две чашки ароматного кофе.

Я положила руки на стол, голову на руки и закрыла глаза. Внешний шум тут же отступил, сознание окутала мягкая ватная пелена, не пропускающая звуки. Я проваливалась в небытие, выныривала, снова проваливалась. Было тепло и уютно. Спокойно и легко. Жила постепенно успокаивалась, тело расслаблялось и плыло на теплых волнах озера в хельзе.

Меня погладили по волосам — ласково, но настойчиво.

— Нужно поесть. При истощении важно хорошо питаться. А потом найдем тебе ясновидца.

— Не нужно ясновидца! — Я резко поднялась, отчего в висках застучало, а перед глазами поплыли багровые круги. — Я выпила карое.

— Этого, конечно, надолго хватит, — наигранно серьезно кивнул Эрик. — Ладно, разберемся. Ешь. — И подвинул ко мне тарелку.

Блинчики действительно оказались вкусными — мягкими, горячими, с ветчиной, сыром и грибным соусом. Все как я люблю. Правильно говорят: аппетит приходит во время еды. За пять минут я умудрилась утоптать три блина и заказала еще один — сладкий, щедро политый сгущенкой. Запила все это кофе и откинулась на спинку стула.

— Неплохо, — похвалил меня Эрик и попросил счет. — Теперь, может, объяснишь, почему так боишься ясновидцев? Неужели смотритель города настолько силен, чтобы уследить за всеми хищными в округе? Я слышал, есть места, где можно питаться совершенно безопасно.

— А может, сначала ты объяснишь? — ответила я вопросом на вопрос и пристально посмотрела ему в лицо. — Давай без этих проявлений заботы. Я прекрасно понимаю, что тебе от меня нужно!

— Вот как? Очень интересно. И что же, по-твоему, мне от тебя нужно?

— Кровь. Для ритуала. Так ведь? Только вот если ты ненавидишь охотников, лучше его не проводить.

— Какие глубокие познания о нали. Долго изучала?

— Пришлось...

Он прищурился, затем резко взял мою руку и отвернул манжет куртки. Сразу захотелось убежать, спрятаться. Но я осталась сидеть на месте, а прозрачные, лазурного цвета глаза прожигали кожу. Старые шрамы — белесые, кривые — вились чуть ли не до локтя. Осторожно, словно опасаясь причинить боль, Эрик провел по ним большим пальцем. От его прикосновений по запястью расплзалось тепло. Множилось искрами, щипало, усиливая головокружение и жар в груди.

— Кто? — хрипло спросил он, и в его голосе я уловила скрытую угрозу.

Не стоит отвечать. Точно не стоит.

— Неважно.

Я выдернула руку и натянула рукава на ладони. Вокруг сгустился сумрак — плотный, пугающий. Даже яркое солнце, приникающее через стекло с улицы, не могло его развеять. Казалось, случилось что-то за те несколько секунд, пока Эрик касался моих шрамов. Непоправимое, глубокое, еще неизвестное мне событие.

А потом сумрак рассеялся, будто и не было. Гладко отполированная столешница засияла. В оконном телевизоре сновали люди, ездили машины. Там жила суэта будничного дня. Я пялилась в него, лишь бы не смотреть на Эрика.

— Мне ничего не нужно от тебя, — тихо сказал он. — Ничего из того, что ты можешь предложить сейчас. А ритуал... это просто дикость так поступать с пророчицами. Да и с собой. Стать охотником — что может быть хуже? — Он помолчал немного и добавил: — Я обещал Глебу, помнишь? Так что придется меня потерпеть.

— Почему? — нахмурилась я. — Почему Глеб взывал к твоей крови?

— Может, потому что он колдун? — пошутил Эрик. Но тут же стал серьезным и пояснил: — Глеб наполовину скади, Полина.

Это было действительно неожиданно. Я перевела на него недоверчивый взгляд. А потом поняла.

— Его мама...

Глеб никогда не говорил, но разве я спрашивала? У нас почти не было разговоров о его юности — я боялась затрагивать эту тему после ночи в Ельце. Ну и о чистокровности никогда никто не говорил. Что странно, ведь Глеб действительно сильный воин.

— Да, — подтвердил Эрик.

— Все равно ты не должен со мной возиться. Даже если Глеб просил.

— А может, я хочу? — улыбнулся он и встал. — Идем, нам обоим нужно выспаться. Потом подумаем, что делать с твоими проблемами.

Я тоже встала и потянулась. Выспаться — хорошая идея. Нет, просто отличная. На свежую голову всегда думается легче. Может, и с Бартом удастся связаться, когда...

Меня качнуло в сторону, я попыталась удержаться, схватившись за стул, но он коварно качнулся вместе со мной и с грохотом свалился на пол. Кажется, Эрик успел меня удержать. Кажется, я даже не упала. Кажется, он свободной рукой поставил стул на место и даже усадил меня на него...

В голову ворвался поток чужих мыслей — злых, черных, маслянистых. Самое

болезненное видение в моей жизни. Короткое и стремительное. Красочное. Поразительно четкое. Тьма и взгляд, наполненный этой тьмой — едкий, ненавидящий. Нож. Кровь. И — неизменно — страх.

Словно со стороны, я слышала, как Эрик говорит кому-то:

— Все в порядке. Не нужно скорую.

А потом открыла глаза. Мир, рассыпавшийся на мелкие пазлы, постепенно собирался в знакомую, безопасную картинку без пугающих взглядов и угроз. На противоположной от нас стене размеренно тикали часы и показывали утро. Без пяти девять. В окне продолжали сновать люди по белому, утоптанному снежному ковру.

Я сидела на своем стуле, Эрик рядом — придвинулся и обнимал за плечи. На нас переставали обращать внимание посетители блинной — то ли потеряли интерес, то ли он напустил морок.

Голова раскалывалась. В ней будто осыпалось стеклом мрачное видение, а осколки кололи изнутри — затылок, макушку, виски.

— Видение? — осторожно спросил Эрик. — Кто-то снова придет тебя убивать? Или атли в опасности?

— Нет, — ответила я ошарашено. — Не атли. Ты. Я видела тебя...

Глава 9. Услуги предателей

За окном мелькали разноцветные витрины. Многочисленные магазины на главной улице распахнули свои объятия для покупателей — благоухающие парфюмерные, вкусные продуктовые, роскошные бутики с нереально завышенными ценами на джинсы.

Я безразлично наблюдала за ними, а еще за бегущими на работу прохожими. Закрывала глаза, снова открывала. Иногда чувствовала, как рука Эрика гладит меня по голове.

Было приятно и легко. Жила больше не болела, да и вообще не подавала признаков жизни. Только в затылке ныло, он наливался свинцом, становился тяжелым и нагружал шею.

Хотелось лечь. Закутаться в теплое, мягкое одеяло и уснуть. Словно прочитав мои мысли, Эрик тихо сказал:

— Потерпи немного. Скоро приедем.

Я терпела. Что еще оставалось делать?

Когда мы остановились, я почти потеряла сознание. Только холод из открытой двери авто — пронизывающий, бодрящий — забирался под куртку, кусал спину, колот колени. От него немели щеки и ладони, а перевязанная ладонь почему-то пульсировала, словно там, под бинтами жило какое-то отдельное от меня существо.

Эрик ловко подхватил меня на руки — прямо с сиденья, захлопнул дверцу и пикнул сигнализацией. Затем был темный тамбур подъезда, несколько ступеней, лифт. Я закрыла глаза и вдыхала древесно-пряный аромат мужского одеколona, который приятно контрастировал с тягуче-сладкой карамелью. Словно она впиталась мне в кожу — в каждую мелкую пору, заполнила меня всю, расслабила, притупила боль.

Даже квартира, казалось, наполнилась ею, когда мы вошли.

Было тепло. Мягко. Меня уложили на кровать. Смутно помню, как Эрик стаскивал с меня сапоги и укрывал по подбородок теплым, невесомым одеялом. Потом будил, почти насильно поил карое, снова укладывал. И я спала — безмятежно и спокойно.

Проснулась, когда уже стемнело. За окном притаилась ночь. Стелилась по подоконнику, проникая внутрь и, отпугиваемая мягким светом изогнутых светильников над кроватью, извивалась тенями на стенах.

Эрик сидел рядом, на кровати, опираясь на спинку и увлеченно водил пальцем по планшету. Когда я зашевелилась, перевел на меня глаза. Отложил планшет, придвинулся ближе и заглянул в лицо.

— Совсем плохо?

Я покачала головой и выдавила из себя слабую улыбку.

— Лучше. Только голова болит.

Он положил широкую, теплую ладонь мне на лоб, и я с удивлением и радостью поняла, что боль отступает.

— На видение ушел чуть ли не последний кен. Кроме шуток, где ты питаешься?

— Я не питаюсь, — ответила я и отвела взгляд.

Врать не хотелось, но озвучивать правду хотелось еще меньше. Кто знает, что Эрику придет в голову, когда он узнает, что я сольвейг? Может, он такой же сумасшедший экспериментатор, как и Альрик? Несмотря на то, что он меня спас и что Глеб ему доверяет, я не могу рисковать племенем Барта. Особенно сейчас, когда Герда в городе.

— Как не питаешься?

— Может, о другом поговорим? — поморщилась я и села. Жутко хотелось в душ. Желудок-предатель заурчал, требуя еды. — Например, о видении?

Эрик, казалось, тут же забыл о ясновидцах. Наверное, о моем истощении он тоже забыл — придвинулся еще ближе и ждал.

— Я видела мальчика. По всей видимости, того, о котором говорил Глеб.

— Колдуна?

Я кивнула.

— Эрик, то, как ты лечил меня... В этом лечении ведь нет подводных камней? Какой-то связи с тобой, которую нельзя разорвать?

— Нет, — успокоил он. — Это просто лечение. Скади оно тебя не делает, не переживай.

— Хорошо, — облегченно выдохнула я, а он удивился:

— Думаешь, так плохо быть скади?

— Нет, что ты! Просто... Я только ушла из атли и не готова принимать чье-либо покровительство.

— Так что там с колдуном? — нетерпеливо напомнил он.

— Было темно, я не смогла рассмотреть, где именно все произошло. Но одно бесспорно — мальчик ненавидит тебя. Он сильный — настолько сильный, что от его мощи шумело в ушах. Ты лежал на полу, в крови. А у него был нож...

Эрик кивнул.

— Когда?

— Ну знаешь... Таких подробностей не стоит требовать от пророчиц, — усмехнулась я. — Что есть, то есть.

— Да, конечно, — поморщился он. Встал. Прошелся к окну, запуская руки в волосы. Громко выдохнул, и показалось, мой рассказ оказался для него безумно важным и неожиданным.

— Почему я видела тебя? Разве пророчицы не связаны только лишь со своим племенем?

Он обернулся. На лице — воодушевление и радость, которую не утаишь. В последнее время я неплохо читаю эмоции. Да Эрик особо и не крылся.

— Скорее всего, твой дар не зависит от того, принадлежишь ли ты какому-нибудь племени или нет, — сказал он. — А рядом со мной дар всегда проявляется сильнее.

— Как это? — нахмурилась я.

— Такая особенность. Досталась от предков. — Он вернулся, улегся на кровать, закинул руки за голову и мечтательно посмотрел в потолок. — Я могу сделать тебя сильнее.

Развернулся ко мне и добавил тихо и чувственно:

— Если хочешь.

Неужели соблазняет? Да так умело — я даже не заметила, как перестала дышать. Смотрю на него, а вернее, бессовестно пьюсь на его губы и думаю совсем не о том, что он говорит... Я попыталась сбросить наваждение, но сладкий, карамельный запах путал мысли.

— Усилить — значит, развить верно? — спросила и тут же удивилась тому, как гортанно прозвучал голос.

— Верно.

Взгляд прожигал кожу, дыхание сбилось, а сердце заколотилось о внутреннюю сторону грудной клетки.

— Но не влезть в мои видения, — озвучила я последнюю мало-мальски осознанную

мысль. После нее в голове стало приятно пусто, а в груди тепло. Тело жило исключительно инстинктами — причем, теми, о которых до этого момента я даже не подозревала.

— Ты очень проницательная маленькая болтушка, — улыбнулся он и вновь перевел взгляд на потолок, возвращая мне возможность дышать. — Есть кое-что еще.

Я, замерев от любопытства, ждала, когда он расскажет об этом «кое-что», но Эрик молчал. Загадочно пялился в потолок и, кажется, думал о своем. Поэтому я немного поерзала, чтобы обратить на себя внимание.

— Так что же? — уточнила для верности, и он снова повернулся ко мне лицом.

— Есть книга. Ее хранит первый жрец хищных — Арендрейт в одном из созданных им миров. В ней написано пророчество для меня.

— Да ладно! — удивилась я. — Откуда ты о ней знаешь? Ты же не...

И замолчала. Чуть не сказала запретное слово, но вовремя одумалась. Вовремя ли? Эрик внимательно смотрел мне в лицо и молчал. Тишина опасно клубилась в воздухе, рискуя превратиться в бурю.

— Я слышала, там пишут лишь о светлых, — невозмутимо выпалила я.

— О сольвейгах, — кивнул он. — Нет, там пишут не только о них и не только они. — Он сделал паузу и подозрительно нахмурился: — А ты достаточно эрудирована.

— Много читала, — пожала я плечами. — Так что там с пророчеством?

— В книге написано, мне явится провидица, которая изменит меня. Сделает сильнее, проведет через ряд испытаний, а потом узрит время открытия портала в кан. Личного — для меня.

— Что такое кан?

— Ты же много читала, — поддразнил он. — О нем написано гораздо больше, чем о сольвейгах.

Плохое направление разговора. Нет, просто ужасное. Нельзя с Эриком говорить о сольвейгах, нельзя, чтобы он начал подозревать...

— Я мало интересуюсь величием, — сказала я. И даже не соврала, вот ни капельки. Никогда не лелеяла амбиций и не понимала людей, которые ради них отказываются от многих радостей — общения, счастья. Любви.

— Тебе и не надо. Зачем? Это путь мужчины.

Ах, вот как, значит? Только для мужчин? Интересно, что он сказал бы, если бы узнал, что я пропустила всех нали — которые тоже только для мужчин?

Но я, конечно же, не сообщила об этом Эрику. Скромно потупилась и расправила платье.

— Думаешь, видение о мальчике как-то связано с твоими... испытаниями?

— До этого ни у одной пророчицы не было видений обо мне.

— И со многими ты общался? — скептически поинтересовалась я. — Пророчицы не так часто встречаются.

— Достаточно часто. — Эрик пожал плечами и добавил: — Я упорный.

Мне вспомнилась Нора — ее горящий взгляд, полный надежды и такая нелепая смерть. Интересно, что Эрик обещал ей? Обещал ли что-то вообще, или она просто влюбилась, проиграв этому полупрозрачному, пугающему взгляду? Мне-то не знать, какие последствия бывают у необдуманных чувств...

— А чего хочешь ты? — спросил Эрик, внимательно меня разглядывая.

Домой, подумала я. И внезапно поняла, что безумно хочу на балкончик в свою комнату

у атли. Стоять, ежась от мороза и слушать Глеба. Он бы рассказывал мне о Нике, о том, какие охотники козлы, что нужно с этим что-то делать и вообще нехорошо обижать своих же девочек. А потом спросил бы, как я себя чувствую. И определенно отругал мой наряд.

— Хочу снять, наконец, это платье, — устало ответила я и тут же поняла, как это прозвучало именно здесь.

Контекст всегда важен. Особенно рядом с таким опасным оппонентом.

Эрик многозначительно улыбнулся и воодушевленно кивнул:

— Я не против. Снимай.

— Я имела в виду душ и джинсы. И совсем не то, о чем ты сейчас подумал.

— Жаль, — разочарованно вздохнул он. — Боюсь, мои джинсы тебе будут велики.

— Тогда, может, отвезешь меня домой?

— Прости, устал. Ты очень часто пыталась погибнуть за последние сутки, пришлось выложиться, чтобы этого не допустить.

Он явно играл со мной. Улыбался. Смотрел на губы. Выжидал. Я слишком хорошо выучила все признаки охоты. Но отчего-то именно сейчас казалось, что я не знаю правил.

— Думаешь, Герда может навредить мне, если уеду?

— Герда — нет, а вот тот, кто отравил тебя — вполне возможно. Теперь, когда я нашел тебя, просто не могу позволить погибнуть. Душ налево по коридору. Поищи что-нибудь в гардеробной, если хочешь переодеться. — Эрик указал на небольшую дверь в углу и еще раз бесцеремонно меня рассмотрел. — Хотя тебе очень идет красный.

Я громко выдохнула, стараясь стряхнуть наваждение, и встала. Нет, мне определенно не нужно все это — томные взгляды, недосказанность. Еще меньше — влюбиться. Запутаться в его паутине, как в липкой сахарной вате с карамельным вкусом. Я столько лет жила в рабстве собственных чувств. Нового не хочу.

Гардеробная оказалась огромной. Почти как моя спальня на Достоевского. Множество полок, на которых аккуратными стопками лежали майки и джинсы, десятки пар обуви, тремпеля, увешанные рубашками и пиджаками. Зеркало на всю стену, как в примерочной. Прямо рай для шопоголика.

Мне кажется, даже у Лары не такой огромный гардероб.

Я тряхнула головой и взяла верхнюю футболку из стопки. Прикинула перед зеркалом — она доходила мне почти до колен, а рукава доставали до локтей. Сойдет за пуританскую ночнушку, и уж точно выглядит не так вызывающе, как красное платье, из которого грудь так и норовила выпрыгнуть при каждом вздохе.

Я улыбнулась собственному отражению — бледному, с лихорадочно сверкающими глазами, и отправилась в душ.

Горячая вода приятно облепила, смыла усталость и легкий налет страха. Сомнения, неуверенность в завтрашнем дне. Тревогу за Глеба. Я насухо вытерлась синим махровым полотенцем и надела футболку Эрика. Как я и думала, она оказалась вполне приличной ночнушкой. Широкая, свободная и удивительно приятная на ощупь.

Когда я вернулась, Эрик уже устроился на кровати — расстелил ее, отвернул часть одеяла справа, а сам улегся поверх, на другой половине. Рубашку снял и лениво переключал каналы большого плазменного телевизора на противоположной стене. На широкой груди в свете вечерних ламп переливался серебряный амулет. Волосы были распущены и тоже, казалось, отливали серебром. Как и кожа.

Это все игра света, Полина. Света и цвета. Дыши.

Мощный серебряный принц повернулся ко мне и снова стал Эриком. Молчал и рассматривал меня с головы до ног, настойчиво скользя взглядом, словно хотел прожечь футболку. Хищно, жадно, от чего подгибались колени и вибрировала жила.

— Где мне лечь? — приглушенно спросила я, стараясь не рассматривать его так же нагло.

Он кивнул на кровать.

— А где будешь спать ты?

— Думаю, нам обоим тут хватит места, — ответил он очень серьезно и остановил, наконец, взгляд на моем лице.

Я вздохнула, но приближаться не стала. Та область — опасная. Лучше уж спать на полу.

— Может, я лягу на диване, — неуверенно предложила я, и он усмехнулся.

Черт, веду себя, как школьница неопытная. Бормочу, лепечу. Я вообще сольвейг или где? Однако мой кен не спешил просыпаться. Зато проснулся другой — тот, которым этот мужчина лечил меня. Согрел вены, словно свежеприготовленный, пряный глинтвейн. Опьянил.

— А сразу и не скажешь, что ты такая трусишка, — усмехнулся Эрик и пожал плечами. — Мягкую мебель еще не привезли, но можешь сдвинуть стулья.

Какой же он красивый! Мощный. Большой. Невероятно притягательный. Зачем только он разделся?

— Я не трусишка, — уверила я скорее себя, чем его. — Просто не привыкла... так.

— Как? — И снова насмешливый взгляд прожженного ловеласа.

Черт с тобой. Подумаешь, одна кровать! Широкая, между прочим. Да между нами километры будут, если я лягу с краю.

Я решительно шагнула вперед и нырнула под одеяло. Теплое, мягкое, так и манящее под ним уснуть. Порочные мысли тут же испарились, уступая место усталости. Все же я потеряла за последние несколько суток немало кена и нервов.

— Только штаны не снимай, — попросила Эрика, почти уже проваливаясь в сон.

— Даже если ты попросишь?

— Спокойной ночи! — прошипела я и закрыла глаза.

Ночью мне снова приснился колдун.

Мальчик в застиранной толстовке и рваных джинсах. Нож. Кровь. Эрик на полу... Отчетливый запах карамели и тягучий, замедляющий движения кен. Способный поработить, приказать. Убить изнутри. Заставить выпрыгнуть в окно, расцарапать себя до крови, выколоть себе глаза.

Эти варианты он перебирает в голове. Смотрит на меня и решает, как я умру. Хотя в глубине души знает, что не убьет. Потому что я нужна ей. Герде. Я и Барт. Таков был уговор.

Но мальчику и не нужна моя смерть. Ему нужен Эрик, а он и так уже почти мертв. Почти...

Лежу на сыром полу. С потолка капает на лицо. Кап-кап... Словно отсчитывая последние минуты до... До чего? Скоро случится что-то непоправимое. Это не связано со мной. Или мне так только кажется?

Тихий стон, даже не стон — сдавленный рык раненного животного. Шепот колдуна. Запах смерти — едва уловимый, но отчетливый. Она уже здесь, готова к жатве.

Подходит, кладет руку мне на лоб и шепчет знакомым голосом.

— Ты не сдаешься, пророчица. Ты никогда не сдаешься.

Я открываю глаза. Улыбка, полная иронии. Умный взгляд. Черные глаза. Теплые руки. Настолько теплые, что я понимаю — мои уже заledenели.

— Тссс, — шепчет Тан, словно боится, что мальчик услышит. Он не услышит. Слишком занят убийством Эрика. — Не отдавай ему то, что получишь от меня.

И вкладывает мне что-то в ладонь. Что-то маленькое. Я не могу понять. Спросить тоже не могу — указательный палец древнего колдуна ложится мне на губы, и вот я уже не могу их разомкнуть.

«Не отдавай, — звучит в ушах. — Сохрани».

Сверху капает сильнее, потом уже совсем льет. Я перевожу взгляд на небо, затянутое грозowymi тучами. Я не одна. Защитник со мной.

— Нет, — шепчет молодой колдун, внезапно занявший место Тана. — Он больше не слышит тебя.

— Не слышит, — кивает Влад и присаживается рядом. — Ты больше не атли.

Я пытаюсь закричать, но не могу — в горле вязкий, плотный ком из недосказанностей. Ни одна капля больше не касается кожи, отчего становится больно и обидно.

— Он в ней, — мальчик кивает в сторону Эрика и качает головой. — Уже никогда не будет, как раньше...

— Будет, — уверенно отвечает Влад. — Я все исправлю.

Он поднимает мне свитер, обнажая живот. В воздухе мелькает зеркальное острие ритуального ножа.

— Вырежу его.

Я задыхаюсь ужасом и, словно в замедленной съемке, наблюдаю, как нож приближается к жиле.

Нет, хочется крикнуть мне. Это же я! Меня... Не будет...

А потом металл разрывается плоть...

Дышать было больно — болели грудь и спина, словно в легкие залили кипятком. В голове ритмично пульсировало.

Я сжимала ткань футболки в районе горла и пыталась отдышаться. Вдох-выдох, вдох-выдох. Спокойно, Полина. Это всего лишь сон. Просто сон. Один из...

— Тише. — Сильные руки развернули, обвили кольцом. И вот я уже сижу, прижавшись к Эрику, и слушаю стук его сердца — спокойный и размеренный. — Это просто сон. Ничего плохого не произойдет, обещаю.

Обещаю...

Такое странное слово, непривычное. Непривычно еще и то, насколько мне хочется верить.

Эрик провел широкой ладонью по моей щеке, приподнял подбородок. Губы так близко, что, казалось, я могу ощущать колебания воздуха, когда они шевелятся. Почувствовать тепло его дыхания.

— Маленькая, — прошептал он, — не бойся.

Страх и не было — он испарился в секунду. Как и разумные мысли. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Его взгляд — гипнотизирующий, дерзкий. Ладонь на затылке, пальцы на висках. Уверенный голос:

— Сейчас пройдет.

Я закрыла глаза и наслаждалась. Прикосновениями, которыми он лечил меня, теплом, заботой. Верить ему было сложно, не верить — еще сложнее.

— Мальчик, — прошептала я хрипло. — Мне снился мальчик.

— Он сделал тебе что-то? Причинил вред?

Я замотала головой.

— Тебе.

Эрик молчал. Успокаивающе гладил по волосам и о чем-то думал. А потом спросил:

— Насколько ты сильна? Как часто сбывается то, что видишь?

— Всегда.

После этого слова на языке осталась горечь — вязкая, как в том сне. И я внезапно поняла: не хочу, чтобы он погиб. Настолько не хочу, что готова...

Что? Бороться? Драться за него? Бред! Я даже не скади.

— Ты очень отзывчивая, — странным голосом произнес Эрик, разомкнул объятия и встал. В свете ночи, льющейся из окна, его профиль напоминал профиль древнего воина, готовящегося к битве. И почему-то напомнил о хельзе — жестоком месте, в котором мне довелось побывать. Месте, где меч диктует законы. Где постоянная война делает мужчин жестче, а женщин терпимее.

— Это плохо? — спросила я, и самой показалось, что в голосе едва заметно скользнула обида. С чего бы? Он мне ничего не должен, в том числе и обнимать.

— Нет, — задумчиво ответил он. Вдохнул и вернулся ко мне. Вместе с ним вернулась уверенность. — Конечно, нет. Просто... я хочу, чтобы ты помогла мне, понимаешь?

Я кивнула.

— Понимаю. Я помогу.

— Но обижать тебя совсем не хотелось бы.

— Обижать? — нахмурилась я.

— Ты мне очень нравишься, Полина. Даже больше, чем очень. — Он вздохнул. — Но «здесь и сейчас» — все, что я могу дать. Никакого будущего, обещаний венчаться, даже просто быть вместе. Потому что я уйду. Судя по всему, скоро, и...

— Ты самовлюбленный, — перебила я. — Жутко. С чего ты взял, что я вообще захочу этого «вместе»? Да мне сейчас это нужно меньше, чем тебе! И вообще, я не завожу романов с малознакомыми мужчинами.

— Из-за Влада?

— Из-за... Что? — запнулась я.

Как ему удастся одним вопросом буквально выбить из седла? И ты сидишь, глотаешь воздух и не можешь выдавить из себя ничего, кроме негодования.

— Дарья обмолвилась, вы близки, — пожал плечами Эрик. — Ну, или были. Дс изгнания.

— Влад тут совершенно ни при чем, — резко ответила я.

— Как скажешь, — усмехнулся он.

— Давай договоримся: я тебе помогу, но ты не будешь лезть мне в душу. А я — тебе. Идет?

— Идет, — согласился он.

— У тебя очень нетактичная сестра, — пожаловалась я.

— Есть немного. Дарья много думает о судьбе Влада. С детства.

— Я так и поняла...

— Так чего ты хочешь взамен на помощь? — серьезно спросил Эрик.

— Ничего. Ты спас мне жизнь. Мне и Глебу. Я и так тебе должна.

— Мне это ничего не стоило. Глебу я и так помог бы, он почти скади. Будет нечестно, если я начну спекулировать на твоей благодарности.

Я улыбнулась. Станный, странный Эрик. Печется о моей душе, а ведь она уже почти мертва. Единственный мужчина в моей жизни, который честно признался в своих корыстных мотивах. Это подкупало.

— Ты, наверное, не можешь представить, что такое — жить одному. Совсем одному, без племени. Оказаться вдруг...

— Ненужной?

— Растерянной. У меня сейчас сложный период, и не хотелось бы в нем увязнуть. Думаю, немного приключений не повредит. Поэтому я помогу тебе.

— Что ж, хорошо, — кивнул он. — Это радует. Поспи. Тебе нужно отдохнуть, девушка, которая не питается.

— А тебе разве не нужно выспаться?

— Мне на это не требуется много времени — я быстро восстанавливаюсь. Сварю пока карое, а заодно подумаю, что делать с колдуном.

— Есть идеи, за что он может тебя ненавидеть? — спросила я, укладываясь обратно в теплую, уютную постель.

— Масса, — усмехнулся Эрик. — У меня много врагов. Нажил, когда старался стать сильнее. В основном на нижних слоях, если ты про них читала.

— Звучит пугающе, — нахмурилась я.

— Тебе нечего бояться. — Он погладил меня по щеке, и в груди проснулось с таким трудом уснувшее тепло. — Очень надеюсь, что ты понимаешь, о чем говорила мне. А также осознаешь, что нельзя лишать себя удовольствия ради обязательств. И, наконец, снимешь с меня штаны!

— Ты так говоришь, потому что у тебя нет обязательств, — ответила я и зевнула.

— Я так говорю, потому что у меня их слишком много.

Он склонился, поцеловал меня в лоб, и я тут же провалилась в сон.

Когда проснулась, часы на телефоне показывали час дня. Ничего себе выспалась! Так и жизнь проспать можно.

На тумбочке меня ждала чашка остывшего карое, на стене беззвучно работал телевизор. Комната ослепительно сияла синим — всеми его оттенками от бледно-голубого до индиго. Удивительно успокаивающая палитра. Или это результат присутствия Эрика?

Самого хозяина не было, но откуда-то из коридора слышался ритмичный лязгающий звук.

Мягкий прикроватный коврик приятно охлаждал ноги. Я выпила карое и прошла по комнате. Отодвинула занавески, выглянула в окно. Напротив — элитная десятиэтажка, внизу — комфортабельный, ухоженный дворик с охраняемой стоянкой и вымощенными дорогой плиткой тротуарами. Под сугробами грязного снега угадывались аккуратные клумбы, раскинутые по обе стороны входа в подъезд. Наверняка здесь очень красиво летом.

Я юркнула в гардеробную, чтобы забрать платье, которое оставила, когда переодевалась ночью. Снова обратила внимание, с какой педантичной аккуратностью были разложены вещи. Интересно, он сам их складывал? Усмехнулась. Нет, конечно. Такие, как Эрик привыкли приказывать.

Провела рукой по выглаженным рубашкам и пиджакам, и почему-то представила, как он будет смотреться в строгом костюме с галстуком. Или в одной из маек, что лежали на

полках.

Резко выдохнула, схватила платье и вышла.

Нужно домой, переодеться, привести мысли в порядок. Подумать, что делать дальше. С колдуном и вообще.

Он же еще совсем мальчишка! С чего такая ненависть? Неужели он уже успел побывать на нижних слоях в поисках... Чего? Могуущества? Оно, кажется, с пеленок убивает мозги. Чертовы амбиции!

Так, стоп! Во сне был Тан. И он дал мне что-то. Что-то, о чем мальчик не должен знать. Правда, я так и не поняла, что именно. И, наверное, уже не узнаю. Или все же... Однажды я уже встречалась с Чернокнижником в его мире раскаяния. Интересно, можно ли попасть туда снова? Ведь кто, кроме колдуна, знает способы убить другого колдуна? Один я, конечно, и сама знаю. Нож. А ведь, если я все правильно поняла, этот нож должен быть у Эрика — ведь именно к нему ездил Глеб летом, перед поединком.

Интуиция подсказывала мне, что нож — не очень хорошая идея. В моем видении от него умирал Эрик. Значит, колдун подготовился и просчитал, как будут действовать враги. Интересно, а меня он учел? Знает что-то обо мне? Например, Герда могла рассказать о том, что я общалась с Таном. Хотя, она ведь сама не в курсе о нашем последнем разговоре. Наверняка ведь удивилась, что я умотала в Будапешт искать Эрика. Впрочем, у нее не было времени разбираться.

Что ж, это шанс. Знать бы еще, как попасть в этот мир раскаяния. Ведь у меня получилось в прошлый раз.

В задумчивости я направились в душ, но проходя мимо двери соседней комнаты, остановилась, замороженная.

В помещении, залитом светом, раскинулся рай для спортсмена. Сектор кардио в дальнем правом углу оккупировали беговая дорожка и орбитрек, в противоположном углу громоздился огромный многофункциональный тренажер на все группы мышц с широкой перекладиной, ближе к выходу — мой любимый римский стул. А еще много гантелей на полу, штанга и блины. И посреди всего этого великолепия — Эрик во взмокшей майке.

И зачем я только вошла?

— Проснулась? — Он поднялся с тренажера и взял полотенце. — Как самочувствие?

— Тут? — Я восхищенно осмотрелась. — Шутишь? Я сразу выздоровела!

— Нравится? — лукаво спросил он.

— Офигеть!

— Неправильно я подошел вчера к процессу соблазнения, — пожаловался он. — Нужно было начинать со спортзала. Наверное, здесь я эффектнее смотрюсь.

— При чем тут ты? — язвительно парировала я. — Эта комната — рай. Если бы ты показал мне ее вчера, я бы ночевала совсем не в спальне.

— Тут не очень удобно падать в обморок от истощения.

— Я и не собираюсь.

— Удивительная способность восстанавливаться после карое.

— Ну, возможно, я не настолько обессилела, — тихо предположила я.

— Возможно...

Эрик не сводил с меня подозрительного взгляда, и я решила сменить тему:

— Хорошо, признаюсь, ты эффектный. Все эти мышцы, майка... Я даже растерялась.

— Думаю, на тебе бы она смотрелась лучше, — пошутил он. — Футболка мне нравится.

Даже больше красного платья.

— Спасибо, — смущенно пробормотала я и, кажется, покраснела.

О чем с ним разговаривать, решительно не знала, все наши разговоры сводились либо к сольвейгам, либо к сексу. Поэтому я спросила первое, что пришло в голову:

— Ты случайно не знаешь, как попасть в мир раскаяния? Ну в смысле, не свой, а какого-то определенного человека?

— Ого! Соскучилась по кому-то нагрешившему в жизни?

— Просто есть одна теория, хотелось бы проверить, — уклончиво ответила я и взяла с металлического столика у двери бутылочку с водой. Интересно, почему во время истощения так хочется пить?

— Слышал, сольвейги такое умеют.

Я поперхнулась и закашлялась, забрызгав водой футболку. Застыла, боясь услышать, что Эрик скажет дальше.

— Но ты не сольвейг, так что... — Он отвернулся к окну и закинул руки за голову. Нет, Полина, даже не смей отвлекаться на порочные мысли. Этот мужчина явно подозревает что-то. Еще потащит к ясновидцам — проверять. С ним нужно быть начеку. Впрочем, доказать мою принадлежность к сольвейгам он никак не может. Или может? — Есть еще один способ. Хороший жрец должен его знать.

Я сглотнула.

— А ты знаешь?

— Возможно... — безэмоционально ответил Эрик, хотя мне показалось, его совсем не заинтересовал вопрос. Словно в тот момент он нырнул куда-то в себя, настолько глубоко, что до него с трудом доходил смысл сказанных мной фраз. Потом он повернулся. Крадущейся походкой приблизился и заглянул мне в глаза. — Мы не будем проверять твою теорию. Это опасно, и у меня на это совсем не осталось сил. Я оставлю тебя на несколько часов. Могу я быть уверенным, что ты никуда за это время не влипнешь?

— Мне нужно домой, хотя бы переодеться. Твоя футболка, конечно, клевая, но я все же предпочитаю джинсы и свитер.

Он кивнул.

— Я был у тебя, собрал кое-какие вещи. Они в сумке в коридоре. Джинсы там есть. А еще майки и кроссовки, так что тебе будет чем себя занять. — Он кивнул на тренажеры и сокрушенно вздохнул. — Хотя если женщина между мужчиной и тренажером выбирает тренажер, это плохой знак. Впрочем, возможно, у тебя в жизни были какие-то неправильные мужчины...

Это точно. Точнее, правильные мне почему-то не нравились.

— Как ты попал ко мне в квартиру? — настороженно поинтересовалась я.

— Это же квартира Глеба. Он дал мне ключи. Так что, обещаешь никуда не влипнуть?

Я рассеянно кивнула. Мои мысли были уже совершенно не здесь.

Контрастный душ — всегда хорошо. Лично у меня после него мозги встают на место, организм наполняется энергией и бодростью. Может, во время перепадов температуры жила сольвейга быстрее вырабатывает кен, уж не знаю.

Натянуть любимые джинсы было верхом блаженства. А вот позавтракать мне так и не удалось — в холодильнике Эрика оказалось пусто. Наверное, там повесилась бы мышь, если бы он не выглядел так стерильно. Впрочем, Эрик же до этого жил у атли — наверняка в этой квартире еще не обжился. Хотя Глеб говорил, у скади есть большой дом — для племени. А

это, скорее всего, его холостяцкая берлога, для всякого рода романтических встреч. Судя по всему, у Эрика много женщин. Ну, или будет много — он ведь только вернулся в Россию.

И тогда я тут явно буду лишней...

Значит, нужно успеть решить вопрос с Гердой раньше. Решить и забыть. И учиться, наконец, выживать в одиночку.

Обещание я, конечно же, нарушила. Угрызений совести не испытала — все же я не скади, да и уверенностью Эрика на счет мальчика-колдуна ничуть не прониклась. Видения даны мне не просто так, и если в одном из них Тан пытался мне помочь, я не должна это игнорировать. К тому же перед уходом Эрик уверил, что ночью поставил на меня такую защиту, что я теперь могу разгуливать совершенно спокойно, и если войду в штаб охотников, даже сам смотритель города не узрит во мне хищную.

Это предположение прозвучало весьма сомнительно, но о своих весьма странных отношениях с Мишелем я умолчала. Эрик и так обо мне знает слишком много и о многом догадывается.

До нужного района я доехала быстро — минут за пятнадцать. Еще быстрее добралась до знакомого дома. Странное ощущение накрыло сразу же, как я приблизилась. Хрустящий снег сминался подошвами, и мне вспомнилась совсем другая зима — полувесенняя, когда я впервые приехала сюда. Испуганная. Слабая. После пережитого потрясения полностью утратившая способность соображать.

И вот я снова здесь...

Как странно. И такое тягучее, теплое ощущение внутри, словно я приоткрыла завесу прошлого. Увидела то, что никогда уже не увижу — ту себя. Почти сломленную, но все еще мягкую, без страшных мозолей на душе, без грубых, рваных рубцов.

Дом заманивал дымкой прошлого, где все еще можно было что-то изменить. Изменить ничего нельзя, можно лишь привыкнуть. Смириться.

Я сделала глубокий вдох и шагнула в распахнутую пасть подъезда.

Дальше все было как в тумане. Несколько лестничных пролетов, обитая дерматином дверь. Звонок-птичка. Щелкнувший замок. Карие глаза. И злость, обжигающей лавой хлынувшая за шиворот.

— Полина? — удивился Филипп и, кажется, я уловила испуг на его лице.

— Ну, привет, — более чем резко произнесла я.

— Мне сказали, ты уехала... — промямлил он, хотя по лицу прекрасно было видно: Филипп знает, что я в Липецке.

— Вернулась. Можно войти?

Бывший жрец атли отступил в сторону, и квартира приняла меня в теплые объятия. На этом все узнавание закончилось — встретило меня совершенно другое помещение с совершенно другим человеком внутри.

Новенький ремонт, вместо трюмо — высокий, до потолка, зеркальный шкаф-купе, деревянные панели не стенах, паркет на полу. Подвесной потолок с мягкими светильниками.

И вождь вместо жреца.

Да уж, перемены значительные.

— Я бы сказал, что тебе нельзя здесь находиться, но ты все равно нарушаешь законы... — смущенно пробормотал Филипп.

— Не нарушаю. Я больше не атли. Покормишь? — И, не дожидаясь ответа, я стянула сапоги и направилась на кухню.

Кухня брызнула смесью лимонного и белого. Новая мебель в стиле хай-тэк, салатная плитка и круглые светильники. Овальный стол посередине, стулья в тон мебели. А еще — как часть декора — в ядовито-желтом фартуке девушка за плитой. Невысокая, щупленькая, русоволосая. Большие карие глаза. Она вытаращилась на меня, как на угрозу, ревниво ощупывая взглядом, и я почувствовала себя неловко.

— Аделаида, выйди, — резко приказал Филипп, и девушка вздрогнула. Опустила глаза, вытерла руки о полотенце и прошмыгнула мимо меня в коридор.

— Вижу, ты и повадки Влада перенял, — с сарказмом сказала я.

— Присядь, — тихо попросил Филипп, галантно отодвигая для меня стул. — Рад, что пришла. Что ты вообще...

— Разговариваю с тобой? — вскинулась я. — Ты же выкачал меня до капли!

— Не тебя, — возразил он и присел рядом. — Я взял лишь то, что дал тебе колдун.

— Неважно. Предал ты меня.

— Полина... — Он отвернулся. Возможно, уже приготовил для меня речь — раз вернулся, наверняка ждал встречи. Но никакие его слова не тронут меня. Предательство всегда остается предательством. Несмотря на причины и мотивы. Плохо, что я не осознавала этого раньше. — Ты не поймешь...

— Куда уж мне! — усмехнулась я. — И как? Получил, что хотел?

Он вздохнул. Снова посмотрел на меня, и в том взгляде читалась только уверенность — непоколебимая, фанатичная.

— Некоторые люди не рождены подчиняться.

— Лучше подчиняться, чем слыть предателем. Но это только мое мнение. Сугубо личное. Надеюсь, оно того стоило. Разлука с братом, с женщиной, которая тебя любила. Впрочем, смотрю, ты не сильно грустил по Рите. Да и по Ларе, которую так отчаянно спасал.

— Знаю, какого ты обо мне мнения, — почти сердито ответил он. — Пришла, чтобы высказать мне в лицо?

Я покачала головой.

— Нет. Этого ты не поймешь. Мне нужна услуга. Она стоит намного меньше, чем ты забрал у меня.

— Услуга? — нахмурился Филипп. — Какого рода?

— Проведи для меня ритуал. Надеюсь, ты не растерял навыков жреца?

— Не растерял. Что тебе нужно?

Я прямо посмотрела на него и ответила:

— Увидеть Тана.

Глава 10. В гостях у Черноокнижника

Филипп несколько секунд молчал, а затем скопировал взгляд Лары.

— Если ты просишь, чтобы я воскресил колдуна, то я не умею.

— Я хочу попасть в его мир раскаяния. Я была там однажды, но не уверена, что смогу повторить. Мне сказали, хороший жрец в состоянии провести такой ритуал. Ты можешь?

— Кто сказал?

— Неважно.

Филипп вздохнул и спросил со страдальческими нотками в голосе:

— Зачем это тебе?

— Разве того, что ты мне должен, недостаточно, чтобы не задавать вопросов? — раздраженно поинтересовалась я.

— Поля... — Он взял мою руку и приготовился говорить речь. Напутственную. С жизни. Это выражение лица ни с чем не спутаешь — мудрец в седирах готовится нравоучать своего последователя. Я даже умилилась. — Тебе нужно остановиться, подумать, что ты творишь. Хоть раз в жизни оценить опасность, прежде чем лезть в пекло, понимаешь?

— Не совсем. — Я состроила недовольную рожицу, но, признаться, эта деланная забота смешила.

— Мои ищейки видели тебя с Эриком Стейнмодом, а он не лучшая компания для такой девушки, как ты.

Ах вот оно что! Выходит, Филипп все же следил за мной. Но зачем? Покаяться хотел? Или еще чего поймет? Зная его, я бы не удивилась. Но на контакт идти побоялся — из-за Эрика. Ну ясно, ему и Влад-то был не по зубам, не то, что Эрик.

— С каких пор ты записался в мои дуэньи, Филипп? — насмешливо спросила я.

— Ты же не думаешь о вступлении в скади? Или ты поэтому и ушла из атли? Ты в курсе, что в скади есть определенный способ сохранять кен предков? Весь он переходит вождю. Повод задуматься, как считаешь?

— Поясни, — нахмурилась я.

— Когда кто-то из скади умирает, его кен, вопреки законам хищных, не уходит в землю, не питает источник. Они не забирают часть кена с собой. Весь остаток переходит вождю. Это древний и темный ритуал. Подозреваю, в скади в прошлых поколениях было немало колдунов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хочешь сказать, если кто-то из скади умрет, его кен достанется Эрику?

Филипп многозначительно кивнул, выпустил мою руку и откинулся на спинку стула. Наблюдал за мной пристально, словно мог читать мысли по лицу.

Я задумалась. Врать Филиппу незачем. Он знал, что я не испугаюсь и не убегу. Никакой выгоды от этого он тоже не получит, разве что сговорился с Владом, но эта мысль была такой смешной, что я отмела ее сразу. Да и все равно есть способы узнать, сказал ли он правду — например, спросить у Эрика прямо. До этого он не лгал мне. Или лгал?

Хорошо, допустим, слова Филиппа правдивы.

Эрик накапливал кен предков. Это объясняло его многочисленные способности и силу. Даже тот факт, что он повредил жилу Герде. Хотел ли он получить мой кен? Мог ли

склонить меня к тому, чтобы вступить в скади, а затем убить?

Я поежилась. Как бы ни отгораживалась от мыслей о предательстве, они назойливой стайкой крутились в голове. Меня слишком часто предавали, чтобы я могла позволить себе беспечность. Даже если меня безумно тянет к Эрику. Тем более, если тянет.

Но правда в том, что он не просил меня стать скади. Этого не требовалось, чтобы видеть опасности для него — каким-то образом я могла предсказывать без принадлежности к его племени. Поэтому в случае, если он предложит, я смело могу отказаться.

— Теперь понимаешь, почему я волнуюсь? — закончил доверительный разговор Филипп и добил многозначительным взглядом.

— Ну да, если даже у тебя получилось меня обмануть, то Эрик и подавно сможет, верно?

— Я совсем не то имел в виду, — смутился он и заерзал на стуле. Тут же всплеснул руками и подскочил: — Ты же есть просила. Вот я балда! Сейчас приготовлю.

Пока Филипп суетился, я рассеянно теребила повязку на руке и думала об Эрике. Пытался ли он склонить меня к вступлению в скади для того, чтобы потом прибрать к рукам кен сольвейга? Ведь он уже понял и все равно продолжал играть со мной. Мне казалось, он просто меня кадрит, но вдруг... Что если он решил совместить приятное с полезным? Заманить меня в скади, пройти испытания, прибить и уйти в свой кан еще более сильным?

Я бы не удивилась.

Впрочем, никто не заставляет меня присягать Эрику. Но выяснить все о его намерениях перед тем, как помогать, нужно непременно. Позволять собой манипулировать нельзя. Хотя будет сложно что-то требовать — от него зависит моя жизнь. В прямом смысле. И не только моя — проблема с Гердой не решена. А колдун ее адепт, так что автоматически делает его и моим врагом. А Эрика — союзником.

Глеб говорил, остальные трое слабы. Устраним колдуна, и драугр останется без главного оружия.

Филипп поставил передо мной тарелку с омлетом. К ней присоединилась чашка свежесваренного кофе. Желудок воодушевленно заурчал, требуя все это немедленно съесть и выпить.

Бывший жрец атли смотрел ласково и заискивающе. Что ж, не зря я все-таки пришла.

— Так ты поможешь? — спросила, когда Филипп снова присел рядом.

— Помогу, если скажешь, что делаешь это для себя, а не для Эрика.

— Я делаю это для себя, — уверенно ответила я. И даже не соврала. Колдун опасен в первую очередь для меня.

Филипп кивнул.

— Тогда помогу.

Жрецы всегда меня немного пугали. Все эти заклинания на древне-скандинавском, свечи, ритуальные ножи делали их очень похожими на человеческих колдунов. Когда-то у меня даже возникала мысль, что если бы Влад не настолько ненавидел Тана, а Тан, в свою очередь, не настолько хотел править атли, колдун мог бы стать замечательным жрецом для племени. Но все произошло так, как произошло.

Ритуальный круг был нарисован на полу в спальне. Прямо под ковром. Наверное, Филипп использовал квартиру как источник, ведь на создание настоящего ему не хватило бы кена. Или способностей. Выяснять я не стала.

Хегни — так Филипп назвал свое племя — жили разрозненно, как и альва. Впрочем,

при нынешнем порядке им не угрожало ничего — пока на хищных можно было зарабатывать, охотники закрывали глаза на многие вещи, за которые в прошлом уничтожались целые племена. Мишель же имел возможность эксплуатировать четыре племени.

Белая краска нагло исполосовала новенький паркет, оставила на нем небрежные разводы. Вот — то, от чего ни один из нас никогда не избавится. Не заштукатурит, не запихнет в несгораемый сейф, не спрячет на дне океана. Это — наша сущность. Неотъемлемая часть нашей жизни. Магия, что в нас самих. Защитая в гены опломбированная в жиле. Она бушует, пьянит, делает нас отличными от людей. Недолюдьми или сверхлюдьми — не суть важно. Возврата нет. После посвящения что-то просыпается в нас и не засыпает уже никогда.

Я поймала испуганный взгляд Аделаиды, женщины Филиппа, когда он закрывал дверь спальни. Невесть что она подумает о нас... А, плевать! Наверняка ведь знала, на что шла. Каждая женщина-хищная знает. Если Филипп захочет, заведет себе нескольких жен, и Аделаида не сможет возразить. Таковы законы.

Странно, с каким цинизмом я об этом подумала. Без эмоций. Совсем. Лишь вспомнился умный взгляд воительницы атли. И мелькнула мысль: если бы я и смогла с кем-то делить своего мужчину, то Ира — отличная кандидатка.

Впрочем, я не смогла, да оно и к лучшему.

Пол оказался прохладным и гладким. Я уселась по-турецки и подняла взгляд на Филиппа. Он деловито раскрыл старинную книгу и положил на тумбочку у кровати. Задернул шторы и зажег свечи.

— Пей, — скомандовал, протягивая мне стакан.

— Что это? Отвар из магических трав?

— Виски. Нужно притупить твоё сознание, а алкоголь для этого — самое оно. Нам повезло, что я тогда взял кен Тана — он станет проводником. Только постарайся поскорее, не уверен, что смогу долго...

Я поморщилась, но промолчала о том, что на самом деле думаю о поступке Филиппа. Не до того сейчас. Залпом выпила обжигающую жидкость, закашлялась. Горло полыхнуло, а по пищеводу растеклось приятное тепло, расслабляя и туша тревогу.

Филипп заговорил — монотонно и усыпляюще. И я вспомнила, что истощена. Сон накатывал волнами, изредка выкидывая на берег реальности, но все больше затягивая на глубину. И я плыла, расслабленная, спокойная. Расслаблялась все больше и больше, пока меня не окутала темнота — теплая и уютная.

А потом я открыла глаза.

На мне все то же платье — красное, с глубоким вырезом — и сапоги. А вокруг, куда только хватает взгляда — снежное лесное царство. Мягкие, ватные сугробы, раскидистые еловые ветки, заботливо укрытые снежными шапками.

Холодно. Настолько холодно, что сводит конечности, а кожа покрывается тройным слоем мурашек.

Лес молчит. Колет морозом, дышит и смотрит недружелюбно, отчего хочется бежать и спрятаться. Но я стою, примороженная к месту и мысленно матерю бывшего жреца атли. Проводник, говоришь. И куда он меня провел, черт возьми?!

Когда я собиралась навестить Тана в мире искупления, думала, что он будет, как в прошлый раз сидеть в кресле-каталке и слушать Моцарта. Представила себя приятный

аромат спелых яблок и солнечный свет, пробивающийся через неплотно задернутые шторы в огромном зале. И уж никак не ожидала, что попаду в зимний лес.

— Черт! — вырывается у меня. — И что теперь?

Лес шумит, с елей опадает снег и ложится на холодные подушки сугробов. Больше никаких звуков — кроме стука моих же зубов. Так холодно, что кажется, я сейчас умру.

Обнимаю себя руками, оступаюсь и путаюсь в липком сугробе. Нужно идти, иначе замерзну насмерть.

Тут же замираю, потому что на меня смотрят глаза. Два янтарных глаза с вертикальными зрачками. Голова кружится, на языке — металлический вкус страха.

Зверь скалится и угрожающе рычит.

Волк. Это чертов волк!

Так, спокойно. Это ведь не по-настоящему. Всего лишь мое подсознание. Вернее, не мое — Тана. Я тут не умру. Не умру ведь?

Зверь поднимает массивную шерстяную лапу и шагает ко мне. Скалится сильнее, и, клянусь, я могу пересчитать его зубы — мелкие, острые резцы и клыки — длинные, цвета слоновой кости, привыкшие рвать добычу.

«Это очень опасно», — говорил Эрик. Теперь понятно, почему. Наверное, все же можно умереть в чем-то мире искупления. Уснуть и не проснуться там, где проводился темный ритуал.

Волк пригибается к земле, и в его намерениях уже нет никаких сомнений. Он голоден. Его стая — тоже. А я — отличный способ поживиться. Животное готовится к прыжку, а я даже пошевелиться не могу — стою, замороженная звериной грацией хищника, который собирается меня порвать...

Вспомнилась сказка о Красной Шапочке. «Почему у тебя такие большие зубы?»

— Филипп, — шепчу, не сводя взгляда с желтых глаз волка. — Вытаскивай меня!

Словно он может меня услышать.

В этот момент с соседних елок сыпется снег, и на полянку, прямоком между мной и волком выходит человек в меховой накидке. Издает нечленораздельный клич и рычит. Зверь все еще скалится, но отступает. Человек в накидке делает еще шаг и снова рычит. И, к моему удивлению, волк поджимает хвост, пятится и скрывается в чаще.

— Тан! — окликаю я, и он поворачивается. Небритый, одичалый. Борода, спутавшиеся волосы, обветренная кожа. Настоящий дикарь. Понимаю, что почти окоченела, зубы снова начинают зверски стучать, а сама я — трястись от холода.

Колдун смотрит на меня странно, оценивающе, и, к своему ужасу, я не вижу в черных глазах узнавания. Ни намек на человеческое. Там такая же дикость, какая была у волка.

— Это я — Полина. Ты узнаешь меня?

Он подозрительно щурится, словно не может поверить в то, что я сказала.

— Настоящая? Или снова глюк? — спрашивает хрипло и делает шаг ко мне.

— Сложно судить, — дрожу я еще сильнее и растираю голые плечи. — Но судя по тому, как околела, вроде настоящая.

— В прошлый раз ты тоже так говорила, — сокрушается Тан. — И в позапрошлый...

— Не понимаю, о чем ты. У меня не так много времени — Филипп не сможет долго держать заклинание.

Неужели он сошел с ума? Совершенно сбрендил в своем мире искупления? Возможно, именно поэтому они так и называются. Находиться вечность наедине с собой не каждый

выдержит.

— Мне нужно поговорить о колдуне, только если можно, где-нибудь в тепле.

Тан улыбается странно-загадочно и говорит:

— Тут можно все!

На плечи мне ложится мягкий лисий мех, и тут же становится теплее. Снег вокруг быстро тает, только не течет водой, как по весне, а просто исчезает. Испаряется невидимым призраком. Тан берет меня за руку и усаживает на густой мох, усыпанный еловыми колючками. Сам усаживается рядом, и я замечаю, что перестала мерзнуть. Ели нависают сверху, где-то вдалеке кричит филин. Наверное, это Тан ему приказал. Как и тому волку, что хотел меня съесть. Тан здесь сценарист и режиссер. И единственный зритель. Но не сегодня.

Нас окружает лес — загадочный и темный. Как и его хозяин.

— Тут все изменилось с прошлого раза, — говорю я первое, что пришло в голову. — В прошлый раз ты встречал меня радушнее.

Тан смотрит непонимающе, и я поясняю:

— Яблоки, Моцарт, кресло-каталка. Припоминаешь?

— Ты слишком часто здесь бываешь, чтобы я мог отличить тебя настоящую от выдуманной моим разумом, — сокрушается он. — Это правда ты?

— Правда, — киваю я. — Я здесь, чтобы узнать, как убить колдуна.

Чернокнижник раскатисто смеется, и его смех растекается по лесу, сквозит незримым туманом между деревьями, прячется между корней и в порах коры, клубится в кронах.

— Тебе ли не знать, пророчица, как убивают колдунов? Помнится, одного убила ты сама.

— Боюсь, этого не одолею. Он безумно сильный, несмотря на то, что подросток.

— Подросток? — неподдельно удивляется Тан. — Сколько прошло с тех пор, как ты была у меня в последний раз?

— Полгода.

— Ему четырнадцать, верно? Этому колдуну? Невысокий, русоволосый, дерзкий и жутко упрямый?

— Ты знаешь его?

Сердце пропускает удар, еще один. Возможно, оно здесь тоже живет по законам Тана. Чернокнижник загадочно улыбается и теребит в руке еловую веточку. Молчит с полминуты и гордо кивает.

— Знаю. Я учил его ритуалу кровной связи.

Я молчу, ошарашенная этим известием. Не знаю теперь, станет ли Тан помогать — похоже, этот мальчик ему дорог. Колдун молчит также, впиваясь пальцами в смесь моха и еловых иголок. Пахнет дождем и хвоей.

— Как ты выжила? — внезапно вскидывается он и сверлит меня недоверчивым взглядом. словно если не расскажу, стану для него очередным призраком, не требующим внимания бестелесным духом. — И что от тебя нужно Теду?

— Влад отправил Герду в тот мир, из которого она вышла, — морщусь я. — Он планировал это с Альриком много лет. А Тед — мальчик, да? В одном из видений он убил моего друга. Как ты понимаешь, я не могу этого допустить.

— Ну надо же! — неподдельно удивляется Тан и глядит в затянутое сизыми облаками небо. — Вот уж чего не ожидал!

— Не ожидал, что колдун нападет на хищного? — в свою очередь поражаюсь я.

— Не ожидал, что Влад так поступит. Он многим рисковал.

— Он и потерял немало.

— Тебя?

— Ты был близок с мальчиком? — резко спрашиваю я и понимаю, что злюсь.

Злость отражается на мире Тана — воздух берется рябью, налетает ветер, рвет верхушки деревьев и свистит в ушах. Чернокнижник качает головой и бормочет:

— Сольвейг, который не умеет контролировать свой гнев — мартышка с гранатой. Впрочем... так я могу понять, что ты не глюк.

— Извини, — виновато вздыхаю я.

— Тед всегда был несносным. С детства. Упрямым и себе на уме. Но быстро учился, и дар у него сильный. Я приятельствовал с его отцом. — Он усмехается. — Уж ты-то должна знать. Его нож вспорол мне брюхо...

Перед глазами всплывает поединок, удивление на лице колдуна и риторический вопрос.

— Ирвин, — догадываюсь я. — Ну конечно! Мальчик — его сын.

Вспомнились слова Влада перед отъездом Глеба: «У моего приятеля из Лондона есть клинок, освященный сильным колдуном. Мой знакомый убил его несколько лет назад, а нож забрал, как трофей».

Теперь понятно, что Теду нужно от Эрика — отомстить за отца. Банальщина. Но, в всяком случае, на один секрет меньше.

— Что он умеет?

— На тот момент, когда я видел его в последний раз, Тед подавал надежды стать одним из сильнейших колдунов в истории.

— Похоже, он преуспел, — морщусь я. Ветер стихает, и лишь слегка теребит мои волосы. Под соседней елкой трогательно роется ежик.

— Твой друг, наверное, сильно ему насолил...

— Есть способы убить колдуна, не используя нож? Не уверена, что ты захочешь мне помогать, поэтому можешь не отвечать. — Я помолчала немного. — Но я все же прошу ответить. От этого зависит моя жизнь тоже...

Тан загадочно улыбается и смотрит перед собой. Меньше всего в этот момент он похож на колдуна, скорее на одинокого отшельника. Возвращается чувство, что он просто потерялся, запутался — как тогда, когда он пришел к атли во второй раз.

— Помнишь, мой дом? — спрашивает он и переводит на меня черные глаза. — Ты приходила высказать свое негодование после того, как Альрик вернул нас с Гердой в Липецк.

Я киваю.

— Под половицей в коридоре спрятана шкатулка. В ней — яд. Им можно убить колдуна. Мальчишка не знает о нем ничего — я лично изобрел его.

— Спасибо. Теперь нужно придумать, как скормить его Теду.

— Или твой друг пусть выпьет его. Наверняка Тед захочет взять его кен — судя по всему, он силен, этот неизвестный мне хищный. Колдун никогда не пройдет мимо халявного кена. Тед захочет взять его, и отравится.

— Предлагаешь мне отравить Эрика? Мило!

— Этот яд проникает в верхние слои жилы и замирает там на некоторое время. Когда Тед проткнет твоего друга клинком, кен потечет из него прямо в жилу колдуна вместе с ядом. Отравит ее, и Тед умрет.

— А Эрик?

— Если твой друг силен достаточно, он выживет. Но если между тем, как он примет яд, и тем, как Тед совершит ритуал, пройдет много времени, яд опустится ниже, отравит его жилу, и он погибнет.

Отличная перспектива, ничего не скажешь. И как вычислить то самое время? Оптимальное, чтобы в достаточной мере отравить кен и не повредить жилу Эрика?

— Влад принял новых людей в племя? — делая вид, что его не очень-то интересует ответ, спрашивает Тан. Но я-то вижу, как напряжено его лицо, как настойчиво пальцы мнут еловую ветку. Колдун погиб, но от привязанностей так и не избавился.

— После войны принял нескольких. А что?

— Имя Эрик мне незнакомо, — пожимает он плечами. И теперь уже не по моей воле волнуется лес, шелестит ветром и хмурится небом мир, придуманный подсознанием Тана.

— Эрик не атли, — говорю я и умолкаю. Это все, что ему нужно знать.

— Вот как? — Заинтересованный взгляд, легкое нетерпение.

Я не могу сказать тебе, прости. Ни о том, кем является тот, кому ты негласно помогаешь. Ни о том, что именно он виновен в болезни твоей подруги.

— Почему тогда ты видишь его?

Я вздыхаю.

— Потому что я тоже не атли, Тан.

Последовавшее за этими словами молчание гнетет. Возвращается ноющая боль в жиле, утихшая после лечения Эрика. И разочарование — из-за того, что пришлось покинуть племя.

— Почему?

— Так вышло...

Некоторое время мы сидим молча. Я кутаюсь в теплый, пушистый мех, а Тан перебирает сухую хвою. Потом он поворачивает голову и серьезно говорит:

— Я не лгу на счет яда. Но не уверен, что твоему другу эта идея понравится.

— Ты ведь готовил его для поединка, — внезапно понимаю я. — Предполагал, что Влад может использовать нож?

Колдун кивает. Его лицо — сама безмятежность.

— Почему не выпил?

Он некоторое время молчит, словно решает, нужно ли мне знать, а потом отвечает:

— Можешь считать, у меня было предчувствие...

Я хочу еще что-то сказать, но невидимая сила срывает с плеч мех, поднимает меня в воздух и уносит вверх. Последнее, что я вижу — грустный профиль Тана, застывший в клубящемся тумане придуманного им леса. Затем и вовсе перестаю что-либо различать.

Голова кружилась, тошнило. Глаза открыть было очень трудно, а когда я все же это сделала, увидела встревоженное лицо Филиппа. Я лежала на кровати в его спальне, а бывший жрец атли нещадно тряс меня за плечи и хлестал по щекам.

— Эй, полегче, — простонала я и попробовала сесть. С третьей попытки с помощью Филиппа мне это все же удалось.

— Я жутко испугался! — с облегчением выдохнул он. — Ты была такая холодная, словно помирать собралась.

— Там было... холодно.

— Эрик звонил. — Филипп сунул мне телефон. — Я не стал распространяться о наших... хм... экспериментах.

— Спасибо, — пробормотала я.

Еще бы он сказал! Да Эрик прибил бы его и меня вместе с ним за то, что мы тут вытворяли.

Я набрала номер. Длинный гудки сменились гневным «Какого черта?!» и я поморщилась. Потом с минуту выслушивала, какая безответственная, и что Эрик надерет мне уши.

Тоже мне, воспитатель нашелся! Он мне даже не вождь. Влад и тот меньше возмущался, когда я чудила.

Впрочем, об этом я думала мимоходом, основную часть мыслей занимала тревога. Вдруг Тан соврал на счет яда? Все же этого мальчика он знал лично, дружил с его отцом, а я... Я убила Тана. Несмотря на его хорошее ко мне отношение, не уверена, что это событие не наложило отпечаток на его решения. Да и не казался мне больше колдун на сто процентов адекватным.

Вторым, что волновало меня не меньше мотивов Чернокнижника, были мотивы самого Эрика. После рассказанного Филиппом я уже не была уверена, что его можно записывать в принцы, спасающие принцесс из башни. Даже несмотря на видения. Кому, как не мне, знать, насколько ценится кен сольвейга. Этот урок я усвоила хорошо.

Тем не менее, пока мне не из чего выбирать. Если Эрик погибнет, между мной и Гердой не останется преград.

С Филиппом я попрощалась бегло. Аделаида больше не появлялась — спряталась в комнате и не выходила. Я сдержанно поблагодарила бывшего жреца атли за помощь и сказала, что его долг оплачен. После этих слов он почему-то обиделся и обронил, что вовсе не поэтому помогал.

Мы с Эриком встретились неподалеку от дома Филиппа. Я позвонила и попросила меня забрать. От предвкушения новых приключений немного тряслись руки, а в ногах ощущалась болезненная слабость. Я боялась, но в то же время волнение было приятным. Действовать было гораздо лучше, чем вздрагивать от страха. Ждать непонятно какой участи.

Сомневалась, стоит ли говорить Эрику о визите к Тану. О яде. Я не знала его, но если проводить аналогии с Владом, тот никогда не позволил бы мне совершить подобное безумство. И уж точно ни за что на свете добровольно не выпил бы яд. Рациональность и продуманность всегда была у него на первом месте. Безопасность близких — на втором.

Был ли Эрик настолько же авантюрен, как и я?

Он уже ждал меня, облокотившись о столб с объявлениями, недалеко от автобусной остановки. Одетый в кожаную куртку и голубые джинсы, что безумно ему шло.

Внедорожник был припаркован неподалеку.

Погода испортилась. Темное предвечернее небо нависло, стало тяжелым, предвещая снегопад.

Лицо Эрика выражало недовольство, и я виновато улыбнулась.

— Извини.

— Ты не очень послушная девочка, — склонив голову набок, произнес он. — Влад не учил тебя повиноваться?

— Я пропускала эти лекции и завалила экзамен, — поморщилась я.

— В скади тебе не сошло бы это с рук.

— Но я не скади. И хватит уже меня агитировать!

— Я не агитирую. Это невозможно, — невозмутимо сказал он и улыбнулся.

Оттолкнулся от столба и направился к машине.

— Невозможно? Почему? — удивилась я, едва за ним поспевая.

— Я против смещения крови.

Мы уселись в автомобиль и тронулись с места. Пошел снег. Он сыпался широкими тяжелыми хлопьями, прилипал к лобовому стеклу, и Эрик включил дворники.

А я пыталась осмыслить его слова. В них не прослеживалось никакой логики. Ведь если Эрик знает, что я сольвейг, и хочет мой кен в итоге, он должен описывать мне перспективы жизни в скади. Он же, напротив, был категоричен.

— Ты не принимаешь в племя других хищных? — заинтересованно спросила я, разглядывая снежинки. Они падали на стекло и сразу же стирались резиновыми щетками.

— Только женщин. И только перед венчанием с кем-то из скади.

— Но ты предлагал мне стать твоей пророчицей.

Эрик усмехнулся, глянул на меня исподлобья, как мне показалось, с сожалением, а затем вновь перевел взгляд на дорогу.

— Ты неправильно меня поняла. Это было предложение о покровительстве, не более. К тому же потом, когда я узнал, что тебя изгнали...

— Что? Пожалел? — вырвалось у меня.

Почему-то стало обидно и горько. Где-то в груди заныла недавно зарубцевавшаяся рана. Я отвернулась. Смотрела на липкий тяжелый снег и думала о Владе. Снег — его защитник, ему сейчас проще. Помог бы мне кто забыть, не думать.

Теперь у меня не будет такой поддержки. Странно, я никогда особо не ценила. А теперь вот, когда потеряла...

Эрик молчал. Возможно, не знал, что ответить, а может, не считал нужным. Все было просто: он добивался своего любыми способами, а я нужна для достижения цели. Я знала это и раньше, но почему-то именно сейчас покорило цинизм ситуации.

— Куда мы едем? — спросила тихо, чтобы избавиться от налета непонятной тоски.

— К скади. Один из моих людей нашел мальчика.

Я застыла. Казалось, время остановилось, хотя эту иллюзию нарушали дворники, методично сметающие мокрый снег с лобового стекла автомобиля. Эрик был сосредоточен, но выглядел спокойным, в то время как во мне все бушевало. Планировать — одно, знать, что нужно воплощать безумный план — совсем другое. Особенно, если не уверен, хочешь ли его воплощать.

— И где он?

— Это и выясним, когда приедем.

— Я знаю, кто этот мальчик, — мрачно произнесла я.

Эрик молчал, но в воздухе повис немой вопрос, поэтому я добавила:

— Это Тед, сын Ирвина. Ты ведь убил его несколько лет назад, так?

Он кивнул, но ничего не ответил. Продолжал молчать и смотрел на дорогу. Наверное, пытается переварить информацию. А может, уже знает — ищейки скади наверняка уже выяснили что-то о колдуне.

Вскоре город остался позади. Мы выехали на трассу, мимо мелькали деревья и встречные машины.

Скорость нравилась мне. Она создавала иллюзию свободы. А еще в дороге возникало ложное впечатление, что я направляюсь туда, где меня ждут. Правда, тревога была сильнее.

Около пятнадцати минут мы ехали молча, а потом Эрик повернулся ко мне. Улыбнулся

тепло.

— Ты как-то притихла.

— Не очень люблю колдунов, — призналась я.

— Не бойся. — Он протянул руку и погладил меня по щеке. — Маленькая пророчица...

Я заставила себя думать, что для него это только развлечение между битвами. Если поддамся эмоциям сейчас, пропаду, а мне нельзя. Или можно? Какая разница, что будет завтра, если сегодня так холодно внутри? Мне так давно холодно! А его рука теплая, так и хочется прильнуть...

Вскоре мы въехали в небольшой поселок. Небольшие домики, почти все побеленные известью, крытые серым шифером. Зеленые заборы, за которыми уныло ждали весны спящие садовые участки. В конце улицы Эрик свернул направо, в длинную аллею, по обеим сторонам которой росли высокие раскидистые деревья. Должно быть, тут хорошо летом, подумалось мне.

В конце аллеи нас встретили черные кованые ворота, распахнутые настежь.

Дом скади — трехэтажное здание в центре огражденной воротами площади — показался мне мрачным. Сложенный из серого кирпича, с огромными колоннами перед входом, подпирающими крышу террасы, он виделся мне вырванным из прошлого экспонатом. Древним достаточно, чтобы хранить много нераскрытых тайн ранее обитавших здесь людей.

Подъездной путь изрядно покрылся снегом, хотя было видно, что его недавно чистили. Эрик припарковался у входа, и мы вышли из машины.

Войдя в дом, я осмотрелась. Не знаю, приглядывал ли кто-нибудь во время отсутствия скади за домом, или же Эрик позаботился обо всем после приезда, но обстановка казалась домашней и уютной.

Большая гостиная вычищена и обставлена мебелью. Светлые стены, темного цвета диван и несколько кресел вокруг большого стола из черного дерева. Старинная кованая люстра на потолке в виде канделябра и множество лампочек, освещающих просторное помещение. Поодаль, в дальней стене — камин, в котором потрескивали дрова, так и маня подойти и погреться. Широкая лестница с фигуристыми железными перилами вела наверх, раздваиваясь в конце и заканчиваясь у основания двух коридоров на втором этаже.

Обстановка понравилась мне. Было в ней что-то царское, горделивое, словно не каждого впускал в себя этот пропитанный древностью дом. Я тайком взглянула на Эрика — он так гармонично смотрелся здесь, и, даже не зная его, можно было подумать, что это его жилище.

Даша встретила нас в гостиной. Выглядела защитница угрюмой, даже раздраженной. Едва кивнула мне и обратилась к брату:

— Ты хоть понимаешь, что делаешь? Полина — пророчица атли. Нельзя просто брать и увозить чужих женщин в неизвестность.

— Полина вообще-то здесь, — возмутилась я. — И она больше не атли. А остальное никого не касается, кроме нас с Владом.

— Вообще-то, это касается меня, — возразил Эрик. — Пока у тебя видения обо мне.

Даша с шумом выдохнула. Покачала головой.

— Только не говори, что это она, — сказала с выражением глубокой скорби на лице. — Это не может быть она!

— Полина — та самая, Дарья, смирись.

Даша закрыла рот и шумно выдохнула, выражая этим негодование. Но брату перечить не стала, подошла к окну и отодвинула занавеску.

— Сын Ирвина в городе, — безразличным тоном оповестил ее Эрик, и защитница резко обернулась. Побледнела и, показалось, очень испугалась. Ее красивое лицо вытянулось, рот приоткрылся, словно она хотела сказать что-то, но не могла.

— Не бойся. — Голос Эрика потеплел. — Он не причинит тебе вреда.

— В прошлый раз ты тоже так говорил!

— В прошлый раз? — Я взглянула на Эрика. — Что было в прошлый раз?

— Были небольшие проблемы, но я их решил, — уклончиво ответил он.

— Небольшими проблемами брат называет то, что я чуть не погибла. Колдун мучил меня несколько недель. Об этом Эрик не соизволил упомянуть?

— Мальчишка — не Ирвин, — поморщился он. — Маршал уже вернулся?

— Еще нет, — буркнула Даша. — Этот мальчик из-за тебя здесь?

— Я разберусь. Когда Маршал приедет, пусть меня найдет. — Эрик повернулся ко мне. — Идем тебя кормить.

Он взял меня за руку и повел куда-то, а я все не могла избавиться от ощущения deja vu. Осенний день, руки в крови и минералка. Лара тогда рассказала о том, как она жила у Тана. Всего несколько дней, и столько ужаса... Нет, все же хорошо, что колдун мертв. И совсем не зря он себя наказывает.

Странная закономерность: две защитницы, приближенные к вождям. Сестра и любовница. И у обеих одинаковая участь.

Пока я об этом думала, мы пришли на кухню — огромную и светлую. Широкий стол посередине с черной мраморной столешницей был увенчан огромной вазой с фруктами. К нему уютись белые барные стулья. Противоположная стена, украшенная разноцветными витражами, оканчивалась огромным окном от потолка до пола. Масса встроенной техники и угловатая черно-белая мебель без излишеств. Одна из дверок огромного двустворчатого холодильника открылась шире, и из-за нее вынырнула стройная девушка лет семнадцати. Вылитая лань — высокая, грациозная и темные глаза на пол-лица. Откинула назад толстую русую косу, расплылась в улыбке и бросилась к нам.

— Эрик! — Повисла у него на шее, а он обнял ее за талию.

— Элька! — радостно подхватил Эрик. — Когда приехала?

— Утром. Роб встретил в Москве. — Она отлипла от него и перевела на меня любопытный взгляд. — Есть будете?

— О да! — Он многозначительно на меня посмотрел, и я почему-то смутилась. — Это Эльвира, целительница скади. Эльвира, это Полина, моя... подруга.

— Добро пожаловать, — лучезарно улыбнулась Эльвира и протянула мне руку. Рукопожатие было теплым и крепким. — Сейчас буду вас кормить.

Она упорхнула в другую часть кухни, а Эрик крикнул ей вслед:

— И карое свари. У нас тут есть истощенные.

— Будет сделано, кэп!

Обедали мы впятером — я, Эрик, Эльвира, Роб — жрец скади и Тамара — воительница. Даша не спустилась, сославшись на головную боль, но мне показалось, ее расстроило известие о мальчике.

Эльвира положила голову на плечо Эрика и много расспрашивала меня о жизни в атли. Искренне посочувствовала, что мне пришлось уйти, а потом без умолку тараторила о

Лондоне и племени бренди, у которых они жили. Я узнала, что пару лет назад Эрик построил там свой дом, и они переехали, но больше всего Эльвире нравилось в небольшом коттедже с видом на море, куда они изредка выбирались на пикники...

Роба и Тамару я уже видела — у атли, когда мы с Владом вернулись из штаба охотников. Смуглый жрец скади был наполовину испанцем. Его мать — человеческая женщина жила в Севильи, и у Робба было несколько человеческих братьев и сестер. Мы немного пообщались, а затем юная целительница завлекла меня восторженными историями, и жрец переключился на Эрика. Они говорили тихо, и я ничего не смогла разобрать из-за стрекота молодой скади.

Тамара, кудрявая воительница, больше молчала и сверлила меня подозрительным взглядом — прямым и недружелюбным, а потом резко спросила:

— Ты — пророчица?

Разговоры за столом смолкли, гнетущее молчание нависло куполом. Я смутилась и посмотрела на Эрика. Он не напрягся даже. По-хозяйски обнял меня за плечи и ответил:

— Полина не просто пророчица. Она — та самая.

— Ненавижу всех твоих пророчиц. А эту — особенно!

Тамара с грохотом уронила вилку в тарелку, демонстративно встала и вышла из кухни.

— Извини, — нахмурился Эрик и перестал меня обнимать.

— Тома категорически против ухода Эрика в кан, — пояснил Роб, и все снова замолчали.

Эрик тоже встал. Казалось, его задело поведение Тамары, но касаться этой темы мне не очень хотелось, и я не стала спрашивать. Эльвира молча собрала посуду и отнесла в мойку. До того веселая и непринужденная атмосфера наполнилась мрачностью и тягостным ожиданием. Казалось, все ждали, что предпримет Эрик.

Он повернулся ко мне и сказал:

— Идем.

Не дожидаясь ответа, развернулся и вышел. Я покорно последовала за ним, едва поспевая и стараясь подстроиться под его размашистую походку.

Мы пересекли гостиную, поднялись по лестнице и свернули направо, в светлый длинный коридор. «Здесь все очень похоже на дом атли, — подумала я. — Но больше». На стенах висели картины в черно-белых тонах — какой-то абстракционизм. Витиеватые бра — черные с белым абажуром, отбрасывающие круги света на бледную площадь стены, делали обстановку таинственной, немного готичной.

Эрик остановился у пятой двери слева, открыл ее и приглашающим жестом пригласил меня внутрь.

Комната была большая, даже можно сказать огромная. Два окна на противоположной от двери стене были зашторены. Квадратная кровать, накрытая темным покрывалом, и кованые бра по обе стороны от нее, излучающие приглушенный, даже немного интимный свет, создавали обстановку величественности. Почти никакой мебели, кроме кровати, не было. Лишь старинный комод из черного дерева, выполняющий также роль бара, пара стульев и старинные напольные часы с маятником. У окна стояла лампа с белым абажуром, но она была выключена.

Комната подавляла. Впрочем, как и ее хозяин.

Эрик прошел, снял куртку и небрежно бросил ее на стул у окна. Приблизился к бару, плеснул чего-то в стакан и залпом осушил. Обернулся, посмотрел на меня лукаво.

— Выпьешь?

Я покачала головой.

— Кто такой Маршал?

— Один из моих ищеек. Ты устала. Прими душ и ложись — истощение не шутки. Я поговорю с Маршалом в кабинете. Надеюсь, не сбежишь?

— Я не сбежала, а ездила завтракать, — возразила я. — У тебя, между прочим, абсолютно пустой холодильник!

— Приму это к сведению, — лукаво улыбнулся он.

— Ты же не собираешься искать Теда сегодня? Я бы хотела поговорить с тобой о нем.

— Не собираюсь. Кроме колдуна, у меня полно других дел. А утром с удовольствием обсудим все, твою беспечность в том числе.

— Это твоя комната? — Я прошла, касаясь рукой гладкого покрывала на кровати. Оно было темно-серым, под цвет штор и ковра на полу, и прохладным.

— Тебя это смущает?

И снова этот взгляд — прямой, изучающий. Резкий.

— Думаю, у тебя найдется другая комната для меня, — ответила я. — Гостевая.

Эрик рассмеялся. Раскатисто, громко. Затем быстро преодолел расстояние между нами, поднял мой подбородок, заставляя смотреть в глаза. Я притихла, когда его ладони скользнули вниз по моей шее, а затем забрались под куртку, скидывая ее с плеч. Тело словно превратилось в приемник электричества Эрика, пропуская по крови разряды, искушая поймать его волну, откликнуться на ласки. Вскоре моя куртка оказалась там же, где и его — на стуле.

— Прими душ и ложись, пророчица, — сказал он тихо. Чувственный голос будоражил, возбуждал и пугал одновременно. — Мне нравится, как ты на меня реагируешь.

Я хотела что-то сказать, но он не дал. Положил палец мне на губы и провел по ним, отчего у меня по спине забегали мурашки, а в груди стало так горячо, что казалось, еще секунда — и взорвусь. Хотелось обнять его, прижаться. Одежда внезапно стала мешать, как в нестерпимый июльский зной, когда мечтаешь искупаться нагишом в прохладном водоеме. Снять ее быстрее, а лучше пусть он снимет. Сделать все, что попросит этот мужчина. Вновь ощутить себя желанной.

— Болтаешь много, — усмехнулся Эрик и убрал палец. — Попрошу Дарью принести тебе пижаму. Ванная там. — Он указал на дверь в дальнем углу, затем отпустил меня и вышел.

Я долго стояла под душем, стараясь убедить себя, что все это блажь. Что я все еще могу рассуждать здраво. Хотя в глубине души поняла: не могу. Я словно попала в липкую, плотную паутину, и чем больше трепыхалась, тем больше запутывалась в ней.

Я тщательно вытерлась, словно хотела стереть с кожи остатки прикосновений Эрика. Запахнулась в большой черный халат, достигающий почти до пят. Наверняка, его, но я уже не замечала таких деталей. Тут все было пропитано Эриком: обстановка, вещи, запахи.

Самого Эрика в комнате не оказалось. На кровати лежали вещи, скорее всего, принадлежащие Даше — теплая желтая пижама из фланели. Целомудренно. Впрочем, Даша ни за что не стала бы способствовать нашим с ее братом романтическим отношениям. Она, как он выразился, заботилась о душе Влада.

Я быстро переоделась, расстелила постель и легла. Сил на мысли больше не было, и я провалилась в мягкую темноту.

Глава 11. Отцы и дети

Эрик, похоже, так и не ложился. На противоположной стороне кровати покрывало осталось нетронутым. Интересно, он уступил мне свои хоромы, а сам пошел в гостевую спальню? Как-то на него не похоже. Вспомнилось, как он говорил о способности быстро восстанавливаться. Может, передремал в кресле двадцать минут, как Штирлиц, и снова в строю?

Нет уж, кресло, сон и Эрик — совершенно несовместимые вещи. Явно же, что он предпочитает комфорт во всем. Так что логичнее будет предположить, что он просто не спал этой ночью.

Я встала, застелила кровать, переоделась. Найдя в ванной несколько зубных щеток, взяла первую попавшуюся и почистила зубы. Умылась и привела в порядок волосы.

На тумбочке у кровати неизменно стояло карое в большой пестрой чашке. Чувствовала я себя превосходно, но карое все равно выпила — лишним не будет.

Еще раз окинула взглядом комнату Эрика. Странно, но вчерашнее гнетущее впечатление прошло, и она стала нравиться мне. Ничего лишнего — только самое необходимое. Видно, что Эрик любит контрасты и насыщенные цвета, прямоthu, острые углы и чувственные сочетания.

Моя куртка аккуратно висела на спинке стула. Куртки Эрика не было. Интересно, он забрал ее вчера или заходил ночью, когда я спала? Конечно, заходил. Кто же еще принес карое?

Отчего-то проснулось едкое разочарование, поднялось снизу, охватило, а затем рассеялось где-то в груди.

Не о том нужно думать. Тед — вот что реально должно волновать.

Но мысли упрямо возвращались во вчерашний вечер. Полумрак. Тени. Прикосновения. Жгучее желание. И досада, когда Эрик ушел.

Да что это со мной? Нахлынувшие эмоции оказались такими яркими и сильными, что я не могла им сопротивляться. Растерялась. Уже много лет никто не вызывал во мне... Нет, был один. Но все прошло. Сгинуло. Я уже забыла, каково это — просто кого-то хотеть. Безудержно, дико. И совершенно не хочу вспоминать. Проходить через это снова. Тем более, Эрик — просто этап. Мы нужны друг другу на время.

Я нашла его внизу — бодрого и улыбающегося. Он что-то восторженно обсуждал с Тамарой, а девушка кивала и коротко отвечала. Даша сидела на диване, поджав ноги и водила пальцем по экрану мобильного. Когда я спустилась, окинула меня недовольным взглядом и снова втупилась в телефон.

Эрик тоже меня заметил. Улыбнулся как-то загадочно, а Тамара надулась и, буркнув короткое «привет», прошла мимо меня наверх.

— Как спалось? — лукаво поинтересовался Эрик.

— Никто не пихался ночью, поэтому выпалась.

— Это мое упущение. Постараюсь в следующий раз не сплеховать.

— Что ты решил с мальчиком? — серьезно спросила я и краем глаза заметила, как Даша вновь отвлеклась от телефона. Похоже, она ни на шутку напугана. Оно и не мудрено — после того, что с ней произошло... Похоже, Эрик никак не проникся. Мужчинам вообще

трудно понять женщин. Особенно мужчинам-хищным женщин не воительниц.

— Тебе не нужно бояться, — уверил он меня. — Теперь ни о чем не тревожься.

— Я привыкла доверять видениям, а в последнем ты уже не выглядел настолько уверенным и настолько живым. Наверняка ты многое умеешь, но и Тед не станет нападать, не подготовившись. Кто знает, может, Герда научила его каким-то своим плюшкам, о которых ты понятия не имеешь.

Эрик молчал. Слушал внимательно и не перебивал.

— У меня есть идея, как перестраховаться, но нужно кое-куда съездить.

— Давай съездим, — подозрительно быстро согласился Эрик. — Я не спешу. Но сначала — завтрак.

— Полина, — подала голос Даша. — Могу я поговорить с тобой наедине?

Я посмотрела на Эрика, но он, казалось, не возражал. Пожал плечами и отправился на кухню. Не боится, что Даша может уговорить меня отставить идею помогать ему? Впрочем, чего ему бояться? Я полностью завишу от него, пока Герда в городе...

Я повернулась к защитнице, мысленно готовясь выслушать горячую речь о том, как скучает Влад, и что нехорошо в это время проводить время с ее братом.

Но она просто сказала:

— Не ввязывайся. Эрик сумасшедший, но ты... Если подставишься, рискуешь умереть.

— Тебе-то что? Или за Влада переживаешь?

— Влад тут совсем ни при чем. — Она встала и подошла ближе, но застыла на полдороги, словно боялась, что я убегу. Бледное лицо защитницы склади за ночь осунулось, под глазами залегли темные круги, а губы были искусаны до крови.

Черт, да она не на шутку напугана! Почти до истерики. И куда только смотрит Эрик?

— Я не собираюсь умирать, — как можно ласковее произнесла я. — И я не боюсь колдуна. Одного, если ты знаешь, я убила.

Она покачала головой и заломила руки.

— Ты не можешь сравнивать! Тед — не Тан, ему неинтересны пророки сольвейгов.

Злость накатила волной, еще раньше, чем осознание.

Мой секрет, секрет Барта Влад раскрыл этой болтушке. Невероятно! Я просто задыхнулась возмущением. Интересно, о том, как получают сольвейги, она тоже в курсе? Если да, то... Черт! Нельзя, чтобы кто-нибудь узнал от нее. Особенно Герда или Альрик. Неужели Влад не понимает этого?

Прибить эту Дашу, что ли?

А потом подумала: может, именно она сказала Эрику? Тогда становятся логичными его постоянные намеки и шуточки. О сольвейгах не так много написано в летописях.

— Не думала, что Влад такой сплетник, — пробормотала я раздраженно и отвернулась. — Но верно говорят, никогда не знаешь человека до конца.

— Я никому не скажу! — прошептала она. — Владу тоже нужна поддержка.

— Поддержка в хранении чужих секретов?

— Он не сказал мне ничего, чего бы не знали другие атли. Мирослав ведь тоже в курсе, разве нет? Что ты сольвейг?

Я рассеянно кивнула. Выходит, она не знает? Можно ли верить Даше? Глупый вопрос. Это то же самое, что верить самому Владу. Выяснить бы, но как? Жаль, что я не могу влезть ей в голову и прочесть мысли. Еще одна проблема, которую придется решить. Как же достало все!

— Он не хотел зла, просто...

— Перестань! Прошу, не нужно его выгораживать.

— Я не хотела обидеть тебя. Просто видела то, что происходит сейчас, не единожды. Один и тот же сценарий — с каждой пророчицей. Эрик никогда не будет тебе по-настоящему близок. Никому не будет. У него вполне определенная цель, сценарий жизни, в которой женщине места нет.

— Я не претендую на Эрика, и тем более, на его цели, — резко ответила я. — Но если ты настолько осведомлена о моей жизни, знаешь, что Герда в городе. И Эрик — единственное, что удерживает ее от того, чтобы выпить меня. Это — настоящая опасность для сольвейга.

Я развернулась и, не глядя на реакцию защитницы, направилась на кухню. Злость все еще бушевала внутри. Не только на Дашу — на всех, кто считал, что знает, как лучше для меня. Тех, кто пытается вмешиваться в мою жизнь из благих намерений.

Теперь я сама буду решать за себя, и, если оступлюсь, пенять будет не на кого. Пора взрослеть, и, похоже, уход из атли — отличное начало.

В Липецк мы ехали молча. Плохая погода перетекла из вчерашнего дня в сегодняшний, дополнилась новыми тревогами и переживаниями, о которых совершенно не хотелось думать. Ощущение вязкости земли под ногами бесило.словно я хожу по болоту, которое так и норовит затянуть в трясину.

А все потому, что я снова не могу никому доверять. Единственный человек, которому могла, сейчас сам влез в непонятно чем грозящую ему авантюру. Глеб, Глеб... Как ты там? Только будь осторожнее, слышишь?

Эти мысленные просьбы я посылала в неизвестность, направляясь в свою собственную, не менее опасную.

— Ты хотела поговорить, — нарушил молчание Эрик.

Мы въехали в город. Поток машин стал насыщеннее и шире. С неба начал срываться снег. Я подняла воротник и вжала голову в плечи, готовясь к неизбежному, но необходимому разговору.

— Только давай вначале заедем кое-куда. Боюсь, после разговора ты откажешься туда ехать.

— Ты такая таинственная, — лукаво прищурился он.

— В девушке должна быть загадка, — пошутила я.

Все же я не могла врать. Не в это ситуации. Да и не смогу заставить Эрика выпить яд — он наверняка его почует. Возможно, не определит вид, но сам яд отличить сможет. Помнится, в клубе, когда меня отравили, у него с этим не возникло проблем.

Но, даже несмотря на это, я не смогла бы так поступить. Не потому, что не умею играть — жизнь научила скрывать эмоции от посторонних. Потому что нельзя решать за человека. За меня Влад решал всю жизнь, и к чему это привело?

Я знала, что рискую. Эрик, скорее всего, не поверит, да я и сама не до конца верю Тану. Но что нам остается? Интуиция кричала, даже была сигнализацией, что Тед будет играть грязно. Использует все, что у него есть. Возможно, какие-то плюшки Герды. Значит, и мы должны использовать яд.

Эрик расспрашивать не торопился, изредка пристально поглядывал и молча вез нас по адресу, который я назвала.

Унылое строение совсем пришло в упадок без хозяина: ворота поржавели и

накренились, калитка висела всего на одной петле, крыша прохудилась.

Я вышла из машины и тут же провалилась в сугроб по колено. Пока выбиралась, Эрик подоспел на помощь — одним резким движением выдернул меня из снежной кучи и отряхнул. Совсем как ребенка. Я даже замерла, почему-то боясь спугнуть это подобие кокона, непробиваемой капсулы, в которой все отчетливее ощущала себя рядом с ним.

Естественно, он будет заботиться обо мне — я его билет в кан. В будущее, к которому он стремится. Нельзя забывать об этом.

Тревога после разговора с Дашей притупилась, сознание заволокли другие, почти затертые, блеклые воспоминания. Кира вернулась взрослой и дала мне этот адрес. И я пришла — защищать честь дочери. Одна из лживых сценок моей биографии.

— Отличное место для свидания, одобряю, — покивал Эрик в сторону дома. — Seriously, зачем мы здесь?

— Увидишь, — ответила я и решительно зашагала к калитке.

В этот раз все было по-другому. Не было злости на Тана. Даже на Герду — она ведь всего-навсего древнее существо, лишенное каких-либо человеческих качеств. Раньше я думала, она любила колдуна, но теперь поняла: он был просто одним из ее адептов. Средством достижения цели. Наиболее сильным средством. Но незаменимых людей нет — теперь у драугра есть Тед. Мальчик, чьи чувства можно использовать. Как чувства Тана, Влада, мои. Не имея собственных, Герда, похоже, пыталась насладиться чужими. Придумала себе эту мифическую влюбленность, словно они с Эриком могли пожениться и завести детишек. Обосноваться на берегу Атлантического океана и заняться серфингом.

Если она в это верила, то Влад правду сказал в Будапеште — она просто глупа.

Дом был еще более заброшенным, чем показался на первый взгляд. Потрескавшиеся стены, выбитое стекло, осыпавшаяся штукатурка. Открытая входная дверь зияла огромной темной дырой — видно было, что тут побывала местная шпана в поисках наживы. Надеюсь, тайник они не нашли, иначе мы приехали зря.

Я вошла внутрь, Эрик ступил следом, на ходу включая фонарик. Под ногами хрустнули осколки стекла, пахло сыростью и гнилью. В углу пылился старинный стол на резных ножках со вздыбленной от влаги столешницей. У противоположной стены скукожился типичный совдеповский книжный шкаф.

Я присела на корточки и, надавливая, принялась ощупывать пол. Эрик стоял поодаль, осматривался, но вопросов не задавал. Наконец, почти у самого стола одна из половиц жалобно скрипнула и прогнулась вниз.

Я нашла в столе старую вилку с обломанными зубцами, поддела ею скрипящую половицу, и она поддалась. Через секунду я держала в руках деревянную, покрытую пылью резную шкатулку.

— Что это? — заинтересованно спросил Эрик, когда я поднялась с колен. Я вздохнула и щелкнула замком. Крышка открылась — сработала пружинка — и на выстеленном атласом дне я нашла скрученный в трубочку листок бумаги, белую таблетку и серебряный перстень с черным камнем.

— Тайник колдуна, — мрачно ответила я. — И, надеюсь, наше спасение.

Перстень Эрика не заинтересовал, а вот листок он прочел внимательно и покачал головой.

— Что там написано? — спросила я с любопытством.

— Похоже, тот, кто здесь жил, интересовался сольвейгами не меньше тебя. Здесь

заклинание, как призвать их собратьев, имея кровь одного из них. Не знаю, насколько эффективное, никогда с таким раньше не сталкивался.

Я трясущейся рукой взяла листок. Знай Герда, что у Тана было такое оружие против Барта, возможно, действенное...

Сердце забилося сильнее, в висках застучало, а единственной мыслью было: как уничтожить это оружие, не вызвав подозрений у Эрика. Съесть его и притвориться жутко голодной? Он уже понял, что к еде я равнодушна.

Бред какой-то!

Эрик в это время шарил в ящике стола и, казалось, потерял к находке всякий интерес. Затем подошел ко мне, потянул коробок спичек и произнес безразличным тоном:

— Сожги.

Я автоматически передала ему шкатулку и размашистым шагом вышла на улицу.

Снег усилился, валил широкими, тяжелыми хлопьями. Небо опустилось так низко, что казалось, оно задевает верхушки деревьев и вот-вот упадет мне на голову. Я открыла коробок, чиркнула спичкой.

Безумно хотелось курить. Наверное, некоторые привычки нельзя искоренить до конца или нужно больше времени... Я смотрела, как догорает на снегу, превращается в серо-черный пепел маленький листок бумаги — возможная гибель для племени Барта. Если бы Тан выжил, наверняка использовал бы мою кровь, чтобы найти Герде нового донора, и если бы ритуал сработал... Нет, не хочу думать, что кто-то из сольвейгов мог пострадать. Что сам Барт...

Эрик подошел неслышно, положил руку мне на плечо, и я вздрогнула. А затем он обнял меня — порывисто, крепко. Я уткнулась носом в кожаную куртку, вдыхала аромат его одеколона и была на грани слез.

— Ты пугливый маленький зверек, — беззлобно прошептал он мне в волосы. — Не знаю, почему ты здесь, кто сделал с тобой те страшные вещи, но нельзя никому не верить, Полина.

— Я не могу никому верить, — всхлипнула я.

— Мне можешь. — Он отстранил меня и заглянул в глаза. — Мы приехали сюда за ядом, верно? Перстень не защитный и, насколько я могу судить, не дает никакой дополнительной силы. Вещица без магии, может, сентиментальная безделушка, кто знает. А вот таблетка...

— Да, — кивнула я. — Мы приехали за ядом.

Эрик молча кивнул, разжал объятия и втоптал в снег пепел сгоревшей моей гибели.

Так просто рушатся планы древних колдунов. Так просто появляется надежда для отчаявшегося сольвейга.

Вдруг захотелось — отчетливо, до дрожи — чтобы он снова меня обнял. Прижал к себе и сказал, что мне не о чем волноваться. Что он все решит, а мне нужно думать лишь о восстановлении.

Но Эрик меня больше не обнимал. Направился к калитке, а я хмуро пошла за ним, утопая сапогами в сугробах, и размышляла, можно ли доверять Тану. Окончательно поняла, что пока Эрик здесь, я в безопасности. Герда не сунется, а истощения можно не бояться.

Но что если яд убьет его? Что я буду делать тогда?

В машине было тепло. Я откинулась на широкую спинку сидения и закрыла глаза. Тревожиться не хотелось. Хотелось уснуть в синей спальне, укрывшись одеялом и поджав

колени. Не думать об атли, о том, как болит жила при мысли о том, что я больше не часть целого. Оторванный кусок с глубокой раной в животе.

— Что делает яд? — спросил Эрик, выруливая в уже знакомый и такой безопасный район.

— Тебе не понравится ответ, — мрачно произнесла я. — К тому же я не уверена, что человек, который его изобрел, сказал правду.

— И все же?

— Тан говорил, ты должен выпить яд и когда... если Тед захочет взять твой кен, он отравится. Знаю, звучит безумно, но...

— Кто такой Тан? — Эрик припарковался у подъезда и перевел на меня пронизывающий взгляд.

— Колдун, которого я убила.

Прозвучало рискованно и опасно. Представляю, что обо мне сейчас подумал Эрик. Наверняка что я просто чокнутая.

Но он просто сказал:

— Ого!

Вышел из машины и помог выбраться мне. Так и привыкнуть можно — к заботе, откровенности и безопасности. Я поняла, что разочаровывать этого мужчину совершенно не хочется. А план, нарисованный Таном, не казался уже таким привлекательным. Может, пусть Эрик сам разберется с Тедом? Своими способами? Все же Ирвина он прикончил без моей сомнительной помощи...

— Больше ничего не хочешь спросить? — поинтересовалась я, когда он пропускал меня в дверь подъезда.

— А ты что-то хочешь рассказать? Кажется, ты не была настроена откровенничать.

Мы вошли в лифт, и Эрик нажал на кнопку. Оперся спиной о стену и посмотрел на меня насмешливо.

— Я думала, у тебя возникнут вопросы, — разочарованно протянула я.

— Они возникли, — кивнул он. — Но не уверен, что ты готова отвечать.

Лифт выпустил нас на опрятную просторную площадку, а через минуту мы уже были в мнимой безопасности квартиры Эрика. Мнимой, потому что я знала, насколько изворотливы в своей мести колдуны.

— Не бойся, сюда он не войдет, — словно прочтя мои мысли, уверил Эрик. Помог мне снять куртку, развернул к себе и взял перевязанную ладонь. — Нужно сменить бинты.

— Я готова, — прошептала я. Его близость пьянила, а во внезапно обрастающем теснотой коридоре сбивала с толку. — Что касается яда — не уверена, что тебе стоит принимать его, но в моем видении колдун убил тебя.

— Думаю, нам стоит начать не с этого, — проникновенно ответил он и повел меня на кухню.

За окном давно стемнело и завьюжило, о стекла раненной птицей бился снег. Стучал ледяными пальцами, просился внутрь и мягким ковром ложился на отлив. Город укрывался белым, словно покрывалом — сверкающим и холодным. Зима усиливала желание спрятаться где-нибудь в уютной комнате перед телевизором, закутаться в плед и дремать.

Эрик усадил меня на стул, достал аптечку, придвинулся и принялся разбинтовывать ладонь. Я наблюдала за ним — притихшим и сосредоточенным, и боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть это неожиданное уединение. Наслаждалась легкими прикосновениями

теплых пальцев и слушала, как размеренно он дышит.

— Твоя рука не перевязана, — удивилась, внезапно понимая, что на его ладони нет ни следа от порезов, а ведь он лечил и меня, и Глеба.

— Мне это не нужно — я быстро восстанавливаюсь, — ответил он, позволяя мне исследовать его кожу в том месте, где по идее должны были остаться следы от лечения.

— Хочешь сказать, все зажило?

— То умение, которым я лечил вас, позволяет мне регенерировать в десятки раз быстрее, чем обычный хищный. Это долгая история, расскажу как-нибудь. Сейчас я бы хотел поговорить о другом.

Я кивнула и замолчала. Тревога вернулась, замаячила необходимыми признаниями, к которым я была не готова.

— Знаешь, я слышал, чтобы разговорить человека, нужно рассказать что-то о себе. Что-то личное, — тихо произнес Эрик и серьезно на меня посмотрел. — Вот мое личное — я не хочу драться с мальчишкой.

— Почему? — нахмурилась я.

— Потому что он прав. Во всем. Я убил его отца, а он пришел мстить. Понятные чувства.

— Злом не вылечишь зло. К тому же, Ирвин мучил Дашу, разве нет?

— Поэтому его я убил без угрызений совести. А с мальчиком драться не хочу.

Эрик закрепил конец бинта и грустно улыбнулся.

— Много лет назад я был таким же — бескомпромиссным и злым.

Я вспомнила рассказ Глеба об отце Эрика. И как погиб потом древний охотник.

— А сейчас?

— Сейчас я такой же. Во многом. К тому же жуткий эгоист — ненавижу, когда трогают тех, кто мне дорог.

— Разве это эгоизм? — невольно улыбнулась я в ответ.

Он пожал плечами.

— А разве нет?

— Это называется — забота.

— Давай договоримся: когда разберемся с колдуном, ты все расскажешь. Если захочешь продолжать помогать мне, конечно. А пока мне нужно знать только, откуда яд, как ты о нем узнала и насколько силен колдун, который его изготовил.

Я кратко пересказала Эрику историю Тана, опустив подробности о проклятии и поединке. Все же это в прошлом, и я не готова была об этом говорить. Даже само воспоминание о том времени, возвращалось горечью и сожалением. Потом поведала, как мне удалось попасть в мир раскаяния колдуна, а Эрик лишь качал головой и один раз закатил глаза. В принципе, обычная реакция на мои похождения. Но ругаться не стал — кивнул и снова взял меня за руку.

В его прикосновениях хотелось утонуть. Раствориться. Они, словно карое, восстанавливали, лечили мою израненную душу, наполняли сознание надеждой. Нельзя было не признать: Эрик замечательный целитель. И начинало казаться, что человек он тоже замечательный. Со своими тараканами, но у кого их нет?

Наверное, судьба подкидывает нам такие вот лекарства, когда совсем уж неумоготу. Когда одиночество становится проклятием, а будущее — пропитанной сыростью и гнилью топью. Когда хочется удавиться от отчаяния. Тогда-то и появляется он — человек, который

не дает сойти с ума.

Мы ужинали в полной тишине. На стене размеренно тикали часы, рядом тихо урчал холодильник, а я ловила улыбки Эрика и отвечала своими — неуверенными, смущенными и полными надеждой улыбками.

Уснула я под тихий стук клавиш его ноутбука, и снилась мне хельза. Чистое озеро и теплый песок. Пропитанный тишиной воздух и легкий шелест волн.

Следующие несколько дней я провела в заточении. Эрик уехал по делам скади, взяв с меня клятвенное обещание не высовываться на улицу. Трижды повторил, что забил холодильник едой, и спросил, точно ли мне ее хватит. Впору было оскорбиться: я что, троглодит? Но оскорбляться совершенно не хотелось, тем более нарушать клятву. И я послушно сидела в четырех стенах. Хотя, нет, стен было гораздо больше, и они оказались весьма комфортабельными.

Но на третий день стало реально скучно. Пару раз мне звонил Мирослав, один раз Глеб — с номера Ники. В остальном же развлечения ограничивалось интернетом и телевизором.

Безумно хотелось выйти на улицу, вдохнуть полной грудью обжигающий морозный воздух и сказать себе, что я не пленница. Но тут же представлялось довольное лицо Герды в момент, когда она лишает меня кена.

Страха больше не было — лишь досада. Я столько еще не успела — увидеть, услышать, почувствовать. Вдруг там, во внешнем мире, кроме боли и предательств, случаются улыбки, нелепые казусы, смех...

Счастье?

Если этот мир еще рождает таких людей, как Эрик, почему бы не предположить, что и для меня в нем есть кое-кто? Тот, кто может вылечить и меня, если такое, конечно, лечится.

Эрик разбудил меня рано утром, на рассвете четвертого дня. Тихий и напряженный, сидел рядом на кровати и гладил меня по щеке.

— Я должен идти, — сказал спокойно. — Колдун зовет.

— Как зовет? — Я тут же подскочила, а сердце заколотилось о прутья ребер, как пойманная птица в клетке.

— Зов крови. Я его чувствую.

— Заклинание крови? Но разве ему можно сопротивляться?

— Если умеешь, можно сопротивляться всему, — улыбнулся он и встал. — У меня мало времени, Полина. На Дарью зов тоже действует, а моей защиты надолго не хватит.

— Что ты решил с ядом?

Эрик запустил руку в карман брюк и достал белую, гладкую капсулу. Она лежала у него на ладони — маленькая, на вид безобидная, но опасная по содержанию. Комната наполнилась звенящей тишиной. Она растекалась по синим стенам, заволокла проем окна утренней хмуростью, впитывалась в кожу, тут же вызывая тревожный озноб. Я пыталась сосредоточиться на дыхании Эрика, чтобы не сойти с ума, но он дышал слишком тихо.

— Куда он зовет тебя? — спросила я первое, что пришло на ум.

— В ангары на выезде из Липецка. Там достаточно безлюдно, чтобы драться, не напуская морок.

Я рассеянно кивнула, отбросила одеяло и встала. Взяла вещи со стула.

— Здесь ты в безопасности, — уверил меня Эрик. Остановил, развернул лицом к себе и приподнял подбородок. — И будешь еще долго, даже если я погибну — защита не впустит врагов. Но я не погибну. Не бойся.

— Я не боюсь. Я иду с тобой.

— Идешь... куда?

— В ангары. К колдуну.

Эрик глубоко вздохнул и несильно сжал мою ладонь.

— Я ценю это, правда, но вряд ли твой пророческий дар поможет мне в бою.

— Ты же уверен, что справишься с ним?

— Конечно, уверен.

Я вздернула подбородок.

— Хочу посмотреть.

— Посмотреть на что?

— На тебя в драке.

— Полина, что за капризы? — Он поморщился и отвернулся, а в голосе явно улавливались нотки раздражения. — Словно тебе пять лет.

— Если ты уверен, чего бояться?

Эрик вскинулся, схватил меня за плечи и крепко, до боли, сжал.

— Как ты не понимаешь, что важна для меня? Что там колдун будет использовать все, чтобы меня достать. И особенно — тебя. Я искал тебя столько лет не для того, чтобы глупо потерять!

Он смотрел на меня яростно, а в глазах словно безумие поселилось. Поистине, дикий.

В пору было испугаться, одуматься. Сбежать. Но мои мысли высыпались из головы мелким крошечком. Я забыла о Теде, об опасностях, о мнимости шаткого плана, когда Эрик смотрел в глаза и говорил слова, которые звучали бы неоднозначно, если бы я не знала его целей. Слова, которые внезапно захотелось услышать в другом значении.

Эрик перевел взгляд на мои губы.

В груди стало горячо, тесно, словно кто-то сжал легкие тисками и плавил. Я могу не увидеть его больше. Могу потерять, так и не узнав толком. И я поняла, что совершенно не хочу, чтобы он отпускал меня.

Черт с ней, с совестью, с недоверием, со страхом! Поцелуй меня!

Но Эрик расслабился. Разжал хватку и выглядел при этом немного смущенным, словно сам жалел о том, что только что сказал.

Я разочарованно выдохнула. Готова была стукнуть его, кричать, что так нельзя поступать. Нельзя сначала довести человека до полуобморочного состояния, а потом делать вид, что ничего не произошло.

— Извини, — прошептал он.

— Ничего...

— Я напугал тебя. Это плохо.

— Меня не так просто напугать, — ласково, но настойчиво парировала я и взяла его за руку. — Одного колдуна я однажды убила. Не думаю, что ты потащишь с собой кого-то из скади — ты достаточно ответственен, чтобы не втягивать их. И если все же решишь воспользоваться ядом, тебе нужна будет помощь.

Эрик молчал. Буравил меня пристальным взглядом, и я ощущала, как с каждой секундой убедительность моих доводов тает, словно вешний снег под теплым апрельским солнцем. Но у меня оставался еще один довод. Тот, перед которым не устоял бы ни один любознательный сильный хищный. Тот, о котором не прочесть в летописях, не услышать в преданиях племени.

Секретный.

— Я умею не только предсказывать. Также могу бить и лечить, — произнесла я хриплым шепотом, усиливая и без того невыносимое напряжение. Прерывистое дыхание колючим шелестом наполняло синюю спальню. Я сделала многозначительную паузу и проникновенно добавила: — Ты ведь хочешь посмотреть, как дерется сольвейг?

Глава 12. Обмануть колдуна

Я, не отрываясь, смотрела на маячившие вдалеке, испещренные пятнами ржавчины, забытые строения и боролась с тошнотой после телепортации. Мороз в этом помогал, страх — наоборот.

Распогодилось. В ясно-голубом небе не было ни облачка, солнце белым куполом накрыло засыпанный снегом пустырь, слепило, заставляя щуриться. Почему-то вспомнилось детство. Когда я в толпе визжащих и восторженных детей мчалась на горку, зажав в штопаной рукавице веревку старых санок. Забыв о пьяной бабке, о том, что позавтракала только хлебом с вареньем, которое принесла соседка Агафья Федоровна — пожилая, но бойкая старушка. Агафья жалела меня. Помню, я жутко злилась и пряталась в огороде в малину, чтобы только не видеть ее глаз и не слышать сочувственных вздохов.

И вот я здесь, держу за руку самого сильного мужчину, которого мне только доводилось встречать. Видела бы меня Агафья.

Где Тед? — шепотом спросила я, инстинктивно прижимаясь к плечу Эрика.

Он указал на длинный ангар, расположенный справа, в стороне от других полусгнивших гаражей.

— Уверен, что за нами не следят?

— Абсолютно. Остальные адепты с Гердой в Африке, ищут ей пропитание. Здесь у колдуна союзников нет. А сам он внутри — ждет.

Я вздохнула и покосилась на зловещие силуэты ангара.

Гениальный план, который еще в квартире был единственно верным, теперь не казался таким уж безукоризненным. Но Эрик убедил, что он сработает, и я не имела права на сомнения.

— Готова? — спросил он небрежно и улыбнулся. Казалось, его ничто не тревожит.

Я сглотнула.

— Да.

— Боишься?

Глупый вопрос, конечно, да!

— Нет.

Голос не мой. Гортанный, хриплый.

— У тебя все получится!

Ага, всего делов-то — обмануть колдуна. Я же в этом мастер! Каждый день тренируюсь.

Вспомнился взгляд Эрика после моей фразы о сольвейгах — удивление, недоумение, азарт. Конечно, он хотел посмотреть на меня в бою. Когда еще выпадет такой шанс, ведь сольвейгов не вычислишь, не отыщешь и не заставишь за себя сражаться. Сольвейг должен сам захотеть. Как я. Сумасбродная дурочка.

А потом у Эрика родился другой сюжет...

— На самом деле актриса из меня паршивая, — с сомнением ответила я.

— Может, была, но сейчас твоя актерская игра на высоте. Я даже немного сомневался в своих выводах — так ты талантливо отнекивалась. — Эрик развернул меня к себе лицом. У него теплая улыбка. И глаза — небесно-голубые, лучащиеся уверенностью и заботой. — Я буду рядом. Каждую секунду. Не позволю ему навредить. Веришь?

Я кивнула. Конечно, верю. Разве ему можно не поверить? Мороз забрался за шиворот и вызвал легкий озноб.

Вспомнился продуманный до мелочей план. Умный, к слову — я бы ни за что не дошла до такого. Особенно в панике. А она почти завладела мной там, в квартире Эрика, в тепле и безопасности. Но он не дал мне поддаться слабости. Успокоил, обнял, и несколько минут я восстанавливала дыхание, уткнувшись в его широкую грудь. Обнимала, все больше проникаясь, привязываясь. Путалась в желаниях.

И почему так хочется повторить это сейчас?

Эрик погладил меня по волосам.

— Ты можешь не ходить. Я и сам справлюсь.

— Нет, — помотала я головой. — Я помогу.

Резко развернулась и пошла в сторону ангаров. Снег противно скрипел под подошвами, руки замерзли, и я сунула их в карманы. На спине отчетливо чувствовался прожигающий взгляд Эрика. Или мне только казалось?

Мрачные постройку приближались с каждым шагом, давление в груди усиливалось, а уверенность терялась по крупицам, смешивалась со снегом, растворялась в чистом морозном воздухе.

Я старалась не думать о том, что наши жизни сейчас зависят от того, поверит ли мне мальчик. В союзниках у меня была Герда, как ни парадоксально. Эрик сказал, врагов нужно уметь использовать себе во благо.

Эрик верил в меня.

Такой же безумец, как и я. Чертовски привлекательный, горячий, обворожительный безумец.

Ворота длинного, с прохудившейся крышей, ангара были распахнуты настежь, словно зазывая. Внутри клубился мрак — беспросветный, пугающий. Колени дрогнули, дыхание сбилось.

Неподалеку, на девственно-чистый снег приземлилась ворона и звонко каркнула. Прозвучало зловеще. Птица не сводила с меня черных бусинок-глаз, словно сам колдун призвал ее встретить меня у входа.

— Надеюсь, ты не предвестник поражения, — пробормотала я, глубоко вдохнула и шагнула внутрь. Во тьму.

Внутри пахло сыростью и гнилью. И, несмотря на то, что на улице был мороз минус десять, из темноты тянуло могильным холодом, от которого леденели колени. Он клубился у ног, ластился, отпугиваемый ярким солнечным светом, льющим из открытой двери. Словно подосланный колдуном шпион.

— Тед, — тихо позвала я и сделала еще один нерешительный шаг внутрь.

И почему так страшно? Он всего лишь мальчик, и мне не навредит. Всего лишь мальчик, но Эрик допускал мысль, что Тед одолеет его. Иначе не принял бы мою помощь. Не взял бы с собой. Или взял бы?

Мысли путались, сменяясь картинками в проекторе так быстро, что я не успевала за ними следить. Страх уступал место нерешительности, нерешительность — злости. Никто не смеет больше влезать в мою жизнь! Никто не посягнет на мой кен — ни маленький выскочка-колдун, ни драугр, у которого он в адептах.

Но темнота обнимала, сковывала, и рассеивала злость. Вместо нее в сознание медленно вливалось сомнение, налипало там аляповатыми комьями и снова превращалось в страх.

— Тед! — позвала я еще громче, воздух вокруг меня сгустился, свет позади померк, а темнота окутала полностью, лишая ориентиров, уверенности и здравого смысла. Эрик, с его лучезарной улыбкой, остался позади. Здесь настоящей была лишь тьма.

Но вдруг справа щелкнул тумблер выключателя, во все стороны брызнул свет, и глаза, привыкшие уже к темноте, пришлось прищурить и даже прикрыть рукой.

— Я тебя не звал! — обиженный, полуистеричный голос вспорол воздух, и я увидела его.

Обычный подросток. Спортивная куртка, черные джинсы, зимние «Найки». Ненависть во взгляде и мимолетно промелькнувшее сомнение. Он сидел, закинув ногу на подлокотник, в невесть откуда взявшемся высоком кресле. Рядом материализовался обогреватель и лампа на тумбочке. Все. Остальное пространство по-прежнему занимала тьма.

— Знаю, — как можно дружелюбнее ответила я. Нужно развеять это сомнение, расположить к себе. Как располагать к себе злых мальчиков, я представляла с трудом, но козырь у меня был. — Ты звал Эрика.

— А он прислал тебя? Как дипломатично!

— Никто меня не присылал. Я сама пришла. Потому что хочу жить.

Эта фраза колдуна заинтересовала, и я решила не останавливаться и не портить эффект.

— Тебе нужен Эрик, верно? А мне нужно укрыться от Герды. Поможешь?

— С какой стати? — нахмурился Тед, приосанился, опустил ногу на пол и положил руки на колени.

— Потому что взамен я помогу тебе убить Эрика Стейнмода, — заявила я с серьезным видом.

Страх рассеялся, голову наполнила непонятная легкость, от авантюрной идеи Эрика по телу периодически прокатывалась дрожь предвкушения, словно мы знаем тайну, которую не знает больше никто в мире. Только мы вдвоем.

И так действительно будет лучше для Теда. Общение с Гердой испортит его, даже если Эрику удастся сохранить ему жизнь.

— Зачем мне помощь? Я и сам справлюсь! — с вызовом ответил мальчик, но былой уверенности в голосе я не слышала. Нарочно скептически вздохнула и отвела взгляд.

— Ну не знаю... Как по мне, он очень сильный. И хитрый. Думаешь, так просто сидел бы и ждал, когда ты его позовешь?

Тед смотрел пристально, изучающее, и, казалось, его взгляд, как рентгеновские лучи, исследует мою душу в поисках подвоха.

— Продолжай, — тихо произнес он.

— Вы будете драться сегодня. Но в один момент я ослаблю его, и ты его убьешь. Взамен на то, что спрячешь меня от Герды. Идет?

— Как ослабишь? — игнорируя мой вопрос, заинтересованно спросил он.

— Я многое могу. Ты ведь знаешь, кто я?

— Дитя света, — пафосно выдал он.

— Ага, сольвейг. И у меня много тайных умений, о которых не написано в летописях. Могу ослабить хищного на расстоянии. Ненадолго, но тебе хватит, чтобы отомстить. — Я вздохнула, робко шагнула вперед, к пятну света, в котором сидел растерянный мальчик, и проникновенно добавила: — Я ведь знаю, что ты мстишь за отца.

В темноте, окутавшей нас, повисло молчание. У меня изо рта вырывался пар. Холодно. И хочется быстрее с этим покончить.

— Помогай, — нагло заявил колдун и окинул меня высокомерным взглядом. — А если не поможешь, прибью тебя прямо здесь.

— Не прибьешь, — улыбнулась я. — Я нужна Герде. Она с тебя шкуру спустит, если ты впустую потратишь мой кен.

— Она и так спустит — за то, что помог.

— Герда ничего не узнает. Я просто исчезну, и ты сможешь сказать ей, что Эрик спрятал меня накануне. — Я воровато оглянулась и раздраженно посмотрела на Теда: — Решай быстрее, сейчас он придет. И не очень обрадуется нашему с тобой свиданию. Подумает еще, что ты меня выкрал. Разозлится...

— Хорошо! — резко перебил колдун и встал. Он оказался выше, чем я думала. И шире. Сила окутывала его ореолом — бордовым ореолом злости. — Я спрячу тебя, как только Стейнмод умрет.

— Поклянись.

— Чего?

— Поклянись на крови. Или я должна верить тебе на слово?

Мальчик улыбнулся. Достал нож. Знакомый для него жест, натренированный до автоматизма. Закатил рукав куртки, полоснул по ладони.

— Клянусь кровью предков, что спрячу тебя.

— Так, что никакой драугр не найдет, — подсказала я.

— Так, что никакой драугр не найдет, — послушно повторил Тед. Взгляда с меня не сводил, нож вытер о штанину и спрятал за пояс. — Теперь все? Ты поможешь?

Показалось, в его голосе послышалось отчаяние. Или страх. Мальчишка боялся, что проиграет. Что все годы, потраченные на пестование мыслей о мести, прошли даром. Что Эрик Стейнмод с легкостью убьет его. И Тед бесславно погибнет здесь, в заброшенном ангаре, где никому не будет дела до его трупа, и он сгниет по весне, наполнившись склизкими червями.

Так, казалось мне, думал напуганный колдун. Но может, мне только казалось.

— Помогу, — ответила я, и это слово оставило во рту горечь.

Сзади лязгнуло, и ангар залило ярким, пронзительным светом. Я растерянно посмотрела на Теда, он — на меня. Испуганный маленький мальчик. Возможно, мы не правы, обрекая его на смерть? Возможно, есть другой способ — поговорить, убедить, исправить все?

— Прячься, — скомандовал колдун и указал на грудку металлолома слева от нелепого кресла, в котором он до недавнего времени сидел. Я послушно направилась туда, мысленно молясь, чтобы все получилось как можно гуманнее, чтобы Эрик не пострадал и чтобы не убил мальчика, которого мне было почему-то нестерпимо жаль.

Присев, я осторожно выглянула из-за угловатого куска металла — детали то ли огромного экскаватора, то ли комбайна, я не поняла. Странно, как весь этот металлолом не растащили падкие до халявы исследователи территорий. Сердце колотилось, как сумасшедшее, смотрела я только на Эрика — на сильного Эрика, стоящего напротив колдуна.

— Зря ты позвал меня, — искренне сказал вождь скади, не вытаскивая рук из карманов. Его поза была расслабленной, в то время, как Тед напрягся и вытянулся в струнку, стараясь казаться выше и сильнее.

— Ты кое-что забрал у отца, и я хочу это обратно, — скрипучим голосом ответил

мальчик.

Эти слова раскатистым эхом заполнили огромное помещение, отразились от стен и вернулись обратно.

Эрик прищурился, но даже не шевельнулся. А потом на его лице появилась улыбка. Недобрая.

— Отомстить, говоришь, пришел?

— Одно другому не мешает!

Эрик посмотрел в мою сторону. Словно знал, что я сижу именно здесь. Или, может, он видел, как я пряталась. В его взгляде читалась уверенность, этой уверенностью он заразил и меня.

— Так ты пришел за палом. — Эрик снова перевел взгляд на колдуна. — Отец бы тобой гордился.

— Насколько я знаю, у тебя есть не только пал. Я подниму отца! И тогда твоё племя узнает, что значит — перейти дорогу Ирвину и Теодору. Жаль, что ты этого уже не увидишь. Но твоё сестра — ммм, красивая, чертовка. Пожалуй, мы поладим, если она будет нежна со мной.

Эрик рассмеялся так громко и неожиданно, что я вздрогнула. И как ему удастся оставаться таким спокойным? Разве он не видит, как вокруг колдуна вихрями резвится сила, способная снести к чертям этот ангар, все соседние ангара и нас вместе с ними? Сама я тряслась, как лист на ветру, силясь не поддаваться панике.

Мальчик пришел не мстить. Вернее, не совсем мстить. У него более серьезные, далеко идущие планы. С воскрешением папаши и массовым уничтожением скади. Понятно теперь, почему Эрик так быстро решил пересмотреть свои принципы. Он же вождь, племя для него — главное.

— Боюсь, она слишком хороша для тебя, — улыбаясь, ответил он Теду.

— Боюсь, у нее не останется выбора. Когда я приду, ей придется...

Эрик ударил резко. Соединил ладони, прошептал неизвестное мне заклинание и направил их на Теда. Огненный диск диаметром около тридцати сантиметров рассек воздух и полетел к колдуну. Меня толкнуло ударной волной, и я упала на пятую точку. В глазах прыгали зайчики, в голове шумело. Я придвинулась ближе к куче металла, схватилась рукой за обломок трубы и с любопытством выглянула из укрытия.

Страх притупился, уступил место восхищению. Это было прекрасно — битва сильных. Как же я... что? Скучала? Неужели правда? Все это время, пока искала покой, мне не хватало именно этого? Жизни. Тяжелой, страшной, но такой знакомой. Моей жизни. Именно там, сидя в холодном ангаре, я поняла, что имел в виду Барт, говоря, что мне суждено жить во внешнем мире. Каждый из сольвейгов силен, но никто из них почти не пользуется своей силой. Они прячутся. Чтобы выжить. А я не хочу — не хочу прятаться, бояться, бежать. Это мой дом, мой город, и я приму вызов каждого, кто придет испортить мою жизнь.

Я почувствовала, как проснулась жила. Забурлила, напряглась, по венам разлился кен — горячий, трепещущий. Ищущий выхода. Ладоням стало жарко.

Вокруг Чернокнижника собралась тьма. Черное облако почти закрыло его лицо, но могу поклясться, я заметила, как он улыбнулся.

Огненный диск, выпущенный Эриком, увяз в туманной, вязкой пелене, созданной колдуном. А затем начал медленно таять, угасать.

Ни секунды не медля, Эрик ударил снова. И снова. И снова.

Я зажмурилась, так как рисковала ослепнуть от ярких вспышек, крепко держалась за трубу, чтобы не упасть и считала. Интересно, Эрик уже принял яд? Когда мне вступать в игру?

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем Эрик остановился. Он тяжело дышал, гневно глядя в лицо Теду. Мальчик же по-прежнему улыбался. Морок вокруг мага постепенно рассеивался, а сам он стоял прямо, словно и не устал вовсе. Понял, что силы сравнялись, а может, он даже превзошел Эрика. Расслабился.

Машинально я собрала как можно больше кена и направила к ладоням. Приготовилась ударить. Мало ли, вдруг не подействует яд. Вдруг подействует как-то неправильно.

Эрик снова ударил. На этот раз это были не огненный диск, а морок, похожий на тот, что использовал Тед, но серый и почти прозрачный. Дымка окутала колдуна, замедляя движения. Тед дернулся и застыл. Видно было, что он хочет что-то сказать — какое-то заклинание, чтобы сбросить пелену. Но губы почти не двигались. Лицо колдуна покраснело от напряжения, глаза безумно вращались, и я вдруг поняла, что мне ничуть его не жалко. Сила портит, особенно тех, кто не умеет ею распоряжаться.

Теду все же удалось произнести заклинание. Морок рассеялся, и он пошевелил плечами, словно убеждаясь, что больше ничего на них не давит.

— Думаешь, сможешь победить меня моей же магией? — насмешливо спросил он, приближаясь к Эрику. — Знаешь, сколько костей в человеческом теле? И к каждой твоей косточке я смогу добраться.

Он достал из-за пазухи пузырек, движением большого пальца открыл его и пролил несколько капель содержимого на пыльный пол. Пробормотал что-то, кажется, на латыни.

Я слышала глухой звук, издали напоминающий хруст ветки. Только тише. Эрик еле слышно застонал, а лицо исказила гримаса боли. Правой рукой он держал левую, неестественно вывернутую в плече. Затем резким движением поставил плечо на место и зло улыбнулся.

— Я быстро восстанавливаюсь.

— Неплохо. Твоя пророчица тоже?

Меня сорвала с места невидимая сила, а через миг я ощутила дикую боль в правом виске — ударившись о стену ангара, я упала на пол. Эрик оказался рядом в секунду. Подхватил меня и заслонил собой. Голова гудела, а тело, казалось, окутал невидимый туман — безопасный и надежный.

— Нехорошо обижать девочек, — угрожающе прошипел Эрик и шагнул к колдуну.

Дальнейшее я помню смутно. Они дрались. Эрик больше не поддавался, бил в полную силу. Я ощущала его растущую злость, даже ярость. Но мальчик, казалось, не устал ни капли — продолжал наступать методично и упрямо.

Я присела на корточки, облокотилась о стену и смотрела на них из-под полуопущенных ресниц. В ушах шумело, глаза сами закрывались, звуки из внешнего мира почти не проникали за невидимую защитную пелену, которой оградил меня Эрик.

— Я могу драться с тобой вечно, — выкрикнул Тед и рассмеялся. — Герда делится секретами с теми, кто верен ей.

Поднял руку, посылая очередную порцию мрака. И еще. И еще.

Я считала секунды. Одна, две, три, десять. Считала и ждала. Бледный пар облачками вырывался изо рта.

А потом Эрик сдался. Упал на одно колено, схватившись рукой за живот, и очередная атака Теда повалила его на пол. Мальчик сначала растерялся, потом посмотрел в мою сторону — злорадно, торжествующе.

— Неплохо. — И двинулся к Эрику.

Я честно старалась не смотреть. Отвернуться, закрыть глаза. Просто переждать.

Невидимая пелена спала так же внезапно, как и появилась, и я поднялась на ноги. Меня больше ничто не защищало. Но я уже потеряла для него значение. Все потеряло, кроме Эрика.

В груди стало жарко, вязкая, давящая тоска навалилась непосильным грузом. Яд уже проник в жилу. Медленно убивал. Убивал...

— Ну вот и все, — тихо сказал мальчик и повторил, словно сам пытался поверить: — Все.

Держись, Эрик! Прощу тебя, только держись!

Я увидела его. Нож. С черной длинной рукоятью и изогнутым блестящим лезвием. Тед стоял близко, и я успела рассмотреть выгравированные на лезвии руны. Еще один клинок Чернокнижника.

«Прости, Эрик, — подумала я, глядя на бледное лицо вождя скади. — Надеюсь, ты не умрешь. Только не умирай!»

Эрик не смотрел на меня. Нарочно прямо глядел на Теда и силился встать. Игра? Или он сам испугался того плана, который придумал? Что у нас не получится, не выйдет? Клянусь, если он умрет, я прибью мальчика сама — прямо здесь! Соберу побольше кена и ударю.

— Сейчас я заберу то, что ты взял у отца, — срывающимся голосом сказал колдун. — И прихвачу еще чуть-чуть.

И резко опустил нож. Звук разорванной плоти проник мне в мозг. Шуршащий, глухой, он вызвал мурашки, а затем тошноту.

Я вздрогнула и отвернулась. Тед что-то бормотал, а я твердила полупшепотом: «Это не зря, ты не ошиблась, Полина, ты не ошиблась...»

Зажмурившись, изо всех сил подавляла слезы. Мутило несшуточно, тошнота усилилась, сопровождаемая болезненными спазмами. Я отошла в сторону, и меня стошнило.

Отдышавшись немного, заставила себя вернуться назад. Я не струшу!

Эрик лежал с закрытыми глазами. Живот его был в крови. Куртка задралась, свитер тоже, и кровь стекала на пол, образуя неровную, кляксообразную лужу.

Тед стоял, склонившись над ним, и говорил полупшепотом. Какое-то заклинание. Ну же, травись! Падай, сраженный ядом Тана. Чего же ты ждешь?!

Я начала сомневаться. Кому я верила? Неужели всерьез думала, что один Чернокнижник поможет мне убить другого? Дура, набитая дура!

Злость вызвала всплеск кена. Я уже подвела его к ладоням, и направила их в сторону колдуна, когда он поднял голову. Пошатнувшись, схватился за воздух, чудом устояв на ногах.

— Что... что происходит? — прошипел он.

— Для тебя меня многовато? — ехидно прошептал Эрик и открыл глаза.

Я вздохнула с облегчением. Жив!

По телу колдуна крупными волнами пошла дрожь. Он все еще не понимал, что произошло, стоял, втупившись в пол, а потом взглянул на меня.

Дикие глаза зловеще сверкнули.

— Ты, — прошипел он. — Ты что-то сделала!

Его трясло, но он все же нашел в себе силы для последнего прыжка. Изогнувшись, ринулся в мою сторону, и я инстинктивно отступила назад. Он упал на пол почти у моих ног, силясь дотянуться до меня, но так и не смог — громко выдохнул и обмяк.

Если бы я не отошла, уверена, у него нашелся бы козырь для того, чтобы этот вечер стал для меня последним. Но, к счастью, Тед был отравлен кеном Эрика.

Казалось, целую вечность, я не могла дышать и смотрела на тело мальчика. Голова колдуна была повернута в сторону, темные волосы спутались, а в карих глазах стеклянным блеском застыло удивление. Наверное, он не ожидал, что умрет так близко к собственному величию.

Я заставила себе встряхнуться.

Нельзя медлить — Эрик все еще может умереть. Я достала мобильный телефон и набрала номер на быстром наборе.

— Мне нужна твоя помощь, срочно. В заброшенном ангаре на Пушкинской. Поторопись.

Отключив телефон, я подошла к Эрику. Рана выглядела ужасно, и я сглотнула. Кое-как справившись с тошнотой, присела рядом на корточки.

— Эрик, пожалуйста, не умирай! Прошу, только живи...

Он открыл глаза.

— Ну чего ты трясешься? — улыбнулся слабо. — Нормально все.

Я погладила его по плечу, хотя утешение нужно было мне самой — настолько я испугалась. Пару раз оглянулась, боясь, как бы Тед не подкрался сзади. Но тело колдуна все так же неподвижно лежало в стороне.

— Только не засыпай, — прошептала Эрику. — Говори со мной.

— Вытащи его, — поморщился он. Болезненная бледность его лица беспокоила, а если учесть, сколько крови было вокруг...

— Что?

— Вытащи нож. На нем еще яд — я чувствую...

Глубоко вздохнув, я взялась за рукоятку кинжала. Она была еще теплой, и невольно вспомнился Тед. Меня передернуло от отвращения.

— Не знаю, смогу ли... — Я покачала головой и сглотнула.

Вспомнила, как в школе объясняли, что нельзя вынимать нож до приезда скорой, иначе человек просто истечет кровью. Но Эрик не был обычным человеком и быстро восстанавливался. К тому же, если оставить нож, яд распространится и отравит глубокий кен.

— Сможешь! — Теплая ладонь легла поверх моей руки. — Доведи это до конца, иначе не будет смысла.

Его льдистые глаза не просили — приказывали. Черт, ну, почему даже сейчас я не могу не думать о нем. Неужели влюбилась? Дурочка. Вечно влюбляешься не в тех, Полина!

Резким движением я дернула нож. Кровь тут же хлынула из раны, я инстинктивно зажала ее другой рукой. Отвернулась, стараясь не смотреть, так как тошнота усилилась, и возобновились желудочные спазмы. Отбросив подальше оружие, вытерла руку о джинсы.

— Кровь... течет, — стараясь сохранить самообладание, сказала я. — Сможешь восстановиться?

— Вряд ли. Колдун взял слишком много. До глубинного кена не могу добраться... — Он

замолчал, а затем поймал мою руку. Ту, что до этого держала нож. Несильно сжал. — Полина...

Эрик смотрел в глаза, но на этот раз по-другому. Так смотрят, когда хотят о чем-то попросить. О чем-то опасном.

— Поделись.

Я закрыла глаза и подчинилась. Не было даже мысли отказать. Заставила кен струиться к ладони, а затем выплеснула его. Рука Эрика впитывала быстро, как растрескавшаяся от жары земля впитывает воду. Мои пальцы побелели — с такой силой он стиснул ладонь.

Но я не чувствовала боли или дискомфорта. Непонятная эйфория накрыла, вскружила голову. Хотелось делиться с Эриком, отдавать. Отдать все...

Было так же интимно, как и тогда, когда он лечил меня, если можно вообще назвать эту ситуацию интимной. Смертельно раненый мужчина лежит в луже крови, девушка зажимает его рану, а другой рукой крепко держит его ладонь. И не шевелится от экстаза отдавать себя без остатка. Невольно я улыбнулась своим мыслям, и открыла глаза.

Эрик лежал неподвижно, закусив нижнюю губу.

— Больно? — осторожно спросила я.

— Хорошо, — хрипло выдохнул он и вцепился в меня еще сильнее.

Я ощутила слабое движение в том месте, где была его рана. Осторожно убрав руку, обомлела — кровь уже не хлестала, лишь немного сочилась. Мало того, края самой раны завернулись внутрь и зарубцевались.

Эрик восстанавливался невероятно быстро. Так же быстро, как кен покидал меня.

Голова закружилась, а перед глазами поплыли темные пятна.

— Эрик, хватит!

Но он, похоже, не слышал. Глаза не открыл и никак не отреагировал. Я попыталась высвободить руку, но хватка была железной.

— Эрик, ты убьешь меня! — выкрикнула. Безрезультатно.

— Что тут произошло? — Встревоженный голос Мирослава слышался, словно через туман.

— Помоги... мне... — прошептала я, стараясь не отключиться. Мысли понемногу испарялись, а с ними и желание действовать. Было легко, спокойно и хотелось спать.

— Вставай, перенесем его к тебе, — сказал Мир. Голос его казался далеким, похожим на эхо в горах.

— Расцепи, — прошептала я из последних сил.

— Что? — не понял вождь альва.

— Моя рука... Эрик не пускает...

— Да, конечно, — сказал Мирослав и освободил мою ладонь.

Поток кена прекратился, и я вздохнула с облегчением. Эрик же наоборот недовольно заворчал и открыл глаза.

— Теплов? — спросил удивленно.

— Какого черта вы тут творите? — ответил Мир вопросом на вопрос.

— Долго объяснять, — пробормотала я, отползая в сторону. Жутко хотелось спать.

Я оперлась спиной о кусок металлической конструкции и закрыла глаза.

— А это кто?

С трудом разлепив ставшие тяжелыми веки, я посмотрела в ту сторону, куда указывал Мирослав.

— Это Тед. Колдун. Долгая история. Мир, я это... спать хочу, короче...

Эрик оказался рядом в секунду. Удивительные способности к регенерации. Да и весь он удивительный... Смотрит в глаза, тревожится.

— Черт! — прошипел он, поднимая меня на руки.

Я хотела ответить, что все нормально. Что мне просто нужно немного поспать. Я хотела ответить и... отключилась.

Глава 13. Видение номер два

— Очнись! Полина, ты слышишь меня?

Слышу. Слышу и плыву. Вода качает меня, успокаивает. Несет куда-то. В тепло, в счастье. Я улыбаюсь — бездумно, радостно. И никакие проблемы больше не тревожат.

Никакие, кроме голоса.

— Очнись!

Меня трянули за плечи — не грубо, но настойчиво.

— Открой глаза.

— Спать хочу, — простонала я и снова окунулась в теплую пучину беспамятства. Но она вспенилась, приподнялась, ставя меня почти вертикально.

— Нельзя спать. — И снова этот голос.

Я открыла глаза. Эрик держал меня на руках, крепко прижимая к себе, встревоженно вглядываясь в лицо. Такой внезапно близкий. Пахнет морем и карамелью. Волосы зачесаны назад и собраны в хвост. И кожа — слегка обветренная, словно он недавно вернулся из плавания. Откуда такие мысли? Словно я знала... На лице небольшая щетина, и ямочка на подбородке — так и хочется потрогать.

— На вот, выпей. — Он поднес к моим губам чашку с карое и почти насильно заставил сделать глоток.

— Фу, гадость, — прошептала я и откашлялась.

— А нужно допить, — приказал он и добавил уже мягче: — Ну же, малыш, сделай это для меня.

От его хриплого, глубокого голоса даже голова закружилась, и я послушно допила. Эрик поставил чашку на журнальный столик и снова меня обнял. Двумя руками. И я почувствовала себя почему-то невероятно, безумно счастливой. Откинулась ему на грудь и молчала, слушая, как бьется его сердце. Так мы и сидели несколько минут — в тишине, на диване в кабинете скади. Торшер излучал тусклый свет, но он до нас почти не доставал — рассеивался в двух шагах до дивана. Оставляя нас в интимном, уютном полумраке.

— Не засыпай, — попросил Эрик очень тихо. — Боюсь, когда ты засыпаешь.

— Ты же можешь вылечить меня, — слабо улыбнулась я. — Если будет совсем плохо.

— Не могу, — вздохнул он. — И еще несколько дней не смогу. Да и потом нужно будет восстанавливаться долго, я же не сольвейг.

Я приподнялась, заглянула ему в глаза. Они не лучились иронией, как обычно — взгляд был серьезным и виноватым.

— Прости. Я мог не остановиться. Потерял голову.

— Ты был при смерти. Не нужно оправдываться.

— Нет, Полина. — Он уткнулся носом мне в волосы, и я зажмурилась, боясь спугнуть его. Казалось, сейчас я любым неосторожным движением могу его спугнуть. Он ссадит меня на диван и перестанет обнимать. Вопреки моим опасениям, Эрик прижал меня к себе еще сильнее и добавил: — Мне сорвало крышу не из-за истощения. А из-за тебя.

— Из-за моего кена, — глухо прошептала я. Вспомнился Альрик. Я на остановке — полуживая, сжимающая амулет с замысловатой вязью. Такси. Забор атли, и Влад, вносящий меня в дом. Тогда я чуть не умерла, потому что Первозданный не смог вовремя остановиться.

— Да, — ответил Эрик и снова замолчал.

Я слушала, как тикали часы в углу. Смотрела на пятно света на полу. Дышала и старалась не уснуть.

Я могла погибнуть, потому что самому лучшему мужчине в мире сорвало от меня крышу. Не ирония ли? Кен сольвейга кружит голову, сказал мне однажды Влад. Странно, но я никогда не задумывалась, не придавала значения...

— Какой он? — спросила и подняла голову, желая взглянуть Эрику в глаза. — Мой кен?

Эрик улыбнулся, погладил меня по щеке. Я потянулась — невольно — к его ладони, понимая на ходу, что веду себя жутко неприлично. Ну и что с того? Я чуть не умерла, мне можно.

— Волшебный.

— Волшебный? И это все?

Хотелось подробностей, особенно, когда его глаза блестят, а губы растянuty в улыбке. Мягкие, наверное. Возможно, властные. Требовательные. Жаль, что я этого не знаю.

Я потянулась рукой и все же потрогала его ямочку. Он перехватил мою ладонь, несильно сжал. И тут же выпустил, словно боялся, что может повторить то, из-за чего я чуть не погибла.

— Однажды мне довелось побывать в долине Нила в гостях у одного племени, в котором я искал свою пророчицу. Там я впервые увидел и попробовал небесное безумие. Голубой лотос. Он распускается с рассветом, и нет ничего красивее, чем наблюдать, как вода покрывается этими солнечными цветами. Его запах ни с чем не сравнится. Это сильное психотропное средство — если его правильно употреблять, он дарит эйфорию и погружает в транс. Поговаривают, жрецы африканских племен становятся сильнее благодаря ему. И что, покурив его, хищный может постичь тайные знания.

— И ты постиг? — спросила я. Надо же, какой у меня, оказывается, кен. Цветочный. Волшебный. Неудивительно, что Альрик тогда настолько проникся.

Эрик тихо рассмеялся и погладил меня по волосам.

— Не постиг. Наверное, не достоин. Вот на мне и отразились совсем другие свойства этого цветка.

— Другие свойства?

Он потерся носом о мой нос, приблизил губы к моему уху и прошептал:

— Голубой лотос — сильнейший афродизиак.

Не знаю, как на счет лотоса, но его голос точно такими свойствами обладал. Я зажмурилась и застыла, мечтая, чтобы он прекратил, наконец, говорить и поцеловал меня. Перестал мучить. Заставил снова ощутить себя желанной.

А потом я поняла. Открыла глаза, нахмурилась. Получается, он сейчас что мне сказал? Что там, в долине Нила он под воздействием цветка...

Хотя чему тут удивляться? Эрик не раз намекал, что женщины у него были, парень он не стеснительный. Но почему-то именно в тот момент я ненавидела всех его женщин — и бывших, и настоящих. И, возможно, будущих.

Что поделать, мужчины мира хищных не моногамны. Особенно такие, как Эрик. А он так вообще не хотел отношений. Никаких. Все, что он мог дать — удовольствие. Минутное, яркое, незабываемое.

Оно мне надо? Только болеть потом будет. А я не хочу, чтобы болело. Наелась этой боли — до конца жизни вспоминать хватит.

Опустила глаза. И наконец, увидела свою одежду. Засохшая кровь на рукавах, под ногтями, на повязке. Грязь. Даже волосы спутались и испачкались кровью Эрика. И вспомнился мальчик — маленький, запутавшийся, наполненный злобой зверек.

Правильно ли мы поступили? Действительно ли не было выбора? Возможно...

— Где он? — спросила хрипло. — Тед? Ты...

— Я похоронил его. А сам он находится сейчас там, где и создатель яда. Ты говорила, они знакомы.

Я подняла на него глаза.

— С Таном? Но... зачем?

Эрик вздохнул.

— Понимаешь, мир искупления — страшное место. Страшное в первую очередь для того, кто его создал. Там больше никого нет, и никто не скажет тебе, что пора уходить, не отыщет для тебя дверь. Никто не оправдает. Там масса выходов для перерождения, но ты никогда не найдешь их сам. Не увидишь. Но если рядом будет кто-то — неважно кто — кто тебе это выход покажет, ты обретишь свободу. Они выберутся. Оба. Если осознают — каждый свою вину.

— Так ли он был виноват? Ты ведь сам говорил, что понимаешь Теда...

— Понимаю, — кивнул он. — Но это не значит, что готов пожертвовать ради этого понимания своим племенем. — Он заправил волосы мне за ухо, нежно погладил по щеке. — Тобой.

Я снова смутилась. Захотелось встать, отойти от него подальше. Опасность, которую представлял, была в разы сильнее той опасности, что сулил мне мир. Здесь и сейчас, где я слышу, как бьется его сердце, где кожу обжигает его дыхание. Где нет ничего — только мы. Запросто можно потеряться и больше никогда уже не вынырнуть. Утонуть в его глазах.

Поэтому я в них не смотрела. Только на свои грязные руки, нервно теребящие полу свитера.

— Тан поможет ему? А сам? Разве Тед в состоянии понять, осознать? Разве подросток проникнется его болью?

— Этот подросток, как ты его называешь, увидел и познал больше тьмы, чем ты когда-либо познаешь в жизни, Полина, — серьезно сказал Эрик. — Пропитался этой тьмой. Все колдуны пропитываются. Тьма — их жизнь, как бы пафосно это не звучало. Из нее они черпают силу, питающую их дар. Уверен, им будет о чем поговорить. К тому же, такая компания всяко лучше одиночества. Одиночество сводит с ума, мутит разум.

Я не могла не признать, что он прав. Когда увидела Тана, сама испугалась того, во что он превратился под воздействием собственной вины и сожалений. Возможно, Тед — именно то, что ему нужно сейчас. Кто-то, кто будет рядом. Кто просто будет.

— Как ты это сделал? Как провел туда Теда?

— Во мне был яд. В нем был яд. Его сделал создатель мира искупления. Это просто, если ты жрец. Если учился у первого жреца хищных.

Я подняла на него удивленные глаза.

— У Арендрейта?

— У него, — кивнул Эрик. — Я много где бывал.

— Я думала, это выдумки. Легенды. Херсир, Лив, Гарди... Хаук.

— Первые — не выдумки, малыш. Они наши прародители, иначе откуда бы мы взялись? — Он помолчал немного. — Ты прониклась колдуном. — Не спрашивал —

утверждал. — Не мальчиком. Тем, что создал яд.

Я пожала плечами.

— Нас кое-что связывало.

— Я помню, он приходил, когда мы были еще детьми. Непризнанный наследник. Требовал у Станислава принять его в племя. Потом у Влада. Похитил Ларису. Он?

Я кивнула.

— И что же связывало его с маленькой пророчицей? Ведь за помощью ты пошла именно к нему. Уже после его смерти.

— Я убила его. Давно, несколько лет назад. Но кроме этого, он любил Киру, по-настоящему любил. А тогда я не знала, что она... — Грудь сдавило, от тягостных воспоминаний закружилась голова. Или это из-за истощения? Я не знала. Я уже ничего не знала. Вернулось ощущение зыбкости, неуверенности. — Все сложно.

— Кто такая Кира? — тихо спросил Эрик, успокаивающе глядя меня по спине, словно почувствовал, что именно это мне нужно. Как он это делает? Понимает, что ли? Ощущает мои эмоции так остро, что знает, каким образом их изменить? Неужели мой кен настолько сблизил нас? — Ты уже второй раз ее упоминаешь. Она была близка тебе?

— Она умерла, — резко ответила я. И ведь не соврала, ну ни капельки.

— Извини.

— Ничего. Все в прошлом. Я устала. Хочу помыться и... Эрик, я хочу домой. К себе домой. Выспаться, подумать. Отрешиться немного от твоих испытаний. Ведь до следующего видения есть еще время, а ты сам говорил, что поставил на меня защиту. Можно мне домой?

Он опустил глаза. Перестал меня гладить, и почему-то стало холодно. Не критично, но ощутимо.

— Я не буду держать тебя рядом насильно. Если тебе сейчас хочется убежать из-за того, что я сделал, я пойму. Просто скажи, как есть.

— Из-за того, что ты сделал? — переспросила я. А потом поняла: — Из-за кена, что ли? Глупый. Это ж кен сольвейга, даже Альрик когда-то не сдержался...

Тут же поняла, что сболтнула лишнего и замолчала. Поздно. Эрик уже заинтересовался, причем сильно. И отставать, видимо, не собирался.

— Что — Альрик?

— Ничего.

— Ясно. Снова секреты.

— В каждой девушке должна быть загадка, — пошутила я. Кажется, я так уже шутила с ним.

— Да в тебе их столько — мне жизни не хватит разгадать!

— Тебе и не нужно. У тебя нет этой жизни. Закончатся испытания, ты уйдешь, и все-все загадки этого мира разгадаешь в своем кане! — сказала я почему-то со злостью.

Эрик аккуратно приподнял мой подбородок и заставил смотреть в глаза. Дыхание сбилось, щеки полыхнули, а его взгляд жег кожу.

— Что происходит, Полина?

Что происходит? Хотела бы я сама знать.

— Ничего. Ничего не происходит. Я просто устала.

Попыталась встать — не вышло. Меня качнуло, и я снова оказалась на руках у Эрика. В заботливых, крепких, удушающих объятиях. Из одной паутины в другую — разве это справедливо?

Он словно почувствовал. Ссадил меня на диван, сам встал и прошелся к окну. Я одновременно ощутила и радость оттого, что на меня не накатывает дикое желание его обнять, и разочарование — по той же причине. Вернее, желание было, а Эрика рядом не было. Он стоял у окна и смотрел в ночь.

— Ты что-то решила? — спросил он тихо, не оборачиваясь. Рукой коснулся шторы, и она колыхнулась, слегка прикрывая его спину. — На счет моих испытаний? Я тебя не тороплю, но хотелось бы знать...

— Я же говорила, что помогу. Ничего не изменилось, правда. Просто устала. Перенервничала. Сегодня был трудный день.

— Вчера, — поправил Эрик.

— Я что, сутки спала?

Он посмотрел на меня. Снова улыбнулся, и от этой улыбки по коже поползло тепло — осязаемое, ласковое. Черт, он может и так гладить, не касаясь. Какого черта он отошел от меня?!

— Нужно еще поспать, набраться сил. Переночуй у меня на квартире. Я поработаю, а ты сможешь спокойно отдохнуть. Без всяких... инцидентов.

— Инцидентов? — нахмурилась я.

— Влад приходил.

А вот это было неожиданно. Вернее, логически ожидаемо, но все же...

Он приходил сюда. К скади. Ко мне. Знает, что мы натворили.

Привычный, скользкий страх сполз за шиворот. Словно я подсознательно все еще ждала, что Влад разозлится, отругает меня. Накажет. Странно, он ведь никогда особо не ругался и не наказывал, а страх остался. Словно пепел от пожара взметнуло ветром и бросило в лицо.

Я молчала. Эрик тоже. Смотрел пристально, словно мог определить по мимике мои мысли. А мыслей не было. Страх развеялся, и не осталось ничего.

— Ругался, — сказала я утвердительно.

— Ругался, — кивнул Эрик. — Полина, если не секрет — а у тебя на каждый мой вопрос ответ «секрет» — почему тебя изгнали?

Я вздохнула, опустила глаза, а он вновь приблизился и присел рядом. Не настолько близко, чтобы я разволновалась, но достаточно, чтобы ощутила себя защищенной.

С ним рядом было невероятно хорошо. Безупречно. Словно я сама была тем цветком, что он описывал, а он — солнечным светом. Смотрел на меня, и я распускалась. А когда уходил, приходилось закрывать лепестки.

— Просто мне не показалось, что он особо рад. Ну, тому, что ты ушла. Даже наоборот. Ты что-то натворила, и это — наказание?

Я покачала головой и промолчала. Не то, чтобы говорить об этом я была не готова. Мой уход из атли — свершившийся факт, его не изменить. Да и я вроде примирилась. Но почему-то говорить о Владе с Эриком было дискомфортно.

— Если это так, то наши приключения не помогут тебе вернуться обратно. Влад будет злиться на тебя еще больше.

— Да пофигу, пусть злится, — раздраженно выдохнула я. — Нет, вот даже так ему и надо!

— Не лучший способ покорить мужчину, — нахмурился он, а затем беззвучно рассмеялся. — Оторва ты, Полина.

— Знаю, — вздохнула я. — Влад теперь тебя возненавидит. Извини.

— Мне-то что? Если даже ты не переживаешь. Вон, сидишь, надулась, бесишься. А не боишься. Неужели не хочешь домой?

— Дом там, где тебя ждут. В атли меня не ждут.

— Я тебя жду. И много еды — после такого кушать нужно часто и калорийно. А то последние джинсы потеряешь. — Он лукаво улыбнулся. — Хотя я не против.

Шутит. Как раньше. Заставляет смущаться и краснеть, думать о нем, представлять. Вспомнилась ночь в доме атли. Полумрак, видение. Его руки на плечах. Как же он тогда мне не понравился! А сейчас... Сейчас мне было хорошо рядом с ним — то ли из-за его кена, то ли из-за того, что в нем был мой.

Не могу я в него влюбиться. Просто не имею права. Это тупик.

Внезапно Эрик придвинулся ко мне, погладил ладонью по щеке. Я только и могла, что смотреть на него. Просто смотреть и ждать, что будет дальше. Все слова были только словами, когда он приближался.

— Ты очень сложная, Полина, — произнес он тихо. Слишком тихо. Я слышала, как тикают большие напольные часы в углу. Как шумно вырывается из груди мое дыхание. Как пульс отстукивает в висках. — Мне хочется, чтобы ты сегодня осталась со мной.

Он сейчас поцелует меня. Поцелует, и я растворюсь. Исчезну. По телу прокатилась волна предвкушения.

Но Эрик целовать не спешил, просто смотрел на меня и ждал. Чего? Напряжение стало невыносимым, и я прошептала:

— Хорошо.

Или то была не я? Другая девушка во мне, которая не боялась боли. Которая смотрела на его губы, тяжело дышала и ждала.

Страхи — наши главные враги. Мои — так точно. Я всю жизнь чего-то боялась. Сначала боялась, что Влад меня бросит. Накаркала. Затем началась моя жизнь хищной, а в ней, как известно, намного больше страхов: охотники, колдуны, темные ритуалы. Первозданные с их экспериментами. Драугры. И ты барахтаешься во всем этом, стараешься выжить, не сломаться, не потеряться в водовороте событий. И когда находишься на грани, стоишь на краю бездны, появляется он. Мужчина, с которым ничего не страшно. Который может решить все проблемы одним щелчком пальцев. И тогда рождается другой страх — глубокий и не связанный с миром хищных. Чисто женская боязнь привязаться, а потом оказаться ненужной. Брошенной.

С Эриком этот страх обрел материальную форму, стал осязаемым и неизбежным. Да что там юлить — я уже привязалась к нему. Привыкла. Он делился со мной кеном, я делилась с ним. Неделя, что мы провели вместе, сблизила нас настолько, насколько вообще возможно сблизиться с мужчиной. И теперь он говорит мне: останься со мной, а у меня и мысли нет отказать. Страх отступает, пятится и растворяется под взглядом его прозрачных глаз, теряется в его дыхании. В моем дыхании. Теряюсь я, и остается только он.

Слишком сильные эмоции для такой слабой меня. Да, я слаба. Всегда была. И как бы ни хорохорилась, как бы ни боролась, не могла с этим справиться.

Но вот парадокс: рядом с Эриком мне нравилась моя слабость. И я в ней. Это было так естественно, так гармонично, что сбивало с толку.

И вот я сижу в ореоле его тепла и жду. Он что-то говорит, тихо, проникновенно. О моей безопасности. О том, что мне не нужно больше ни о чем волноваться. Вообще. Никогда. Что все у меня будет хорошо. Что будет так, как я захочу. Он решит все проблемы, если нужно,

договорится с Владом, и потом я смогу вернуться в атли. Домой.

Разве он не понимает, что у меня больше нет дома? Нет ничего. Только он.

Я слушала, а думала о своем. Не знаю, как на счет моего кена, но одно только присутствие Эрика, его прикосновения рождали во мне эйфорию. Так кто из нас небесное безумие? Имеет ли это значение?

Я не помню, когда именно отключилась. Наверное, истощение сделало свое дело. Я уснула, а когда проснулась, лежала на большой синей кровати. На меня смотрела комната Эрика, глубокая, как его глаза. Как он сам. Я опустилась на эту глубину, на самое дно, и не знала, смогу ли когда-нибудь всплыть на поверхность. Надо ли вообще всплывать?

Восстанавливалась я недели две. Послушно пила карое, старалась не нервничать, плотно ела. Эрик приходил стабильно по вечерам, но ночевать оставался редко. И когда уходил, в груди селилась терпкая горечь. Я лежала, смотрела в потолок и почему-то представляла его с другой. Где-то там, в какой-то кровати в какой-то квартире в каком-то городе мира. Ему-то расстояния не помеха. Возможно, он сейчас в Лондоне, в своем доме или у этих бренди.

Потом я долго ругала себя за эти мысли. Эрик мне никто. Я просто вижу его будущее. Отрывки, что приведут его в кан. Его женщины не должны меня волновать.

Но они волновали. Впервые за последнее время я буквально сгорала от неконтролируемой ревности к его потенциальным любовницам.

Со мной Эрик был нежен, но к близости не стремился. Иногда обнимал, иногда водил руками по моему животу — проверял жилу, иногда гладил по волосам. Улыбался — тепло, ласково. Но привычными намеками больше не бросался.

Наверное, боялся приближаться — я ведь могла свести его с ума кеном. Чертов кен! То хотят меня из-за него, то наоборот.

Однажды он много расспрашивал об атли. Как пережили войну, кто в племени мне ближе всего. Я рассказала. Было горько, грустно и безнадежно, как и всякий раз, когда я вспоминала об изгнании. Но внезапно поняла, что не хочу возвращаться. Пока не хочу. Не знаю, что будет после ухода Эрика в кан — вернется ли сводящее с ума чувство одиночества, заболит ли жила, захлебнусь ли воспоминаниями о прошлом. В тот момент была только горечь. Разочарование. А боль прошла. Словно Эрик снял ее своим целительским даром.

О сольвейгах он не спрашивал. О случае с кеном тоже не вспоминал, словно эти две темы были для нас табу. Они не были, я знала. Заговори я первая, Эрик не стал бы увиливать. Думаю, он ждал, что я заговорю. Но я молчала.

Однажды вечером, когда я почти уже уснула, он прилег рядом и спросил о том, почему меня изгнали. Ненастойчиво, но твердо. И показалось, спросил он это не из праздного любопытства — словно пытался что-то придумать и чем-то помочь. Чем тут поможешь? Даже если бы я хотела вернуться, законы охотников суровы. Питался и тебя поймали — смерть.

Наверное, хорошо, что Мишель в некотором роде ко мне равнодушен. Находясь в родном городе, но вдали от атли, я, наконец, поняла, что прошлые обиды куда-то делись, и я больше не злюсь. Ни на Влада, ни на Риту, которая всегда принимала сторону брата, ни на Лару с ее колкими шуточками. Ни на Мирослава — хотя в Венгрии готова была его убить. Да и потом тоже. За то, что поддержал манипуляции друга и его жестокую затею с Кирой.

Даже на саму Киру... Герду больше не злилась. Поняла, что бесполезно. Мне никогда не понять драугра. Слишком она странная. А ко мне ее влечет лишь голод. Вернее, влек. Сейчас

все сложнее.

Эрику было не все равно. Я не понимала, почему, но явно видела это, когда он на меня смотрел. И дело даже не в том, что я была той самой пророчицей. Чувствовать себя должным и по-настоящему проникнуться — разные вещи. Он проникся.

Смотрел на меня ласково, внимательно и готов был слушать.

Готова ли я была говорить?

— Все сложно, — ответила я и протерла глаза. Из окна в квартиру заглядывала ночь, светильники были выключены, и в комнату свет проникал лишь из коридора. В этом приглушенном свете глаза Эрика сияли, и я была рада, что он не видит моего лица, а я могу рассматривать его, не скрываясь.

— Конечно, сложно, — кивнул он. — С тобой легко не будет, это я понял. Но хочу разобраться, почему вождь, которому ты нужна, изгоняет тебя добровольно, а человек, узнав о возможной смерти которого, ты сама чуть не погибла от страха, боится тебе звонить.

— Глеб... — выдохнула я с сожалением.

— Глеб, — подтвердил Эрик.

— Как он?

— Жив. Почти поправился, хотя мог бы быстрее. Ты бы объяснила ему, что он не сольвейг, и ему нужны ясновидцы.

— У Глеба теперь к ним другое отношение, — пробормотала я и вспомнила Нику. Интересно, она до сих пор в Ельце? Ее ведь наверняка ищут. Глебушка, во что же ты влез? И главное — как нам теперь тебя вытащить? Я же здесь, и мне нельзя...

— Окей, с этим можно жить. Но касательно тебя он молчит. Партизан недоделанный. Я же помочь хочу! — почти обиженно сказал Эрик.

— Ты ничем не поможешь, — ласково произнесла я и благодарно сжала его руку. Он на мгновение напрягся, его лицо изменилось, а затем снова расслабился. Но тот миг я запомнила — неуверенность и боязнь навредить.

— Каждый из нас оступает. Особенно сложные девочки. Есть масса способов наказать, не настолько жестоких.

— А если оступаются не девочки?

Эрик молчал. Смотрел в глаза и ждал, когда я соберусь с силами продолжить.

— Я ничего не делала, Эрик. Влад сделал. Именно из-за него я больше не атли.

На глаза навернулись предательские слезы, а ведь я обещала себе больше не плакать из-за атли. Никогда.

— Он сделал... тебе что-то? — спросил он настороженно и сжал мои плечи. В голосе прозвучала явная угроза. Пожалуй, не стоит с ним вот так откровенничать. О сильный. Слишком сильный и может... Что? Навредить Владу? Мне-то какое дело теперь?

Дело было. Не зря же я согласилась на изгнание. Вообще стала слушать Мишеля. Ведь и секунды не колебалась, когда он предложил выход.

— Ты не так понял, — ответила я и осторожно высвободилась.

— Полгода назад Влад выложился. Слишком выложился на одном... ритуале... — Голос дрогнул, и я закрыла глаза. Вспомнилась темная река. Брызги. Запах ванили над камнями. Портал. Улыбающийся Альрик. И я, не понимающая, каким чудом спаслась. — Полгода — небольшой срок, чтобы восполнить силы, особенно с новыми законами. А Влад не любит быть слабым, для него важно чувствовать себя...

— Мощным, — закончил за меня Эрик.

— Можно и так сказать.

— Так что же произошло?

— Влад питался. Много. Несмотря на запрет. Питался в городе, а в мире есть ясновидцы, которые могут определить, кого выпил хищный. Так смотритель Липецка его и поймал.

— По закону его должны были казнить.

— Должны были, — кивнула я, вспоминая пыточную в зале заседаний охотников. — Но я договорилась с Мишелем.

— Не знал, что ты дружишь с древними, — недовольно пробурчал он.

— Я не дружу. Мишель мне не друг, скорее, наоборот.

— Тогда почему пошел тебе на встречу? — удивился Эрик.

— А вот тут начинаются сложности. Мишель — тот охотник, который убил Диму, брата Влада. Его дед долго охотился на древнего, и даже сумел запечатать ему жилу, чтобы спокойно провести ритуал кроту, но охотник ускользнул.

— Да, я помню эту историю. Так на смотрителе Липецка печать?

— Нет. Тан снял ее. Колдун. Он тоже был хищным, достаточно сильным, чтобы снять печать, наложенную вождем.

Черт, и как я тогда не подумала? Верила, что Влад может выиграть поединок. Даже надеялась на это. А ведь Тан был сильнее всегда. Первая кровь сильнее второй. Не зря же так почитается закон наследования. Не стоит ни о чем сожалеть — если бы я не убила тогда Тана, сама могла быть мертва. Или Барт. Или Люсия — ведь именно с ней у меня сильнейшая связь. Кто знает, кого Тан привлек бы моей кровью?

— На кой колдуну это понадобилось? — вырвал меня из размышлений Эрик.

— Чтобы запугать атли. Он тогда вернулся, мечтал руководить. Мишеля я убила — довела до конца дело Валентина. А Тан его воскресил. И снял печать. — Я горько улыбнулась. — Говорю же, сложно все.

— Хочешь, чтобы я поверил, что вождь атли не смог убить древнего, а ты смогла?

— Вообще-то Мишель — не единственный древний, которого я убила, — обиделась я. Да что, в конце концов, за шовинизм?! — И не надоело делить хищных на девочек и мальчиков?

— Я и не делю. Тамара, например, не так давно тоже убила древнего. Смотрителя Лондона. Но она действовала внезапно, а Мишель должен был ждать от атли подвоха.

— От меня не ждал. Он думает, что любит меня.

— Чего? — опешил Эрик.

— Что, я недостаточно хороша для древнего? — пошутила я, но он не улыбнулся. Казалось, готов был прожечь во мне взглядом дыру. Я вздохнула и сказала уже серьезно: — Он помнит меня из прошлого воплощения. Не знаю, почему, но влюбился он в ту девушку. Может, она... я, то есть, ясновидицей была. В общем, я не в курсе и выяснять не хочу.

— Он отпустил Влада, потому что ты попросила?

Я покачала головой.

— Нет. Он потребовал, что взамен я должна уйти из атли навсегда. Мишель считает, что Влад — причина всех моих бед. Наверное, охотник хотел, чтобы я отреклась. Нам повезло, что он плохо разбирается в законах хищных.

А может, это обычная ревность? Кто их, древних этих, разберет? Склеились мозги за столько лет-то.

— Думаю, Мишель злится, что Влад его вокруг пальца обвел. Ведь ритуал кроту был его идеей, а мне Влад наплел, что охотник опасен и может всех нас убить.

— Хочешь сказать, что Вермунд обманом заставил тебя убить влюбленного в тебя охотника? Он весьма своеобразно устраняет соперников.

Я покачала головой.

— Мишель не был для него соперником. Влад мстил за брата.

— Так что дал твой уход из атли лично древнему?

Я пожала плечами.

— Он странный. Не хочет, чтобы я и близко с Владом стояла. Иногда мне кажется, если понадобится, он положит на это жизнь!

— Мы ему в этом поможем, — задумчиво проговорил Эрик.

— Поможем? — насторожилась я. — Как?

— Мне нужно знать, хочешь ли ты вернуться, Полина. Чего ты вообще хочешь?

— Не знаю я, понятно! Не думаю, что сейчас подходящее время, чтобы говорить об этом.

— Дело в том, что у нас с тобой вряд ли когда-нибудь будет подходящее время. Боюсь, у нас его слишком мало. И если я могу сделать что-то, что улучшило бы твое пребывание здесь после того, как уйду, я это сделаю.

Я посмотрела на него, и мне вдруг захотелось его стукнуть. Готов решить все мои проблемы, в то время, как единственная моя сложность — он сам. Его присутствие и его отсутствие.

— Я не маленькая, и в состоянии разобраться с собственной жизнью самостоятельно. А ты не старик Хоттабыч, желания мои исполнять. Ну, разве что одно...

— Какое?

— Обними меня. Не хочу быть сегодня одна.

Это желание он исполнил. Лег на спину, я положила голову ему на грудь и обняла за талию. Уснула, и снился мне кан — далекий, призрачный, светлый мир. Там было озеро, усыпанное синими цветами, а на берегу сидели шаманы хищных. Кучковались по три-четыре человека и курили лотос. Эрик тоже там был, но он не курил. Сидел на камне, опустив ноги в воду, и ласково касался лепестков.

Странный сон.

Утром я проснулась от запахов еды. И вместо карое на тумбочке у кровати стояла чашка с кофе — свежеприготовленного, с булочками. Эрик сидел рядом на кровати и улыбался.

— Доброе утро, — бодро поприветствовал он. — Решил разбить стереотипы, что мужчины не умеют готовить.

— Булочки ты тоже сам пек? — лукаво поинтересовалась я, села и расправила одеяло.

— Булочки нет. Но кофе по специальному рецепту, это я тебе гарантирую.

— По рецепту твоей кофеварки?

— Вот так и делай тебе приятное, — шутливо обиделся он. — А еще говорят, женщины любят кофе в постель.

— Они любят, — подтвердила я и вгрызлась в румяный и мягкий бок булочки. Блаженство какое! Только их бы и ела. — Не обращай внимания, иногда во мне просыпается язва. Особенно после ежедневного завтрака карое. — Я блаженно закатила глаза. — Мммм, спасибо за булочки. И за кофе.

— Рад, что смог угодить, — совершенно искренне ответил он.

— Мне нужно домой, Эрик, — серьезно сказала я. — Я не шутила тогда. И если раньше я была слаба и вынуждена принимать твою помощь, то сейчас не могу себе этого позволить.

— Почему? — Взгляд прямой, изучающий. Разбирающий на молекулы и собирающий обратно в нечто целое. Нечто иное, незнакомое. Неизвестного мне человека.

Но я не имела права меняться. Я — это я. Он — это он.

А на его «почему» было сотня «потому что». Потому что я привязалась к нему. Потому что устала страдать по ночам, думая, где он сейчас. Потому что неправильно радоваться его приходу, как вчера вечером. Неправильно засыпать, прижимаясь к нему, словно мы близки.

Мы не близки. Мы просто нужны друг другу на время.

Слишком много «потому что». И лишь одно, которое я могу озвучить.

— Потому что так надо.

— Кому?

— Мне.

Он опустил глаза и ответил:

— Хорошо.

От этого «хорошо» стало холодно. Нет, не так. Мне всегда было холодно, а рядом с Эриком я согрелась. Только вот рядом с ним не навсегда. И если сейчас мне безумно холодно без него, то что будет, когда он, наконец, найдет свой кан?

Квартира на Достоевского пропиталась одиночеством. В углах застыли остатки страха — того, что владел мной, когда пришли адепты Герды. Они не проникнут сюда, сказал Эрик. Затем обновил некогда поставленную защиту.

И ушел. Сухо попрощался, словно не хотел и вовсе со мной разговаривать. А я осталась. И захлебнулась одиночеством.

Сидела, наверное, с час на диване и молчала. Просто смотрела в одну точку. Нельзя забывать свое истинное предназначение. Потому что в итоге оно все равно настигнет тебя, накроет куполом, и укажет на ошибку. Теперь я — одиночка, и должна учиться жить одна.

Остаток дня я посвятила уборке. Вымыла квартиру до блеска и упала на диван. Работать всегда легче — плохие мысли уходят на задний план. Но когда усталость больше не позволяет трудиться, они возвращаются.

Нет, неправда, я не одна. Атли — еще не все. Жила же я как-то без них в Москве и у Барта. У меня есть друзья, те, с кем я еще могу общаться.

Я позвонила Ире и болтала с ней полтора часа. Говорила мало, больше слушала — просто наслаждалась ее голосом. Знаю, что нарушила договор. Но вряд ли Мишель станет проверять мой телефон. Да и не от Иры он пытался меня «защитить».

Странно, как гармонична для нее была жизнь одиночки. Наверное, все потому что атли она не по крови, да и никто ее не изгонял, захочет — вернется. У нее был шанс, а у меня не было. Хотя она расстроилась. И оттого, что мы больше не соплеменники, и оттого, что я сейчас одна. И если еще с утра я могла уверить ее, что это не так, то сейчас...

Эрик не приходил и не звонил. Возможно, дал мне время во всем разобраться, а может, был занят делами скади. И чем ближе подбиралась ночь, тем отчаяннее хотелось позвонить ему самой. Сознаться в собственной глупости и в том, что безумно хочу удовольствия. Того, что он предлагал.

Но, несмотря на слабость, в которой у меня хватило духу себе признаться, я была невозможно упряма. Поэтому не позвонила. Вернее, позвонила, но не ему. Вышла на лестничную площадку и нажала на кнопку звонка.

Мирослав открыл не сразу — минуты через две — взъерошенный и в небрежно завязанном халате. Удивился очень, если судить по выражению лица, но быстро собрался и втянул меня в квартиру.

— Ты... как ты? — Осмотрел меня со всех сторон на предмет повреждений, а затем пристально взглянул в глаза.

— Нормально, — пожала я плечами. — Вот, домой вернулась.

Он покачал головой, втиснул меня в комнату и усадил на диван. Прямо перед столиком, накрытым на двоих — шампанское, клубника, конфеты. Даже свеча была, только не горела.

— Ты не один? Слушай, я не знала. Давай, я потом зайду. — Я попыталась встать, но меня настойчиво усадили обратно.

— Не суетись. Она с радостью меня подождет... где-нибудь еще.

Мирослав скрылся в спальне, а я попыталась представить, кто такая она и почему должна теперь ждать его с радостью. Ведь он по сути ее отсылает в разгар любовного действия... Впрочем, отсылает и отсылает — мне-то что?

Мирослав вернулся минут через пять — одетый в джинсы и майку и причесанный. Отнес поднос с угощениями на кухню и приготовил чай. Вкусный, как я люблю. Сладкий, с лимоном. Мне досталось также овсяное с кунжутом печенье. И понимающий взгляд.

— Я запуталась, — призналась я и обняла ладонями чашку. Она грела их через тонкую ткань свитера, и постепенно одиночество уходило.

— Тебя изгнали. Выдернули из родной среды. Это нормальные ощущения для хищного.

— Я сама себя выдернула, давно еще, в Венгрии. Не могла, не хотела...

— А сейчас? — Его внимательный взгляд заставил поежиться. — Сейчас хочешь?

Я пожала плечами.

— Я ведь ни на секунду тогда не сомневался. Засомневайся я — и ты, и Влад были бы мертвы. А вы мне близки. Оба. Несмотря на то, что ты считаешь иначе. Тогда я тебя, маленькая, спасал.

— Знаю. Я тебе как дочь.

— Ты мне друг. Стояла тут — трясущаяся, напуганная — когда охотник пришел за мной. Стояла и просила его меня не убивать. Затем в Венгене позволила спасти жену и дочь. И тогда, в доме, вывела Майю.

— Ты мне тоже друг. Хоть я и злилась сильно.

— А сейчас? Тоже злишься?

— Сейчас не злюсь. Все, что произошло в Будапеште, оказалось напрасным. Герда вернулась. Но дело даже не в этом. Все эти годы... моя любовь, моя боль... Я же ее дочерью считала! Дралась за нее, глотки рвала. И с Таном тогда... если бы не Кира, я бы, наверное, его не убила. А она оказалась миражом. Дымкой. Ты — мужчина, тебе не понять, каково это — когда умирают дети.

— Да, я мужчина. — Он тяжело вздохнул и отвернулся. Сложил руки на коленях, посмотрел прямо перед собой, и воздух в комнате стал тяжелым. На плечи навалилась грусть — его грусть. Его боль. И я поняла прежде, чем он сказал. Поняла, что была не права. — Нs я знаю, каково это — терять детей. У меня их пятеро было, выжила только Майя. И то потому, что ее тогда просто не существовало в природе.

— Извини...

— Нет, послушай. Я пережил. И ты переживешь. Будешь злиться, плакать, страдать. Но — будешь! Если бы Влад не пошел на этот авантюрный шаг, тебя бы не было. Он жесток

порой, но всегда знает, для чего что-то делает. Никогда не отступает. И любит тебя так, как умеет.

— Только от любви этой тошно и хочется бежать. Выжигает она все, Мир. Душу, сердце, саму жизнь. Сдохнуть от такой любви хочется!

— Лучше сдохнуть от потери кена в ржавом ангаре, — покачал он головой. — Чем этот Эрик лучше Герды?

— Тем, что он не хотел. Что сожалеет и делает все, чтобы мне было комфортно. А что делает Влад? Конкретно сейчас? Сидит и боится в большом доме или пустил все на самотек? Ведь Эрик тут не навсегда. Он уйдет, а Герда никуда не денется...

— Влад никогда не будет сидеть и бояться. И тем более, не пустит все на самотек.

Я вздохнула.

— Скажи ему, пусть не подставляется. Погибнет еще, а у него сын. И жена. Рита плакать будет...

— А ты будешь плакать, Полина? Или уже все перегорело?

— Я не буду, — уверенно ответила я. — Просто потому что разучилась. Но смерти ему не желаю, иначе зачем бы ходила к Мишелю? Просто... у нас разные пути.

— Уверена?

— Пока да. А загадывать не буду — судьба любит подшутить над планами.

Вернулась к себе я уже за полночь. Усталая, но довольная. Все же приятно знать, что у тебя кто-то остался. Кто-то не из племени и не связанный со странными испытаниями Эрика. Что мне есть, к кому прийти и с кем поговорить.

А ночью, глядя на крупные, по-летнему обильные звезды, я думала о Владе. О его словах у очага, о болезненном блеске в глазах, об отчаянии, оставившем след на лице. Нельзя было назвать его счастливым. Наверное, потому что ложь счастья не приносит... Хотя вот я всю жизнь старалась правду говорить, и что мне это дало?

Но почему-то зеленые глаза до утра не шли из головы. Это все Мирослав, он явно шаманит с сознанием. В прошлый раз после нашего откровенного разговора в Швейцарии, мы с Владом...

Нет, не думать об этом! Не вспоминать. Все в прошлом, а в настоящем у меня Эрик. Такой же притягательный и еще более недоступный. Не моего романа герой. Но почему же рядом с ним так чертовски хорошо? Это что, шутка природы?

Уснула я под утро, а проснулась около одиннадцати, не выспавшаяся и раздраженная. Хорошо хоть встать с постели не успела — тут же откинулась на подушки, зажмурилась и полностью отдалась картинкам в голове.

Я сижу на полу в квартире на Достоевского. Меня трясет, я с трудом понимаю, что происходит — в голове туман, сознание путается. Нога затекла, потому что сверху на ней лежит что-то тяжелое. Что-то или... кто-то!

— Эрик, — шепчу, пытаюсь сбросить его с себя. Какой же он неподъемный! — Эрик, очнись!

Страх накатывает резко вместе с тошнотой. Если уж он беспомощен, то я и подавно...

Он все так же не шевелится, и я боюсь, что он умер, оставив меня тут одну. Наедине с опасностями. С Гердой. От этой мысли становится невыносимо тоскливо, внутри все сжимается. Верить не хочется, понимать еще меньше.

Я смотрю на часы на шкафу — бабушкины, те самые, что я так и не смогла выкинуть. В память о детстве. Десять часов, почти ночь. Ночью особенно страшно. Темно и тревожно.

Он же не умер? Он просто не мог умереть, бросить меня! Не имел права.

И вдруг я понимаю, что в комнате не одна...

Медленно, словно в вязком киселе, поворачиваю голову.

Ветер с шумом распахивает окно, развевая занавески. Холодно. Снег со свистящим ветром врывается в квартиру, кружит, леденит кожу. А вместе со снегом wpłyвает она. Женщина в светлой шифоновой одежде. Прямо по воздуху. Словно сказочная фея, скользит медленно, плавно и определенно — к нам.

Надо разбудить Эрика. Срочно. Иначе... Что иначе? Я не знаю. Но понимаю точно: ничего хорошего.

А потом слышу шелест сзади. Успокаивающий, дурмнящий звук.

И — темнота.

Голова болела безумно. Еще больше, чем после видения о Теде. Я старалась отдышаться, успокоиться, но перед глазами все стояла незнакомка в шифоне — бледное лицо и плавное приближение. Ей нужен Эрик — в этом не было сомнения. Нужен не просто поговорить. Забрать. Она хочет его забрать! Вырвать из этого мира навсегда. И точно не в кан. Куда-то еще. В какое-то страшное, опасное место. Туда, откуда не возвращаются...

Я лежала еще несколько минут и смотрела в потолок, думая, что значит для меня это видение. Еще один шаг к его цели, еще одна опасности или... повод ему позвонить? Просто позвонить, услышать его голос, наполненный энтузиазмом, увидеть лучащиеся предвкушением глаза. И наполниться теплом. Его теплом. Его радостью. Ведь своей у меня не осталось.

И вдруг я поняла, что хочу, чтобы он нашел свой кан. Обрел, наконец, то, к чему стремился столько лет. Нашел себя. Стал счастливым.

Ведь в жизни иногда не главное — собственное счастье. Иногда важнее подарить его близким. А Эрик — как бы я ни хорохорилась, как бы ни отстранялась от собственных эмоций — стал мне близким. И значит, я изо всех сил постараюсь, выложусь, но он попадет в свой кан.

А я... я просто улыбнусь от мысли, что он был в моей жизни. Просто был. Без всяких намеков на «будет».

Глава 14. Глубокий синий

Я позвонила Эрику, и вечером он приехал. Просто возник в моей жизни снова, и стал светлее. Легче. Он вошел в мою квартиру — улыбающийся, громкий, и заполнил собой все пространство. Ни слова не сказал о моей просьбе побыть одной и подумать. Просто спросил, как дела. А я рассказала о видении.

— Пстой, ты что же, помнишь время? — тут же воодушевился он после того, как я закончила рассказ. А на лице отразилась непонятная смесь эмоций. То ли радость, то ли удивление. Выглядел он при этом почти безумным.

— Да. — Я указала на бабушкины часы. — Четко видела время на них.

Он улыбнулся. Резко притянул меня к себе и обнял. А я растерялась. Снова.

— Это же замечательно!

— Очень мило, — смутилась я и осторожно отстранилась. — Но что в этом замечательного? Может, ты не понял, но я видела странную летающую тетку, а как ей противостоять, совершенно не знаю. К тому же, ты был в отключке.

— Это мелочи. Ты видела время — вот что радует. Значит, время открытия портала ты тоже увидишь.

— Портала?

Эрик вздохнул, присел на диван, увлекая меня за собой. Посмотрел так, будто собирался раскрыть самую главную тайну своей жизни.

— Портал в кан. Или, как думала, я туда попаду?

— Я вот до сих пор понять не могу, — нахмурилась я, — а как же скади? Ты что же, оставишь племя?

Он кивнул.

— Оставлю. На Дарью. Женщины тоже могу править скади. Пока не родится наследник-мужчина.

— Ну, Даша не показалась мне правительницей, — высказала я сомнение. — К тому же, она защитница. Разве правитель не должен быть воином?

— Необязательно, — улыбнулся он. — Главное — сплотить племя. Дарья сумеет, если постарается. К тому же в книге упоминается, что после моего ухода племенем будет править женщина. А потом появится наследник — сильный вождь.

— Ты настолько доверяешь этим пророчествам?

Я вспомнила, как мне предсказывал Барт — там же ничего определенного. Познаешь силу, научишься отпускать и удерживать, бла-бла. Как на такое вообще можно полагаться?

— Книгу предсказаний хранит Арендрейт, а я общался с ним лично. Все предсказания из книги сбываются.

— Наверное, ты очень рад, что именно тебе уготована такая судьба. — Я опустила глаза и посмотрела на свои руки. Вспомнила, как пообещала себе не хандрить из-за этого. Уйдет и уйдет — что с того?

— Это плохо?

— Нет, просто... — Я вздохнула. — Мне интересно, неужели ни разу не усомнился? Не думал о семье, детях? О том, чтобы стать сильнее здесь, для них? Для скади?

Он пожал плечами и совершенно искренне ответил:

— Я не думал о женитьбе, если ты об этом. Не могу себе позволить думать, ведь все равно главная моя цель — кан, а оставить женщину, которая мне поверила, тем более с ребенком, недостойно мужчины. Скади — моя семья. И пока я тут, готовлю Дарью к тому, чтобы она возглавила их. Думаю, еще есть время.

— Так странно... Ты и я — словно вне своих племен. Одиночки.

— Я не одиночка. — Он обнял меня за плечи и прижал к себе. — И ты тоже. Ты пробовала найти своих? Насколько я знаю, сольвейги тоже живут племенами.

— Племенем, — кивнула я. — Я нашла их.

— Почему не живешь с ними? Разве это не безопаснее?

— Да, такие, как Герда, их не достанут, — горько улыбнулась я.

— Другры отличаются от хищных только кеном, Полина. В целом, мы очень похожи. Нам, чтобы жить, нужны ясновидцы, им — без разницы кто. Говорят, хищные, посвятившие жизнь древним искусствам, продлившие ее до бесконечности, превращаются в другров.

— Хочешь сказать, Герда когда-то...

— Была хищной, — кивнул он. — А сольвейги — совершенны. Вам не нужно питаться. Вы не зависите от того, к какому племени принадлежите. Это прекрасно!

— Это ужасно, — не согласилась я. — Всем нужен мой кен. Не я. Даже ты тогда...

— Неправда, — перебил он. — Мне нравишься ты. Понравилась еще в кабинете атли. Ты тогда на Влада почти кричала.

— О да, там я была очаровательна! — рассмеялась я.

— Убери из себя сущность сольвейга, и что останется? — серьезно спросил он. — Подумай.

— Трусишка, — улыбнулась я. — И слабачка.

— Тебе нравится себя в этом убеждать? Разве слабачка на грани истощения подгоняла меня по дороге к атли, когда нужно было спасти Глеба? Или трусишка напросилась со мной на встречу с Тедом? Трусишка отдала мне кен, не раздумывая, а после этого сидит тут со мной и совершенно не боится, что я могу снова...

— А ты можешь? Хочешь? — серьезно спросила я.

— Шутишь? Твой кен — самое удивительное, что я пробовал в жизни, — честно признался он. — Конечно, хочу. И может, если ты тоже захочешь, когда-нибудь мы попробуем...

— Нет! — резко ответила я и встала.

— Я и не требую.

— Я не живу с сольвейгами, потому что для меня в книге тоже есть предсказание. В нем говорится, что я буду жить во внешнем мире. И, кажется, оно уже частично сбылось — Барт говорил, я потеряю дом, и вот я не атли больше.

— Барт?

— Вождь сольвейгов. Но я не могу о них рассказывать, извини.

— И не нужно. — Он тоже встал и подошел ко мне. — Это твоя семья, и их тайны ты должна беречь.

Я посмотрела на бабушкины часы. Они тикали, отсчитывая время, успокаивающий звук разливался по комнате. Эрик стоял рядом, и было безумно хорошо просто быть с ним. Разговаривать обо всем. О том, что волнует — его, меня.

— Ты знаешь, кто эта женщина? — осторожно спросила я. Его лицо было так близко — знакомое, родное. Когда он успел стать мне таким родным? Когда вошел в душу, просочился,

словно дурманивший газ, переделал ее под себя, изменил?

— Знаю, — ответил он почему-то тихо, но думал, казалось, вовсе не о ней. Смотрел в глаза, не отрываясь, даже не моргая. Гипнотизировал. — Лучше нам с ней пока не встречаться.

— Почему? — спросила я, уже не особо понимая, что и зачем спрашиваю.

— Потому что я не особо знаю, как ее одолеть. Ты помнишь, где мы находились в твоём видении? Здесь, в этой комнате?

— Здесь... — Внезапно меня осенило: — Думаешь, они нападут сегодня?

— Который час?

— Девять пятнадцать.

Внутри все сжалось, когда я представила, что сейчас распахнется окно и влетит полетному одетая дама. Словно прочтя мои мысли, Эрик сказал:

— Для них не преграда твои двери.

— Она зашла через окно, — пробормотала я. Перспектива встретиться с ужасной летающей незнакомкой не прельщала.

— Переночуем у меня, а завтра решим, что делать. Ты же не против?

Я покачала головой. Лучше так, чем просидеть всю ночь в углу, вооружившись сковородкой, и ждать, когда прилетит непонятное существо, с которым даже Эрик не знает, как справиться.

Я хотела ответить, что не против. Даже рот открыла. Но он успел раньше — взял меня за руку, а через секунду меня захватило ощущение полета, мир смазался и стал походить на размытую фотографию. И мы очутились в просторной синей комнате.

Никогда не любила такие перемещения, но еще больше не любила, когда это делали внезапно, и я не успевала задержать дыхание. Тогда сильнее тошнило.

— Черт! Разве можно так делать?

— Что такое? Тебе не понравилось? Я думал, тебе нравится все стремительное.

Издевается? Снова? Seriously?

— Вот тебе стремительное! — воскликнула я и резко толкнула его.

Этого он явно не ждал. Пошатнулся и упал на кровать. Но реакция у него была что надо, поэтому успел схватить меня за руку, и я полетела вместе с ним, вернее, прямо на него. Получилось весьма двусмысленно. Эрик не растерялся — собственнически прижал меня к себе и томно произнес:

— Вот знал, что ты не любишь ждать, но чтобы настолько... — И добавил наигранно-серьезно: — Что ж, я готов.

— Иди ты! — ответила я, но улыбку сдержать не смогла. — Может, отпустишь?

— Мне так больше нравится.

— Я серьезно, отпусти.

— Как жаль, что все так быстро закончилось, — с сожалением проговорил он и ослабил хватку. Я выбралась из цепких объятий и встала.

— Очень концептуальный подход к ремонту, — сказала, осматривая комнату. — А главное, не нужно угадывать, какой у тебя любимый цвет.

— Тебе не нужно ничего угадывать. Можешь просто спросить.

— У нас прямо вечер откровений получается. Я тебе — о сольвейгах, ты мне — про кан. Кстати, что это за мир такой? Мне снился он недавно, там было озеро и лотосы. И жрецы хищных курили кальян на берегу.

Эрик звонко рассмеялся. Сел на кровати, слегка откинувшись назад. Длинные волосы рассыпались по плечам, и выглядел он неприлично очаровательно в сером свитере, оттеняющем глаза, на темно-синем покрывале, в свете ночных светильников.

— Я не знаю, — признался он. — Почти ничего не известно о кане. Только то, что в этом мире открываются тайные знания, и человек переходит на новый уровень сознания. Из кана есть выходы в места, о которых неизвестно на земле. И возможность переродиться в новом качестве.

— То есть ты ничего о нем не знаешь, но все равно туда хочешь? А мир, в котором родился, провел, можно сказать, лучшие годы своей жизни, бросаешь?

— Считаешь меня авантюристом? — серьезно спросил он.

Я пожала плечами. Присела рядом с ним и сложила руки на коленях.

— Не знаю. Я всегда мечтала жить здесь, иметь семью или хотя бы... что-то иметь. Попробовать стать счастливой.

— Ты же себе ничего не позволяешь. Для счастья нужно дать себе свободу, а ты сковала себя рамками, которые сама и придумала.

— Рамками этого мира?

— Рамками собственных табу, — улыбнулся он. — Ты когда-нибудь спрашивала себя, чего на самом деле хочешь?

Тебя. Сейчас я хочу тебя. Забыть, что ты уходишь. Что мне некуда вернуться. Что все, что у меня есть — это здесь и сейчас. И нарисовать себе будущее, которое никогда не станет реальностью.

— Постоянно спрашиваю... — прошептала я.

Воздух налился жаром, сгустился и наэлектризовался. За окном бушевала метель. Снежным в этом году выдался февраль. По-настоящему зимним — с сугробами, кусочим морозом, скрипучим снегом и ослепительно-яркими солнечными днями. Хорошо было думать, что я потерялась в феврале, возможно, потеряюсь и в марте, и в апреле... И в том месяце, когда Эрик, наконец, найдет, что ищет.

Не меня.

— Это настолько страшно? — Грудной голос успокаивал и гипнотизировал одновременно. — То, чего ты хочешь?

— Фатально, — честно призналась я.

Это была правда. Если я полюблю его — по-настоящему, глубоко — не смогу отпустить. А он все равно уйдет. Уйдет и останется — во мне. Постоянным напоминанием об упущенном счастье.

— Тогда, может, перестанешь себя об этом спрашивать? — прошептал он и приподнял мой подбородок. — Я-то давно в курсе, чего ты хочешь...

— Вот как? И чего же?

Он посмотрел на мои губы. Мимолетно, стремительно. А затем поцеловал. Я потерялась. В напоре его теплых губ, в прикосновениях ладоней — настойчивых, властных. Его рука запуталась в моих волосах, а вторая притянула ближе и обняла за талию. И вот я уже лежу, а он склонился надо мной и лукаво смотрит в глаза. Молчит. Улыбается. И ждет.

— Неправда, — прошептала я, пытаясь сохранить остатки здравого смысла, но его выжигал взгляд льдистых глаз. Шелковистые волосы касались моей щеки, щекотали и дразнили. Светлая бровь слегка приподнялась, выражая недоверие.

— Ой ли?

— Вовсе я этого не хочу!

Казалось, даже голос выдавал меня — низкий, хриплый, призывный. И взгляд — наверняка тоже затуманился. Но взгляд и голос — не слова. Если я признаюсь, если скажу...

— Конечно, правда, — уверенно возразил Эрик. — Ты же постоянно об этом думаешь.

— И вовсе я не... Ты просто самоуверенный наглец, вот ты кто!

Странно, что я говорю это и все еще его обнимаю. Или не странно? Какая разница вообще?

Как хорошо! Не отпускай меня. Никогда не отпускай.

— Я бы усомнился, но мой дар постоянно подтверждает эти догадки, — насмешливо произнес он.

— Твой дар?

— А я не говорил? Я слышу твои мысли.

— Мои... чего? — Я отстранилась, оттолкнула, буквально выползла из-под него и переместилась на безопасное расстояние. А точнее, на другой конец кровати.

— Мысли, — совершенно спокойно ответил Эрик и даже глаз не отвел.

— Хочешь сказать, ты... все это время...

— Ну конечно, не все, — рассмеялся он. — У меня, кроме твоих, полно собственных. Да и человек имеет право на личное пространство.

Так, значит? Я имею право на личное пространство, которое мне выделит Эрик? Насколько оно тогда личное? Или мое пространство уже тоже его собственность? Какого черта вообще?! Это мои мысли. Мои!

Вот даже не знаю, что меня возмутило больше — то, что он знает о моих к нему чувствах, или само «несанкционированное» проникновение в мозг.

— Ну ты чего? Обиделась, что ли? — Эрик перестал улыбаться и внимательно взгляделся мне в лицо.

— А ты бы не обиделся? Вот если бы я сейчас... к тебе в голову...

— Нет. — Он пожал плечами. — Да я и сам тебе скажу, если хочешь знать. Вот что, например, ты хочешь знать?

— Скажешь, — кивнула я. — Но я не буду уверена, что ты не соврал.

— А зачем мне врать? Вот сама посуди, я и так все рассказал: и почему так радуюсь, что нашел тебя, и про кан, и о жизни своей. На любой вопрос отвечу честно. А ты кроешься постоянно. Зачем?

— Может, потому, что хочу оставить себе что-то свое? А лезть в чужую голову нечестно! — возмущенно спросила я.

— Если тебя это так задевает, я не буду. Но если согласишься мне помогать, доверяй. Иначе никак. Иначе — зачем?

Я вздохнула. Отвернулась. Нежданная обида захлестнула, слова закончились, осталась только злость и растерянность — и что теперь делать? Смогу ли я общаться с ним, помогать, проникаться? И что буду делать, если не смогу? Ведь теперь я знаю, что он всегда будет в курсе, если захочет...

Будет, и что?

Действительно, что я теряю? Ну знает он, что я его хочу... Так его, наверное, многие хотят — вон какой он красивый, сильный, харизматичный. Америку ему мои мысли не открыли. А свое... нет у меня ничего больше. Ни племени, ни семьи, ни цели. Даже домой не уйти, потому что там опасно. С лучшим другом не могу общаться из-за глупого запрета

древнего. Ира в Москве. Дэн где-то с Бартом, да и не друг он мне, а так...

Эрик постоянно рядом. Заботится, оберегает. Кому, как не ему, доверять? А если не получается, нужно сказать и уйти.

— Хорошо, — прошептала я, сглатывая колющий ком и пытаюсь сдержать ненужные, несвоевременные слезы. — Только обещай, что не будешь... Хотелось бы оставить что-то себе. Хоть что-то...

— Ну хватит! — Он придвинулся и снова обнял. Я уткнулась носом ему в грудь и все же расплакалась. Обхватила его руками, прижалась, боясь потерять то единственное, что у меня осталось. С ним рядом я чувствую, живу. А как только он уходит, остается лишь горечь. Выжженное поле. Пепел.

Хватит врать себе, Полина, ты уже влюбилась. Нельзя предотвратить свершившееся. Откреститься от собственных эмоций.

— Я не буду, слышишь. — И снова он так близко, и глаза в глаза. И дыхание сбивается. И я дрожу, а он обнимает, гладит по щеке, стирая слезы. — Не буду, маленькая...

Оковы, о которых говорил Эрик, стали мешать. Сдавили грудь, лишая воздуха. А потом испепелились под его взглядом, и я освободилась. Громко вдохнула, обняла его и потерялась в его дыхании. Казалось, он дышал за нас двоих, а я только и могла, что цепляться за него, позволяя рулить. И вот я снова лежу, и он лежит, а руки судорожно срывают одежду, которая вдруг стала ненужной, мешала. Ладони пылают, жила откликается, и я ныряю в огненную, обжигающую лаву.

Хотелось чувствовать. Безумно. И я чувствовала. Прижималась, касалась его тела, неприлично громко дышала и, кажется, пыталась что-то говорить. Не помню.

Помню синий — везде. И нас в этом синем, на смятом покрывале, в серебряном свете ночных ламп.

Пальцы переплелись, жила натянулась. Черт, вот оно — ожидание блаженства! Вот как бывает, когда двое сливаются в одно, и даже слова не нужны.

Но слова все же были. Вернее, одно слово.

— Хочешь?

Взгляд серьезный, тревожится. Разве ты не чувствуешь, мистер «я читаю мысли»?

— Хочу...

Его пальцы сжимаются. Я выгибаюсь навстречу, и он заполняет меня, а вместе с ним вены врывается волшебный карамельный кен, стирая рамки напрочь. Обнаженная кожа сверкает, искрится, и вот я уже сама открываюсь. Делюсь. Без страха. Без сожаления. Отдаю беру, снова отдаю. Наш кен соединяется там, где соприкасаются ладони, и я проваливаюсь в наслаждение с головой.

Я зажмурилась, теряясь для мира, теряя мир в себе. На грани удовольствия и безумия. Но Эрик всегда одной ногой за гранью...

— Нет, малыш, не закрывай глаза, — прошептал он. — Смотри на меня...

Я подчинилась. Глаза в глаза — еще ближе, чем так, как было. Еще острее, еще чувственнее. И вот мы уже проваливаемся, но вместе. Нет границ, и, кажется, я сама умею читать мысли. Эрик и не скрывал...

Я долго лежала на спине, пытаюсь отойти. На меня спокойно смотрел потолок и чуть-чуть — окно, по которому показывали зиму. Мягкую, холодную, вьюжную. Почему-то вспомнилась сказка о снежной королеве, и Эрик представился Каем, собирающим слово «вечность» из льдинок. Ненужное, нелепое задание. Как и его кан.

Нет, Эрик не был Каем. Он теплый. Близкий. Дающий любовь, но не умеющий любить. Разве такое возможно? Или просто он умеет, но по-своему. Не привязываясь, окунаясь в наслаждение, но не завися от него. Совершенно свободный. А я? Я так сумею?

Впрочем, все когда-то кончается, даже жизнь. Ведь, по сути, жизнь — лишь отрезок времени, у кого-то он короче, у кого-то длиннее. У нас с Эриком тоже есть свой отрезок, так зачем сомневаться? Нужно его просто прожить.

Я была уверена, что вернусь в прежнюю жизнь, и воспоминания об этой близости будут согревать меня холодными одинокими ночами. Да, определенно, я вернусь. Но уже никогда не стану прежней.

— Ты далеко... — задумчиво произнес Эрик.

— Что?

— Мыслями ты далеко отсюда.

— Эй, ты обещал! — возмутилась я.

— А я ничего и не делал. По лицу вижу.

Я вздохнула.

— Думаю о жизни. О своей, в частности.

— Вернешься в атли? Потом?

— Не могу, ты же знаешь. Мишель...

— К черту, древнего! — со злостью перебил он. — Чтобы охотник указывал нам, что делать! Зубы обломает. Это не самая большая проблема, малыш. Если захочешь — вернешься, обещаю.

— Не уверена, что хочу, — скептически ответила я, укладывая голову ему на грудь. Его сердце стучало спокойно и размеренно, рука ласково поглаживала мои волосы, горячая кожа дарила тепло. Не хотелось говорить об атли, о проблемах, только лежать, дышать и наслаждаться. Ведь таких моментов больше может и не быть.

— Знаешь, ты права, — задумчиво произнес Эрик. — Не думаю, что нам сегодня нужно говорить об этом. Вообще о чем-то говорить...

Невообразимый экстаз от восхитительных ощущений, от обмена кеном вскружили мне голову. В конце концов, я смогу вернуться к проблемам завтра. Рядом с Эриком не нужно бояться и переживать, можно просто расслабиться и жить.

Жила ли я когда-нибудь? Не помню. Если и жила, то давно, когда еще не знала об атли, о том, что я — сольвейг, и на меня охотится злобное древнее существо.

А потом, когда он уйдет... впрочем, что сейчас об этом думать? Потом и подумаю.

Уснули мы лишь, когда рассвет окрасил небо серыми красками.

А утром был кофе и завтрак, наспех приготовленный из доставленных продуктов. Омлет и гренки. Улыбки, объятия, шепот на ухо, тихий смех. И карамель, которой пахла моя кожа. Наверное, Эрик тоже пропитался мной, но я этого не ощущала. Возможно, свой кен невозможно почувствовать, а может, его кен просто был сильнее, насыщеннее, глубже.

Какая разница?

Мы долго говорили: о его прошлом, о куче племен, которые он объездил, чтобы найти меня, а в итоге нашел дома, в родном городе. О тайном мире, где он прожил почти два года со жрецами древних богов, древнее, чем наши. О знаниях, которые там получил, новых способностях — исцелять и читать мысли. О том, как его держали там насильно, не разрешая уйти. Именно из того мира пришла женщина из видения. Именно ее нам предстояло одолеть.

И я знала: у нас получится. Если я куда-то и отпущу Эрика, то в кан, в который он так хочет. И уж точно не отдам какой-то там мегере, прилетевшей без приглашения. Потому что в этом мире он только мой.

А после завтрака мы снова отправились в спальню.

Эрик поцеловал меня, смывая меланхоличные мысли новыми, неизведанными до конца ощущениями. Поздно печалиться, да и стоит ли, когда так хорошо? Я улыбалась, глядя в его прозрачные глаза, ловила ответные улыбки и понимала, что тоже люблю синий. Глубокий, как сам хозяин комнаты, в которого я окончательно и бесповоротно влюбилась.

Глава 15. Гнев Марка

Вернувшись после пробежки, я рухнула на кровать. Бегать с Эриком было невыносимо трудно: когда я уже выплевывала легкие и умирала от боли в боку, он готов был бежать и бежать. Невероятно выносливый, аж зависть берет!

После этого у него еще хватало сил на качалку, в то время как я буквально падала с ног.

Я улыбнулась, вспоминая прошлую ночь. И позапрошлую, и ту, что была до нее... Неделя прошла, а я все так же счастлива. Как же долго я не позволяла себе этого — отпустить себя, свои желания. И вот отпустила. Освободилась. Лежала и слушала ритмичный скрип тренажеров в спортзале и представляла Эрика — разгоряченного, в мокрой майке, с выбившейся из хвоста прядью.

Моего Эрика...

Я села и открутила пробку бутылочки с отваром из травок Люсии. Тех самых. Знала, чертовка, что они мне все же «пригодятся»! Даже рецепт оставила: «Заваривать одна щепотка на чашка. Пить утром». Милая моя, заботливая Люсия. Как же хорошо, что я ее узнала! И Барта, и Дэна, и все племя сольвейгов. Весь мир теперь казался мне дружелюбным, светлым, радужным.

Эрик просунул голову в проем двери.

— Эй, ты чего расслабилась? Давай-ка в душ, потом быстро завтракаем и едем.

— Едем? Куда?

— А я не говорил разве? К атли.

Я прыснула, расплескав сладковатый, терпкий напиток.

— Куда?

— К атли, — невозмутимо повторил Эрик.

— Мне нельзя, ты же знаешь.

— Пока ты со мной, тебе можно все, — бескомпромиссно заявил он. — Привыкай.

И снова скрылся в коридоре. А я застыла на кровати, сжимая злосчастную пластиковую бутылку, пытаюсь осмыслить то, что он сказал. Ехать к атли? Сейчас? Зачем? Почему? Да и надо оно мне?

Эрик явно считал, что надо. Не зря же тянул меня с собой. Вот что ему мешает поехать одному, если уж так приспичило? Я с удовольствием подожду здесь, телевизор посмотрю или выплюсь — все равно по ночам он не дает. Спать ему вообще почти не нужно, и если не работает или не решает дела скади, Эрик требует внимания. Много внимания. Ему всегда и всего мало.

От этих мыслей по телу разлилась расслабляющая нега, и я вздохнула. И чего ему дома не сидится?

Мишель мне строго-настрого запретил встречаться с атли, а если послушаюсь, пострадает не только Влад, но и Андрей. Поэтому я никому, кроме Иры не звонила. Даже Глебу.

Я встала, прошаркала в душ. Эрик уже нежился под струями воды, за полупрозрачным стеклом душевой кабинки. Я решительно стянула одежду, сложила в корзину для белья, раздвинула створки и шагнула внутрь. Меня тут же окутало паром и древесным ароматом геля для душа. Эрик обнял, прижал к стене, поцеловал и потерся носом о мой нос.

— Не хочу к атли, — серьезно сказала я. — Не нужно злить древнего. Да и что мне там делать? Может, съездишь сам, если тебе так нужно?

— И кто у нас маленькая трусишка? — насмешливо поинтересовался он и принялся меня намыливать.

— Я не трусишка, просто... Давай позовем Глеба в гости, а остальных я видеть не хочу. Атли — прошлое, зачем беречь старые раны?

— В тебе кровь атли, — серьезно сказал Эрик, тщательно смывая с меня пену. — Нельзя этим пренебрегать.

Ох уж это отношение к крови. Подобострастное прямо. Чуть что — сразу кровь. А если я не чувствую себя больше атли? Что же голос крови молчит?

— Ты никогда не поймешь, хочешь ли вернуться, пока не придешь в тот дом, Полина. К тому же, я хочу кое-что проверить.

— Звучит зловеще, — нахмурилась я.

— Не бойся, проверять буду не тебя.

«А кого?» — хотелось спросить мне, но я не спросила.

Иногда он вел себя странно: мог подолгу смотреть на меня, не моргая, пока я ни начинала смущаться и спрашивать, что он во мне такого разглядел. Эрик задавал подозрительные вопросы, заводя разговор в какие-то дебри, а потом резко его обрывал. Словно пытался выяснить что-то обо мне. Странно, ведь мы достаточно откровенничали, и он мог позволить себе спросить прямо.

Но некоторые мысли он, видимо, решил оставить при себе. Да я и не допрашивала. Ни с кем и никогда, если, конечно, исключить Глеба, у меня не было настолько доверительных отношений. Не хотелось портить их подозрениями и допросами.

За завтраком Эрик был непривычно молчалив и сосредоточен. Уставился в планшет и хмурился, а я наблюдала за ним из-под полуопущенных ресниц и медленно пила кофе с молоком.

К атли не хотелось совсем. После случая с Тедом Влад наверняка еще злится, а еще я не в курсе, знает ли он о нас с Эриком. Если Даша посвящена, то знает наверняка. Говорил ли Эрик Даше?

В общем, с Владом я была решительно не готова встречаться, да и остальных видеть не горела желанием, но Эрик был настойчив в своей просьбе, и расстраивать его не хотелось. Вообще, никогда и ничем.

Весна победила зиму. Звенела ранней капелью, плескалась слякотной жижей под ногами, чирикала оживившимися воробьями и светила теплым солнышком. В общем, началась точно по календарю — в начале марта.

Мы вырулили из ухоженного дворика, и Эрик включил музыку. Ту, которую я никогда не понимала и которую постоянно слушал Глеб — грохочущую, клокочущую, звенящую и будоражащую нервы. Впрочем, Эрик и сам был таким — громким, настойчивым, бескомпромиссным.

В дороге он весело и непринужденно говорил со мной, а я отвечала невпопад и смотрела в окно. В груди нарастала тревога, собиралась в огромный снежный ком и кололась. И когда мы въехали в знакомый, ставший таким чужим двор атли, сердце готово было вырваться и гулко стучало, отдаваясь неприятным шумом в ушах. Эрик, похоже, не замечал моего смятения. Вышел из машины, помог выбраться мне и, крепко стиснув мою ладонь, направился к дверям.

Нырять в холодную воду лучше сразу с головой. Вот я так и вошла катли — почти зажмурившись, в предвкушении холода и отчуждения. Но ничего этого не было. Нас встретила гостиная — величественная и светлая, пропитанная запахом цитрусов и кофе. Казалось, я попала в какое-то Зазеркалье — окунулась в знакомую и совершенно сюрреалистичную обстановку: необычно приветливые атли, почти в полном составе, вскочили со своих мест и несмело улыбались.

Кирилл — ласково, Лина — испуганно, Лара — скучающе, Альфред с Олей — абсолютно искренне. Они окружили полукругом журнальный столик, на котором дымился свежеприготовленный кофе, и, как солдаты, готовы были отразить наступление врага.

Врагов не было. Были мы с Эриком. Он — как всегда, громкий и уверенный, и я... просто я. Наполовину спрятавшись за его спиной, мялась на пороге.

Рита с натянутой улыбкой подошла сразу. Без слов обняла меня, опьянив приторно-сладким ароматом дорогих духов, крепко сжала в объятиях и прошептала на ухо:

— Привет!

— Привет... — поздоровалась я и тревожно покосилась на Влада. Он стоял у каминной полки, руки в карманах, абсолютно расслабленный, и смотрел прямо в глаза. — Как вы тут?

— Все как обычно, — пожала плечами Лара и оправила кричаще-красную юбку-карандаш. Как всегда, ослепительная, с идеальной укладкой, макияжем и маникюром. — Привет, Эрик.

— Все плохо без тебя, — жалостливо пискнула Рита и замолчала, поймав предупреждающий взгляд Влада.

Да уж, накал страстей в разгаре. И зачем только Эрик меня притащил? Кого хотел проверить, если не меня? Влада? Дашу? Так ее как раз не наблюдалось...

Пока я сквозила взглядом по превратившимися за недолгое время в чужих атли, Эрик успел со всеми поздороваться и перекинуться парой слов. Невероятно позитивный, самоуверенный и жесткий. Не то, что я — лужица у порога. Растаяла, как и зима на улице, медленно превращаясь в кашу из переживаний.

— Где Глеб? — спросила первое, что пришло в голову. Хотелось сбежать, но если не получается, хотя бы оказаться в обществе того, кто мне по-настоящему близок.

— Наверху, — спокойно ответил Влад. — Спит, наверное. Ты же его знаешь.

— Пойду разбужу, — буркнула я и, ощущая на спине прожигающие взгляды, поднялась по лестнице.

В коридоре отдышалась. Ну вот, я и здесь. Ничего не случилось. Небеса не разверзлись, и оттуда не полился испепеляющий огонь. Мишель не ворвался в дом с криком: «Ага, попалась!».

Пока не ворвался. Эти визиты — игры с огнем, Эрик не может этого не понимать. Значит, специально меня сюда привез... зачем? Возможно, он вовсе не Влада хочет проверить? К тому же, сам Влад слишком уж спокойно отреагировал на наш приезд. Не удивился, не разозлился.

Знал? Чувствовал или...

Я покачала головой и решительно направилась к Глебу. Если Эрик привез меня сюда, уверен, что нам ничего не будет, значит, нужно ловить момент. Неизвестно, когда я снова увижу друга.

Он, и правда, спал. Развалился поперек кровати, сбросив подушку на пол и подмяв по себе одеяло. Одна рука трогательно подпирала щеку, а волосы разметались по простыне.

Милый мой, недоступный Глеб. Нет, все же эта поездка того стоила! Ведь можно побыть у атли недолго и уехать. Охотникам вообще необязательно знать.

Я провела рукой по его волосам, освобождая сначала лоб, а потом и щеку. Разбудила. Глеб открыла глаза, несколько секунд смотрел на меня мутным взглядом, а потом вскочил:

— Польша!

— Привет, соня, — улыбнулась я. — Все интересное проспичь.

— Ты тут... как?

— Приехала с Эриком. Похоже, у вас все по-прежнему.

— Да что мы... ты вообще как? — Он сел на кровати и начал скрупулезно меня осматривать. Такой родной, в одной из знакомых футболок с яркими надписями, потрепанной и дырявой. — Жива хоть? Здорова? После того колдуна я реально испугался, Полевая!

— Да жива я, что мне сделается, — пошутила я. — Восстановилась вот, видишь.

— Ага, как же, — нахмурился Глеб, — восстановилась она. Творите там с Эриком чего хотите и остановить уже никто не может. Ну как оно, без тормозов?

— Не понимаю тебя...

— А что там понимать? Ты пахнешь Эриком, он — тобой. Много мозгов не нужно: сложить два и два.

— Глеб... — Я отвела взгляд и, кажется, покраснела.

— Ты не думаешь возвращаться? Никогда? Или это что — способ сделать Владу больнее? Тогда неправильный ты способ выбрала. Опасный. Сам-то Эрик уйдет, верно?

— Уйдет, — кивнула я.

— Он сильно изменился с тех пор, когда они жили здесь. И не уверен, что таким он мне нравится.

— С Эриком я в безопасности, понятно! — воскликнула я. — Его боится Герда.

— Ты поэтому с ним спишь?

— А ты почему спишь с Никой? — взорвалась я. — Экстрима захотелось? Давно с охотниками не общался? Я же молчу!

Глеб вздохнул. Я попала в точку. Не то, чтобы он смутился, но крыть было нечем, ведь каждое мое слово — прямо в яблочко. Обмены с Эриком отразятся только на мне, а вот если Мишель узнает, что Глеб прячет Нику, попадут все — он сам, атли, Андрей.

И словно материализовав мой самый страшный кошмар, за дверью раздался голос древнего:

— Я все равно должен его допросить. Похищение ясновидца — не шутки.

И деланно спокойный, но насквозь пропитанный фальшивой уверенностью ответ Влада:

— Наверняка это ошибка. Измайлов вообще почти не питается. И на ясновидцев ему плевать.

Я перевела испуганный взгляд на Глеба. Сердце поднялось к горлу и билось там раненым зверьком, а позвоночник сковало диким, оглушающим страхом.

Если Мишель узнает, что Глеб прячет Нику, тут даже я не смогу помочь. Никто не сможет. Его просто убьют.

А через секунду дверь распахнулась, и на пороге появился охотник.

Я даже сразу не поняла, что попалась. Наверное, в тот момент я думала лишь о Глебе и о его безопасности, потому что когда Мишель вошел в спальню, я смотрела на него со злостью, а вовсе не со страхом.

Но в серых, ртутных глазах отразилось удивление — высшая его степень. Древний явно не ожидал меня увидеть здесь, да и с чего бы — я же обещала. Поклялась не общаться с атли! Ни с кем из них. Никогда. И так глупо попалась.

Говорила же Эрику, а он... Да что теперь ругать его мысленно? Нужно придумать правдоподобную отмазку, причину находиться у атли, которая могла бы перекрыть нарушенный обет.

Причина решительно не хотела придумываться. Под испытывающим взглядом Мишеля мысли превратились в кашу, скисли. Я только и могла, что сидеть и смотреть на охотника, не моргая, понимая при этом, что крепко сжимаю руку Глеба.

Похоже, попали мы оба. А еще Влад и Андрей. И атли. Черт, черт, черт!

— Так-так, Полина, — вальяжно протянул Мишель, входя в комнату уже полностью, оставляя безопасность и покой где-то за порогом. — Оказывается, ты совсем не умеешь держать слово.

Он покачал головой и сложил руки на груди. Неожиданно высокий, властный — настоящий смотритель города. Марк шагнул за ним, даже позволения не спросил. Впрочем, ему оно не нужно, он же палач. Считаю продолжение самого Мишеля — немая тень, исполнитель грязных поручений, кара для хищных.

Влад тоже вошел. Дверь не прикрыл, встал у окна и смотрел на нас с ярко выраженным безразличием. Играет? Неужели совсем не боится? От неожиданности страх потерял или настолько хорошо держит себя в руках? Похоже, держать себя в руках в спальне Глеба получалось только у него, остальные не озаботились сокрытием собственных эмоций. Мишель явно ликовал, словно все это время только и ждал, когда я сорвусь и побегу к атли. Марк злился, множил эту злость и готовился убивать. Я слишком хорошо изучила охотников, чтобы отличить тех, кто был против существующей системы. Марк, как и Бен, любил убивать и, наверняка, считал благодать даром богов.

Глеб побледнел и вцепился в мою ладонь, как и я — в его.

— Я просто... я... — выдохнула я и замолчала. Что говорить, совершенно не знала, а с перепугу могла еще и усугубить. Посмотрела на Влада, закономерно ища поддержки, как и раньше, когда еще была атли. Глупая Полина, думала, все изменилось, ты сама изменилась, а что в итоге? Неожиданно все стало, как прежде, и я превратилась в прошлую себя — испуганную и растерянную.

— Тогда какой резон мне держать слово? — убийственно продолжил Мишель, и его тихий голос стелился по паркетному полу, поднимался по стенам грядущим приговором. — Кстати, мой палач сегодня здесь. Какая удача.

— Я же ушла, — тихо произнесла я. — Как и обещала. Я больше не атли...

— Ты обещала кое-что еще, не помнишь?

— Кстати об этом — абсолютно глупое требование, — раздался со стороны двери спокойный, уверенный голос. Эта уверенность ворвалась в комнату, стерла пугающие остатки слов древнего, окутала нас с Глебом ореолом неприкосновенности.

Эрик вошел, хищно взглянув на Марка, и снова перевел взгляд на Мишеля. Древний, казалось, сразу стал меньше ростом, с лица стерлось язвительно-злое выражение, охотник приосанился и смотрел теперь только на вождя скади.

Вот тебе, получи! Эрик так разговаривать с собой не позволит, неприязнь скрывать не станет. С ним придется считаться.

Хотя я все равно не понимала, как он все разрулит. Все же это мое обещание, и к Эрику

никакого отношения не имеет.

— Впрочем, сама просьба об изгнании выглядит подозрительно, — продолжил вождь скади, вальяжно проходя по комнате. Дотронулся до гитары Глеба, задумчиво повертел в пальцах медиатор. — Можно поинтересоваться, чем она была вызвана?

— Эта просьба никоим образом не касается скади, — сдавленно ответил Мишель. — Это между мной и атли.

— Полина больше не атли, — твердо сказал Эрик и снова переместил взгляд на охотника. Один из тех пугающих взглядов, которые он иногда позволял себе в разговорах о новой власти.

Занавеска качнулась — Влад присел на подоконник и улыбнулся уголками губ. Наблюдал и наслаждался унижением Мишеля? Изучал? Готовился?

— Но она и не скади. — Мишель склонил голову набок и отступить явно не собирался.

— Полина — моя женщина, а это одно и то же.

Я громко выдохнула и придвинулась к Глебу. Ситуация, которая складывалась в его спальне, мне ни капельки не нравилась. Ни то, что я снова была вовлечена в разборки с охотниками, ни то, что говорил сейчас Эрик. Впрочем, поделаться я все равно ничего не могла. Сидела и слушала молча. Со всеми, кто тоже молчал.

— Вот как? — удивился Мишель. — И давно?

— Не имеет значения.

— Как смотритель Липецка, я...

— Как смотрителю Липецка мы должны сообщать тебе о ритуалах, связанных с изменением сущности своих людей! — громко перебил Эрик. — Венчаться мы не собираемся, остальное — не касается охотников.

Мишель молчал и смотрел на него с яростью. Дышал тяжело и громко, но радости его злость мне не принесла. Зачем Эрик его злит? Ведь мог бы договориться дипломатично. Но ему всегда нужно лезть на рожон.

Сам Эрик, похоже, вообще не расстроился. Подошел и положил руку мне на плечо. Удивительно, как успокаивает одно его присутствие. Интересно, это из-за обмена кеном или потому, что он — единственный в этой комнате, кто совершенно не боится новой власти?

А вот Влад, казалось, злился не меньше Мишеля. Он, конечно, умел скрывать эмоции, но я-то знала...

Ах, Эрик, похоже, не один ты тут устроил проверку. Похоже, у Влада есть своя, и мы ее не прошли.

— Рад за вас, — сдавленно произнес Мишель. — Но дело в том, что у нас с Полиной своя договоренность. Она не может здесь находиться.

— Да, конечно, я совсем забыл. Она говорила. Но дело в том, что мне срочно нужно было увидеться с Владом по делам, а оставить девушку одну после того, что произошло, не мог. Так что к атли она приехала исключительно по моей вине. Кстати, ты не находишь странным, что после вашей... хм... договоренности, на Полину уже дважды покушались? Как думаешь, с чем это связано?

— Что?! — Мишель даже растерялся от такой наглости. Эрик же его буквально обвинил. Прилюдно. Черт, что же ты делаешь-то? Мне теперь и за тебя переживать, что ли? — Ты на что намекаешь?

— Напекаю? — деланно удивился вождь скади. — Это был просто вопрос. Видишь ли, девушка дорога мне, к тому же атли со скади тесно общаются вот уже несколько поколений.

Я не могу стоять в стороне, вот и перестраховываюсь.

— Ты выяснил, кто на нее покушался? — Мишель явно был недоволен, но злость умерить сумел.

— В процессе. Но пока не выясню, придется везде ее с собой брать. В том числе и к атли.

Мишель послал мне один из самых испепеляющих взглядов а-ля «рано радуешься» и сдержанно кивнул.

— Только если с тобой.

— Поверь, без меня она вряд ли где-нибудь появится в ближайшее время. Так что привело вас к атли в такую рань? Позавтракать приехали?

— Из местного клана пропала ясновидица с особым даром, Вероника Малинина. Поговаривают, ее видели со зверем... то есть с хищным в тот вечер, когда она пропала. По описанию этот хищный походит на Глеба Измайлова, вот мы и приехали выяснить. И раз уж мы тут говорим о привязанностях... — Мишель многозначительно взглянул на своего палача. — Вероника дорога Марку.

Я сглотнула. На Глеба смотреть боялась. Я вообще боялась на кого-либо смотреть, чтобы не выдать его. Если Мишель узнает, что Нику прячет именно Глеб, никакие речи Эрика не помогут. Древний просто убьет Глеба!

Марк, к слову, выглядел в тот момент намного воинственнее Мишеля — сжал кулаки и покраснел, отчего его лицо стало еще более страшным, а бледные голубые глаза неестественно выделялись на нем и стали похожи на демонические.

— Думаю, Влад Вермунд не будет скрывать виновного, — спокойно сказал Эрик и несильно сжал мое плечо. Погладил по спине, как бы успокаивая. Как бы говоря: не переживай, я все решу. — Но при всем уважении, есть ли доказательства, что ее похитили? Возможно, она просто сбежала. Молодые девушки — такие ветреные.

— Да ты вообще что несешь, зверь?! — не выдержал Марк и подался вперед, но Мишель знаком остановил его.

— Ника пропала в день суда над Владом. В последний раз ее видели в штабе охотников. Полина, насколько я знаю, ты приезжала туда именно с Глебом, не так ли?

— И что это доказывает? — ответил за меня Эрик, слегка надавливая мне на плечо, чтобы молчала. Окей, молчу. Я вообще не знаю, что говорить.

— Ничего. Я просто хочу все выяснить, Эрик, — спокойно парировал Мишель. — Для этого и приехал.

— Так давай спросим самого Глеба. — Вождь скади повернулся к нему и спросил: — Ты похищал Веронику Малинину, Глеб?

— Нет, — хрипло ответил Глеб, — не похищал.

— Ну, вот все и выяснилось, — улыбнулся Эрик. — А чтобы приходить с такими обвинениями, правильнее обзавестись неопровержимыми доказательствами. А то, знаешь, выглядит как-то непрофессионально.

— В следующий раз так и поступлю, — едко огрызнулся Мишель.

— А теперь, может, обсудим наши дела в кабинете? Влад распорядится на счет кофе, и мы спокойно поговорим. Не будем смущать Глеба и Полину разговорами о высокой политике.

Мишель бросил в мою сторону еще один злобный взгляд и резко вышел. Марк последовал за ним, а Влад соскользнул с подоконника.

— Браво, отличная постановка! — язвительно прошипел он и вышел.

Ну вот, кажется, кого могли, мы разозлили. Замечательно провели время, ничего не скажешь.

— Развлекайся, — ничуть не смутившись, бросил Эрик, погладил меня по голове, покинул комнату и прикрыл дверь.

— Фига се! — выдохнул Глеб и почесал макушку.

— Ага... — добавила я.

— Круто Эрик его уделал!

— Мы чуть не попались. Ты чуть не попался! Глеб, надо что-то делать с Никой. Понимаю, она тебе дорога, возможно, ты влюбился, но... какой ей прок будет от тебя мертвого? Теперь Мишель ни за что не пойдет на сделку, даже если я ему золотые горы пообещаю. И Марк еще этот... они что, встречались? Ну, с Никой?

— Если это можно так назвать, — хмуро буркнул Глеб. — Он ее хотел, и он — охотник. Ясновидцы еще в худшем положении, чем мы, Полевая!

— Мы с тобой ходим по краю, Измайлов. Может, стоит отпустить ее... на время. Ну, дай денег, пусть уедет. Думаю, Ника сама не хочет тебя подставлять.

— Не хочу ее бросать. Ей реально сложно, Полинка. Она ж с кланом своим не общается сейчас, а для ясновидцев это очень важно.

Я хотела что-то ответить. Какие-то правильные напутствия или что-то того. Посочувствовать, утешить. Но не успела. Дверь распахнулась, и на пороге возник Марк.

— У охотников отличный слух, — злобно прошипел он, и по спине у меня снова скользнул ледяной ужас. Палач перевел взгляд на Глеба и спросил: — Так, где ты ее прячешь?

Глава 16. Последствия обмена

Время остановилось. Замерло. Застыло, и мы с Глебом застыли в нем, как мухи в янтаре. Злость охотника накатывала волнами и, казалось, вот-вот собьет с ног.

Глеб все же выбрался из кровати. Потянул меня за руку, оттеснил к окну и спрятал за спину, словно мог таким образом защитить. Он не мог. Щупальца охотников не пугают преграды. А я их уже ощущала на своей жиле — цепкие, противные, искрящиеся яростью.

— Ты надоедливая, мелкая зверушка, — произнес Марк прямо мне в лицо. — Носятся с тобой, а ведь ты достойна одного — смерти. И если не мучительной и долгой, в нашем штабе, то быстрой и болезненной. Здесь и сейчас.

— Эй, полегче, — осторожно перебил его Глеб. — Я скажу, где Ника, только успокойся. Не знаю, блефовал он или нет, возможности проверить не было — Марк, похоже, отпускать меня не собирался. Сверкнул жуткими глазами и ответил:

— Конечно, скажешь. Уж ты-то поедешь на суд. А она, — он ткнул в меня пальцем, будто мало было смертельных щупалец на моей жиле, — сдохнет здесь.

Черт, он серьезно! Не пугает, не блефует. Он же... убьет меня здесь и сейчас.

Ужас, липкий, доводящий до паники, стер все сознательные мысли, оставляя одну — истеричную, громкую и пронзительную. Ее я и озвучила — во весь голос закричала:

— Эрик!

Наверное, кричала я не для того, чтобы он услышал — все равно не успел бы. Есть такие ситуации, когда успеть просто невозможно — они происходят так быстро, что ты и подумать не успеваешь, не то, чтобы дернуться.

Марк рванул мою жилу, живот пронзила дикая боль, в глазах потемнело. Помню громкий всхлип Глеба, сизые стены и расширившиеся глаза охотника. Все, как в тумане. Ни вдохнуть, ни выдохнуть, словно кто-то невидимый перекрыл мне доступ кислорода.

А потом Марк пошатнулся. Еле заметно. Посмотрел вниз и с диким грохотом рухнул на пол — прямо на отполированный до блеска паркет.

— Твою мать... — тихо выругался Глеб и схватил меня за плечи, словно я тоже собиралась упасть.

Я не собиралась. Вопреки всем законам, стояла и оторопело смотрела на грузное, неподвижное тело Марка.

А потом появились все. Эрик, Влад, Мишель, даже Рита вбежала в комнату — не испугалась охотников, надо же! Кирилл запоздал ровно на две секунды, за ним в проеме двери испуганно мялся Альфред.

Ого, сколько спасителей набежало! А надо ли меня спасать?

Все застыли на местах, словно статуи, и только Мишель осторожно шагнул к Марку, подозрительно при этом на меня покосившись, присел и пощупал у охотника пульс.

Казалось, прошла вечность, прежде чем он снова поднял глаза.

— Он мертв.

Ощущение абсурда не покидало. Марк мертв? Но... как же? Разве не меня он только что... разве не я должна... Сразу вспомнилось, как Влад убил Бена в Венгене, и я перевела на него вопросительный взгляд? Но Влад на меня не смотрел — он, как и Мишель секунду назад, уставился на мертвого охотника и выглядел ошеломленно.

— Как ты это сделала? — строго спросил древний.

— Я? Я ничего не делала! — В подтверждение своих слов выставила вперед ладони, и с неосознанным удовольствием заметила, как Мишель слегка отпрянул. Да он меня боится! Боится, что я и его тут прикончу. Смету веничком в урну, и никто не вспомнит о грозном смотрителе Липецка. А ведь я могу, да.

— Он мертв, Кастелла. Как ты это объяснишь?

— Это меня тут чуть не убили! Твой охотник. Твой гребаный палач!

— Если не ты, тогда, может, это сделал Глеб?

— Никто его не убивал, — спокойно произнес Эрик, шагнул ко мне и обнял за плечи.

Тепло. Как же тепло и безопасно! Наверное, Эрик правильно сказал: не нужно мне от него отходить. Что-то покушения слишком участились — так мне до лета точно не дотянуть.

— Но если бы я был здесь, прикончил бы его собственноручно, — зло добавил вождь скади и замолчал.

— Объяснись, — сдавленно попросил Мишель.

— Он ведь пытался порвать ее жилу, что тут непонятного? Поэтому и погиб. И любой погибнет, кто попробует.

Влад поднял на нас глаза и почему-то побледнел. А я окончательно запуталась. Да и не хотелось мне в тот момент распутываться — вернуться бы в квартиру с синей спальней, залезть под одеяло и пить успокоительный отвар Люсии, пока не усну или хотя бы не отойду от шока.

— На ее жиле печать Арендрейта, — спокойно сказал Эрик.

Это должно что-то значить? Что еще за печать такая? И когда я успела ею обзавестись? И почему, черт побери, охотник мертв, а я жива, хотя должно быть наоборот?!

— Очень полезное умение для зверя — ставить такую печать, — сквозь зубы процедил Мишель. — Ты делился с ней кеном?

— Да, — невозмутимо ответил Эрик.

— Насколько я знаю, это не поощряется в вашей общности для не венчанных пар.

— С моралью мы как-нибудь разберемся сами.

— Мне-то что? — пожал плечами Мишель. Казалось, ему сейчас совсем не до нас. Конечно, теперь придется объяснять случившееся Альрику...

Черт, Альрик! Только его тут не хватало для полного счастья. Наверняка ведь придет посмотреть, что с нами стало. А еще и Влад так смотрит, что во мне скоро дырка образуется.

Не нужно было приезжать! Мало было проблем — еще порция добавилась. Волна неприятностей, даже, можно сказать, цунами. Так и норовит утопить.

— Я хочу... уйти, — сдавленно прошептала я, уткнувшись в грудь Эрика. Не хотелось разборок, осуждающих взглядом, наставляющих на путь истинный разговоров. Надоело! Сама решу, что делать и как распорядиться своей жизнью и кеном.

— Подожди внизу, — мягко ответил Эрик, отстраняясь. — Нужно кое-что обсудить со смотрителем.

Я послушно вышла, опустив в глаза и ни на кого из присутствующих не глядя. Закрыла за собой дверь спальни Глеба и немного отдышалась в коридоре. Слишком много всего навалилось: приезд к атли сам по себе сложное событие, а тут еще Мишель, Глеб, Ника. Убитый охотник. Получается, всякий, кто попытается порвать мою жилу, умрет? Что за способности такие и откуда они у Эрика? Чему еще его научил Арендрейт?

А ведь несколько лет назад я считала, что рассказы об ар — только легенды. Что

никаких Первых не существует и никогда не существовало, а оказывается... Оказывается, все правда? Но тогда боги, создавшие хищных, получается, тоже есть. Или нет?

Что-то я запуталась совсем.

Не знаю, как я забрела в ту комнату. Нет, она уже не была моей — я из нее выветрилась, меня выскребли пылесосом и новым освежителем. И хотя видимость моей она оставила, но для меня уже была именно «той комнатой».

Чистая, ухоженная, словно ждала, когда кто-нибудь в нее вселится. Ждал ли Влад, что я вернусь, или хранил ее, как память о прошлом? Эрик уверен, что я все еще атли в душе, а я... Я уже ничего не знала. Девушка, одной ногой в прошлом, второй — в неизвестном будущем, так и не прижившаяся среди сольвейгов, но взявшая от них силу. Хищная с печатью древнего жреца на жиле, живущая с мужчиной, которого полюбила, но который никогда не полюбит в ответ.

Были ли обмены кеном такими правильными? Что они оставят мне в итоге? И так ли неправ был Глеб, когда возмущался насчет наших игр? Ведь Глеб никогда не желал мне зла — он всегда в первую очередь думал о моем счастье, даже иногда в ущерб собственному.

Я прошлась пальцами по отполированному комоду, по листьям драцены в углу и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Я столько времени пыталась принять то, что я пророчица атли, и когда, наконец, приняла и полюбила, пришлось от этого отказаться.

На балконе было удивительно уютно. Всегда. Даже в то время, когда мы с Глебом, наполненные сомнениями, переминаясь с ноги на ногу, мерзли и разговаривали обо всем. Теперь мы даже не семья.

Нет, все правильно: и что я ушла, и что не завишу от Влада больше. Нужно подумать, а у атли это было бы невозможно. Вот провожу Эрика в кан и решу, что делать дальше.

Я вдохнула свежий, полувесенний воздух. Шок постепенно уходил, испуг растворялся в прохладном ветерке, холодившем щеки и ладони.

Дверь балкончика осторожно открылась, и рядом со мной появился Влад. Абсолютно естественно, словно просто зашел в гости, поговорить. Словно не было всех этих месяцев отчуждения, сомнений и ночных кошмаров, где он неизменно погибал.

На меня он не смотрел, взгляд был направлен вперед, где яркое весеннее солнце освещало освободившуюся от снега лужайку с начавшей пробиваться изумрудной травой.

Я молчала, ожидая, что он скажет. Почему-то не хотелось, чтобы он ругался — то ли слишком устала, то ли перенервничала, то ли просто решила оставить прошлое в прошлом и не ворошить его больше никогда.

— Я не стал ничего менять здесь, — тихо сказал Влад и провел рукой по гладким перилам. — Думал, наступит день, и ты вернешься. Все будет, как раньше.

— Как раньше не будет никогда, — устало ответила я.

— А как будет? Seriously, Полина, я хочу знать.

— Хотела бы я тоже знать. — Я потеряла виски. Начинала болеть голова — приступ мигрени я всегда чувствовала заранее, и эта обещала мучительные, безрадостные минуты. Пока Эрик не прикоснется и не прекратит боль.

— Я-то думал, у Эрика важная миссия, но на поверку она оказалась баловством с кеном, — со злостью выплюнул Влад.

— Это не так, но я не собираюсь оправдываться перед тобой, — ответила я тихо.

— Ты никогда об этом не заботилась, — усмехнулся он. — Чтобы оправдаться.

— А ты чего ждал? Что я до смерти буду тебе все прощать?

— Лучше простить Стейнмода, когда однажды он не сможет остановиться и убьет тебя.
— Не тебе судить меня. Или его. Кен Эрика только что спас мне жизнь.
— О, да он теперь герой! — ядовито воскликнул Влад.
— Ну, хватит! Не собираюсь это выслушивать! — Я повернулась, чтобы уйти, но Влад рукой преградил мне путь.

Его близость была неожиданно будоражащей. От нее хотелось сбежать, скрыться, спрятаться, чтобы... Чтобы что? Неужели Эрик прав, и кровь атли все еще говорит во мне?

— Подожди, — тихо попросил Влад. — Я не ругаться сюда пришел.

— Тогда почему делаешь именно это?

— Я много думал. И после того, как ты уехала, и после того, как вернулась. Я поступил жестоко, но лишь для того, чтобы ты жила. Мне ничего не нужно было больше. Ненавидь меня, ругай, хочешь — ударь, но живи. А то, что делаешь сейчас никак не безопасно.

— А Герда безопасная? Или мне ей улыбнуться, и она растает, как тот сугроб? — Я указала рукой на расквашенную, грязную снежную кучу в дальнем углу двора. — Не ты ли всегда учил выбирать меньшее из зол?

— Так это все из-за нее? Ты делаешь это, чтобы спастись от драугра?

— Не твое дело, зачем я это делаю! — отрезала я. — Ты давно утратил право меня о чем-то спрашивать. Тем более — требовать ответа. Сама разберусь.

— Ты тоже умеешь причинять боль, — выдохнул он и отвернулся.

— Хорошие учителя попались, — ответила я и покинула балкон.

На Эрика натолкнулась у выхода из спальни — буквально влетела в него и смущенно остановилась. Даже не знаю, что меня смутило. Словно я прежняя встретилась с собой настоящей, а Эрик проявил различия. Слабость и силу, мягкость и твердость, чувственность и черствость.

И мне вдруг стало невыносимо жаль утраченной наивности, до боли, до жжения в груди. К сожалению, некоторые вещи невозможно вернуть, симитировать, откопать в пыльных завалах памяти. Кое-что мы теряем навсегда.

— Я искал тебя внизу, — почему-то недовольно сказал Эрик. — Готова?

— Если время терпит, мне бы хотелось кое-что сказать Глебу. Мишель уже уехал?

— Минут пятнадцать назад. Только постарайся быстрее, разговор к тебе есть. — Он посмотрел куда-то поверх моей головы, и лицо его мне не понравилось. — Важный.

— Да, у меня тоже... — пробормотала я.

Глеба нашла все там же — в его комнате. Он сидел на раскуроченной кровати, полностью одетый и хмурый, как ливневая туча. Я вошла, тихо прикрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной.

— Он не отстанет, — мрачно сказал Глеб. — Древний. Теперь наверняка будет следить — и за мной, и за тобой. Не простит нам Марка.

— Знаю, — кивнула я. — У Ники все есть? Лучше тебе пока к ней не ездить. Вообще не общаться, даже по телефону.

— Написал ей в фейсбуке и попросил потом удалить сообщение. Она сильная — справится.

— Хорошо.

Голова болела все больше, и перед глазами уже плыли багровые кляксы.

— Влад говорил с тобой об Эрике?

— Дай ему волю, он бы сутками о нем говорил! — со злостью выдохнула я, понимая,

что во многом эта злость вызвана головной болью и к Владу никакого отношения не имеет.

Просто он такой человек, и мораль у него искаженная, а душа состоит из кривых зеркал. С этим ничего не поделаешь, нужно либо принять, либо забить. Горбатого могила исправит.

— А о том, что Эрик вытворял на заднем дворе рассказал?

— О чем ты? — насторожилась я.

— О двоих летающих чуваках с экватора. Ну или откуда они там взялись...

Я сглотнула.

— В шифоне?

— Ага. Так вот Эрик их прикончил прямо там таким же способом, которым ты мочила охотников на войне. А ведь Эрик точно не сольвейг! Так в чем разница, Полина? Между ним и Гердой? В том, что ты сама даешь ему кен?

— Они... мертвы? И женщина? — спросила я, опуская нелестное и неприятное сравнение.

Нет времени на разговоры о морали — Эрик прав, сами разберемся. А вот летуны интересовали невероятно. Ведь в видении они появились в моей квартире. Правда, мы там совсем не бываем сейчас. Наверное, они следили за нами. А Эрик, получается, убил их, используя мои способности? Как такое возможно? Ведь обмен не предполагает изменение сущности жилы — удовольствие и только.

— Ага, — кивнул Глеб. — Рассыпалась пеплом прям там. Можешь сходить и посмотреть сама.

Так вот о чем Эрик хотел поговорить — он убил людей из видения с помощью кена сольвейга. По иронии судьбы, это случилось в тот день, когда его собственный кен спас меня от охотника.

Знак? Предостережение? Опасность? Или доказательство того, что я все делаю правильно. Интуиция пророчицы молчала, а мозг вообще отказывался работать. Слишком болела голова, и усталость тяжелым грузом навалилась на плечи.

Я попрощалась с Глебом, но в душе поселился страх за друга, ведь он был прав — Мишель не отстанет, будет копать, и тогда... Тогда у меня практически нет шансов его спасти. Сомневаюсь, что у Эрика они есть.

В коридоре меня ждала Рита. Хмурая, напуганная, но непривычно решительная. Втянула меня к себе в спальню и захлопнула дверь.

Сегодня прям день воспоминаний — в каждой комнате дома атли побываю.

— Не делай этого больше! — выдохнула она с чувством.

— Не приезжать? — устало спросила я.

— Прекрати обмены. Пока еще не поздно, пока еще...

— Рита! — резко перебила я. — Давай не будем. Твое отношение ко мне и Владу давно известно. Не думаю, что ты вправе советовать мне после того, как всегда принимала его сторону. У меня есть собственная, и со своей жизнью я как-нибудь разберусь без тебя.

Знаю, прозвучало грубо, но ей богу, достали уже нравоучениями. И если к словам Глеба я, возможно, прислушаюсь, то Рита никак не входила в круг лиц, мнением которых я дорожила. И сестрой она мне, по сути, никогда не была. Так, одна кровь... Душевной близостью между нами и не пахло.

— Влад тут вообще не при чем. Разбирайтесь сами, я не буду лезть. Но эти обмены... Он ведь уйдет, так ведь? Бросит тебя? Ты и представить себе не можешь, как тебе потом будет больно!

— А ты, значит, можешь? — скептически спросила я, сложив руки на груди.

Рита побледнела, глаза лихорадочно горели, а подбородок едва заметно затрясся. Казалось, она вот-вот разревется.

— Филипп, — вздохнула я и присела на кровать. Вспомнилась забитая женщина — Аделаида — и заискивающий взгляд бывшего жреца атли. Ну как его можно любить?! — Извини.

— Ничего. — Рита решительно вытерла слезы. — Не повторяй моих ошибок.

— Эрик — не Филипп. И у нас все по-другому. Он мне ничего не обещал, я — ему. И знаешь, мне комфортно. Никто не насаждает, не требует, не давит. Я в безопасности. Думаю, некорректно сравнивать.

— Кену все равно, Поля. Он заполняет тебя, меняет изнутри, делает слабым. Как наркотик. Сейчас тебе хорошо, головокружительный секс, близость, но отними это, и что останется?

— Я. Я останусь.

Она покачала головой и горько улыбнулась.

— С каждым разом тебя будет оставаться все меньше, а его в тебе — все больше. И однажды ты перестанешь различать свои желания и его, потеряешься в нем, а когда он бросит тебя, сломаешься.

— Эрик не бросит меня, — резко ответила я. — Он уйдет. Это разные вещи.

— Когда это случится, ты поймешь, что это одно и то же. Я не знаю, от чего это зависит — от того, что его кен в тебе, или от того, что часть тебя будет долго жить в нем. Очень долго ни с одним мужчиной ты не сможешь...

— Для этого не нужен обмен. Достаточно полюбить.

— Не обижайся. Просто подумай. О большем я не прошу.

По дороге в Липецк мы молчали. Эрик хмурился и сосредоточенно вел машину, а я смотрела на наползающую на небо снеговую, тяжелую тучу. Рано радовалась весне, зима так просто не отступит. Будет бороться — свистеть промозглым ветром, бросаться мокрым снегом в лицо, злиться и выть.

О неизвестных летунах Эрик так и не сказал — наверное, ждал, когда приедем. Я тоже эту тему не затрагивала. Думала о словах Риты. Почему она вот уже много лет не может забыть Филиппа, а он даже не вспоминает о ней? Разве обмен кеном не должен иметь двустороннего влияния? Влад вон с Ирой обменивался... Интересно, скучает ли он? Есть ли ему дело до жены, которая его покинула? А ей? Почему она все еще в Москве? Думает ли возвращаться?

— Ты подавлена, — сказал Эрик, помогая мне выбраться из машины. С неба посыпалась крупа — мелкая, густая и колючая. Я повыше подняла воротник, прячась от противного снега. — Расскажешь, почему?

— Ты не сказал мне, зачем мы едем к атли, — обиженно ответила я.

— Ты не спрашивала, — пожал он плечами и толкнул тяжелую дверь подъезда. В помещении было уютнее, но зудящая фоном неуверенность не отпускала.

— А если бы спросила, сказал бы?

— Конечно. Я не намерен играть с тобой в игры, Полина. И хочу сделать все, чтобы тебе было комфортно... потом.

Я вошла в лифт и прислонилась спиной к стене. Голова уже буквально раскалывалась, и я подумала, что будет несправедливо, если меня настигнет новое видение. Казалось, я его не

переживу.

— У атли мне было некомфортно. Марк чуть не прибил меня, да и Мишель теперь не отстанет. Смотрителю явно не понравилось, как погиб его палач.

— Ты не умрешь, — уверенно парировал Эрик. — А с древним я разберусь. Я покачала головой.

— Не шути с ним, пожалуйста. Мишель очень хитрый, да и Альрик его ценит.

Эрик высокомерно усмехнулся и приобнял меня за плечи.

— Сколько у Альрика древних? Около двадцати? Уверен, он пожертвует одним за парутройку полезных навыков. — Он заглянул мне в лицо, и взгляд стал тревожным. — Что такое? Тебе плохо? Так сильно испугалась?

— Голова болит, — буквально простонала я.

— И молчишь! — пожурил он. — Сейчас помогу.

Мы вышли на лестничную площадку, и Эрик, ловко удерживая меня одной рукой, открыл дверь.

Внутри снова окутало ощущение безопасности и покоя. Интересно, это потому что защиту на квартиру ставил Эрик, а во мне его кен? Теперь ведь и не поймешь... Может, действительно, не стоило поощрять обмен, а то от любви крышу снесло? У меня в этой области опыт большой...

Эрик закрыл дверь, прислонил меня к стене и положил ладонь на лоб. Ощущение накрыли с головой — знакомые, но теперь такие пугающие. Желание близости и нежность. В груди разлился жар, а жила тут же натянулась, требуя привычных ласк.

— Не надо... — Я попробовала отстраниться, но Эрик сжал меня еще крепче, его дыхание запуталось у меня в волосах, а хриплый шепот окончательно лишил воли:

— Стой спокойно.

Постепенно боль уходила, а тело расслаблялось, наливалось легкой негой усталости. Я и не заметила, как оказалась на кровати, вместе с Эриком. Он так и не выпустил меня из объятий, словно я была дорогой вазой, и он боялся меня разбить.

— Лучше? — спросил все так же тихо, хотя наверняка понимал, что боли больше нет.

Я кивнула. В глаза ему смотреть почему-то не могла и подумала, что атли каким-то образом умудряются отравить все хорошее, что есть в моей жизни. Еще утром я была безмерно счастлива, а теперь боюсь этого счастья, словно оно может обжечь. Наверное, у того дома, правда, аура такая. Или у людей, что в нем живут.

— Я сегодня сжег тех, кто явился тебе в видении. Значит, вот так дерутся сольвейги? — поинтересовался Эрик, не сводя с меня странного взгляда. — Испепеляющим кеном из ладоней?

— Да, так и дерутся.

— И многих ты убила?

— Одного древнего, что пришел за атли и нескольких охотников во время войны. — Я помолчала немного, а потом добавила: — Не думаю, что нам стоит обмениваться дальше, Эрик.

— Из-за него? — Во взгляде был холод, а в голосе — сталь. И вид такой требовательный, напряженный.

— Из-за кого? — не поняла я.

— Из-за Влада, из-за кого же еще! — Он резко выпустил меня и откинулся на спину. Смотрел в потолок, не мигая, и явно злился.

— Причем тут Влад? — опешила я.

— Он умеет громко думать.

— Я не... Эрик! — возмутилась я. А затем невольно улыбнулась. — Ты что же, ревнуешь?

— Не знаю значения этого слова, — буркнул он, все так же глядя вверх.

— Ты злишься. На меня и Влада. Потому что он думал что-то обо мне, верно?

— Злюсь, — кивнул он и повернулся ко мне. — А ты думала о нем?

— Нет, — честно призналась я.

— Тогда почему не хочешь меняться со мной больше?

— Боюсь. Ты уйдешь, а я... Думаю, потом мне будет плохо. Обмен предполагает связь, так ведь? И не ты ли сам говорил мне, что не стоит настолько сближаться? Что не хочешь меня обижать...

Эрик тихо рассмеялся и провел большим пальцем по моей нижней губе. Ну вот зачем он так? Я же сразу перестаю соображать — тепло поднимается к затылку, плавит мысли, и они склеиваются, как восковые шарики.

— У меня в этом довольно большой опыт, малыш. Ни я, ни девушки, с которыми я обменивался, не пострадали.

— Уверен? А как же Нора?

Он отстранился и тут же посерьезнел.

— Откуда ты знаешь о Норе?

— Неважно. Я видела ее, и счастливой в тот момент она не выглядела. Думала, наверное, что я тебя знаю... Так с ней ты тоже играл в любовь? Спал с ней и обменивался?

— Я никогда не спал с Норой, — резко ответил Эрик. — И давал ей кен всего однажды, по вынужденной причине. А вот сейчас мне кажется, ревнуешь ты.

— Ревную, — призналась я. — Это нормально — ревновать тех, с кем спишь, с кем делишься кеном. С кем так хорошо, что...

Я замолчала и опустила глаза. Испытывая стыд за случайно вырвавшуюся фразу, за слабость, которую ощущала рядом с Эриком, за внезапно вспыхнувшую влюбленность.

— Не думаю, что у Норы что-то есть ко мне, — ласково произнес он и снова меня обнял. — В любом случае, я могу спросить ее прямо, и она ответит.

— Не можешь, — помотала я головой. — Она мертва. Герда ее убила.

Эрик на мгновение застыл, а потом крепче прижал меня к себе.

— Больше она не убьет никого, можешь мне поверить.

Поверить хотелось. А еще хотелось верить в то, что Нора ничего не испытывала к Эрику из-за кена. Что блеск в ее глазах был связан с другими эмоциями, или она влюбилась потому, что Эрик просто клевый.

Но маленькая червоточина, которую зародила в моей душе Рита, росла и множилась новыми сомнениями.

Возможно, обмен действует лишь на тех, кто любит? Рита страдает по Филиппу, хотя он и думать о ней забыл. Ире тяжело вдали от Влада, а ему как с гуся вода. Нора ждала Эрика, а он вообще о ней не помнит, и весть о ее смерти не очень-то его и зацепила. Он больше переживает о Герде, чем о погибшей пророчице.

А может, обмен так только на девушек действует? Не зря ведь у хищных полигамия — возможно, таким способом мужчина может привязать к себе нескольких женщин.

В любом случае, для меня это опасная игра: я — девочка, и влюблена в Эрика.

Возможно, когда он уйдет, я умру от боли.

— Если не хочешь, мы перестанем, — осторожно сказал Эрик. — Но разве тебе было хоть раз плохо? К тому же мой кен помогает тебя защищать — для печати Арендрейта нужен мой кен. Для меня сейчас твоя безопасность превыше всего. Нужно разобраться с охотниками, драугром и узнать, кто тебя отравил. Когда мой кен в тебе, я чувствую тебя — твою радость, твой страх, твою боль. Смогу найти и помочь, в случае чего. Это даст тебе свободу действий — разве это не то, что ты так любишь?

— То, — прошептала я и уткнулась лицом ему в грудь. Было спокойно и хорошо. Не больно. Не страшно. И больше не сомнительно.

— Тогда позволь помочь.

— Хорошо.

Эрик обнимал меня, и я все больше убеждалась: свой опыт объясняет доходчивей, чем чужой. И хоть и говорят, что умные учатся на чужих ошибках, пока не прочувствуешь, не поймешь. А я так давно ничего не чувствовала! Вообще. Совсем.

Рядом с Эриком ожил мир, раскрасился яркими красками, зашевелился, разрумянился. Я проснулась от многолетней спячки, вышла на свет и увидела солнце.

И пусть потом будет больно. Одиноко. Холодно. Сейчас мне тепло, я счастлива, а значит, оно того стоит.

Глава 17. Видения и опасности

Эрик оказался прав — я была свободна. Пока он подолгу отсутствовал по делам скади, я наслаждалась жизнью: гуляла, ходила в гости, занималась спортом. Ни в чем себя не ограничивала. Отбросила страхи, стараясь только не светиться в людных местах, чтобы не попадаться охотниками на глаза.

Знала, что Мишель не забудет и не простит мне Марка. Мне и Глебу. И сомневаться в словах Эрика о том, что я нуждаюсь в опеке, считала глупым. Что, впрочем, не мешало мне подолгу сидеть у Вики и сплетничать. Говорить о жизни. О мужчинах. И, конечно же, о любви.

Теперь я могла говорить об этом, не таясь. Сбросив оковы, надевать их уже не хотелось. Казалось, Эрик ловким движением скальпеля вскрыл рану, и все скопившееся в душе — разочарование, тоска, боль, страхи, сомнения — вытекло. Слова полились сами — яростные, эмоциональные, резкие. Были слезы и смех, горькие улыбки, коньяк с лимоном, приглушенный свет кухонных ламп.

И одиночество — в этом мы с Викой похожи. Как в детстве — жались друг к другу, словно роднее никого не было, и делали вид, что все хорошо, что никто нам не нужен, а самодостаточность — величайшая ценность женщины.

Сейчас врать себе было сложнее и, если я могла замаскировать одиночество яркими отношениями с Эриком, то у Вики не было и этого. Я делилась с ней мыслями, переживаниями, просто эмоциями. И радовалась, что несколько лет назад, в один из осенних дней Глеб буквально заставил меня рассказать подруге об атли. О том, кто я, и что это за собой влечет. Сама бы я не отважилась ни за что.

Глеба с тех пор я видела дважды. Но оба раза — в квартире Эрика. К атли мы больше не ездили, я не просила, а сам Эрик казалось, забыл о важности крови.

Март плавно перетек в апрель, весна уже не крылась — звенела, чирикала, грела солнышком. Снег растаял, асфальт просох, девушки распустили волосы, надели короткие юбки, каблуки и яркие куртки. Жизнь возрождалась, просыпалась от спячки, как проснулась я — одним холодным февральским днем. Видения больше не досаждали, но, признаться, я каждый день со страхом ждала очередного, как события, обрезающего нить между мной и Эриком.

В тот день я не грустила. Погода была ослепительно прекрасной, растворяющей страхи и вызывающей улыбку.

Я приехала за вещами — все равно жила у Эрика, так что, можно сказать, имела право на полку в его шкафу, хотя шкафом огромную гардеробную назвать было сложно. Эрик не возражал, даже сам предлагал пару раз — ненавязчиво и осторожно. Словно боялся, что я снова испугаюсь и сбегу, а кан так и останется для него недостижимой целью.

Сбегать я не собиралась. Привязалась к нему. Любила в нем все: ямочку на подбородке, льдистые глаза, морщинку на лбу, когда он хмурился. Руки, которые обнимали по ночам, насмешливый взгляд. Уверенность. Сосредоточенность, когда он занимался делами и не знал, что я за ним наблюдаю. А я сидела, укутавшись в плед, на широкой кровати, накрытой темно-синим покрывалом, и любовалась им, как произведением искусства.

Наверное, мне нужен был идеал. Снова. Чтобы перекроить себя, поверить, что в жизни

есть не только боль и предательство. И вылечиться, наконец, окончательно.

В общем, однажды я поняла, что вещам место рядом с хозяйкой, а домой я еще не скоро вернусь. Да и весенний гардероб немного отличался от зимнего.

Родной подъезд встретил свеженьким ремонтом — запахом краски и шпатлевки, гладко отполированными перилами и вымытыми ступенями. На лестничной площадке я наткнулась на Мирослава. Он куда-то уходил, но, увидев меня, решил задержаться. Сказал, что соскучился, как мне показалось, совершенно искренне, и заманил-таки меня на чай.

Мы говорили обо всем — долго, до хрипоты. Дело не в том, что темы вдруг появились — они были всегда. Просто что-то изменилось во мне. Что-то незримое, но существенное. Мне стало интересно все: как живут альва, не женился ли Алекс, видится ли Мир с Евой и Майей, собираются ли альва в Тверь. Он, в свою очередь, спрашивал об Эрике — в душу не лез, но подробностями разборок с Мишелем поинтересовался. И тем, как погиб Марк — все же не каждый день встретишь хищного, умеющего ставить печать Арендрейта.

В общем, я не заметила, как стемнело. Опомнилась, когда позвонил Эрик и поинтересовался, где я. Сказал, что сам находится недалеко и заедет за мной через десять минут.

Появился на пороге милый, обаятельный, сдержанно поздоровался с Мирославом и потянул меня к выходу. Нетерпеливо, словно спешил куда-то, направился вниз по лестнице.

— Постой, — рассмеялась я. — Вещи. Я же за вещами приехала и... заболталась.

Эрик развернулся, сверкнул глазами. Полубезумный, жадный взгляд. И его жажда — на коже, бежит мурашками по позвоночнику, рукам, ногам. От ощущений хочется смеяться.

— Заболталась, — прошептал он хрипло и тут же меня поцеловал. — А я соскучился.

— Ты очень странный сегодня, — нахмурилась я.

— Предвкушение. — Он провел пальцами по моей шее, едва касаясь, и я закрыла глаза от удовольствия. А затем развернул меня и подтолкнул к двери.

— Бери уже свои вещи.

Квартира Эрика вызывала во мне уверенность, а вот моя в последнее время ассоциировалась с неприятными событиями, поэтому, когда вошла, я ощутила легкое беспокойство. Не приняла это близко к сердцу, списала на страхи прошлого, а их я как раз тщательно изгоняла. Выкуривала.

К тому же Эрик был со мной — скользнул следом, по-хозяйски зажег свет в коридоре, потом в комнате. Я помню, как шагнула за ним.

Помню, как он обернулся. И резкий запах — кисло-сладкий, удушающий. Странное предвкушение в глазах Эрика сменилось тревогой.

— Беги... — прошептал он, но я не успела даже пошевелиться — меня столкнуло во тьму...

Я проваливаюсь в воду — темную, холодную, вязкую. Водоросли опутывают ноги, тянут на дно. Пытаюсь выплыть, судорожно гребу руками, но тщетно. Вода сильнее. Коварная, шепчет русалочьими голосами, велит не дергаться, расслабиться. Как тогда, когда Кира...

Опускаюсь на дно, побеждая панику. Вода хочет покорности, она ее получит. Ненадолго.

Это мой сон, а значит, я могу дышать. Осторожно втягиваю носом воду, она проникает в легкие, распирает, давит — теперь уже изнутри, но, как ни странно, не убивает. И следующий вздох дается уже легче, а потом еще один и еще.

И вот я уже распутываю ноги. Песчаное дно мягкое, но оттолкнуться все же получается.

Это всего лишь озеро — то самое, в хельзе. На берегу сидит Барт, ветер треплет его сизую рубаху. Глаза вождя сольвейгов серьезны и смотрят прямо в душу.

Выхожу из воды, сажусь рядом, и он качает головой.

— Тьма близко, и по-хорошему тебе лучше переждать ее здесь.

— Но, — говорю я и выжимаю воду из волос прямо на раскаленный от солнца песок.

Почему он такой горячий — небо же все в тучах? — Всегда есть какое-то «но».

— Кто-то умрет. Не ты. Но кто-то.

— Эрик... — шепчу, вспоминая.

Барт берет меня за плечи и очень серьезно произносит:

— Когда вернешься, бей на поражение. И беги. Есть силы, которыми я не знаю, как управлять. Но есть и зло, давно знакомое нам обоим. — Он указывает на воду. — Тьма.

— Герда, — догадываюсь я. — Герда вернулась.

— Я видел кровь. Много крови. Не твоей. И слезы — теперь уже твои. А потом выбор — один из тех, что тебе нужно сделать.

— Один из? Ты говорил о единственном — главном, — хмурюсь я. — В конце.

Он кивает.

— То предсказание Первого, а это — мое. А теперь давай, Полина, проснись.

Я прилежно пытаюсь очнуться — на полу в собственной квартире. Жмурюсь, щипаю себя до боли — не выходит. Злюсь. На себя, на беспечность, заставившую забыть: мои видения всегда сбываются. И они лишь для подготовки, не для победы. Для битвы у меня есть кен.

И злость.

Небо кипит от ярости — клубится тучами, сверкает молниями и гроыхает. Я встаю, раскидываю руки в стороны, запрокидываю голову и жду.

Это мой мир, и здесь все по моим правилам. А значит, и разбудить он тоже может. Хотя бы вот так.

Небо выпускает стрелу — ослепляющую, яркую. Я смотрю на него, а оно — на меня, и, в тот момент, когда молния бьет мне в грудь, меня выкидывает назад, в привычную обстановку липецкой хрущевки.

Привычную ли?

Окно открыто, а створки бьются об откосы, занавески развеваются, поднимаясь до потолка, а там, в оконном проеме застыла она...

Красивая и в то же время жуткая. Русые волосы чуть ниже плеч, бледная кожа, огромные темные глаза. Она скалилась и смотрела на Эрика, пока не заметила, что я очнулась.

Я не стала медлить — ударила. Летунью снесло с подоконника, она кувыркнулась в воздухе и полетела вниз, на еще влажную после сошедшего снега клумбу у подъезда.

— Эрик! — Я бросилась к нему, лежащему на полу. Трясла, но он оставался неподвижен. — Эрик очнись.

Кисло-сладкий запах дурманил и, казалось, только усиливался. Ловушка? Летунья на улице, а источник запаха — в квартире?

И вдруг у самого уха раздался жуткий шелест.

— Шшшшш... — сказал кто-то. А потом уже ближе: — Шшшшшшш...

Перед глазами поплыло, сознание ускользало, тело предательски расслабилось.

Тело, но не жила.

Я с усилием обернулась. В двух шагах от нас стоял еще один — на этот раз мужчина. Одетый в полупрозрачные шаровары и темную свободную рубаху с широкими рукавами. Молодой, еще недавно совсем мальчик. Бледные волосы отливали серебром. Он шурился и смотрел на меня.

Я ударила снова. И снова. И опять. Жмурилась и била до тех пор, пока кто-то не коснулся моего плеча.

— Тише, тише... — шепнул Эрик мне на ухо. — Сожжешь дом.

— Он мертв? — испуганно спросила я, хватая его за руку и безумно радуясь, что он очнулся.

— Пепел, — кивнул Эрик.

— Там еще одна. На улице. Я скинула ее вниз, но, похоже, не убила.

— Ты веришь мне, малыш? — очень серьезно спросил он, словно от моего ответа зависело все: и будущее, и настоящее, и судьба той женщины за окном.

— Верю, — прошептала я и крепко его обняла. — Ты задумал что-то опасное, да? Я еще на лестнице поняла...

— Задумал, — кивнул Эрик. — Но нет времени объяснять. Держись рядом и, что бы ни случилось, не бойся, хорошо?

Это «не бойся» мне не понравилось. Совсем. Но выхода не было — на улице ждала страшная летунья, Эрик был наполнен решительностью, а я... Ну а что я? Убила же того, второго. Значит, с этой мы и подавно справимся вместе.

Нас встретила ночь: темная и мрачная, наполненная диким ощущением охоты. Кто сегодня охотник, а кто — дичь? Загоняют ли нас или загоняем мы?

Эрик лучился нетерпением. Казалось, я могла ощущать его кожей — его ладонь, сжимала мои пальцы, глаза светились предвкушением.

Никогда не понимала такой страсти к убийству, пусть даже и врага. Убить, чтобы не убили тебя — да, я сама так делала не раз. Но радость, почти садистская, толкающая на убийство... Эрик, похоже, придерживался другой точки зрения.

Летающую незнакомку на клумбе мы не нашли. То ли она испугалась неожиданного отпора, то ли заманивала нас в ловушку, я не совсем понимала, но Эрик ее явно чувствовал, потому что потянул меня в сторону автострады. Мы пересекли пешеходный переход и свернули с темноту — в один из переулков старого района.

Так сложилось, что в нашем городе новостройки успешно соседствуют с ветхими, облупившимися, наполовину покинутыми зданиями, а комфортабельные районы граничат с бедными, словно подчеркивая их нищету и ущербность.

Жители обоих районов не замечают этого — их жизнь полна будничной суеты, проблем и собственных радостей. Но в такие моменты контраст особенно виден, и темнота скрывает больше опасностей, чем кажется на первый взгляд. Особенно для хищного. И если против обычного грабителя поможет элементарный морок, то против сверхъестественных существ из тайного мира уловов нет.

Хищные уязвимы. Для нас в мире масса опасностей: охотники, драугры, колдуны. Создания низших миров. Даже ясновидцы эволюционировали и научились защищаться.

Правда, такие, как Эрик, считают, что все это мелочи. Что кто сильнее, тот и прав. А справедливость... Есть ли она? Или же это просто проекция совести сильнеешего?

Мрачные мысли не отпускали, преследовали меня в темноте переулка. Фонари здесь не горели, воняло канализацией и гнилью. Сапоги утопали в ворохе прошлогодней листвы —

мокрой и чавкающей при каждом шаге.

Летуны нигде не наблюдалось, отчего предвкушение смешивалось с тревогой, дополнялось почти осязаемой радостью Эрика, хотя радоваться, на мой взгляд, было нечему.

А потом я заметила легкое движение справа, в районе мусорных баков. Наверное, если бы не инстинкты, не придала бы этому значения. Но инстинкты велели: пригнись! А через миг в миллиметре от головы что-то свистнуло, рассекая воздух, и, кажется, задело Эрика.

Он среагировал молниеносно — оттолкнул меня и перехватил оружие нападающего. Я полетела в сторону мусорных баков, прямо в пожухлую листву, провалилась ладонью в грязь и слегка ушибла локоть. Глаза уже немного привыкли к темноте, и я могла видеть, как они дерутся.

Хотя «дерутся» слишком громкое слово.

Эрик лежал на спине, а летунья сидела на нем сверху, придавив коленом шею. Приставила ладони к его лицу, и словно вытягивала из него жизнь. Буквально. Лицо Эрика лучилось фосфоресцирующим светом, а женщина, запрокинув голову, улыбалась.

Я ударила, не раздумывая. Еще. И еще. Но мои атаки рассеивались в воздухе, словно вокруг летуны образовался невидимый магический щит. Впрочем, возможно, так и было...

Но ведь мы на земле. В кевейне. В современном мире, полном обычного, человеческого оружия. И даже то, что с виду оружием не является, может в определенных условиях его заменить. Я шарила руками в листьях, судорожно ища что-нибудь, хоть что-то, чем можно просто ударить. И нашла. Неожиданно. В нескольких сантиметрах от мусорного бака. Кусок водопроводной трубы, длинный — около метра длиной. И толстый. Достаточно тяжелый, чтобы серьезно навредить.

На курсы самообороны я никогда не ходила, физической крепостью не обладала, но в тот момент стала самой яростью. Не люблю, когда трогают дорогих мне людей. А когда пытаются убить, у меня просто сносит крышу.

Я поднялась, подошла к летунье, размахнулась и со всей силы заехала ей по голове.

Незнакомка кубарем скатилась с Эрика и отлетела на пару метров в сторону. Доли секунды ей хватило, чтобы вскочить на ноги. Зло оскалившись, она кинулась на меня, но Эрик уже успел подняться и сбил ее с ног.

От того, что увидела после, я буквально оцепенела. Он поднял руки над головой и начал вращательные движения, словно танцевал какой-то латинский танец, но лишь руками. При этом женщина в шифоне оторвалась от земли, начала вертеться в такт его движениям, словно они давно и не один раз репетировали вместе. Сила окружала Эрика ореолом, я ощущала его ярость, его мощь, его флюиды.

Да уж, не хотелось бы мне иметь такого врага!

Незнакомка вертелась у земли, затем медленно начала подниматься в воздух, одновременно ускоряясь. Ее одежды развевались на ветру, а сама она раскинула руки, будто наслаждалась этим круговоротом.

Она не наслаждалась. Просто не могла его остановить.

Я посмотрела на Эрика — он стоял и вертел уже одним указательным пальцем правой руки, который держал в районе груди. От летуны исходил свет. Лился тонким потоком, расширяясь и увеличиваясь, приближаясь к Эрику, точнее к его животу. К жиле.

Бог мой, он же берет ее кен! На расстоянии. Без всяких ритуальных ножей. Это было так пугающе и так... прекрасно.

Я сглотнула и отступила на шаг. Поближе к выходу из переулочка. Ближе к свету и

безопасности липецких улиц, где наверняка сновали прохожие, ездили машины, даже не подозревая, что творится в темноте заброшенного места.

И тут же наткнулась на что-то, вернее на кого-то. Резко обернулась и застыла в ужасе — прямо за моей спиной расслабленно стояла Герда. Она восхищенно смотрела на Эрика и улыбалась. А затем томно вздохнула и улыбнулась уже мне.

— Правда же он прекрасен? — спросила она и склонила голову набок. — Жаль, что ему сейчас до тебя нет дела.

Глава 18. Польза сериалов

Каждый человек, наверное, хоть раз в жизни задумывался о том, как убить вампира. Все началось во времена бума вампиромании, когда телеэкраны заполонили фильмы, сериалы, а полки магазинов — книги о кровососах, где сильный и древний красавчик-вампир влюбляется в неприметную школьницу, потому что у нее какая-то особенная кровь. И, оглядываясь через плечо, нашептывает ей на ушко, что убить его можно лишь одним способом. И тут уже сценаристы использовали всю свою фантазию: кол в сердце, солнечный свет, чеснок, святая вода.

Мой вампир был девушкой, которую я выносила и родила. Она влюбилась в мужчину, с которым я спала, и шадить меня не собиралась. Но одно все же совпадало с выдумками сценаристов — у меня особенная кровь, вернее, особенный кен, но это уже мелочи. Для того, чтобы взять его, Герде не нужно кусать — достаточно просто прикоснуться. И я умру. Так просто.

Но я ведь могу сделать так, чтобы она не прикоснулась.

— Мне есть дело! — прорычала я, покрепче сжала трубу, размахнулась и ударила Герду по голове.

Наверное, она не ожидала. А может, я сильно боялась, потому как удар вышел сильный. Она упала — прямо в груды тех самых листьев, где до этого лежала я. Идеальная прическа растрепалась, в волосах запутались гнилые листья, на правом виске отчетливо виднелась открытая рана с медленно стекающей к глазу струйкой крови. Короткая черная куртка испачкалась в грязи.

Наверное, я в тот момент выглядела не лучше. Впрочем, мне красоваться было не перед кем — главное, выжить.

— Серьезно? — Герда села и брезгливо отряхнулась. — Будешь бить меня... чем там... трубой?

— Неплохое оружие, — ответила я и шагнула к вампиру, но в голове раздался четкий приказ:

— Нет, Полина. Не нужно этого делать.

Я подняла глаза — Эрик смотрел прямо на меня. Все так же кружил незнакомку, ее кен впивался его жилой, шифон красиво развевался по воздуху, облекая точеную фигуру летуны.

Эрик не шевелил губами, но в голове я четко слышала указания.

— Дом колдуна, где мы нашли яд, в нескольких кварталах отсюда. Ты хорошо бегаешь. Беги, Полина.

И я побежала. Не раздумывая. Не сомневаясь. Ветер свистел в ушах, впереди мелькал асфальт, фонари, машины на обочине, случайные прохожие.

Я не оглядывалась, но почему-то знала, что Герда меня чувствует. Куда бы я не пошла, она найдет. Успокаивало то, что Эрик знает, где я буду. Закончит со своей летуньей и придет. Спасет меня от страшного драугра, не даст навредить.

Черт, как страшно! Сердце колотится, а смерть буквально дышит в затылок. Моя ли?

Частный сектор в этом районе города начинался резко. Многоэтажки обрывались небольшим пролеском, а сразу за ним на значительной по размеру территории рассыпались

дома.

Я свернула на главную улицу, ярко освещенную фонарями. В боку колело, дыхания не хватало. Сколько я уже пробежала? Километр? Два? Пять? Впервые порадовалась собственному упрямству, когда, почти выплевывая легкие, продолжала трусить за Эриком во время утренних пробежек.

Организм выдерживает немного большую нагрузку, чем та, которую ты даешь себе через «не могу». Именно тогда открывается второе дыхание. Именно тогда нужно уметь вовремя остановиться.

Я и остановилась — перед домом Тана. Согнулась пополам и постояла несколько секунд, переводя дыхание. Только тогда поняла, что трубу так и не выбросила. Крепко сжимала в руке, словно воин — остро наточенный меч. Да уж, меч сейчас пришелся бы кстати.

Испуганно оглянулась — Герда не преследовала. Улица выглядела пустынной и спящей. Я скользнула небольшой проем между прохудившейся, скрипучей калиткой и ржавыми воротами и, кажется, испачкала куртку. Плевать! Главное — спрятаться от Герды.

Интересно, почему Эрик приказал бежать именно сюда? Как именно он мысленно говорил со мной, я тогда не думала. Какая разница? Главное — он переживал о моей безопасности. Неужели, на дом Тана он тоже поставил супер-защиту?

В коридоре было все так же темно, и я включила фонарик. Поднятая половица лежала там же, где мы оставили ее в прошлый раз, а в полу зияла дыра — тайник колдуна. Воспоминания нахлынули резко: я и Эрик, страх, решительность, пепел на снегу, обьятия.

Я решительно выдохнула и дернула ручку двери, ведущей в комнату.

Внутри горели свечи. На полу по периметру, на стенах в старинных подсвечниках, на подоконниках. Окна были заколочены фанерой, именно поэтому я не увидела света с улицы. Сверху фанеры была набита пленка. Обычная, строительная. Пленка, к слову, была везде — на стенах, на полу, ею был устлан продолговатый стол посреди комнаты. Казалось, не было тут ни одного даже самого маленького участка, который бы не покрывала пленка.

Это что, вариант свидания «а-ля» Эрик? Свечи и стерильность?

С каждой секундой я понимала все меньше.

Впрочем, разобраться мне не дали — входная дверь скрипнула, я отступила назад, повернулась к выходу и замерла в ожидании.

А через секунду на пороге появилась Герда. Растрепанная и злая. Облокотилась о стену и покачала головой.

— Я слегка больна, чтобы бегать. Это если ты забыла. — Она с сожалением посмотрела на правый сапог. Сапоги у нее, к слову, были красивые — высокие, до колен, черные, на шпильке. — Еще и каблук сломала.

Я представила, как она бежит за мной на каблуках, подворачивает ноги, падает и поднимается, семенит по посадке, спотыкаясь о коряги. Нервно улыбнулась. Отступила еще на шаг и крепко сжала импровизированное оружие.

— Тебе лучше уйти, — сказала как можно спокойнее. — Эрик придет.

— Эрик занят. Он не думает о тебе. Когда поглощаешь ауру, не думаешь ни о чем, кроме его кена. Уж поверь, я знаю. А когда Эрик придет, здесь уже никого не будет. Только твое тело. — Она шагнула навстречу, комично прихрамывая. На лбу вокруг раны багровым разливалась огромная гематома, наползая на кожу, изуродованную болезнью. — Я устала бегать за тобой, Полина. Видят боги, я была терпеливой. Даже пыталась предложить тебе

выход.

— Выход? — нервно засмеялась я. — Смерть Барта — по-твоему, выход?

— Или он, или ты. Но теперь — только ты. Мне даже будет приятно. Если честно, ты всегда меня раздражала. Даже когда считала меня дочерью. Уж прости, но теплых чувств у меня к тебе никогда не было.

— Я поняла, — хрипло прошептала я. — Не нужно уточнять.

— Меня не убьешь этой штукой. — Герда кивнула на трубу. — Другры бессмертны.

— Тебе так идут синяки — не могу удержаться, — съязвила я.

— Шутишь? Ну шути. Недолго осталось.

Легкие наполнило горячей лавой — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Из глаз брызнули слезы, я согнулась пополам и выронила спасительное оружие.

Больно. Как же больно! Жжет. Грудь, живот, голову. Казалось, еще секунда — и мозг закипит.

— Я не тратила остатки, — услышала совсем близко пугающий, вкрадчивый голос. — Хранила для тебя.

А потом я перестала видеть. Совсем. Мир расплылся и его заволокло тьмой — холодной, безразличной, подавляющей. Я упала на колени и схватилась за голову. Хотелось выцарапать темноту из глаз, из груди, из-под кожи. Тьма подбиралась к жиле, обездвигивала и, наконец, победила меня.

Я исчезла. Совсем. Меня не было. Я растворилась в темноте, как в одном из тех снов про хельзу. Но тут уже не было ни Люсии, ни Барта, ни темной воды. Только холодный пол и Герда. Во мне. Вокруг меня. Везде.

А потом все схлынуло. И тьма, и боль, и обжигающая лава. Меня бережно подняли с пола, и знакомый голос шепнул на ухо:

— Испугалась?

Я замотала головой. Открыла глаза. Эрик. Тревожится. Обнимает.

— Нет. Ты же говорил не бояться, и я...

Слезы сдержать удалось, только в горле царапался, будто вырываясь наружу, плотный комок. Вспомнилось, как Кира вернулась взрослой — округлое лицо, тонко очерченные брови, родинка...

Кто она теперь? Кем всегда была? Была ли? И когда?

Эрик крепко прижал меня к себе и сказал ничего не выражающим голосом:

— Все почти закончилось. Идем.

— Постой, а как же... — Я обвела взглядом комнату, ища друга. Она была здесь. Лежала на столе — том самом, застеленном пленкой. Смотрела в потолок и не шевелилась. — Что с ней?

— Магия, — пожал плечами Эрик. — Теперь во мне ее более чем достаточно, чтобы покончить с Гердой навсегда.

— Ауна, — догадалась я. — Ее магия?

Он кивнул.

— Но у меня и своей хватает — я жил с аунами два года.

— Зачем это все? Что это вообще такое? — Я указала на пленку на стенах и полу.

— Однажды я болел, — пояснил Эрик, — а по телевизору шел весьма занимательный сериал. Там главный герой-маньяк убивал своих жертв в такой комнате. Потом распиливал на части, упаковывал в пакеты и сбрасывал в океан. Никаких следов.

— Чего? — ошарашенно спросила я. — Хочешь сказать, ты... ее...

— Другра нельзя убить, малыш. Они бессмертны.

— Он прав, — прохрипела Герда. — Достаточно одной капли крови, и адепты вернут меня.

— У тебя больше нет адептов, — не глядя на нее, глухо ответил Эрик.

— Влад тоже так думал.

Я вздрогнула, но Эрик успокаивающе сжал мою руку.

— Я не Влад. Касательно адептов... Если ты о том, что на Тибете, то его тоже нет. Впрочем, как и тех, которые в Лондоне и на Бали. Но даже если кто-то остался, ему придется нырять глубоко на дно, чтобы достать кусок твоего тела. Если его не съедят рыбы, конечно же. Знаешь, некоторые виды рыб обожают падаль.

— Эрик, пожалуйста... — простонала она и замолчала. То ли понимала, что ничего этим не добьется, то ли стало стыдно, что выказала слабость.

Странно, но жалости к Герде я не испытывала. Ни сострадания, ни печали. Даже отвращения к тому, что собирался сделать Эрик, не было. Только равнодушие. Холодное, расчетливое и циничное.

— Лучше бы ты умерла, — совершенно спокойно сказал Эрик. — Потому что бессмертие станет для тебя проклятием.

...На улице уже повсюду пахло весной. Теплый ветер приятно обдувал кожу, ветки старой яблони покачивались у нас над головами. А где-то внутри меня росла пустота. Темная и пугающая, как взгляд Герды. Она там, распятая, не в силах пошевелиться, а я... Мне все равно.

Все равно ведь?

— Она — Кира? — тихо спросил Эрик.

Я кивнула. Он понял сам, не нужно объяснять. Так даже лучше. Сброшу все на него — ответственность, необходимость решать, действовать.

Эрик прав, другого выхода нет. Рано или поздно он уйдет, и тогда другру ничего не помешает меня убить. Она даже при нем не постеснялась.

— Вызову такси. Обещаешь дождаться и не делать глупостей?

— Спать лягу. Устала, — тихо ответила я, и он меня обнял.

— Ты говорила, Кира умерла, — прошептал мне в волосы. — Так и было, Полина. Она умерла. А эта — просто похожа на нее. Оболочка, не более. — Приподнял мой подбородок и очень серьезно добавил: — Дождись меня.

Не знаю, чего он боялся. Возможно, что я сбегу или попытаюсь помешать.

Я ехала домой и думала о прошлом. О моей Кире, которая умерла. Давно. В прохладном Будапеште, на берегу Дуная.

Так бывает — матери теряют детей. Жизнь не заканчивается, они продолжают дышать, вставать по утрам, готовить завтраки, ходить на работу. Забываться в делах. И лишь темными ночами, когда домашние спят, тихо плачут в подушку. Но в целом — живут.

Живут ли? Живу ли я? Цепляюсь за чужие эмоции, за чужую силу, пытаюсь окунуться в тепло, наполниться им, а внутри давно пусто. Только теперь я поняла это.

Не помню, как вошла в квартиру, разделась, приняла душ. Помню себя, лежащей на кровати, с поджатыми под подбородок коленями, в темноте. Без мыслей, без чувств, без движения.

А потом вернулся Эрик. Взял меня на руки, как ребенка, прижал к себе, и пустоту в

груди наполнило его тепло. Я расплакалась, а он гладил по спине, молчал и обнимал — такой близкий, родной, любимый. И я впервые испугалась.

Что я буду делать, когда он уйдет? Умру? Сойду с ума? Очерствую?

Он мне нужен, как воздух. Просто нужен.

Постепенно рыдания утихли, и я сидела, прижавшись к Эрику, наслаждаясь его заботой и надежностью, и понимала: я нашла то, что искала. Того самого человека. И должна его отдать. Причем, не кому-то, а призрачному кану, о котором ничего не известно, кроме того, что это высший уровень сознания. Эрик хочет туда, а не меня. Я для него — только путь в новый мир и приятный кен.

И все равно я любила его. Люблю. Буду любить. Всегда. Потому что Эрик — самое настоящее, что было в моей жизни.

— Расскажи мне все, — тихо попросил он.

И я рассказала. О том, как Тан нашел меня для Герды, а Влад все «исправил». О том, как сам Влад потом сделал то же самое, а чтобы я не умерла, провел тут жуткий ритуал. О Кире. Об охотнике. О том, как я искала таинственного хищного в Будапеште, о гибели Норы. О договоре Влада с Альриком.

Эрик слушал молча и думал, и, казалось, я жизнь готова отдать, чтобы узнать, о чем. Но спросить побоялась, а говорить он не торопился. Просто обнимал.

А потом я уснула, и снилась мне синяя комната, а за окном — море. Чайки кружили над скалами, и дельфины плескались в залитой солнцем и покрытой рябью морской глади. Было просто хорошо. Я распахнула окно и смотрела вдаль — туда, где синее море сливается с синим небом.

Проснулась в полной темноте и почему-то испугалась. Эрика рядом не было, я лежала одна на огромной, почти безграничной кровати и дрожала. А потом он вернулся — оказывается, просто ходил в душ. Я снова расплакалась, а он вытирал мои слезы. И целовал. Я касалась его горячей кожи — бесстыдно, жадно. Хотелось забыться, ощутить его кен в себе, стереть страхи и разочарования прошлого дня.

Эрик стер.

Не было ничего — только мы. Сплетение тел, сплетение энергетик, словно мы — одно целое, неотделимое, единое. И я подумала, даже если он уйдет, в нем еще долго будет жить частичка меня, а во мне — он. Вселенная по имени Эрик.

Рассвет нагнал нас внезапно — усталых и довольных. Эрик лениво перебирал мои волосы, а я жмурилась и наслаждалась, как довольная кошка.

— Расскажи о себе, — попросила осторожно, боясь спугнуть волшебство, витающее в воздухе. Рядом с Эриком все было синим и волшебным.

— Что ты хочешь знать? — улыбнулся он.

— Все. Но буду рада, если ты хоть что-то расскажешь. Например, про кан. Как ты узнал, что тебе предстоит туда попасть?

— После смерти родителей я сорвался. Творил такие вещи... — Он вздохнул. — Похуже, чем сегодня. А потом попал в мир, созданный Арендрейтом. И он дал мне прочесть предсказание. С тех пор я ищу свою пророчицу.

— И ты сразу поверил? Я имею в виду, скади... разве тебе не близка их судьба?

— Древний жрец умеет убеждать.

— Скучаешь по родителям? — Я приподнялась и заглянула ему в лицо. Хотелось видеть глаза, но Эрик их прикрыл. Впрочем, он не напрягся, а значит, его не задел вопрос. Не

хотелось бы причинить боль.

— Уже меньше, — признался он. — Хищные смертны, как это ни прискорбно. Но в кане, говорят, можно победить и смерть.

— И ты никогда не увлекался? Я имею в виду, никогда не думал, что можешь остаться здесь, отойти от цели?

— Никогда. Зачем?

— Некоторые люди меняют нас, Эрик. Врываются в жизнь, как вихрь, сминая планы, словно лист бумаги, и выбрасывая их в мусорный бак. И все идет наперекосяк.

— Не совсем тебя понимаю, — нахмурился он и, наконец, открыл глаза.

— Ты никогда не влюблялся?

— Никогда, — не колеблясь, ответил он.

— И ни с одной из своих женщин не был по-настоящему эмоционально близок? Никогда?

— Была одна. Но я не привязался к ней, если ты об этом. — Он помолчал немного. — А ты сразу поняла, что влюбилась?

— Что, прости? — опешила я. Щеки полыхнули румянцем, а в голове будто все встряхнули, и мысли осыпались осколками. Он что... знает? Но откуда? Или нарушил обещание?

— Ты же любила Влада. Мне интересно, насколько быстро поняла, что он — тот самый. Я облегченно выдохнула и ответила:

— Я была очень молода, Эрик. А он — старше, сильнее, увереннее. Я потеряла голову. Хотя, возможно, меня тянуло к нему, как к атли... Кто теперь разберет?

— А сейчас?

— Что сейчас?

Он резко опрокинул меня на спину, навис, в глазах — животная дикость, отчего у меня тут же сбилось дыхание.

— Хочу тебя, — прошептал он безапелляционно, и поцеловал. А я снова потерялась.

Что ждало меня там, в будущем? Одиночество, которое нечем скрасить, кроме ярких воспоминаний прошлого? Сны, врывающиеся счастьем в каждую ночь? Мрачные рассветы в холодной постели?

Так почему бы не сделать сегодняшние воспоминания ярче, окрасить их синим и впечатать в душу так, чтобы уже никогда не забыть?

Вдруг я поняла, насколько поменялась. Стало неважно, что я теперь — одиночка, что атли — больше не моя семья. Я больше никогда не стану прежней.

Кем я стану?

Глава 19. Суд и приговор

Шли дни, а видений не было. Только тревожные сны иногда о том, что я их вижу. Вернее, не их, а последнее — то, где чертовы часы.

Я возненавидела часы. Иногда возникало непреодолимое желание выбросить все в мусор. Хорошо, что у Эрика их не было — счастливые часов не наблюдают.

В конце апреля погода испортилась. Задожидло. Когда Эрика не было, я подолгу сидела у окна и смотрела на низкое, темное небо в надежде что-нибудь почувствовать. Близость, единение, хотя бы намек на волнение. Жила спала, кровь, наверное, тоже.

Пришлось признаться себе: я больше не атли. Совсем. Даже защитник это подтверждает. Не мой защитник. Когда-нибудь у кого-то из атли родится ребенок, и дождь достанется ему.

Хотя до конца откреститься от атли я так и не смогла даже в синей комнате Эрика. Однажды вечером в дверь позвонили, и после этого звонка все пошло наперекосяк. Мнимая безопасность рассеялась, словно туман, обнажая острые рифы угроз.

Эрика дома не было, а в дверной глазок я увидела того, кто, как я думала, никогда и ни за что сюда не придет. Хотя бы из гордости.

Засунув руки в карманы, на лестничной площадке стоял Влад.

Сначала я малодушно хотела не открывать. Наверняка ведь ругаться пришел или пенять на мой долг. Но потом вспомнила о Герде. Сказал ли Владу кто-нибудь? А если нет, то он до сих пор мучается и думает, как избавиться от вампира. Небось, и атли никуда не выпускает — держит за семью замками ради их же безопасности.

Я обреченно вздохнула и открыла дверь.

— Поговорить нужно, — бросил Влад и втиснул меня в квартиру. — Эрик дома?

— Его нет, — нахмурилась я. — А тебе неплохо бы поучиться манерам. Например, спросить, хотят ли тебя видеть в гостях.

— Мне не до манер, Полина, — очень серьезно и почему-то совершенно не зло ответил он.

А ведь я ждала этого. Злости. Обиды. Неожиданных поступков. Ревнивых выпадов. А не отчаяния во взгляде. Впрочем, причины этого отчаяния он озвучил в следующую секунду.

— Глеб вляпался.

Я, как стояла, так и замерла. Прислонилась спиной к стене и, наверное, побледнела, потому что Влад прищурился и произнес:

— Ты что-то знаешь, да?

Я покачала головой и ничего не ответила. Это тайна Глеба, имею ли я право ее разглашать? Особенно Владу? Да Глеб прибьет меня, если узнает, что я сказала.

— Послушай, — мягко продолжил Влад, — я знаю, он твой друг, и у вас существуют секреты, которые ты даже под пытками не раскроешь, но если тебе есть что сказать о нем и ясновидице, скажи сейчас.

— Что с Глебом? — глухо спросила я.

— Его забрал Андрей два часа назад. А еще через два часа будет суд. Глеба будут судить за похищение ясновидца.

Холодный страх привычно обосновался в груди, заморозил легкие. Влад все смотрел —

пронизывающе, вопросительно. А я молчала. Не потому что поклялась хранить тайну, а потому что не знала, что говорить. Можно ли говорить. И что это даст?

— Поля, прошу, у нас очень мало времени! Я бы даже сказал, его нет совсем. — Влад шагнул навстречу и положил руки мне на плечи. В глазах — неподдельная тревога, даже страх.

Что же я творю? Вообразила себя богом, решаю судьбы...

— Ника в Ельце, — прошептала я. — Вернее, была. А сейчас... я не знаю.

Закрыла лицо ладонями, попыталась успокоиться и думать. Думать не получалось. Совсем. Паника всегда мешает мыслям.

— Черт! — выдохнул Влад и отпустил меня. — Так это правда? Глеб похитил ее после суда?

— Глеб ее не похищал. Он ее выпил — после суда. Но Ника — не обычная ясновидица, она из тех, кто может влиять на нас.

— Влиять?

— Они восстанавливаются. Такие, как Ника. И могут убивать с помощью своего кена. Я видела одного такого. Если он захочет, у тебя снесет крышу, и ты его выпьешь. Но Глеб тогда сорвался не потому. Он злился — из-за тебя.

— Хочешь сказать, я должен сейчас испытать благодарность? — зло спросил Влад. — Он подставился. И, черт возьми, я совершенно не знаю, как его вытащить, Полина!

— Ника была в беде. Марк продавал ее хищным за каждую провинность. Наверняка ты даже не задумываешься о таком, когда берешь их кен, — ядовито выдохнула я.

— Ты права, не задумываюсь. Ясновидцы нужны мне, чтобы выжить и сохранить свое племя. Поэтому я оставил сопереживание сольвейгам — им-то не нужно питаться.

— Извини, — потупилась я.

— Да пустяки. Ты же скрыла безрассудство Измайлова. Как все же хороша политика двойных стандартов: когда врут тебе, ты исполнена вселенского гнева, но когда нужно солгать самой — это для благого дела, по дружбе. И неважно, что разгребать мне!

— Я пойду к Мишелю, — решительно сказала я и оттолкнулась от стены, но Влад остановил меня.

— Не выйдет. Теперь дело не только в Мишеле. Для таких разбирательств приезжает несколько древних, Поля. Сам Альрик будет на суде. А у него особый взгляд на отношения хищного и ясновидца — он считает это извращением.

— Между прочим, я рождена от такой связи, — обиделась я.

— Альрик этого не знает. И не узнает. Или ты хочешь, чтобы он выращивал сольвейгов, как в инкубаторе, а потом ставил на них эксперименты?

Я вздохнула и покачала головой.

— Не хочу.

— Я поеду в Елец, попробую найти эту Нику, — почти обреченно закончил Влад. — А ты... если веришь в богов, молись, Полина!

Влад ушел, а я не находила себе места. Что делать? Ехать в штаб охотников? На каких правах — ведь я даже не атли? Искать Нику? Так у меня даже ее номера нет.

Эрик упорно не брал трубку, видимо был занят. Паника все больше овладевала мной. Успокоиться бы... Жаль, дара целительницы во мне не было ни капли — сварила бы себе успокоительный отвар.

Мишель мстил мне. Вот что ему стоило заставить клан Ники отыскать девушку?

Неужели Марк был ему насколько близок? Нет, думаю, дело в другом — я ослушалась его. Он настолько привык контролировать все, что самостоятельность Эрика просто выбила его из колеи. И он решил проучить нас. Меня. И Влада, в придачу.

Нет, нельзя просто так сидеть сложа руки! Через два часа охотники решат судьбу Глеба, и если Влад не привезет Нику, если не успеет...

А если успеет? Станет ли она защищать Глеба? Все же она — ясновидица, а он — хищный. Альрик плохо относится к такого рода дружбе. Зачем ей подставляться ради того, кого она знает несколько месяцев, пусть он и выручил ее?

Я вызвала такси. Не знала, что буду говорить на суде, войду ли вообще внутрь, но сидеть в квартире просто не могла. Быстро оделась и выскользнула в ночь.

Двор заволокло тишиной. Фонари распыляли рассеянный свет по влажному асфальту, на аккуратных клумбах спали заботливо посаженные кем-то цветы.

Я присела на лавочку и спрятала трясущиеся руки в карманы. Сколько раз за минувший год я вот так боялась? И не счесть. В итоге я жива, мои близкие тоже, а опасности... их всегда полно. Влад найдет Нику, он никогда не сдастся. И убедит помочь — уж в его способности убеждать я ни капли не сомневалась. Главное, чтобы успел.

Успей, я прошу тебя, только успей...

Я с нетерпением наблюдала, как желтое такси медленно въезжает во двор. Встала, нащупала в кармане телефон и снова набрала Эрика. Глухо.

Где же ты? Ты мне нужен. Здесь и сейчас. Ведь если Глеб умрет, я не переживу этого. Просто сломаюсь.

Нет, нельзя об этом думать! Глеб обязательно выживет.

Уже в машине у меня завибрировал мобильный, и я облегченно выдохнула: Эрик.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил он, опуская приветствие. Почувствовал? Испугался количества пропущенных? Неважно. Главное — вышел на связь.

— Я еду в штаб охотников. Глеб в беде.

Несколько секунд Эрик молчал, а я слушала, как гулко бьется сердце в зловещей тишине ожидания.

— Увидимся там, — ответил Эрик и отключился.

Я откинулась на спинку сиденья.

Мы ехали витиеватыми улицами, останавливались на светофорах, и мне казалось, что мы плетемся черепахой. Я подгоняла таксиста, а он ворчал, что не собирается платить штрафы из-за моей спешки. Хотелось выйти из машины и бежать в место назначения — казалось, я смогу добраться быстрее. Бездействие убивало.

Перед глазами стояло лицо Глеба — улыбающееся и беспечное. И я представила его другим. Распатым. Испуганным. Одиноким. Он там один, среди охотников, а я ничего не могу сделать. Или могу? Ведь Альрик будет там. И Эрик. Эрик обязательно что-нибудь придумает.

Он ждал меня у входа. Начал накрапывать мелкий дождь, поднялся холодный ветер, и в одном свитере, без куртки Эрик смотрелся слегка нелепо. Впрочем, его это, кажется мало заботило. Он помог мне выбраться из машины и тут же обнял. Родной. Теплый. Надежный. Несколько секунд я просто стояла и наслаждалась ореолом безопасности и уверенности.

Потом Эрик мягко отстранил меня и попросил:

— Расскажи все.

Я рассказала все, что знала. О том, как Глеб выпил Нику после суда, а потом проникся

ее бедой. А после того, как погиб Марк, попросил ее спрятаться, и теперь мы не знаем, где ее искать.

Эрик слушал внимательно, о чем-то сосредоточенно думал и на меня не смотрел.

— Если его казнят, я просто умру! — прошептала я и уткнулась носом в теплую ткань серого свитера. Пальцы судорожно цеплялись за его рукава, и я подумала, что на самом деле все мы беззащитны перед новой системой. Охотники сильнее, и всегда так будет. Глупо было надеяться, что появление Эрика что-то изменит. Один хищный, пусть и сильнейший в мире, но всего лишь один из многих. К тому же скоро уйдет в кан...

— Кто будет на суде? — глухо поинтересовался он.

— Влад сказал, несколько древних и Альрик.

Взгляд Эрика изменился — в нем появился странный огонек, и он кивнул.

— Ты молчи. Говорить буду я. Обещай мне, Полина! От этого зависит жизнь Глеба. Лучше бы тебе вообще подождать здесь, но ты ведь не станешь, верно?

— Обещаю, — дрожащим голосом уверила я. — Я буду молчать.

— Хорошо. — Он кивнул, взял меня за руку, и мы шагнули внутрь. Словно ворота ада захлопнулись, и нас поглотило пропитанное холодной тишиной здание.

Все, начиная с огромных пластиковых окон и оканчивая витиеватыми коридорами штаба охотников, казалось мне зловещим. Несколько раз мы останавливались, и Эрик прислушивался. Что он хотел услышать, я не знала, но мне было все равно. От того, что он скажет сейчас, зависела жизнь моего лучшего друга.

В Глебе кровь скади, твердила я мысленно. Эрик не оставит его в беде.

Мы подошли в высоким двустворчатым резным дверям зала заседаний, и я сглотнула. Знала, что увижу там, внутри. Что почувствую. Страх, отвращение, злость.

Нужно собраться и верить. Верить Эрику.

Я громко выдохнула и приготовилась.

Эрик осторожно постучал и надавил на ручку двери.

Первое, что я увидела — пыточное сооружение справа. И Глеба на нем — окровавленного и без сознания. Сердце на миг остановилось, а затем отчаянно забилося в груди. На глазах выступили слезы.

Чтобы успокоиться, я перевела взгляд на охотников.

Их было четверо — трое, включая Альрика и Мишеля, сидели на высоких резных креслах у противоположной стены. Кресел, к слову, там значительно поуменьшилось — их стало пять вместо двадцати. Третий охотник был мне знаком — именно он забирал нас с девочками после битвы в доме атли. Древний и немногословный, а оттого почему-то кажущийся безумно опасным. Имени его я не знала, древние не обязаны представляться каким-то зверушкам.

Но меня он явно узнал — скользнул заинтересованным взглядом и оживился. Мишель, наоборот, выглядел недовольным. Поджал губы и отвернулся. Что ж, я не к тебе пришла, придется потерпеть. Рядом с древними, в почтенном ожидании, с опущенной головой стоял неизвестный мне молодой охотник. Новый палач...

Альрик улыбнулся и поднялся, и тут же непроизвольно всплыли в памяти нежеланные, тщательно затертые воспоминания. Азарт и радость от чужой беды. Безразличие к чужой смерти. Тонкий расчет и несомненный выигрыш при любом раскладе.

Альрик тогда получил то, что хотел, и сейчас получит. Он сильнее. Даже Эрик стучит, зная, что за дверями Первозданный. Даже он сейчас будет юлить и хитрить.

Стало противно. Сильные мира сего всегда побеждают, неважно, справедливы их решения или нет. Они получают желаемое любыми способами. Но именно от них сейчас зависит жизнь моего лучшего друга.

Что же мне, молчать? Стерпеть обиду, проглотить, как горькую пилюлю? Только вот эти таблетки не лечат — лишь делают циничнее. Убивают веру в справедливость. В такие моменты понимаешь особый смысл выражения «кто сильнее, тот и прав».

— Эрик! — лучезарно улыбнулся Альрик и шагнул к нам навстречу. — И Полина. Ну надо же!

Глаза Первозданного горели предвкушением. Чего? Нашего несомненного поражения? Нового эксперимента? Бесспорно, такой хищный, как Эрик, его сильно интересовал. Что Первозданный рассчитывал получить от него? Тайные знания? Кен? Или же насытиться неизведанными эмоциями, которые Альрик сам уже не может испытывать?

— Здравствуй, — спокойно ответил Эрик. На Мишеля и второго древнего даже не взглянул.

— Скади, как же... — мечтательно закатил глаза Первозданный. — Древнейшие из древнейших. Продолжающие род Херсира. Мишель, а не многовато для тебя? Атли, альва, тот выскочка из хегни, как его там... Теперь вот и скади здесь. Четыре племени. Справишься?

— Я их сюда не звал, — неприязненно ответил Мишель. — Сами приехали.

— Здесь источник скади, — пояснил Эрик. — Но если для тебя это проблема, можешь взять себе в помощники еще одного зрителя.

— Вот еще! — вскинулся Мишель, и я вздрогнула. — Не много ли на себя берешь, хищный?

Альрик поднял руку вверх, призывая своего слугу успокоиться. И почему мне пришло на ум именно это определение — слуга? А ведь, по сути, так и есть. Мишель лишь выполняет указания. И если Альрик сейчас прикажет отпустить Глеба, даже не посмеет ослушаться. Кажется, я начала понимать, что задумал Эрик.

— Что привело тебя к нам сегодня, Эрик? — лукаво поинтересовался Первозданный. — Соскучился? Полину понять могу, но к скади суд никакого отношения не имеет.

— Ошибаешься, — ни капли не смутившись, ответил Эрик. — В подсудимом кровь скади — ровно половина. Так что в отсутствии его вождя я имею право говорить за Глеба.

— Вот как? Что ж, это будет даже интересно. Да вы не стойте, проходите и присаживайтесь. Места всем хватит.

Улыбается, гад. Весело ему. В то время, как Глеб... как я...

Эрик слегка сжал мою руку, и я подняла на него глаза. На меня он не смотрел — взгляд был прикован к Первозданному, но каким-то внутренним чутьем я поняла, что «молчи» относилось не только к произнесенным словам. Ну конечно, Альрик же мысли читает! Помню, Влад говорил там, у очага...

Я попыталась абстрагироваться от мыслей. Совсем. Пока мы приближались к сидящим охотникам, рассматривала одежду палача. Черный свитер с высоким воротом, голубые джинсы. Брызги крови чуть выше бедра. Окровавленный нож...

Стул показался мне невероятно твердым, общество охотников — недружелюбным. Но Эрик был рядом, и я так и не отпустила его руку. Он не пытался высвободиться — держал меня уверенно и крепко.

— В чем его обвиняют? — Он кивнул на Глеба.

— В похищении ясновидца, — спокойно ответил Альрик. — Вероника Малинина очень важна для нас, а этот хищный выпил ее — я лично нашел в нем остатки ее кена.

— Одна из тех, кто восстанавливается, — с пониманием кивнул Эрик.

— Ты же понимаешь, я не хочу разглашать эту информацию. Но да, Вероника — самородок. И такое преступление я не могу просто спустить с рук. Даже несмотря на протекцию Эрика Стейнмода.

Мишель усмехнулся, а я сжала зубы от злости. Не думать, не говорить — что может быть проще? Сейчас это не казалось таким простым.

— Я не протектор, просто хочу справедливости. Разве Вероника Малинина пострадала? Насколько я знаю, такие ясновидцы умеют за себя постоять, и с теми, кто их выпил, поступают довольно жестоко. Если он до сих пор жив и здоров, — Эрик взглянул на Глеба и поморщился, — можно сделать вывод, что Вероника не злилась. И если подключить логику, возникает вопрос: разве не правильнее было бы для девушки злиться на того, кто ее выпил и, тем более, похитил?

— Что ты хочешь сказать, Эрик?

— Не хочу никого обидеть, но, возможно, обвинитель подошел халатно к своей работе. Что говорит сама девушка? Вы нашли ее?

— Именно этим мы и занимаемся, — недовольно буркнул Мишель. — Пытаемся выяснить. Вот сейчас Измайлов придет в себя и продолжим.

Он скользнул по мне ненавидящим взглядом, и я поняла, что выражение «от ненависти до любви» очень даже правильное. Особенно, если прочесть его наоборот. Недолго же древний обо мне заботился — как только я начала действовать самостоятельно, теплые чувства быстро остыли.

— Так ты обвинитель? — пренебрежительно спросил Эрик, даже не взглянув на Мишеля. — Согласен, Альрик, он не справится. Четыре племени хищных на твоём месте я бы не оставлял на попечение этого болвана.

Мишель тут же покраснел, исполненный гневом, и хотел что-то ответить, но Альрик бросил на него предупреждающий взгляд и мило улыбнулся Эрику.

— Думаю, не стоит поверхностно оценивать возможности моих людей. Обещаю, я лично проверю, как велось расследование, и виновные будут наказаны.

— А до тех пор Глеб Измайлов будет висеть на дыбе? Что по вашим законам, суровым и справедливым, бывает за клевету?

— Клевета, как и любая ложь Первозданному — тяжелое преступление.

— Бред! — Мишель вскочил со своего места. — Ты не понимаешь, о чем говоришь, хищный! Он выпил ее и держал у себя. Уже тогда, когда мы с Марком приезжали к атли, я подозревал. Марк любил Веронику, он был в отчаянии...

— В таком отчаянии, что чуть не убил меня! — резко выдохнула я, и Эрик сильно — до боли — сжал мою руку.

Не сдержалась. Не смогла. Смотреть на Глеба, распятого и измученного, слушать еле слышимый голос Альрика, вспоминать, что по его вине все мы — хищные — вынуждены пресмыкаться, было выше моих сил.

— Именно, Кастелла, — издевательски усмехнулся Мишель. — Лично мне кажется странным, что в тот момент в комнате присутствовали лишь вы с Глебом. Не поэтому ли Марк не сдержался, что услышал, как вы обсуждаете Нику?

Я будто в холодную воду провалилась. Не думать. Даже мысли не допустить. Если

Альрик услышит, если... Облака, белые, пушистые. Голубое небо. Безмятежность. Я плыву, ничто не тревожит и больше не злит. Выдержать. Нужно выдержать это заседание.

— Как представитель защиты я требую найти и допросить девушку, — стальным голосом произнес Эрик.

— Она не обвиняемая, чтобы ее допрашивать! — Казалось, Мишель теряет последние остатки самообладания. Сыграет ли это нам на руку или поможет утопить нас и Глеба окончательно? Я не знала. Плавала в белых облаках воображения и молчала. Казалось, даже забыла, как дышать.

— Я больше чем уверен — похищения не было, — спокойно продолжал Эрик. — Физического вреда Глеб девушке не причинил. Не вижу смысла травмировать его. Если Вероника захочет, пусть сама его накажет. Ведь именно так вы используете подобных ясновидцев, верно?

Охотники молчали. Даже притихший палач, смиренно ожидающий приказа продолжать пытки, поднял голову и с удивлением смотрел на Эрика. Как же, ведь он посмел таким тоном разговаривать не только со зрителем города, но и с самим Альриком. Наверняка, не каждый день удастся наблюдать такое шоу.

— У меня есть другая теория, — в абсолютной тишине, омрачаемой лишь моим прерывистым дыханием, продолжал Эрик. — Марк торговал Вероникой. А что, отличное вложение. Приемлемое для тех хищных, кто не хочет далеко ехать. Что уж скрывать, нам всем нужно питаться, и мы питаемся. Как можем. Насколько позволяют ваши законы. Появление в городе такого рода пищи бесспорно привлекло многих. Марк на правах помощника зрителя продавал ее кен. Больше чем уверен, что тебя, Альрик, они забыли поставить в известность. Что ж, бывает. Еще одна оплошность.

— Да как ты смеешь?! — прошипел Мишель и снова вскочил в этот раз его лицо было белее снега — то ли от негодования, то ли от страха. Интересно, что сделает Альрик, если эта сторона правды раскроется? — Закон о клевете распространяется и на тебя!

— Я говорю, что думаю, и мне бояться нечего. Или считаешь, должность зрителя дает тебе право поступать незаконно? Продавать ясновидцев, шантажом заставлять хищных отрекаться от племени?

— Мммм, как интересно. — Альрик подался вперед, сложил руки под подбородком и с энтузиазмом кивнул: — Продолжай.

Эрик тепло посмотрел на меня и сказал:

— Скажи, зритель, глядя в лицо своему Первозданному, что Полина больше не атли не по твоей вине. Скажи это, и я отрекусь от вышесказанного и даже приму любое наказание за дерзость, которое Альрик посчитает нужным.

Первозданный посмотрел на меня теперь уже серьезно, прищурился, и я почувствовала легкое, едва заметное давление на жилу. Затем он повернулся к Мишелю, и веселость из его голоса исчезла полностью.

— Полина — не атли? — холодно спросил он. — С каких пор? Поясни.

— Понятия не имею, о чем говорит этот хищный, — пробормотал Мишель и опустил глаза в пол. — Если хищный отрывается, это его право. Охотники не лезут.

— Тогда, может, лучше спросить об этом Влада? — торжествующе продолжал Эрик. — Уверен, уж ему-то будет, что рассказать.

— Не сомневайся, я спрошу, — угрожающе прошипел Альрик, не сводя с Мишеля пристального взгляда. — Кстати, где он? Почему не здесь, ведь судят его человека?

— Ты умрешь за клевету, скади! — не обращая внимания на Первозданного, резко выдохнул Мишель. — Я сам тебя прибую, обещаю.

— Да куда тебе прибить меня? — усмехнулся Эрик. — Но можешь попробовать, я не против.

— Довольно! — резко оборвал Альрик.

По залу растеклась пугающая тишина. Я старалась не дышать, не думать, не чувствовать. Перестать существовать. Хотелось уйти, но я боялась встать, даже пошевелиться. Тишина угрожающе звенела в ушах, напирала сверху прессом тревоги и плохих предчувствий.

Эрик, бесспорно, отличный дипломат, но что это принесет мне? Нужно ли мне все это? Альрик явно не наигрался, а быть подопытным кроликом как-то не хотелось. Впрочем, особого выбора не осталось. Вряд ли Первозданный простил мне ту в сердцах брошенную фразу — такие, как Альрик, ничего не прощают и не забывают.

— Позовите зрителя атли, — деловито велел он. — Пусть найдет Влада Вермунда.

— Не стоит беспокоиться. Я уже здесь.

Все, кто находился в зале, за исключением Глеба, который все еще был без сознания, повернули головы к двери.

Ох, не вовремя ты приехал, почему-то подумалось мне.

Накатила апатия и какая-то непонятная обреченность. Если все мы — лишь фигуры на доске Альрика, стоит ли переживать? Он все равно отыграет свою партию, а если кто-то станет мешать... Интересно, что теперь будет с Мишелем? Все же он древний охотник, к тому же смотритель города. Не может же Альрик его убить. Или может?

Чуть позади Влада бледная, как снег, с фанатичным блеском в огромных темно-синих глазах стояла Ника. Смотрела она лишь на Глеба. Казалось, ясновидице плевать на охотников, на Мишеля, даже на Альрика, который тут же оживился и расслабился, предвкушая очередную интересную постановку. На лице девушки отчетливо читался страх.

Наверное, никто из нас не боялся больше, даже я. Все же у меня был Эрик, его кен говорил во мне, призывал успокоиться. А она была одна. Приехала с хищным, которого наверняка презирала, чтобы спасти другого — того, кто был дорог.

Спасет ли появление Ники Глеба? А меня? Финальные точки всегда ставят редакторы. Редакторы решают, что оставить, а что выкинуть из текста. Альрик любит ставить точки, а наша с Владом история явно для него не окончена.

Мишель честно пытался сохранить невозмутимое выражение лица. Это выглядело комично и жалко, потому что у него не получалось. Совсем. Он присел в кресло и тяжело дышал, в то время как Альрик, казалось, совершенно забыл о нем. Смотрел на Влада, на Нику и... на меня. Попеременно.

Что старался высмотреть? Или просто читал мысли, которые уже совершенно нельзя было контролировать? О чем я думала в тот момент? И не вспомнить...

Ощущение дежа вю не уходило, словно прошлое догнало меня и накрыло волной. Сменились лишь декорации, прибавилось зрителей, но ощущения остались теми же — металлический привкус ужаса на языке, незащитность перед миром, сожаление от потери. Страх. Нет, не смерти — ее я больше не боялась. Не после того, что Эрик сделал с Гердой. Такая участь намного хуже смерти.

— Вероника, — ласково произнес Альрик, наконец, обращаясь к девушке. — Ты нас изрядно напугала. Мы волновались.

— Прошу прощения, мастер. — Ника смиренно склонила голову, но Альрик тут же

потерял к ней интерес. Повернулся к Владу, и на этот раз его взгляд был другим.

Если до этого момента в помещении самым уязвимым был Глеб, то сейчас ситуация изменилась. Потому что такие, как Альрик, всегда отдают долги. А там, на берегу Дуная, Влад разозлил его гораздо больше, чем я. Уж не знаю, чем скорее — тем, что не послушал «мудрых» советов, или тем, что я все же помогла Владу. Ведь совсем другого исхода ждал древний манипулятор.

Ах, Эрик, знал бы ты, во что втравил всех нас...

— Как все же многогранна и интересна жизнь, — с приветливой улыбкой и абсолютно ледяным взглядом произнес Первозданный. — Давно не виделись, Влад.

— Не так уж давно, — невозмутимо ответил Влад и бесцеремонно выдвинул Нику вперед. — Думаю, девушке есть, что сказать.

— Да, покончим уже с делом Измайлова, — поморщился Альрик, в нетерпении потирая руки. — Тем более, тут нарисовалось гораздо более интересное.

— Альрик, ты же не станешь слушать его? — глухо спросил Мишель, теряя остатки самообладания. Альрик даже не взглянул на него, лишь безэмоционально бросил:

— Выйди.

— Он соврет. И она соврет, чтобы выгородить его. Ты же знаешь это! Знаешь!

— Идем, Мишель. — Древний, до этого момента сидевший молча, поднялся. Невозмутимое лицо, гладкое, почти не тронутое морщинами. Наверное, он редко улыбался. Интересно, как его зовут?

— Густав, — сказал Альрик и улыбнулся мне. — Его зовут Густав, Полина.

В груди словно все заledenело. Сердце, легкие, пищевод. Так просто — перестать контролировать себя. Невозможно постоянно контролировать. Альрику не нужно прилагать много усилий, чтобы узнать правду. Мы для него — открытые книги, или одна, с интересным сюжетом. И он готов прочесть...

Древние молча покинули зал, и он сразу увеличился в размерах. Навис у нас над головами потоком с массивными лепнинами, столпился вокруг серыми стенами, паялился ночью из окон.

Эрик слегка сдвинул мои пальцы, и я нервно улыбнулась ему.

Зачем я здесь? Все мы? Ах да, Глеб!

Словно прочитав мои мысли, или же действительно прочитав, Эрик сказал:

— Может, отвяжешь парня? Несправедливо, что он там еще висит.

— Все зависит от девушки, — пожал плечами Альрик. — Что скажешь, Вероника? Тебе решать.

— Отпустите, мастер, — прохрипела она и сделала шаг вперед. Отважная, смелая. Интересно, о чем думала в тот момент ясновидица? Можно ли ей об этом думать? — Он помог. Я скажу... все скажу. Про зрителя и его палача... Марка. Только отпустите Глеба!

Альрик закатил глаза.

— Молодежь! — Повернулся к молодому охотнику. — Сними его. Пусть отлежится где-нибудь... — И снова обратился к Нике: — Говори.

Она испуганно покосилась на Влада.

— Здесь? При... них?

— Это суд, девочка. Эти хищные мои гости и представители защиты.

Ника громко выдохнула и поморщилась. С губ Глеба сорвался глухой стон. Новоявленный палач взвалил его на плечо, словно мешок с песком и понес к выходу.

Потерпи, миленький. Немного осталось. Нам всем нужно просто потерпеть.

— Полина? — Я поймала вопросительный взгляд Эрика. — Все хорошо?

Я кивнула. Ему не объяснишь. Все равно не поймет — ни о любви, ни о предательстве. Ни о том, как тяжело сейчас осознавать, что не осталось ничего личного. Совсем. Эрик никогда не любил, никогда не проникался по-настоящему. Никогда не терял. А дар позволяет ему знать больше, чем знают остальные.

— Да, — кивнула я.

— Марк был моим... любовником, — честно призналась Ника. — Не по моей воле, но что я могла? Клан больше не защищает меня, а охотники... Вы не можете контролировать всех, мастер. Здесь у Мишеля свои дела, и ясновидцев вне клана никто не защищает. Даже в городе. Скорее, наоборот.

— Вот как?

— Узнав о моих особенностях, Марк торговал мной кеном, не стесняясь запретов. Он даже не вывозил меня за границу... — Она опустила глаза. — Я приходила в себя в притонах, в дешевых гостиницах. Иногда без одежды... А когда пожаловалась смотрителю, он сказал, что я сама виновата.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Глебу Измайлову тоже Марк тебя продал?

— Нет! — воскликнула Ника. — Я сбежала. Глеб не нарушал закона сохранности территории.

— Это очень трогательно, но ты же понимаешь, что такой союз не имеет будущего? Я никогда не одобряю.

— Понимаю, — кивнула она. — Я... мы не станем. Обещаю.

— Хорошо, — заключил Альрик. — Я верю тебе. Можешь идти. Но лучше бы тебе вернуться в клан или найти себе другой. У меня есть хороший предводитель на примете, могу посодействовать.

— Спасибо, мастер! — Ника порывисто поклонилась и быстро покинула зал.

— Люблю радовать людей, — потянулся Альрик и лукаво подмигнул Владу. — Сохранить жизнь иногда так интересно, не так ли?

— Тебе лучше знать, — невозмутимо ответил Влад.

— Ну почему же? Ты тоже на этом поприще преуспел. Вон же оно — доказательство — сидит. — Он указал на меня, и я влипла в спинку кресла. — Впрочем, Полина отдала долг, не так ли? Как тебе живется вне семьи, девочка?

— Живется, — сквозь зубы процедила я.

— Скучаешь?

— Какое это имеет отношение...

— Ты, кажется, пришла помочь Глебу, — перебил он. Расслабленно улыбнулся. — Так ответь, скучаешь ли ты по атли? Насколько я понял, тебя вынудили уйти.

— Вынудили, — кивнула я. — Мишель.

— Ты отреклась?

Я покосилась на Влада. Его невозмутимости можно было позавидовать: он выглядел совершенно спокойным и, казалось, равнодушным. А ведь ему так же тяжело, как и мне. Смотреть на Альрика, говорить с ним. Интересно, чего добивается древний манипулятор? Что мы тут друг другу в любви признаваться станем? Серьезно? Так Влад признается — ради Глеба. Соврет о чем угодно. Неужели Альрик не понимает, что Влад Вермунд

замечательный актер?

А я? Эрик говорил, у меня талант, просто неразвитый.

— Нет, — ответила невозмутимо. — Влад изгнал меня.

— Умно, — похвалил Альрик. — Впрочем, ты всегда отлично просчитывал многоходовки. На помощь Эрика рассчитывал?

— Думаю, сам справлюсь, — пренебрежительно бросил Влад.

Альрик покачал головой.

— А вот это глупо. Ревность сама по себе глупа. А ведь я предупреждал, но ты сам выбрал. Были времена, когда женщины знали свое место, сейчас же... Но, как говорится, все, что ни делается, к лучшему.

— Это все? Или мы и дальше будем обсуждать мою личную жизнь?

Альрик повернулся к Эрику, наигранно вздохнул и доверительно поделился:

— Злится. Из-за вас. Вы хоть бы за ручки держаться перестали, а то нетактично выходит.

Захотелось врезать ему. И если не трубой, которая почилла на глубине нескольких сотен метров рядом с расчлененным телом драугра, то кеном сольвейга. Встать, раскрыться и ударить. И плевать на последствия! Лишь бы заткнуть его, лишь бы он перестал говорить.

Эрик, к слову, ладонь мою не выпустил. По непроницаемому лицу что-то понять было сложно, и я пожалела, что боги не наделили меня даром чтения мыслей.

— Но может, для тебя все решится благополучно, — как ни в чем не бывало, продолжил Альрик, снова обращаясь к Владу. — Эрик, насколько мне известно, уйдет в кан. Потеря для мира, но ничего не поделаешь — кан забирает лучших из лучших. Девушка поплачет и одумается. Так ведь, Полина? Если захочешь вернуться в атли, у тебя будет возможность. Я отменяю все распоряжения Мишеля. Посвятись можешь хоть завтра. — Он склонился ко мне ближе и добавил: — Хочешь обратно, домой?

— Щедрое предложение, я подумаю. Благодарю... мастер, — поддразнила я и встала.

Эрик выпустил мою ладонь, и стало неуютно. Нет, страхов больше не было — они ушли вместе с палачом, который унес Глеба. В душе мутной жижей плескалась горечь, пульс противно отдавался в висках. Влад не сводил с меня пристального взгляда и, казалось, тоже изучал реакции.

А Эрик... Эрик выглядел задумчивым и отстраненным.

— Что будет со зрителем? — тихо он спросил Альрика.

— Мишель — охотник, Эрик. Он виноват, и будет наказан, обещаю. Но смотреть на это вы не будете.

— Мне нужны гарантии. После того, как я уйду в кан, девушка не должна пострадать от его посягательств.

— Это так трогательно. Ну как тут не умилиться! — всплеснул руками Альрик и тоже встал. — Полина больше не пострадает от Мишеля, даю слово. Думаю, Влад проследит.

Эрик помолчал еще несколько секунд и кивнул. Поднялся. И мне показалось, от него повеяло холодом. Он вползал в мою грудь с каждым вдохом, делая последующий еще болезненнее. В душе поселилась обреченность.

Я слишком рано забыла, что он уйдет. И вот он сказал, а я... я оказалась не готова. Даже услышать это было больно. Настолько, что хотелось выть прямо там, в огромном зале заседаний штаба охотников.

Надеюсь, ты пресытился, гад древний! Надеюсь, захлебнешься. Когда-нибудь ты

захлебнешься заимствованными у других чувствами. Не выдержишь. Своих-то давно нет...

К атли мы ехали молча. Влад и Эрик спереди, и я с Глебом на заднем сиденье. Я держала его голову на коленях, гладила по волосам и пялилась в окно. На яркие витрины, смеющиеся компании, обнимающиеся парочки. На глянцевые спины встречных машин.

Нужно было отвлекаться, чтобы не заплакать. Плакать хотелось безумно, но я же взрослая, мне нельзя. Ничего нельзя — думать, решать, влюбляться. Есть один путь для женщины — следовать за племенем. Беречь домашний очаг.

Но что, если женщина — сольвейг? Где ее племя? Где дом? Куда приткнуть сердце, которое вновь научилось биться? Когда так хочется, чтобы оно билось! И не отмеренный богами промежуток времени — ничтожно малый по сравнению со всей жизнью, а всегда. До последнего вдоха — жить, любить, поглощать любовь. Питаться любовью, как хищные — кеном ясновидца. Да что там, как драугры — жадно, ненасытно.

Глеб пришел в себя, когда его вносили в дом. Простонал имя Ники, открыл глаза. Мужчины уложили его в гостиной на диване. Вокруг столпились атли, Даша подошла к Владу и что-то зашептала на ухо. Катя плакала, причитала и не выпускала руку Глеба. Любит. Любит по-настоящему, как умеет. А он ее — нет. Ну что за несправедливость? Ведь на отношения с девушкой, которая нравится Глебу, Альрик наложил табу.

Если бы он... если бы у них все сложилось, у меня была бы надежда, что и я смогу однажды улыбнуться и сказать: я счастлива, мне ничего не нужно.

Я украдкой бросила взгляд на Эрика. Он сидел рядом с Глебом, сосредоточенный, серьезный. Лечил. Эрик всегда знает, что делать...

— Ника... — повторил Глеб и нашел меня взглядом. — Поля, нужно ее найти.

— Нашли мы твою Нику, — ответил за меня Влад. — Лежи спокойно, Измайлов.

— Она... в порядке?

Я кивнула.

— С ней все хорошо.

Я не могла быть в этом уверенной. Альрик мог разыграть этот спектакль для нас, а потом отдать ее Мишелю снова. И простить ему все — все же Мишель зритель. Древний. Охотники никогда не прогнутся под хищных. Никогда...

— Ты сделал это? — Глеб повернулся к Эрику, и на его лице заиграла легкая улыбка. Все, что способен был выжать из себя его измученный организм.

— Сделал что? — не поднимая на него глаз, спросил Эрик. Мне почудилась в его голосе усталость — не наигранная, глубокая. И апатия. Хотя, возможно, я переносила свои эмоции на него. Мы столько раз обменивались, что уже неясно было, где я, а где — он.

— Выщеганил мою жизнь у Альрика, — пояснил Глеб. — Спасибо.

Эрик улыбнулся уголками губ.

— Поправляйся. — И встал. Повернулся почему-то к Ларе и сказал: — Нужно поговорить. Приготовь мне кофе.

Едким разочарованием по душе расползлась горечь. Он даже не взглянул на меня, и от этого я почувствовала себя маленькой потерянной девочкой, одинокой и беззащитной.

Наверное, Рита была права на счет обменов. Куда это привело меня? Куда приведет? Впрочем, есть ли разница? Это было. Было! И никто у меня этого не заберет.

Я тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли, и подошла к Глебу. Катя все еще сидела в изголовье, на этот раз она гладила Глеба по волосам. Меня уже не смущало ее присутствие, мое — защитницу вроде тоже. Да и не все ли равно? Он чуть не погиб...

— Ты как? — Спросила я хрипло, касаясь горячей, шершавой кожи и стараясь не смотреть на окровавленную одежду.

— Лучше, чем несколько часов назад, — пошутил Глеб. — Знал, что ты примчишься спасать меня.

— Я чуть не умерла от страха, — призналась я.

— Эрик все порешал?

Я кивнула.

— А потом Влад привез Нику. Нашел... где-то. Я выдала тебя, прости.

— Вот так и доверяй тебе секреты, — пожурил он и повернулся к Владу. — Спасибо.

Влад поморщился.

— Молчи, Измайлов. Ты подставился, подставил меня и атли. Хвалить за это я не буду. — Затем внезапно шагнул ко мне и положил руку на плечо. — Можно поговорить с тобой? И добавил: — Наедине.

Что? Почему? Зачем? Я не хочу! Будить прошлое, что беспокойно дремало на задворках сознания, убаюканное присутствием Эрика, казалось кошунством.

Но я кивнула. Испуганно огляделась, словно совершала преступление, но на нас никто не смотрел. Катя что-то шептала Глебу, а он не шевелился, лежал с закрытыми глазами и, казалось, спал. Или хотел сделать вид, что спит. Кирилл сидел рядом и щупал ему пульс. Даша о чем-то увлеченно говорила с Каролиной, а та кивала и нервно обнимала себя за плечи. Альфред листал книгу у камина.

Я глубоко вздохнула и поплелась за Владом в кабинет.

Что-то было в этих наших разговорах. Что-то глубокое и неизведанное, сродни стихии. Словно на американских горках, сердце замирало, желудок сжимался и подпрыгивал. В ушах шумело от напряжения, а кровь, казалось, вот-вот закипит.

Ничего не изменилось. Ничего, кроме меня, и то я будто бы застряла между прошлым состоянием и будущим, между мирами, в одном из которых боль, а в другом — счастье. Только вот боль была реальной, а счастье — призрачным, туманным. Ненстоящим. Яркая блестящая упаковка, а внутри — пусто. Эмуляция подарка. И все равно хотелось верить, что там что-то есть.

В кабинете царил полумрак. Мебель отбрасывала замысловатые тени на пол, они смешивались со светом тусклых светильников и высокого торшера в углу, рисуя на паркете причудливые фигуры. Пахло сандалом и мускусом. В высоком книжном шкафу притаились книги — сотни выдуманных историй с неожиданными концовками и головокружительными поворотами сюжета.

Каким будет конец моей истории?

И выбор — об этом ли говорил Барт? Что я должна буду выбрать между жизнью прошлой и жизнью будущей? Но что если будущность не видится мне никак? Если без Эрика краски поблекнут, картинка смажется и станет похожей на потрескавшуюся черно-белую фотографию?

Так, стоп.

Разве я не личность? Разве правильно, что завишу от мужчины, который рядом? Здесь и сейчас нужно решить, что нужно именно мне! Или не здесь и не сейчас, но решить определенно нужно. Не ждать подарков от судьбы — она никогда меня особо не баловала.

Я еще раз обвела взглядом комнату и повернулась к Владу.

— Говори.

— Альрик упомянул, что ты можешь вернуться, — тихо произнес он и замолчал. Смотрел пристально и изучающе. Ждал? Но чего? Неужели того, что я брошусь ему на шею с восторженными криками «прими меня обратно в атли!»?

— Я слышала, — ответила я сухо.

— И?

— Что «и»?

— Ты вернешься?

Помотала головой.

— Нет.

— Почему?

— Станный вопрос. И неуместный... для нас.

— При чем тут мы? — резко выдохнул он. — Атли — твоя семья, разве нет?

— Больше нет. Извини.

— Эрик чтит законы крови. Он никогда не позовет тебя в скади. А без племени, одной будет трудно, Полина.

— Эрик никак не влияет на мои решения. На счет трудностей — не нужно мне о них говорить. Я жила без атли, живу и могу жить. Сольвейги вообще адаптируются.

— Одна? Не смейся! Ты никогда не жила одна. Из атли ты уехала с Ирой, затем, насколько мне известно, жила у сольвейгов. А теперь тебя опекает Стейнмод.

— Спасибо за веру в меня, Влад. Но я выживу. Вопреки всему. Вопреки тебе.

— Не нужно ничего делать вопреки мне, Поля. — Он шагнул ко мне, его лицо смягчилось и теперь выражало скорее просьбу, чем негодование. — Я никогда не желал тебе зла. И сейчас... — Он вздохнул. — Тяжело с тобой. Тяжелее, чем с кем-либо когда-либо было.

— Тогда зачем зовешь назад, если так тяжело?

— Потому что ты нужна мне. Нужна атли.

— Ой ли? — поморщилась я. — По-моему, никто и не заметил, что я ушла. В конце концов, у тебя есть Каролина.

— Бездарность твоя Каролина! — с чувством произнес Влад. — Ни на что не способная пустышка. Она деторожденная и настоящую пророчицу не заменит никогда.

— Ты не вправе требовать от меня что-то, — вспыхнула я. — Давить на чувство долга.

— Я и не требую, — примирительно кивнул Влад. Улыбнулся. — Я прошу. Просто подумай. Есть много преград, я понимаю. И готов идти на компромисс. Готова ли ты?

— Сейчас я готова только спать. К тому же я дала обещания, которые не могу нарушить. Я обещала Эрику...

— Его испытания, знаю, — перебил он. — Я не буду мешать. У тебя видения о нем, это нельзя контролировать. Но видения ведь не зависят от места жительства. Эрик может тебя навещать.

— Дело не в видениях. Я хочу помочь!

— Как невинно ты называешь то, что происходит, — криво усмехнулся Влад. — Что ж, я не спешу. Подумай. Просто подумай о том, что я сказал. В атли тебя ждут. — Помолчал немного и добавил уже тише — тем самым глубоким голосом, от которого я раньше млела: — Я жду тебя.

На улице было невероятно свежо. Я вышла на крыльцо и вдохнула влажный весенний воздух. Дождь методично стучал по крыше, стекая струями на гладкую плитку, и я подумала,

что мне безумно не хватает защитника. Если вернусь в атли, возвратится ли то чувство наполненности в дождливую погоду? Все же я не отрекалась, меня изгнали. А теперь... Влад предлагал вернуться, а я понимала, что мне это совершенно не нужно. Все, кроме дождя. Вода множилась, растекаясь широкими лужами, но не находила отклика в душе. Просто вода — ничего больше. А жаль.

Дверь открылась, и на улицу вышли Даша с Эриком. Он скользнул по мне мимолетным взглядом и повернулся к сестре.

— А как ты думала. будет? Ты — правитель и должна сама решать. Хочешь сильную защитницу? Так поговори с Владом. Считай, это тебе задание. От меня. Как проверка — справишься или нет. Но в любом случае, я буду действовать своими методами, так ему и передай.

Ветер нещадно трепал рукава серого свитера, и мне невольно захотелось его обнять. Согреть. Вновь почувствовать близость. Но подходить я не решилась. Они говорили о чем-то серьезном, о делах, касающихся скади, а я скади не была.

— Эрик, она виновата! — всплеснула руками Даша. — Ее косяк. Так почему я должна просить за нее?

— Потому что ты — скади! И должна думать в первую очередь о скади. Не об атли, не о Владе Вермунде. А теперь спроси себя, как скади: тебе нужна защитница?

Даша вздохнула и опустила глаза. А мне стало вдруг неловко, что я слышала их разговор. Эрик учил Дашу править...

Так, стоп! О какой защитнице они говорили? О Ларе, что ли? Ведь с ней Эрик беседовал на кухне. Получается, Лара хочет в скади? А как же смешение крови? Или... она выходит замуж за скади?

В голове все спуталось окончательно и распутываться никак не хотело. Вокруг происходило что-то странное, и чем дальше, тем я меньше понимала.

Но Эрик, похоже, не собирался продолжать разговор с Дашей — подтолкнул ее ко входу и велел:

— Иди.

Защитница гневно на меня посмотрела и отправилась в дом. Мы с Эриком остались вдвоем на продуваемом ветром крыльце. В воздухе звенело напряжение, а в душе поселилось чувство непоправимости. словно что-то произошло в штабе охотников — незаметное для чужого взгляда, но важное событие, только я никак не могла понять, какое.

— Спасибо, — прошептала я и услышала в своем голосе ту самую обреченность. — Ты снова спас Глеба.

— Глеб мне не чужой, — угрюмо напомнил Эрик.

Подходить не торопился, и я обняла себя за плечи. С каждой секундой становилось все холоднее, ветер и дождь не радовали совершенно, как и сложившаяся ситуация.

Некоторое время мы молчали, а потом Эрик сухо спросил:

— Останешься у атли?

— Нет. С чего бы? — удивилась я.

— Почему?

— Я не атли больше. К тому же обещала... помочь тебе.

— Видения не зависят от того, где ты живешь, — пожал он плечами.

— Зачем ты говоришь это мне? — хрипло выдохнула я и опустила глаза, пытаясь скрыть предательские слезы — слезы обиды от его колючих, слов.

— Альрик позволил тебе вернуться, Мишель не станет больше мешать. Ты вполне можешь вернуться в мир, к которому привыкла.

— Если тебе так проще, я могу жить, где угодно! — зло ответила я, развернулась и сбежала вниз по ступенькам.

Промокла буквально сразу. Сначала волосы, затем джинсы, за шиворот тут же плеснул холодный, негостеприимный дождь. Только слезы на щеках обжигали. Я судорожно вытирала их тыльной стороной ладони и решительно шла к воротам.

Ну вот и все. Волшебство кончилось раньше, чем я предполагала. Не символично ли, что в атли рушится все, что я строю, что пытаюсь создать сама? Призраки прошлого бесцеремонно вторгаются в мою жизнь и стирают все светлое и теплое, оставляя лишь воспоминания, и те разъедает обида и разочарование.

У самых ворот меня остановили и развернули сильные руки, а через миг Эрик уже обнимал меня — так крепко, что, казалось, кости вот-вот хрустнут.

— Прости, — прошептал он мне в волосы. — Прости, малыш, я не хотел обидеть.

Я разрыдалась. Отпустила себя. Нужно выплеснуть, очиститься. С Эриком всегда было легко — даже плакать. Одним своим присутствием он успокаивает меня, окружает заботой и надежностью.

Было плевать на погоду, холод и влагу — меня знобило, но мне было все равно. Я обнимала Эрика и боялась выпустить. Казалось, если не буду держать крепко, он исчезнет. Испарится, как мираж, как глюк, и я пойму, что на самом деле его никогда не было. Что я придумала его, чтобы спастись от невыносимого, убийственного одиночества.

Но он был. Большой и теплый. А еще была его квартира, в которой мы оказались через несколько секунд. Эрик бережно отстранил меня и осторожно снял куртку.

— Ты вся мокрая. Идем в ванную греться.

Я послушно ждала, пока он наполнит большую ванную. Затем он раздел меня, разделся сам и мы долго лежали в медленно остывающей воде, ароматной и вязкой. Я обнимала Эрика и чувствовала себя маленькой и зависимой. Настолько зависимой, что испугалась.

Давно я не ощущала себя такой: мне постоянно приходилось что-то решать, куда-то бежать, кого-то спасать. А так хотелось, чтобы спасли меня. Без вранья и интриг, без взрослых мужских игр, из которых я всегда выходила проигравшей. Искренне.

И подумалось, что Эрик с момента нашего знакомства постоянно меня спасал. От яда, от Герды, от охотников. Окружал невидимым, но плотным коконом, который не в силах пробить никому.

Но любила я его не за это. Любила я его за то, какой чувствовала себя рядом с ним. Красивой. Женственной. Особенной.

— Я правда думал, ты хочешь вернуться, — тихо сказал он. — Не хотел держать обещаниями. Ведь ты скучаешь по атли, я вижу.

— Не по атли, — ответила я и сильнее прижалась к его груди. — Или по ним, но... Все сложно.

— Ты не хочешь возвращаться?

— Не знаю. Я не готова пока решить. События с Гердой изменили меня, и нынешнюю себя я совершенно не знаю. Кто она. Чего хочет. Как собирается жить.

— Это прозвучит эгоистично, но я рад, что ты не осталась у атли, — глухо произнес он, и я подняла на него глаза.

— Почему?

— Я жутко злился сегодня. Понимаю, что глупо, но контролировать это не могу.

— Злился? Из-за Глеба?

— Глеб, конечно, сумасбродный, но я его знаю. И не удивлен, что он так поступил. А вот Альрик — он разозлил меня сильно.

— Альрик?

— Эти его намеки про вас с Владом было жутко неприятно слушать.

Я пожала плечами и снова улеглась. Было просто хорошо вот так лежать и разговаривать в уже прохладной, но все еще приятно обнимающей воде.

— Для Альрика это развлечение. Человеческие чувства, на которые он уже не способен.

— Меня злит, что они есть, эти чувства, — сказал он и замолчал.

Сердце пропустило удар, и я совершенно забыла, как дышать. Зачем он говорит мне это? Издевается? Не похоже. Эрик не такой, да и смысл?

— Какое имеет значение, к кому у меня чувства? — спросила тихо, но голову так и не подняла. Не смогла бы смотреть в тот момент ему в глаза.

— Потому что ты правильно сказала: некоторые люди врываются в нашу жизнь, как ветер, и меняют цели... — Он крепко обнял меня и поцеловал в висок. — Вода остыла. Идем пить чай, а то заболеешь еще.

Эрик больше не заговаривал на эту тему. Много улыбался и обнимал, а я все никак не могла понять, что же он хотел сказать. Хотел ли? Или просто не смог сдержать порыва, а потом пожалел об этом?

И я твердила себе мысленно, что нельзя об этом думать. Твердила методично, часто и строго. А в перерывах между мысленными барьерами все равно думала. Что если он тоже что-то чувствует ко мне? Если для него это не просто влечение? Потом ругала себя: если поверю в это, всерьез задумаюсь — пропаду. И тут же понимала, что уже пропала. Потерялась в лазурных глазах, утонула, запуталась там на дне и всплыть уже не было шансов.

Было странно осознавать простые истины. Любовь не спрашивает, она настигает. Вливается внутрь, как бы ты ни сопротивлялся, вдыхается с воздухом. Заполняет внутренности, впитывается в мысли, заставляет сердце биться быстрее, рождает кучу ненужных надежд.

Или это только с Эриком так? Ведь раньше я такого никогда не чувствовала. Я любила Влада. Сильно. Пронзительно. Но то чувство было другим — тяжелым, удушающим, диким. Оно тянуло вниз, на дно, путало в темном иле лжи и предательства. Ранило острыми иглами непонимания.

Теперешнее чувство было другим. Несмотря на легкий, светло-серый оттенок грусти, оно окрыляло. Расширяло грудь, делало сердце больше, наполняло его теплом. Рисовало улыбки на лице.

И вдруг я поняла, что уход Эрика в кан вовсе не сделает меня несчастной. Возможно, заставит грустить, но любовь — в первую очередь преданность и желание отдавать. Чем больше даешь, тем больше получаешь — закон бумеранга. И главная задача любви — сделать счастливым любимого. Если Эрик будет счастлив в кане, он туда попадет.

Об этом я думала ночью в кровати, в то время, как Эрик размышлял о чем-то своем, лениво перебирая мои волосы.

И тогда я поняла, что впервые по-настоящему счастлива.

Глава 20. Снова хельза

В хельзе, как всегда, жарко. Солнце в зените, тени ссохлись, затерялись в желтом, обжигающем песке. Где-то на горизонте горстка воинов. Я знаю, чьи они — узнала по одежде. Наверное, никогда не смогу забыть. Ни темного, похотливого взгляда, ни жестокости, когда его обладатель приговорил меня к смерти.

Это воины Орма — двадцать человек. Все, как на подбор — сильные, крепкие, высокие, с витиеватой сеточкой шрамов на коже. Таким был Ингвар. Воин, предавший своего правителя и дезертировавший во вражескую армию.

Те двадцать не отступят, будут драться до смерти. У каждого — тяжелый, острый меч и отвага, которой позавидовал бы любой солдат в кевейне. Им нечего терять, они уже умирали.

А напротив, на переминающейся с ноги на ногу лошади, утопающей копытами в рыхлом песке — Эрик.словно рыба в воде — в этом жестоком мире сильных мужчин. По пояс обнаженный, волосы распущены, и их колышет ветер. Льдистые глаза щурятся и глядят вдаль, на всадников Орма. Они, кажется, тоже его заметили.

Ветер несет песок вдаль, вихрится, украшая ровное море пустыни волнообразным орнаментом. Меня там нет, но я могу видеть, слышать, чувствовать, что происходит.

— Безумец, их больше! — врывается в сознание знакомый голос, а через секунду в поле зрения появляется и его обладатель.

Здесь он выглядит непривычно и неестественно. Лишенный знакомого лоска, загорелый, в запыленной одежде и растрепавшимися волосами, Влад кажется диким.

Или может, хельза всех меняет? Преображает холеных, ухоженных мужчин в средневековых воинов, учит адаптироваться, выживать в мире, полном опасностей? Интересно, как выглядела я, когда жила здесь?

Поразмышлять об этом мне не дают.

— Зато мы в тельняшках, — лениво шутит Эрик, но улыбки на лице нет.

Зато Влад улыбается у него за спиной — недобро, хищно. А всадники неумолимо приближаются.

И я понимаю — нужно кричать. Сейчас. Громко. Чтобы проснуться. Чтобы...

Сон выплюнул меня лениво, как портал из кевейна в хельзу. Облепил паутиной тревоги, хлынул в душу обреченностью понимания: это еще одно видение, приближающее Эрика к кану. Отдаляющее от меня.

Плевать. Решила же вчера, что так будет лучше.

— Кошмар? — Эрик отложил в сторону ноутбук и обнял меня.

— Очередное испытание, — ответила я и подняла на него глаза. — В хельзе.

— Вещий сон? — нахмурился он.

Я кивнула.

— На этот раз хельза. Там были воины Орма, он тамошний правитель. Двадцать человек. А вас двое.

— Двое?

— Ну, ты и Влад...

Эрик закрыл глаза и шумно вдохнул, а я поспешила разрядить обстановку. Похоже, имя

Влада со вчерашнего вечера действовало на него, как красная тряпка на быка. Приятно, конечно, но делу не поможет.

— Скорее всего, он провел тебя туда. Ведь только хельин может открыть портал.

— А причем тут... хочешь сказать, Влад умирал? — удивился Эрик.

— Почти, — вздохнула я. — Он был в коме. Несколько лет назад. Ну и...

— Вернулся?

— Да. Вестар, правитель востока, отпустил его.

— А ты много знаешь о хельзе, будто сама там была.

— Я и была. Пошла с незнакомым хельином искать Влада. Влипла в историю, выпуталась и вернулась.

Эрик помолчал немного, а потом бесстрастно сказал:

— Вряд ли Влад согласится мне помогать. У нас весьма натянутые отношения в последнее время.

— Он поможет, — уверила я и откинулась на подушки. — Проведет тебя.

— Хочет, чтобы я побыстрее справился и ушел в кан? А ты вернулась в атли?

Я пожала плечами. Была уверена, что так и есть, но говорить с Эриком на эту тему казалось кощунством. Вчера что-то произошло между нами, и пока я не готова была выяснять, что именно. Возможно, и не стоит это выяснять.

— Знаешь, когда я с тобой, мне совершенно не хочется вставать с постели, — улыбнулся он, словно почувствовал мое настроение и захотел исправить его, окрасить мысли радостью. Получилось — я не смогла сдержать ответной улыбки.

— У меня давно такое желание.

— Тогда давай его осуществим. Сегодня и завтра, и послезавтра... весь следующий месяц будем валяться.

— А как же сон? Видение?

— К черту твои видения! — резко выдохнул он и поцеловал меня. Затем потерся носом о мой нос и добавил: — Я уже начинаю их ненавидеть.

Я нахмурилась.

— Не говори так. Они — билет в кан, не забывай.

Эрик кивнул и неожиданно спросил:

— Глеб — он для тебя кто?

— В смысле кто? — не поняла я. — Он мой друг. Лучший.

— Друг и все?

— Друг и ого-го, — поддразнила я и рассмеялась. — Я не влюблена в него, если ты об этом.

— Ты очень отчаянно просила его спасти.

— Мы с Глебом многое прошли. В том числе и проверку сексом. Давно.

— В Ельце, верно? — лукаво поинтересовался Эрик. — Я помню. Твои флюиды не спутаешь ни с чем.

— Мои... флюиды? — Я поднялась и завернулась в одеяло. — Что ты имеешь в виду?

— Когда Ольга Измайлова умерла, я был слегка... занят. Не смог побывать на похоронах. Поэтому приехал чуть позже, с Дарьей. Глеба не было, не смог, а вот Влад был. Я тогда еще очень удивился — он странно отреагировал на мою реплику о Глебе и его девушке. У меня есть дар — читать остатки аур, а ваши там были... весьма специфические. — Эрик усмехнулся. — Влад не знал, да? Ну что вы там...

— О боже! — Я закрыла лицо ладонями.

Совпадений не бывает, но судьба иногда иронизирует над нами. Сразу всплыл в памяти чудесный вечер, закончившийся для меня фатально. Заныли шрамы на запястьях, будто индикаторы, напоминающие о предательстве. Белесые, рваные метки прошлого, которые не сотрешь.

— Ты сказал ему, — хрипло прошептала я и спрятала предплечья между коленей. — А потом он сделал... это.

— Что сделал? — насторожился Эрик.

Я подняла на него глаза. Звонящая тишина, ожидание ответа, разлившаяся по комнате тайна, будоражащая, пробуждающая плохие воспоминания — холод камня и запах крови.

— Провел ритуал изгнания Девяти.

Эрик вздохнул. Лег на спину и уставился в потолок. Показалось, он сожалеет о чем-то, только о чем именно, я понять не могла. Тени от деревьев за окном танцевали задорные танцы на стене, до которой не добирался рассеянный свет ноутбука.

— Это так странно, — задумчиво произнес Эрик. — И волнующе.

— Что именно?

— Такая преданность. Влад был достаточно жесток, чтобы ты задумалась об уходе из атли еще тогда, но ты все еще любишь его.

— Я не... с чего ты взял? — возмутилась я.

Он повернулся ко мне.

— Вижу.

И замолчал. Я тоже молчала. Щеки полыхали, а я пялилась на теребящие пододеяльник пальцы. Хотелось сказать ему, что я больше не люблю Влада, но не смогла. Наверное, потому что поклялась не врать Эрику, а это утверждение было бы явной ложью.

Воспоминания вернули не только плохое — с ними возвратились чувства, глубоко спящие в душе. Пусть моя любовь принесла только боль и разочарование, но она была. И моменты близости, единения — были тоже. А Влад, какими бы неправильными не казались его поступки, все же спасал меня. Как умел.

— Знал я женщин, которые умели вот так проникаться, — продолжил Эрик, и я снова на него посмотрела. — Раньше подобная преданность пугала меня до чертиков. А теперь...

— Что?

— Даже завидно, — улыбнулся он.

— Не завидуй, — угрюмо ответила я. — Было бы чему.

— Давай сотрем тот миг, когда ты сказала мне о видении. — Внезапно он привлек меня к себе, погладил по щеке и горячо добавил: — Никогда мне о них не рассказывай...

Его губы нашли мои — горячие, требовательные, настойчивые. Как бы мне хотелось и вовсе не видеть этих его испытаний, сменить дар на способности защитницы или целительницы и переложить свое несчастье на плечи какой-нибудь другой пророчицы. Незнакомой, которую потом можно будет корить за то, что забрала у меня Эрика. Забрала у мира.

Но корить придется себя.

— Если бы я остался, ты смогла бы меня полюбить? — внезапно отстранившись, спросил он, и я растерялась. Просто смотрела в глаза и молчала.

Зачем он это спрашивает? Чего ждет? Признаний? Слов, что на выходе разорвут душу, нанесут глубокие раны. Намного глубже тех, что остались бы, останься эти слова не

произнесены.

Но Эрик и не ждал ответа. Сгреб меня в охапку и прошептал:

— Не отвечай, или соври, что смогла бы.

С каждой секундой я боялась его все больше. Того, что он скажет, во что заставит поверить. Ведь надежда — как сорняк. Оставь одно маленькое семя и разрастется поле. А я не могу позволить себе надеяться.

— Мои слова ничего не изменят, Эрик, — ответила с горечью и отвернулась. Впервые захотелось от него убежать. Скрыться. Остаться одной. Некоторые темы, наверное, не стоит поднимать, чтобы не разочаровываться.

— Ты мало значения придаешь тому, что говоришь, — продолжал он. Казалось, Эрик вовсе не хотел заканчивать разговор. — Я растерялся совершенно. И чем ближе день открытия портала, тем меньше я хочу уходить.

Наверное, каждая женщина об этом мечтает. Чтобы мужчина, в присутствии которого у нее подгибаются коленки, сказал подобные слова. Что встреча с ней изменила его жизнь. Что она — особенная и будит в нем неизведанные чувства, а он полюбил ее настолько, что пересмотрел свое будущее.

Только вот я давно перестала верить в сказки. Реальность намного циничнее и жестче, поэтому к ней нужно уметь приспосабливаться. А розовые мечты сложить в банку из-под кофе и заглядывать раз в полгода, ночью, когда никто не видит. Рассматривать в течение получаса, словно содержимое детского тайника, затем складывать обратно и прятать — до следующего раза.

Но сердце все равно стучало гулко, воздух превратился в горячую жижу, обжигающую легкие.

— Ты что-нибудь скажешь? — осторожно спросил Эрик, разворачивая меня к себе. — Хоть что-то?

— Скажу, — кивнула я. — Тебе нужно в хельзу, иначе зачем все это было? Все эти годы, что ты готовился, искал пророчицу...

— И нашел, — перебил он. — Нашел — тебя.

— Все равно, — упрямо помотала я головой. — Мои видения — не просто так. Они всегда сбываются. Если я видела тебя в хельзе, значит, ты должен там побывать. К тому же, — злорадно улыбнулась, — будет весьма неплохо, если Орм пострадает. Он негодяй.

— Тебе успел досадить правитель хельзы?

— Он правитель запада, а не хельзы, — скривилась я. — К тому же падкий до кена пророчиц и до их крови. — Я вздохнула и, проследив, как меняется лицо Эрика, пояснила: — Орм первый, кто сказал мне, как проводится ритуал. Для того и заманил меня в хельзу.

— Считай, он уже труп, — недобро прищурился Эрик и крепко меня обнял. — Как и каждый, кто вздумает навредить тебе. — Погладил меня по голове и добавил: — Я пойду в хельзу. Но когда вернусь, мы поговорим об этом снова, хорошо?

Я ничего не ответила. Просто лежала и смотрела на стену — на хитросплетенье теней, превращающих темно-синий в индиго. Пляшущие существа гипнотизировали, а размеренный стук сердца Эрика успокаивал.

Я боялась поверить ему. Боялась представить, что все это происходит на самом деле. Любимый говорит, что я нужна. Я, а не его призрачный кан. И что когда-нибудь, возможно, если карты сложатся правильно, счастье станет осязаемым и реальным. А главное — длительным.

И так захотелось вдруг поверить, что так и будет! Но поверить означало проиграть.

Прошла неделя, но Эрик так ни разу не заикнулся о хельзе. Не знаю, говорил ли он с Владом, если честно, я с трудом могла представить их разговор. Влад в последнюю нашу встречу миролюбивым не выглядел, Эрик тоже высказался весьма красноречиво о вожде атли.

А я вновь оказалась в зыбучих песках. И каждый шаг сулил подножку, каждое необдуманное слово — разочарование. Эрик всю сознательную жизнь стремился в кан. Барт, да и Дэн говорили: то, что написано в книге пророчеств Арендрейта, сбывается всегда. Не станет ли внезапное сомнение Эрика фатальным? Да и что я могу предложить ему — сильному, смелому, совершенному? Истерзанную душу? Изуродованное шрамами предательств тело? Я — всего лишь сольвейг, сбившийся с пути. Упавший в бездну растерянный птенец. Раненное и сдавшееся животное.

Эрик не такой. Он все еще верит, что может что-то изменить: систему, жизнь родных, себя. Он не останавливается, не сомневается, идет к своей цели. И я, как бы сильно ни хотелось поверить в его привязанность, не имею права становиться у него на пути.

Иногда быть сильным — значит отпустить. Улыбнуться, пожелать счастливого пути, пообещать писать письма или хотя бы смс. Зная, что на самом деле расставание — навсегда, а память со временем затрется, истечет песком, наполнится новыми, пусть не такими радужными воспоминаниями. Это все неважно. Потому что в такие моменты ты учишься жить. Взрослеешь, постепенно избавляясь от детских капризов и комплексов. Понимая, что человеку без тебя будет лучше, чем с тобой. И там, где-то вдалеке, куда тебе дороги нет, он найдет нечто большее, чем простое человеческое счастье.

Да и что такое счастье? То, что для меня означает это слово, вовсе не должно значить то же для Эрика.

С этими мыслями я и приехала в тот дом.

Нет, я не нарочно его так обозвала. Наверное, все закономерно — ведь с самого первого дня, как я впервые увидела его, особняк атли оставался для меня «тем самым домом». Домом, где я окончательно лишилась наивности. Домом, где я любила, теряла, находила. Где повзрослела.

Что бы ни происходило, я всегда возвращалась сюда. И тогда, когда приехала с Филиппом — маленькая, испуганная, не готовая к совету. И после присяги, обещая Глебу, что останусь, пока не заживут его синяки. Сбежала из хельзы, вернулась из роддома с Кирой, несмотря на поступок Влада. Нагруженная напутствиями Барта, приехала из Москвы предупредить.

И вот снова — стою на пороге. Не в силах войти. Не в силах уехать.

Дом притягивал. Манил. Словно частичка прошлого, которое отвергло меня, но неумолимо звало обратно. Наверное, невозможно отречься и забыть. Не зря Эрик так печется о соблюдении закона крови — она кипит в жилах, манит туда, где твоя семья. Пусть несовершенная, пусть не понимающая тебя, но исконно близкая, родная. Потому что вам суждено было родиться в одном племени.

Никогда до этого я не задумывалась о связях между соплеменниками. О том, что это не только психологические узы, влияние вождя и самовнушение. Это нечто большее — энергетические связи, которые не в силах разорвать ничто. И пока ты дышишь, будешь стремиться туда, где живут по сути чужие тебе люди, но энергетически близкие. И вновь всплывают воспоминания: очаг племени, держащиеся за руки хищные, обмен... Все это не

проходит бесследно. Для меня не прошло. Ни жизнь в Москве с Ирой, ни быт сольвейгов, ни даже Эрик не смогли стереть этого.

Избавившись от дикого страха перед драугром, победив своих внутренних демонов, отрешившись от обид, я призналась себе: атли все еще в моей жизни. И пусть я не готова к шагам навстречу, да и к каким-либо другим шагам, понять это было откровением.

Я глубоко вздохнула и облокотилась о перила. Было уже совсем тепло: майский воздух пропитался солнцем, ярко-изумрудная трава шевелилась от легкого ветерка. На дереве у крыльца щебетали птицы. Входить не хотелось — на улице пахло раем и булочками. Впрочем, интуиция говорила, что мне совершенно необязательно входить внутрь. Во всяком случае, чтобы сделать задуманное.

Так и вышло — входная дверь распахнулась, и через секунду он уже стоял рядом. Человек из моих кошмаров. Самый страшный палач. И мужчина, которого я подпустила ближе всех.

— Ты вернулась или зашла к Глебу? — спросил он будничным голосом. Посмотрел вперед, где на стоянке серебрился новый обтекаемый автомобиль весьма агрессивного вида.

Как странно, что когда у человека в жизни случается что-то серьезное, он меняет себя. Женщины идут в салон и красят волосы в кардинально противоположный цвет. Выбрасывают в мусор старую одежду и меняют гардероб. А мужчины вроде Влада покупают новую машину.

Словно можно стереть переменами прошлое, сказать себе: ничего не было.

— Нет, — помотала я головой. — Я пришла к тебе.

Влад вздохнул и покачал головой, а затем криво улыбнулся, будто признавая поражение.

— Не ожидал. Думал, ты от меня прячешься. Но сегодня, наверное, особенный день. — Он повернулся ко мне. — Везучий.

— Везение здесь ни при чем, — ответила я, пропуская мимо ушей привычный сарказм. — Мне нужна твоя помощь.

Он, казалось, опешил.

— Что, прости?

— Ты все еще умеешь открывать портал в хельзу, верно? Ты был хельином, не уверена, что перестал им быть.

— Очень интересно, — прищурился Влад. — Зачем тебе понадобилось в хельзу. Полина?

— Не мне. То есть... — Я вздохнула. — У меня было видение.

— Стейнмод, ну конечно! — усмехнулся он и снова отвернулся. — В хельзу нужно ему.

— Это испытание приблизит его к кану.

— А сейчас я должен обрадоваться? — иронично поинтересовался он. — Запрыгать от счастья и предложить свои услуги?

— Влад...

— Что, Влад? Ты хоть представляешь, что происходило со мной за все это время, пока ты подвергала себя опасности раз за разом?

— Ты не сильно заботился о том, что происходило со мной! — резко перебила я. — Когда я жила в Москве.

— Собираешься всю жизнь меня этим попрекать?

— Да не собираюсь я тебя попрекать. Я пришла попросить о помощи. Если ты откажешь, мы будем искать другого хельина.

— Непросто найти хельина в кевейне, Полина.

— Знаю. Потому и пришла.

Несколько секунд Влад думал, а затем кивнул.

— Я помогу Стейнмоду. Но при одном условии.

— При каком? — нахмурилась я Естественно, не стоило обольщаться, что Влад Вермунд сделает что-то просто так.

— После этого испытания ты вернешься в атли.

— Ты не можешь этого требовать, — сказала я твердо. — Но могу сказать точно, если не поможешь, я никогда не вернусь.

— Это шантаж? Ты... шантажируешь меня? — Казалось, такого ответа Влад ожидал меньше всего.

А во мне проснулось странное безразличие. Или это называют уверенностью? Я пожала плечами.

— Ты первый начал. К тому же, ты прекрасно знаешь, что я не выношу шантажа.

— Я не вижу другого способа вернуть тебя, — пробормотал он и отвернулся. — Полякова вымотала мне нервы и чуть не лишила жреца. Она не отличает вещих снов от обычных и не утруждается, чтобы посвящать меня в детали. Атли нужна пророчица — настоящая, сильная. И я буду делать все, чтобы ее вернуть.

— Лина — деторожденная, — напомнила я. — У нее не будет моих способностей никогда. Но ее дочь, возможно...

— Я свою позицию озвучил. Обсуждать это больше не хочу.

— Хорошо, не будем обсуждать, — примирительно сказала я. — Так ты поможешь нам?

— Нет никаких вас, Полина. Есть только ты и Эрик Стейнмод!

Я глубоко вздохнула. Уже и забыла, как бывает сложно с ним разговаривать. Но, в конце концов, я пришла просить и требовать не имею права. Выводить Влада из себя не входило в мои планы. Поэтому я кивнула, соглашаясь на его правила.

— Хорошо, Влад. Так ты поможешь мне и Эрику Стейнмоду?

Несколько мгновений он пристально разглядывал меня, а затем кивнул. Было что-то жуткое в его взгляде в тот момент, но я не придавала значения. Наверное, все невозможно предугадать...

— Я помогу Стейнмоду. Проведу его. Только его одного, — уточнил он и поправил мне волосы — знакомым жестом и оттого почему-то волнующим. — Второй раз хельза не выдержит воинственного сольвейга. — Затем, стал абсолютно серьезным и деловито добавил: — Завтра в десять вечера, здесь. И пусть не опаздывает.

Затем резко развернулся и пошел к машине. А через минуту я уже осталась одна на крыльце, ласкаемая теплым весенним солнцем. В ореоле тревоги будущности. Совершив очередное безрассудство, о котором потом, возможно, придется пожалеть.

Безрассудства — моя фишка, и они всегда к чему-то приводят. К выбору. И неизменно — решению.

Решение было необходимо, как воздух.

Возвращаться в пропитанную опасными чувствами квартиру не хотелось, и поэтому я приехала в город и отправилась в парк. Долго гуляла по чистым аллеям, как довольная кошка, жмурясь от ослепительного и теплого солнца. Представила себя одной на целой планете, среди опустевших улиц с мигающими светофорами и белками, скачущими по ветвям каштанов. В почти абсолютной, оглушительной тишине.

А потом у меня зазвонил телефон.

Я и не заметила, как стемнело. В начале мая темнеет поздно. Не так, как в июне, но все же. Весна продлевает день, выплескивая больше света на циферблат.

Сумерки вернули холод. Мамочки с колясками покинули парк, освободив пространство для влюбленных парочек. Запахло хотдогами и дешевыми духами.

— Ты где потерялась? — Голос ласковый и совсем не обеспокоенный. Скорее соскучился, чем волнуется. Конечно, на меня же сверхсильная магическая защита. Охотник не убьет, драугр почил на дне океана.

Но он все равно звонит. Просто, чтобы узнать, что все хорошо.

— Гуляю в парке, — улыбнулась я, присаживаясь на лавочку с коваными перилами под ярко-желтым фонарем. Его свет коснулся плеч, но не согрел. Не солнце — так, его подобие. Просто свет.

— Одна?

— Одна.

Тепло разгорелось в груди. От гортанного звука его голоса, от слов — таких обычных, но таящих в себе сакральный смысл. Для меня. Для него.

Скоро все станет непоправимым, и значит, нужно остановиться. Сегодня у дома атли я сделала выбор, теперь очередь Эрика.

Теплая рука легла на плечо, но я даже не вздрогнула. Зажмурилась, впитывая радость момента. Судьба одаривает нас гораздо чаще, чем мы замечаем. Ежедневные бонусы, которых мы не заслуживаем, сила, что дает возможность бесстрашно смотреть в новый день.

Мы привыкли жаловаться. На несправедливость, рок, черные полосы. А ведь краски в наших руках. Плеснуть бы на холст желтым, зеленым, красным. Нарисовать радугу после дождя.

Но мы не умеем. Привычнее — жалеть себя.

— Я могу чувствовать, где ты, — шепнул Эрик мне на ухо и присел рядом. Я прильнула к его плечу, наслаждаясь неожиданным теплом, и поняла, что дрожу. — Замерзла?

— Немного. Думала, ты занят делами.

— Я и был. Только что из Владивостока.

— Там у тебя... что там у тебя? Чем ты занимаешься, Эрик?

Он улыбнулся.

— Верфи. Судостроение. Дело отца. — Помолчал немного и восторженно добавил: — Обожаю море!

— Ты похож на море — большой, сильный, как стихия. И страшный в шторм.

— Страшный? — Он отстранил меня и заглянул в глаза.

Я пожала плечами.

— Плевать. Пусть твои враги боятся! — Вздохнула. — Например, Орм из хельзы.

— А, это... — Эрик откинулся на спинку и прикрыл глаза. Красивый и необычный для этого мира.

Наверное, не зря в книге пророчеств ему предсказан кан. Вождь скади, словно воин древности, родился не в свою эпоху. И пусть он старался соответствовать — с сильными спорить сложно — но время будто отвергало его, игнорировало, вытесняло из реальности, превращая в красивую сказку для маленьких мечтательниц вроде меня. Несбыточный, но прекрасный финал.

И разозлившись на себя саму за то, что позволяю этим мечтам снова войти в душу, я

резко произнесла:

— Я говорила с Владом сегодня. Завтра вечером он проведет тебя в хельзу.

Молчание оглушило пронзительным звоном. Эрик напрягся, стиснул мое плечо, словно оно было его спасительным якорем. Я затаилась. Ждать — всегда сложнее, чем действовать. Ждать — означает смириться с положением вещей. Мириться я умела плохо.

Но молчание рассеялось в секунду, потому что Эрик расслабился и кивнул, прогнав напряжение:

— Это замечательно. — Чмокнул меня в макушку. — Ты так много делаешь для меня. Спасибо!

И словно ничего и не произошло. Остаток вечера прошел чудесно. Мы гуляли, смеялись, ели сладкую вату, а потом сетовали на липкие пальцы.

Майские звезды всегда необычайно крупные. На низком небе разбросанные пригоршнями невидимого волшебника, сияют, словно радуясь теплу весны. Отражаются в мутной воде спящих еще фонтанов, из которых осенью забыли слить воду.

В тот вечер были только мы и звезды. А еще луна — еще не совсем полная, с истертым правым боком.

Потом мы вернулись домой. Свет включать не стали. Сознательно. Приняли душ вместе в полной темноте. А потом Эрик взял меня на руки и отнес в кровать.

Наверное, мы принесли с собой немного звездной пыли. Разбросали по комнате, и она мерцала у нас над головами, на стенах, на тонких сатиновых наволочках темно-синего цвета. С нею мерцали и глаза Эрика — цвета плотного льда и голубой лагуны. Его взгляд пронизывал, проникал в меня, растекаясь по венам обжигающим теплом. Иногда казалось, я не выдержу — моргну. Но я выдерживала. Раз за разом. А потом полностью потерялась в нем, растворилась, исчезла.

Дышала — его дыханием. Видела — его глазами. Чувствовала — его кожей.

Стала им.

Так мы и лежали до утра, глаза в глаза, переплетя пальцы, спокойные и счастливые.

Было ли это проявлением чувств Эрика? Несомненно. Он был особенным, любил по-своему, защищал так, как умеет. Мечтая о несбыточном, на первый взгляд, не забывал дарить радость окружающим.

Мы провалились в вечность, ныряя друг к другу в душу, выныривая и вновь погружаясь. Такого у меня ни с кем еще не было — такой глубины, такой безысходности. Понимать, что связан с человеком неразрывно. Мы сплелись, сроднились корнями, питали друг друга, стали единым.

И пусть мне придется порвать эти нити, отпустить его. Смотреть на него до утра — это блаженство!

Вечер следующего дня был по-летнему теплым. Даже после заката двор атли встретил уютom и доброжелательностью. Весна понемногу сдавала позиции, в воздухе пахло дымом и жареным мясом, на соседском дворе собралась большая шумная компания — слышались задорные шутки и смех.

Люди. Живут, как умеют, не замечая ничего под боком. Конечно же, Лара просто напустила хороший морок. Интересно, кто, они думают, живет с ними по соседству? Добропорядочная семья с тремя детьми? Закоренелый холостяк, который приводит новую девушку каждый вечер? Толстопузый депутат с ухоженной, но изрядно постаревшей женой?

Или все-таки думают — морок защитницы настолько сильный, что просто рассеивает

внимание, когда взгляд касается соседского забора. Отводит ненужные мысли, перенаправляя их в другое русло...

Дом атли утонул в зелени. Аккуратно подстриженные кустики по обе стороны от подъездного пути, изумрудная трава, потемневшая в сумерках. Высокий клен у крыльца.

Мы приехали раньше — к восьми. Я тоскливо обвела взглядом двор и приготовилась к моральной атаке. На крыльце нас почему-то встречали Даша и Глеб. Защитница склади выглядела встревоженной, хотя и старалась это скрыть всеми силами. Приветливо улыбнулась мне и даже поинтересовалась, как дела. Странная — то рычит, то улыбается.

Я сильнее стиснула руку Эрика и ответила парой дежурных фраз.

Напряжение, казалось, можно было резать ножом. Глеб напрягся и выглядел подавленным. Поздоровался и утянул меня в дом. Я и сама была рада сбежать.

Влад явно не собирался облегчать мне жизнь. Встретил в гостинной теплой улыбкой и рукопожатием, на первый взгляд кажущимся невинным, но на самом деле... Большой палец скользнул к моему запястью, и по телу прошла незваная дрожь. Словно уверившись в своих умозаключениях, Влад подмигнул мне и повернулся к Эрику, выпуская руку. С вождем склади поздоровался сухо и неприязненно, вернув ощущение тревоги и даже усилив его.

А потом Глеб увел меня наверх. Перед тем как уйти, я еще раз взглянула на Эрика, но он был занят сестрой и на меня не смотрел.

В комнате Глеба ничего не изменилось — темные обои, беспорядок и гитара на кровати, поверх скомканного, не расправленного с ночи покрывала. Почерканные листы рядом — попытка сочинять. Глеб всегда пишет музыку, когда подавлен.

— Как ты? — Я присела и разгладила небольшой участок темно-коричневого покрывала.

— Жив, — улыбнулся Глеб и отвернулся. — Хотя ощущения разные, знаешь...

— Видел ее?

Он вздохнул.

— Нельзя. Я и так много натворил. Не хочу подставлять ее, да и Влад... Все же нужно вести себя по-взрослому.

— Ого, какие речи. А ведь когда-то ты его ненавидел.

— Что было, то было. — Глеб посмотрел на меня очень серьезно. — Он мой брат, Полина. Моя кровь. Я много думал. В какой-то мере я могу его понять. Тогда с Никой... думал, на все способен, лишь бы она жила! Мы всегда соринку видим лишь в чужих глазах.

— Я не верю, — покачала я головой. — Ты бы не смог. Остановился бы. Некоторые поступки меняют нас навсегда.

— Возможно. Эрик изменит тебя?

— Эрик?

— Да брось, Полевая, я все вижу. И тебя, и его, и ваши игры в любовь... Иногда мне хочется придушить его, веришь!

— Похоже, тебе вредно жить с Владом в одном доме, — пробормотала я и отвернулась.

На серых обоях истершимися призраками висели фото. Мы с Глебом в траве на заднем дворе. Рита — лучистая, улыбающаяся. Ольга в строгом костюме, опирающаяся на руку Альберта — отчима Глеба. И маленькая фотография Ники, спрятанная почти за шкафом. Ее отлично было видно только с кровати. Можно любоваться, когда лежишь один, и думать, думать...

— Влад здесь ни при чем. Я тогда еще говорил, что вы играете с огнем, а сейчас,

похоже, это вышло из-под контроля. — Глеб взял мою ладонь, несильно сжал. Рука у него была сухая и теплая, с шершавыми пучками пальцев — следами от струн. — Тебе ведь больно будет, Полина. Когда он уйдет. А мы оба знаем, как тебе бывает больно.

— Зато сейчас хорошо, — прошептала я, чувствуя, что глазам становится горячо. Плохой знак — предвестник грядущих слез. Я не имею права расклеиваться.

— Это аргумент, — улыбнулся Глеб и упал на спину. — Ты меня не слушай, ворчуна. Я тебя люблю и забочусь. Но жизнь свою живи сама.

— Я тоже тебя люблю. — Я легла рядом, положив голову ему на грудь.

— Ты в курсе, что скоро в Липецке будет новый зритель?

— Как новый? — Я подняла голову. — А... Мишель?

— Ходят слухи, суда Альрика древний не пережил, — заговорщически сообщил мне Глеб.

— Да ладно!

— Мишель мертв, Полина. Все плохое кончилось.

Кончилось. Все — и Герда, и Мишель, и даже Альрик как бы ни хотел, не мог причинить вреда. Разговоры — не в счет. Можно сделать вид, что они совершенно не трогают. И пусть Первозданный умеет читать мысли и делать выводы.

Все это Эрик. Как только он появился, все пошло на лад. Изломанные кости души срослись, раны затянулись и лишь шрамы изредка зудели, напоминая, что еще год назад я была при смерти. Маленькая испуганная девочка на берегу большой реки. Волны плещутся. В воздухе пахнет ванилью и рыбой.

— Думаю, Альрику не понравилось, что древний влез. Уверен, у него на вас с Владом были другие планы.

— Были... — прошептала я, стирая соленую влагу со щек. — Есть.

— Надеюсь, они не убьют друг друга.

— Что? Кто? — Я повернулась. Глеб смотрел серьезно и немного осуждающе.

— Влад с Эриком. Они же вдвоем идут в хельзу, тебя не берут. Хотя это к лучшему. Только вот... — Он прищурился. — Ты не спрашивала себя, почему Влад согласился ему помочь?

— Влад надеется, что после всех испытаний Эрик уйдет в кан, и я вернусь в атли, — криво улыбнулась я.

— Но ты ведь не вернешься, — вернул он мне горькую улыбку. — Сейчас ты скорее скади...

— То, что я помогаю Эрику, не делает меня скади! — возмутилась я.

— Это не делает. — Глеб сделал паузу, а затем спросил: — А ты не думала, что Владу проще сегодня же избавиться от Эрика?

Пульс нервно бился в жилке на виске. Во рту разлился солонковатый привкус. Страх? Кровь? Бог мой, я и не заметила, как прокусила губу!

— В каком смысле... избавиться?

— Влад ведет Эрика в хельзу, дверь в которую может открыть лишь хельин. Что если Влад не захочет возвращать его?

Подозрения размножились быстро. Растеклись морозом по плечам, спустились по позвоночнику. Теперь идея пройти это испытание сегодня не казалась такой удачной. Возможно, если бы я поговорила с Владом по-другому, убедила его... В чем? Что вернуться? Обмануть я бы не посмела.

Не готова — не то, что вернуться — решить. Пока Эрик здесь, хочу просто наслаждаться. Ключевое слово здесь «пока». Но все равно, если бы я была чуть более чуткой, возможно, Влад пошел бы в хельзу не с таким воинственным настроем. Если даже у Глеба возникли подозрения, беспечно с моей стороны не беспокоиться. Эрик-то думает, ему все по плечу. Впрочем, во многом так и есть.

Черт, теперь придется бояться за них обоих!

— Нет, — помотала я головой, найдя, наконец, единственную зацепку — которая реабилитировала Влада в мыслях. — Он не поступит так с Дашей.

— В последнее время мне кажется, Даша озабочена судьбой Влада больше, чем судьбой Эрика, — иронично возразил Глеб.

— Если Влад пойдет на это, я точно не вернусь в атли — он не может не понимать этого.

— А как поймешь, что именно там произошло? Эрик может сгинуть в бою — многие воины так погибают. Хельза — опасное место. А Влад... как бы я за него ни переживал, все же знаю его отлично. Да и ты знаешь — когда он чего-то хочет, умеет играть грязно.

— Влад не убьет его — не хватит сил, — уверенно сказала я. — Единственное, что он может — бросить его там. Но Эрику достаточно найти сильного хельина, и он выберется. Слишком шаткий план.

— Был бы шатким, если бы у Влада не нашлось союзников в хельзе. Не забывай о Вестаре, у которого в подчинении большое войско. Он богат и влиятелен, и сможет позаботиться о том, чтобы Эрик никогда не нашел выхода из хельзы.

— К черту Вестара и всех его воинов! Я видела, как Эрик дерется. Как безумный. Влад не захочет себе такого врага.

— Влад всегда умел рисковать, Полина. А сейчас на кону то, что ему дорого. Ты ведь знаешь, что это так — он мог погибнуть в Венгрии. Если бы ты не поделилась с ним, Влад был бы мертв. А жизнь свою он ценит больше всего на свете. Понимаешь, к чему я веду? — Глеб вздохнул и приобнял меня за плечи. Знакомый запах бензина и сигарет успокаивал и волновал одновременно. Или волновало то, что он говорил? — Твоя жизнь для него важнее. А значит, важнее ты.

Мы сидели молча некоторое время. Я считала струны на его гитаре — бессознательно перебирала их и думала о своем. Вспоминала. Белые розы в хрустальной вазе у Вики на столе, ночные звонки, быстрые сборы — две сумки с вещами и привет, новая жизнь. А потом слезы — вечные спутники моей жизни. Разочарование. Боль.

Был ли у нас когда-нибудь шанс? Хотя бы маленький? Или все изначально предрешиено и записано в книгу предсказаний? Если последнее верно, то как печальна наша жизнь. Ведь если ничего невозможно изменить, зачем бороться? И к чему придеешь в итоге? К выбору или мраморной плите на кладбище? Впрочем, нам, хищным, и этого не дано. Нас хоронят вблизи поселения или у очага — чтобы улучшить землю, напитать ее кеном. Тогда земля лучше держит защиту.

Что я знаю о мире мертвых? Он жесток, прямолинеен, и в нем ценят силу. А Эрик сильный воин. Вестар наверняка захочет себе такого. Есть ли у него способы заполучить Эрика? Хельины забывают прошлую жизнь, но Эрик не хельин. Он будет помнить. И вернется. Вернется ведь?

Эти мысли, как надоедливая мошкара, возвращались поживиться моими переживаниями.

Обстановка в гостиной их только усилила. Бедная Даша, как она их только выносила все это время? Старающиеся казаться спокойными, мужчины излучали такой негатив, что не хотелось спускаться. Я даже попятилась, но Глеб подтолкнул меня вперед — мол, иди, разбирайся с ними сама.

Изверг! Еще и издевается.

Не знаю, где в тот вечер были остальные атли — то ли Влад отослал в связи с нашим приездом, то ли предчувствие нехорошего прогнало их из дома. Дом замер. Молчал и делиться предположениями не спешил. Притворился спящим.

Впрочем, мне не нужен был дом, чтобы все выяснить. Эрик о чем-то говорил по телефону и бросал в сторону Влада недобрые взгляды. Даша допивала остывший чай.

Что ж, у меня есть время — несколько минут — но этого достаточно. Слова имеют значения. Словами можно ранить, а можно дать надежду. Жизнь научила меня быть немного циничной. Жонглировать словами. Не всегда, до этого мне еще далеко, но в нужные моменты... Изворотливости бы еще и можно сказать, умею выживать.

Глеб присел рядом с Дашей и увлек ее расспросами о жизни скади. А я подошла к Владу.

— Можно с тобой поговорить? — Покосилась на Эрика и почему-то ощутила легкий укол совести. Нет, нельзя поддаваться ей. Я должна быть уверена. Просто не могу допустить, чтобы наш путь прервался на полдороги. Поэтому добавила: — Наедине.

Влад тоже взглянул на Эрика и ответил. Громко.

— Тебе всегда можно. Могу предложить кабинет или свою спальню.

Он сделал акцент на слове «спальня». Вложил в него, как письмо в конверт, тайный смысл, запечатал и наклеил марку. Впрочем, адресат прекрасно понял все еще до того, как распечатал. Ответил злым, льдистым взглядом, способным смутить любого. Любого, но не Влада.

— Кабинет сойдет, — буркнула я и, не дожидаясь, пошла в сторону коридора.

Если эта афера выгорит, никогда больше не буду присутствовать при их встречах. Пусть меряются уровнем тестостерона как-нибудь без меня.

Да и вообще... недолго осталось мериться.

Откуда я знала? Просто знала. Испытания не вечны.

Темно-зеленая штора качнулась, когда Влад прикрыл за нами дверь. Руки дрожали, и я спрятала их в задние карманы джинсов. Влад, напротив, был расслаблен — оперся о дверь и не сводил с меня испытывающего взгляда, теплого и колючего одновременно.

Лед и пламя.

Желание и злость.

Он винит меня в том, что чувствует. Сколько лет я винила его? Нужно с этим покончить! Мы — только то, чем позволяем себе стать.

— У тебя кровь. — Он прищурился и шагнул ко мне. Пара мгновений — и он рядом, приподнял подбородок, смотрит.

— Это я... поранилась. — Я высвободилась и облизала губу. Соленый вкус воскресил страх.

— Тревожишься?

Я кивнула.

— Хотела попросить, если еще могу просить тебя о чем-то. Влад еще раз оцени все прежде, чем что-то сделать.

— Ты всегда можешь попросить, Полина, — хрипло, почти шепотом ответил он. Не прикасался, но ему и не нужно было. Слишком рано я похоронила прошлое — теперь оно рвется, кричит и царапает крышку гроба. И сердце колотится, и воздуха мало — на поддыхания всего. — Но я не понимаю, о чем конкретно ты просишь.

— О том, что ты хочешь сделать... в хельзе.

Почему здесь так душно? Лето же почти совсем, неужели так трудно проветрить?

Занавеска еще раз качнулась, за окном крикнула птица — слишком громко. Значит, оно открыто. Значит, дело не в воздухе — во мне. В нас. Здесь...

— Я ничего не придумывал для хельзы. Особенного.

И снова этот взгляд. Он все понимает. Знает правила игры. Всегда знал. Влад слишком хороший игрок, чтобы мне его переиграть, но я никогда не прощу себе, если не попытаюсь.

— Хорошо бы так. — Я тряхнула головой, пытаюсь убрать с сознания морок. Он не может больше влиять на меня. Он больше не мой вождь. — Не хотелось бы еще больше разочароваться в тебе, Влад.

Светлая бровь удивленно приподнялась.

— А есть куда больше?

— Есть.

— Тогда я сделаю все, чтобы этого не произошло.

— Спасибо, — искренне сказала я. Робко улыбнулась. Сама понимала, насколько нелепо все: ситуация, моя просьба. Но попытаться стоило.

— После того, как мы вернемся... — Влад замялся, погладил меня по плечу. Затем скользнул по ключице к шее, словно прощупывая, сколько еще ему позволено. Я была глупа, если думала, что он не будет действовать. Он всегда действует — именно это и восхищало меня в нем. — Останься здесь.

Я резко выдохнула и отстранилась. Нужно пресечь на корню, иначе... Что иначе? Все это ты уже проходила, Полина, и не раз.

Но Влад выставил ладони вперед в примирительном жесте.

— На ночь. Просто погостить. Уверен, Глеб будет рад.

Я не останусь. Я знала это. Уверена, он тоже знал.

Но вслух произнесла:

— Я подумаю.

Он кивнул и улыбнулся. Только тепло ушло из взгляда, и Влад превратился в хищника. Такого, каким он был всегда — ловкого и беспощадного.

— Отлично! Идем, меня хельза ждет.

Мы вернулись в гостиную — мрачную от наполнившего ее ожидания. Даша с чашкой в руке — приклеилась она к ней, что ли? Сколько можно пить чай? Глеб — уже не улыбается, шутливость из облика испарилась и осталась тревога. Он, как и я, понимает, насколько все серьезно.

И Эрик. Злой. Даже не скрывает.

— Поговорили?

Так дело не пойдет: успокоила одного, разозлила другого. Можно вечно метаться и ничего не достичь. Впрочем, поздно. Напольные часы в кабинете пробили десять — наверное, Влад не прикрыл дверь, и до гостиной доносился их торжественный и печальный звон.

Я шагнула к Эрику. Все же я это затеяла, мне и разгребать. И я не боюсь — он не

причинит вреда своей пророчице.

Такое странное словосочетание: от него тепло в груди и в голове, мышцы размякают, кости становятся гибкими, как лоза.

— Мы идем или как? — Влад явно не собирался упрощать мне жизнь.

— Идем, — ответил Эрик, не сводя с меня глаз.

Я взяла его за руку — инстинктивно потянулась. Хотелось его тепла. Понимать, что он еще хочет меня.

Как мало женщине нужно для счастья. Чтобы любили. Вернее, чтобы любил тот самый — без которого смерть...

Думала, не ответит, но он сжал мою ладонь, нежно погладил запястье. И выше — там, куда уходили рваные шрамы прошлого.

— Пожелай мне удачи, — попросил тихо.

— Удачи, — улыбнулась я.

Он покачал головой.

— Не так.

А затем, пока я не успела опомниться, притянул к себе и на глазах у всех поцеловал. Страстно. Требовательно. Собственнически.

А потом отпустил. От неожиданности я покачнулась, а когда сошла эйфория, почувствовала, как лицо заливают краска. Все усилия — напрасны. Перечеркнуты одним прикосновением губ. Я буквально чувствовала, как взгляд Влада жег мне кожу в районе лопаток. Через одежду. Ревностным взглядам не помеха кусок ткани.

Ну что за дурацкая привычка — метить территорию? Разве нельзя обойтись без этих первобытных замашек и все решить цивилизованно? Судя по тому, как эти двое смотрели друг на друга, нельзя...

Мне не понять мужчин. Никогда. Я всегда отступала — с Владом перед его многочисленными любовницами, с Эриком — перед каном. Ни один из них, похоже, отступать не намерен.

В гнетущей тишине гостиной нелепым и пронзительным был звук соприкосновения чашки с блюдцем. Поставила, наконец. Я мельком взглянула на Дашу: смотрит в коленки и, наверное, ненавидит меня. Глеб только сочувствует, за что ему и спасибо.

А потом я увидела портал. Переплетающиеся нити, неохотно пропускающие жителей кевейна. Они множились, двигались, лоснились, как гнездо змей, которое нечаянно потревожили. Светло-серые, мутные.

Эрик погладил меня по щеке и бесстрашно шагнул вперед. Нити опутали его, попытались вытолкнуть, но он рванулся и исчез. Портал сомкнулся за его спиной, заволновался, возмущаясь наглым проникновением чужака.

— Мне ты удачи не пожелаешь, — язвительно сказал Влад и, пока я не успела опомниться, добавил: — Ну ничего. Попробую без нее.

И скрылся вслед за Эриком.

Портал проглотил его и свернулся, сначала в небольшой клубок серых нитей, а потом и вовсе исчез.

Ушли.

Я с шумом выдохнула и закрыла глаза.

В хельзе время идет быстрее. Возможно, все займет несколько минут. Они скоро вернутся.

Вернутся ведь? Оба?

Я поймала острый, злой взгляд Даши. Хотелось ответить на него. Сказать, что на самом деле я хотела все сгладить, а не усугублять. Но Эрик почему-то решил утвердиться в правах владения.

Но не сказала. Меня рванула с места невидимая сила. Кажется, я упала. Кажется, даже ударилась затылком.

Все это уже не волновало, так как я увидела...

...Я знала, что не стоило пить. Пророчицам вообще, а мне — тем более. Наверное, опьянела от радости. Радость пьянит похлеще вина — кружит голову, путает мысли, растворяет их в мутной патоке блаженства. Мое блаженство имело вкус карамели. Запах карамели. Оно было синим, как небо. И теплым.

А сейчас болит голова. И внутри... что-то...

Трава холодная и мокрая. Нужно встать, но не могу — слишком устала. Слишком больно. И ладони к груди, словно можно удержать, словно если не удержу, боль разорвет грудь, сломает ребра и вырвется в мир.

Всего лишь боль. Я к ней привыкла. Нужно вспомнить, как это бывает. И перетерпеть.

Дождь обильно поливал спину. С ним легче. Мой защитник. Несмотря на то, что я не атли, он все равно мой... во мне... Слезы природы, ее гнев, освобождение. Очищение мира — этот июньский ливень.

Почему именно сегодня? Насмешка судьбы? Плата за удовольствие? Оно еще там, в венах, в жиле. Сладкий карамельный кен. Не дает забыть, проститься.

А проститься нужно.

Он ушел. Все кончилось. И только в воздухе поодаль колышется белое марево — остатки портала. Мираж. Тень.

Мокро. И больше никого — только я. Степь, умытая дождем, и я. Потерянная девочка. Слезы теплее дождя. Они все катятся и катятся, падают на землю, смешиваются с грязью.

Но все же мне хорошо одной. Хуже, чем с ним, но лучше, чем в городе. Там бы я не смогла. Там бы сломалась. А здесь, в грозу, я в своей стихии. Выстою. Перетерплю. Смогу.

Он верил в меня. Всегда. И, несмотря на то, что ушел, оставил уютный теплый кокон, в который я влезла. В нем можно не бояться — плакать. Оплакивать...

А потом этот звук — из внешнего мира. Кокон идет трещинами, лопается, распадается на части. И мира много — слишком — жестокого, злого. Я не хочу обратно, не хочу... без него.

Но это всего лишь телефон. Глеб звонит. Его фото расплывается в кляксообразных каплях, тут же принявшихся поливать сенсорный экран.

Я отклонила звонок. Не то, чтобы не хотела его слышать. Не знала, что сказать.

Телефон испортится, нужно убрать.

И последнее, что увидела — голубые цифры на черном экране. Полдвенадцатого. Через полчаса новый день...

Двадцать третье июня.

— Тебе больно? — спросил Глеб в другом — реальном уже мире.

Я кивнула, стирая со щек слезы. На ковре в гостиной атли. В мягком свете вечерних ламп. А потом невольно потянулась рукой к груди — где билось, вырывалось, ныло испуганное сердце.

— Больно.

Глава 21. Спички и мосты

Их не было уже два часа. Два длинных, нескончаемых часа.

Сколько времени прошло в хельзе? По моим неумелым подсчетам около месяца. Месяц — это много. За месяц может случиться что угодно.

Я поймала себя на том, что кусаю ногти. Голова раскалывалась, не помогла таблетка, которую дал Глеб. От видений об Эрике всегда сильно болит голова, но обычно он рядом, теплая ладонь ложится на лоб, и шепот в ухо прогоняет боль.

Сейчас к боли примешивалась тревога. Она нарастала комом и множилась каждую секунду, становясь невыносимой. Рождала страшные мысли и питала панику.

А еще я думала о видении. О мокрой земле. О шелесте ливневых капель. О тающем следе портала...

Знала, что конец близок, но чтобы настолько... Чуть больше месяца. Лето будет одиноким для меня. И больше не место для «когда-нибудь», осталось только «когда». Четкая дата. Четкое время. Все, как хотел Эрик.

Я приткнулась к окну, Глеб — к другому. Почему нам казалось, что нужно ждать их с улицы? Не знаю. Я смотрела на гладкую плитку у крыльца, освещаемую сиреневым светом. Чуть поодаль стояла машина Эрика.

— Они вернутся, — произнесла тихо, не сразу осознавая, что говорю вслух. — Вернутся оба.

Подбадривала себя, хотя в глубине души понимала: случиться может всякое. В какой-то мере виновна в этом буду я.

— Вернутся, — подала голос Даша. — Если не убьют друг друга. Если Эрик не убьет... — И замолчала. Казалось, сама испугалась произнесенных слов.

Даша была бледна, как мел. Сцепила руки в замок и сунула между коленей. Она волновалась не меньше меня.

— Что за глупости, — возразил Глеб. — Он не станет.

Не станет. Если не разозлится настолько, что не сможет себя контролировать.

Но Эрик всегда умеет. Он знает, зачем пошел в хельзу, и что только Влад сможет вывести его обратно. Все будет хорошо.

Они вернутся.

Оба.

— Там что-то... — Глеб замолчал, указывая рукой на подъездной путь.

Прямо посреди дорожки, обрамленной двумя вереницами аккуратно стриженных кустов, открылся портал.

Я бросилась к двери, Даша — за мной.

Я смотрела только вперед — туда, где из переплетающихся серых нитей вышел человек. Портал вскипел, рванулся наружу сизыми сполохами и погас.

Виски прострелило новым приступом боли, и я невольно зажмурилась — теперь уже от ужаса.

Никогда не бывает идеально. Жизнь — не полотно, на котором ты можешь нарисовать что угодно. Она вовсе не должна подчиняться твоим желаниям.

Знала ведь, что так будет, чувствовала еще тогда, когда они ушли. Утешала себя

пустыми надеждами, успокаивала, и что в итоге? Глеб предупреждал, и не раз, но я не слушала. Оглохла от счастья, не смотрела по сторонам. И вот, к чему это привело.

Влад тяжело дышал. Его одежда — вернее, то, что считалось одеждой в хельзе — была изорвана и испачкана грязью. Он и сам был испачкан, а еще в крови. Ею измазались рукава широкой рубахи из плотного сукна, кровь присохла извилистой струйкой от виска до шеи, скрываясь где-то за воротом.

Кровь — всегда плохо. Значит, что-то случилось. Что-то плохое...

А потом он поднял на меня глаза.

— Где Эрик? — хрипло спросила я и замолчала.

Даша сжала мое плечо, словно ища во мне поддержки. Странно, ведь мы никогда особо не ладили. Наверное, она тоже испугалась. Ей вообще несладко пришлось: когда лучший друг и брат ссорятся, невольно приходится принимать чью-то сторону. Но несмотря на то, кого ты поддержишь, всегда будет больно за того, другого.

Влад приближался медленно, и с каждым его шагом в груди все леденело, обрасталло инеем, словно организм пытался таким образом побороть огромную лавину отчаяния, готовую ворваться внутрь.

Он не мертв.

Он не...

Он...

— Где Эрик? — повторила я уже громче, и голос сорвался на крик.

— Получил, что заслужил, — прошипел Влад и прошел мимо.

Даже не остановился.

Я посмотрела на Дашу. Побледнела. Неужели тоже верит...

Во что, Полина? В то, что Эрика Стейнмода можно убить? Он не бессмертен, и к сожалению.

Защитница скади сорвалась с места и рванула в дом — следом за Владом, а я осталась стоять на месте, ноги словно приморозило к полу. Глеб осторожно обнял за плечи, а я пыталась поверить в то, что Эрик не вернулся.

Неужели все закончится вот так? И не будет ничего, даже прощания?

По плечам растекалось тяжелой, вязкой смолой ощущение непоправимости.

Нет, нельзя просто так стоять — нужно выяснить. У меня для этого масса способов, и самый простой — переспросить. Снова.

Я не верила, что Влад убил Эрика. Не потому, что не стал бы — банально не хватило бы сил и знаний. Скорее всего, поцапались. И он ушел. А Эрика оставил в хельзе.

Я развернулась и вошла в дом.

Влад все еще был в гостиной. Шептался у лестницы с Дашей, и она гладила его по плечу. И лицо защитницы вовсе не выражало скорби, скорее сочувствие, что подтвердило мои догадки.

Я подошла и сложила руки на груди. Не уверена, что получилось смотреть грозно, но я очень старалась.

— Что произошло в хельзе?

— Что произошло? — нарочито тихо ответил Влад. — Съехал с катушек твой Эрик.

— И ты бросил его там? Одного?

— Слушай, Полина, я очень хорошо к тебе отношусь и все такое, но сейчас лучше... не подходи. — Он развернулся и быстрым шагом отправился наверх, а я снова осталась стоять

посреди гостиной, как идиотка.

Бегать теперь за ним, что ли? Или подождать, пока отойдет?

Впрочем, это здесь час-другой ничего не решает, а в наполненной опасностями хельзе — очень даже. А Эрик сейчас там, один...

Я перевела взгляд на Дашу в поисках поддержки, но получила лишь упрек.

— А чего ты ждала?

Чего я ждала? Серьезно? Например, того, что взрослый мужчина не будет вести себя, как ребенок, у которого отобрали игрушку.

Но Даше, похоже, ответ был не нужен, она поднялась вслед за Владом. Утешать пошла, конечно. Погладит по головке, сменит подгузник, споет колыбельную.

Я сжала кулаки, больно впиваясь ногтями в ладони. Нужно успокоиться, а то у меня от злости тоже скоро искры из глаз посыплются.

Это всего лишь Влад. Не суперзлодей. Он продуманный, не станет вредить скади. Просто злится. И я злюсь — так у нас диалога не выйдет. С ним нужно по-другому, спокойно. Конструктивный диалог всегда помогает прийти к пониманию.

Глеб подошел неслышно, и я вздрогнула от неожиданности, когда он коснулся плеча.

— Эй, главное, Эрик жив.

— И как, по-твоему, он вернется обратно?

Я глубоко вздохнула и шагнула к лестнице. Старалась прогнать тяжесть из груди, но с каждой ступенькой она нарастала, давила изнутри, затрудняя дыхание.

Несколько метров лестницы, затем кусок коридора, и вот я снова перед той дверью. Она приоткрыта, и прерывистый шепот шлейфом струится по коридору.

Я почувствовала себя лишней. Уставшей, измученной, приехавшей в место, некогда бывшее мне домом и даже в какой-то мере желающее принять обратно, но... с условиями. Барьеры к пониманию воздвигались динамически, а преодолевать их хотелось все меньше.

Вернуть Эрика, сказала я себе. Вот зачем ты здесь, Полина.

И шагнула внутрь.

Влад сидел на кровати, а Даша пыталась обработать его раны. Впрочем, ранами это нельзя было назвать — так, ссадины и синяки. Ну еще на виске кровь запеклась. Хотя главный удар пришелся, полагаю, на гордость.

Когда я вошла, они замолчали. Влад смотрел недовольно, но уже не зло. Возможно, подъем по лестнице несколько отрезвил, а может, Даша успокоила.

— Знаю, отвали и все такое, — быстро сказала я, пытаясь пресечь любые попытки меня выставить. — Но я не уйду, пока не расскажешь.

Упрямо сложила руки на груди и выдержала его взгляд. Первая ступень противостояния с Владом — игра в гляделки. Сложно, но преодолимо. Особенно если ты злишься. Особенно, если он виноват.

На этот раз виноватым Влад не выглядел. Перевел глаза на Дашу и шутливо спросил:

— Отличный способ оставить ее здесь навсегда, не находишь?

Даша улыбнулась, но ничего не ответила. Тоже перестала злиться? Им, похоже, полезно проводить время в обществе друг друга. Почему бы им не пожениться и не оставить меня в покое?!

Защитница сложила бинты и перекись в коробку, а затем убрала ее в верхний ящик комода. Тишина звенела, лишь тихие Дашины шаги утопали в шуршащей мягкости ковра. Она вышла так же бесшумно, как и передвигалась по комнате. И мы с Владом остались одни.

Безнадежность постепенно стекала с плеч, обнажая неуверенность, и меня начало знобить. То ли от напряжения, то ли от усталости. Видения всегда выматывают. После них хорошо бы сладкого чая и поспать, но уж никак не устраивать разборки с разъяренными ревнивцами.

Реальность иногда сурова.

— Ну, — произнесла я нетерпеливо, — ты расскажешь, наконец, что случилось в хельзе?

— Ты же собралась тут всю ночь стоять, — пожал плечами Влад. Улегся, не обращая внимания на испачканную одежду, закинул руки за голову и посмотрел на меня из-под полуопущенных ресниц. — Мне эта идея по душе. Так что пусть побудет тайной до утра.

— Хватит, не смешно! Я же не ссориться пришла. Уверена, ты тоже не хочешь. Перед уходом в хельзу ты кое-что обещал, помнишь?

— Нечего рассказывать. — Он посмотрел в потолок, делая вид, что ему совершенно неинтересен диалог. — Стейнмод первый начал, а не защищаться я не обещал. Видишь, какой урон я понес?

Играет. Влад умеет играть, в этом ему нет равных. Но и я так просто не сдамся.

Я приблизилась, присела на край кровати. Чувствовала себя иначе, чем в кабинете — уверенной и совершенно неподвластной его обаянию, за что мысленно себя похвалила.

Влад и правда выглядел измученным. Загорелая кожа на щеках обветрилась и шелушилась — наверное, он немало времени провел в пустыне. Для привычного к таким условиям Ингвара это мелочи, но Влад-то городской житель. Наверняка, месяц в хельзе оказался для него нелегким испытанием.

— Тебе досталось, — подыграла я. Иногда я тоже умею следовать правилам, особенно, когда важен результат. — Не знаю, что вы не поделили с Эриком, но ты же не оставишь его в хельзе? Вернешься за ним?

— Зачем это мне? — И снова игра в гляделки. Казалось, он мог играть в нее до утра. У меня сил оставалось все меньше. Терпения тоже.

— Хотя бы затем, что я тебя прошу.

Молчание. Секунда. Две. Они сливались, наполнялись ожиданием — приторным и щемящим. Кому-то суждено рулить в этой игре, и я чувствовала, что сдаю позиции.

А затем Влад сел, и его лицо оказалось близко — неприлично близко для формального разговора. И безумно, почти неудержимо захотелось убежать.

Возможно, так и нужно было поступить. Иногда струсить лучше, чем лезть на рожон... Жаль, что в такие моменты я совершенно не умею трусить.

— Если ты хорошо попросишь, я подумаю, — произнес Влад опасно тихо. Тем самым циничным, холодным тоном, которым никогда ранее со мной не говорил, но позволял себе в общении с врагами.

А это значит — война. И от нее не отвертеться.

Но я все же попыталась.

— Прошу тебя, Влад, пожалуйста, вернись за Эриком в хельзу.

Сложила руки на коленях и смиренно дожидалась ответа. Правила игры никто не менял: кто прогибается, тот проигрывает.

— Не так, — сказал он.

— По-другому просить я не умею.

— А ты помнишь, что обещала мне перед нашим уходом в хельзу, Полина?

— Хорошо, я переночую в этом доме, если для тебя это так важно! Все, ты доволен?

Влад покачал головой.

— Все несколько изменилось. Теперь это недостаточная плата.

— А какая достаточная?

— Ты останешься здесь, со мной. В этой комнате. До утра.

— Ты шутишь?! — Я даже закашлялась от возмущения.

Влад покачал головой.

— Нет. Не шучу. Напомнить, что только хельин может открыть портал из хельзы?

Я вздохнула. Горло полыхнуло обидой. Немного по-детски обижаться, знаю ведь, какой он. Но удержать в себе горечь не получалось. Я опустила глаза и посмотрела на все еще лежащие на коленях ладони.

Нельзя сдаваться! У меня есть еще аргументы.

— Ты ведь на самом деле не такой, — произнесла тихо. — Жесткий, но не жестокий. И причиняешь боль, только если вынужден. А сейчас ведешь себя совсем не так, как человек, которого я полюбила.

Когда палишь из тяжелых орудий без подготовки, рискуешь пострадать от отдачи. Наверное, это не те слова, которые следовало говорить, но других у меня не было.

У нас с Владом было прошлое, в котором преждевременно скончались бесполезные разговоры. Ненужные объяснения. Финальные фразы.

Мы их не сказали, и они липким, противным налетом остались на душе. И теперь говорить об этом означало оттирать этот налет. Признаться себе, что не так чист, как хотелось бы думать.

Но дело даже не в этом. Некоторые слова причиняли реальную, физическую боль. От них ныло в груди, противно стучало в висках, дрожали руки.

К таким разговорам нужно готовиться заранее. Я оказалась не готова.

— Я тот человек, которого ты оставила. Привыкай, — хрипло ответил Влад, и в его голосе слышалась реальная обида. От тех же невысказанных слов и объяснений, озвучить которые ему не дали. Он старался для меня, а я не оценила. Отвернулась. Он ждал, что я пойму, а я ушла.

Я старалась понять. Что уж скрывать, иногда по ночам, в темноте, кутаясь в теплое одеяло и пряча руки в рукава махровой пижамы, искала ему оправдания. И не находила. Всегда ведь находила, а после Будапешта — не могла. Вот и остался он, как в той песне, непрошенным...

— Я не оставляла тебя. Ты сам... Черт, мне действительно нужно это говорить?!

— Ты — атли. Была атли, когда вернулась из Москвы. Напомнить, зачем ты приехала?

— Я помню.

— Так почему не можешь сделать шаг навстречу? Ты не отреклась — тебя заставили уйти! — Влад взял меня за руку, и мне даже показалось, лед тронулся, и я смогу его убедить. — Сейчас есть шанс вернуться. Не ко мне — в семью.

— Я не говорила, что не вернусь, просто сейчас... все сложно.

— Все предельно просто, Полина. Это ты усложняешь.

— Я обещала помочь Эрику!

— Спать с ним ты тоже обещала?

Не знаю, что тогда со мной произошло. Влад злился, я опешила. Наверное, действовала на инстинктах... Помню плохо, если честно.

Только бордовая пелена перед глазами от захлестнувшего негодования и злости. Напряжение в жиле. Зуд в ладонях. Страшный момент для сольвейга, хорошо, что я научилась себя контролировать.

Вернее, не себя — свой кен. С поведением дела обстояли хуже. Выдержкой я вообще похвастаться не могла...

В общем, я ударила. Не магически — выдернула руку, которую он держал, и вlepила пощечину. Наверное, сильно, потому как ладонь тут же полыхнула огнем, запястье дернуло, а щека Влада покраснела.

Я перегнула палку — поняла это в следующую секунду, но было уже поздно...

Он никогда на меня так не смотрел. Даже когда я чудила. Даже когда договорилась с Таном, и тогда, с Гердой...

На секунду мне показалось, он ударит в ответ. Обошлось. Книг олю б. нет

— Никогда. Так. Больше. Не делай, — отчеканил Влад, прожигая меня едким, ненавидящим взглядом.

Вот и поговорили. Никакой из меня дипломат, вечно все порчу. Тут, похоже, испортила навсегда... Не думаю, что у нас когда-нибудь получится конструктивный диалог — эта ночь останется между нами, разделит, ополовинит, разведет.

Впрочем, давно пора было что-то решить. И, похоже, я решила...

— Ладно, — устало сказала я и поднялась. — Хорошо.

Ладонь все еще саднила, голова раскалывалась, и я поняла, что все равно до утра ничего уже не изменится. Нужно выспаться, а утром... Утром и решу.

Не помню, как спустилась, как вышла на улицу. Я брела к воротам, смутно представляя, куда и зачем иду. Просто хотелось покинуть этот дом, двор, стереть любые упоминания о Владе и об этой ссоре. Просто забыть.

Глеб нагнал меня у ворот. Развернул к себе, встряхнул, немного приводя в себя.

— Поцапались? Ты и Влад...

— К черту Влада! — перебила я. — Мне нужно найти хельина. Кто-то же должен вытащить Эрика.

— Да не проблема. Сейчас в ближайшем супермаркете купим. — Он выпустил меня и присел на траву. — Где ты найдешь хельина в кевейне?

— Что-то же нужно делать! Просто сидеть и ждать чуда я не смогу.

— Нужно, — кивнул он. — К утру Влад остынет, и я с ним поговорю. Придется Эрику немного подождать в хельзе.

— Ты не уговоришь его, — покачала я головой и тоже присела. Трава была холодной и мягкой, а еще изумительно пахла — летом и солнцем. Громко стрекотали сверчки, а за горизонтом сверкало.

Будет гроза. Эти мысли пробудили воспоминания о видении.

Ветер трепал волосы Глеба, я смотрела на его профиль и успокаивалась. Пусть я не вернусь в атли, но все же хорошо, что не отреклась. Так у меня хотя бы друг остался...

— Кажется, я слишком разозлила Влада, — добавила тихо и обняла колени. — Стоило, наверное, сдержаться, но он иногда просто умеет выбесить.

— Влад ревнует, что тут непонятного? Ты его любила столько лет, а тут... Да еще и Эрик — все же он сильнее, а это удар по самолюбию. Мы, мальчишки, слишком серьезно относимся к собственной гордости. — Глеб обнял меня за плечи и прижал к себе. — Но Влад отойдет. Все же он тебя любит. Радовался, когда вернулась. Пытался скрыть, конечно,

но я-то его знаю.

— Для нормальных отношений одной любви мало.

— Но все же она не помешает. Любит ли тебя Эрик? Времени у вас не так много.

— А разве можно себе сказать: этого не люби, у него не ты на уме, а кан? Разве можно это контролировать? Если он всегда рядом. Всегда, когда нужен... И близко, и понимает. А потом понимаешь уже ты — что влюбились. Ты знаешь, со мной такое редко случается и, увы, контроль не поддается.

Я стерла со щеки предательскую слезинку. И встала. Хотелось закончить ненужный разговор. Уйти, вернуться в синюю комнату, упасть на кровать и вдыхать сладкий, карамельный запах. А еще забыть о видении хоть ненадолго.

— А ты ему говорила? — Глеб тоже поднялся и подошел. Сдаваться, видимо, не собирался, решил меня домучить. — Эрику?

— Зачем? Что это изменит?

— Понимаешь, он либо уйдет, либо останется, и тебе решать, пытаться или нет. Но если не попытаешься, будешь долго оплакивать неиспользованную возможность, поверь мне. Любишь — дерись. Все просто.

— Как ты — за Нику?

— Я не дерусь. — Он отвел взгляд и поник. — Сама слышала, что сказал главный судья.

— Альрик тут не навсегда. Однажды ему надоест, и он уедет мучить кого-то другого. А вы останетесь.

— Ника — ясновидец, я — зверь. Между нами огромная идеологическая пропасть.

— Маму с папой это не остановило.

Он замолчал. Удивился. Только в глаза смотрел — пристально и недоверчиво, словно я могла ему соврать. Словно когда-то врала.

Раскаяния, что проговоришься, не было. Глеб не выдаст, да и Альрику до него дела нет. Я почему-то знала это — Первозданный на Глеба вообще почти не смотрел, а интерес в его глазах я всегда различала явно.

Другое дело — Влад. Или Эрик. Или я.

Но вслух все равно сказала:

— Не болтай. Даже Нике. Это тайна.

— Фига се! — И он снова уселся на траву. Смотрел прямо перед собой, наверное, пытаюсь осмыслить.

Что? Что бывает и такое... кровосмешение? Что у него и Ники есть надежда? Что счастье может быть не минутным?

Но я-то знала: счастье всегда мимолетно. Это ощущение не умеет растягиваться надолго. Так мы и живем, в ожидании, перетекая из одной секунды блаженства в другую, а между ними — существуем. Просто ждем.

— Все возможно, — произнесла я тихо. — И, если уж ты предлагаешь мне бороться, не прячь голову в песок, как ты умеешь. Борись сам. Будет трудно, но когда тебя это останавливало?

Глеб помолчал немного, а затем кивнул. Редко я видела его таким серьезным и таким погруженным в себя. Да уж, теперь ему будет, о чем поразмыслить на досуге.

— Скажи ему, — повторил он задумчиво. — Вот вернется, и сразу скажи.

— Если вернется, — мрачно поправила я.

— Стой здесь, я за байком. Отвезу тебя в город. Не стоит тебе тут маячить, как красная

тряпка перед быком. — Он встал и поднял глаза к небу. — Гроза надвигается, нужно успеть.

Мы не успели. Теплый майский ливень настиг нас на подъезде к городу. Пришлось остановиться и переждать, благо, ливни быстротечны.

Громыхало и сверкало, и мы прятались под крышей старой остановки, внутри которой стены были исписаны неприличностями, изрисованы сердечками и граффити, а лавочки не имели сидений.

Мокрые и уставшие, мы с Глебом стояли в обнимку и смотрели на раскинувшийся огнями город. И тогда я в полной мере осознала: я вернулась домой. Очистилась, наконец, от скверны, запачкавшей меня изнутри. От страхов, туманной дымкой затопивших душу.

Боль от прошлых предательств не трогала больше.

И душа, покрытая рубцами — еще совсем свежими, розовыми и оттого чувствительными — наконец, задышала.

Будет снова больно, я знала это. Тяжело, горячо, ярко. Но будет и радость. Любовь — не обязательно к мужчине. К друзьям. Родным. Близким. Будут мгновения счастья, и, вместо того, чтобы сетовать, как они быстротечны, я попробую их поймать. Насладиться. Потому что для того и дана нам боль, чтобы мы могли оценить блаженство.

А за блаженство нужно бороться.

И я буду.

Глава 22. Надежда

В некоторые моменты совсем не можешь уснуть от волнения. Лежишь, смотришь в потолок, слушаешь колотящееся сердце и тщетно пытаешься расслабиться.

Странно, но я вырубилась сразу, как только голова коснулась подушки. Не знаю, возможно, подействовал теплый душ, а может, липовый чай...

Мне снилась хельза. Берег озера. Теплый песок. И Эрик. Мы сидели и нежились под солнцем, а невдалеке, на склоне холма щипали траву две лошади. Черная и белая. Их шерсть лоснилась, а роскошными гривами играл ветер.

Я знала, что лошади наши. Что увезут нас туда, где тепло и уютно. Где нет тревог и лишних мыслей. Где мы сможем быть, наконец, счастливыми.

Вспомнила, что говорил мне Глеб. О том, что нужно сказать, пока не поздно. Понимала, что «поздно» в этом месте не наступит, но сказать все равно хотелось.

— Я люблю тебя, знаешь...

— Знаю, — улыбнулся Эрик. — И я тебя люблю.

Я понимала, что все это только снится мне, но услышать было приятно. Закрыла глаза на минуточку, а когда открыла, Эрика уже не было. Солнце все еще светило, песок грел спину, но внутри почему-то стало жутко холодно.

И я проснулась.

— Ты очень трогательная, когда спишь, — сказал Эрик и улыбнулся.

— Ты... — Я вскочила и протерла глаза, пытаюсь определить, реальность это или продолжение сна. Синяя спальня. Кровать. Ночь. Знакомые запахи. Все по-настоящему. — Но... как?

— Соскучилась? — Он улегся рядом и подмигнул. — Я — очень!

Обняла его. Крепко. Вдыхала терпкий запах геля для душа и не могла нарадоваться.

— Как ты выбрался из хельзы?

Впрочем, Эрик не сидел бы без дела, ожидая, пока его спасут. Наверняка нашел хельяна, который помог выбраться.

Он отстранил меня и удивился:

— Вестар провел меня. Разве Влад не сказал?

Я с шумом выдохнула. Села.

Черт, это же очевидно, а я, как дура, повелась!

— Вот гад!

— Полина? — Вопросительный взгляд, а значит, придется объяснять.

Посмотрела в окно, чувствуя, как накатившая злость медленно отступает, заменяясь усталостью. Все же посещения дома атли выматывают.

— Он объяснил, ты напал на него в хельзе, и он тебя там оставил. В наказание. Что вы вообще не поделили?

— Если бы я напал на него, он бы уже ничего не говорил. Никогда, — мрачно ответил Эрик. — Он и так слишком много разговаривает.

— Он что-то сказал тебе. — Я не спрашивала — это было очевидно. — Обо мне.

— Сказал. А еще он хотел, чтобы я не вернулся. Влад невыносимо громко думает — от него отгородиться сложно. Но он глупец, если считает, что меня так легко убить.

Я вздохнула и снова его обняла.

— Все это неважно. Я рада, что ты здесь, со мной.

— Правда?

— Правда, — кивнула. — Так почему ты задержался в хельзе?

— Обещал помочь Вестару с зачисткой запада. — Он поцеловал меня в макушку. — А еще одной маленькой пророчице — покарать негодяя.

Я подняла на него глаза.

Какой же он красивый! Словно не видела его несколько лет, и вот он рядом. Близкий.

— Орм...

— Мертв. И больше никто не обидит тебя, Полина.

Внезапно мне расхотелось разговаривать. Совершенно. От слова «совсем». Я нашла его ладонь, переплела пальцы. Хотелось чувствовать, прикасаться. Ловить каждый миг — их у нас так мало осталось. Запустила руки в волосы — они были еще влажными после душа. Мягкие, раскинулись по подушке.

Я потерялась.

Обиды отступили, заботы тоже. Были лишь мы и ночь. Сладкий аромат карамели и, наверное, лотоса. Свой я не ощущала. Собственный запах вообще не чувствуется, а жаль. Хотелось бы знать, какова на вкус наша смесь.

Впрочем, карамель — тоже неплохо. Божественно!

Воздух в комнате постепенно серел, окрашиваясь рассветом. Проявлялись очертания мебели, складок темно-синего покрывала, знакомый профиль Эрика.

Он лежал и смотрел в потолок. Умиротворенный. Улыбался и думал о чем-то своем. А я бесстыдно разглядывала его и пыталась запомнить. Каждую черточку. Мимику. Мерцание кожи в свете зари. Запах.

Возможно, двадцать второго июня он уйдет.

Возможно, кан все же отнимет у меня его.

Но память никто не в силах отнять.

Память постоянно возвращалась к последнему серьезному разговору. К его словам, пробуждающим надежду. К напутствиям Глеба.

Если любишь — борись. Так часто пишут в книжках. Я не умела бороться, но раньше я многого не умела. Говорить «нет». Контролировать свой кен. Справляться с болью.

Научилась.

Значит, не все потеряно. Значит, у меня есть шанс.

Но врать и утаивать что-то от Эрика я не собиралась. Поэтому сказала:

— Я знаю, когда откроется портал.

Мир на миг замер, затем пришел в движение, закружился воронкой, грозя унести царившую вокруг гармонию.

Эрик молчал. Больше не улыбался, смотрел в потолок, а губы вытянулись в тонкую линию.

Не ожидал? Не рад? Или просто... не может поверить, что этот момент все же наступил?

— Когда? — сдавленно спросил он, спустя минуту. Минуту, в течение которой я боялась дышать. Такие минуты всегда тянутся бесконечностью...

— Двадцать второго июня. Вечером. В полдвенадцатого портал уже закроется. На пустыре, перед ангарами, где ждал нас Тед.

Удивилась, как спокойно прозвучал голос. Твердо. Без примеси обреченности и обиды. Так и должно быть.

Солнечный луч медленно подползал к руке Эрика, окрашивая кончики пальцев золотом. Я смотрела на его ладонь, стараясь сосредоточиться на чем-то одном, не думать о грядущей потере.

Да и потеря ли это? Сбудется его мечта. Его мечта, Полина! И ты стала частью этого.

— Ты видела календарь в видении? — Все тот же тон — безликий и холодный.

Улыбнулась. Вздохнула.

Судьба умеет шутить.

— Это мой день рождения.

Эрик запустил пальцы мне в волосы, уложил голову себе на грудь. Хотелось ли ему быть в тот момент ближе? Мне хотелось, поэтому я не возражала.

— Так скоро... — задумчиво прошептал он.

— Это же хорошо. — Я подняла на него глаза. — Хорошо ведь?

— Хорошо... — Он поцеловал меня в висок. — Останешься со мной, пока не уйду? Или...

— Останусь, — пообещала я.

— А поехали сегодня к скади! — воодушевился он. — Элька приготовит что-нибудь вкусное. Она у меня замечательно готовит.

— Поехали. Ты, наверное, скучать будешь по скади. Ну, в кане... — А потом встрепенулась. — Только вот боюсь, Тамара не будет мне рада. Особенно сейчас, когда дата твоего ухода точно известна.

— Тамара — сильный воин. Она привыкла драться, даже там, где драться совсем необязательно. А еще у нее проблемы с Дарьей — Тамара не принимает ее как правительницу. Но они обе — скади, придется умерить спесь.

— Воином быть непросто. Приходится убивать, а это меняет...

— Ты говоришь не как пророчица, — заметил Эрик.

— Я — сольвейг. И убивала. Например, знаю, что древний оставляет после себя кучку пепла...

— Ого! — Он, казалось, заинтересовался. Приподнялся на локте, заглянул в глаза.

Напряжение от известия рассеялось, сменилось интересом. Комнату заливал свет, за окном совсем по-летнему пели птицы. На душе было спокойно и легко, будто я освободилась от давящего на сердце груза.

Как бы там ни было, все закончилось. Испытания, неизвестность, тревожные предчувствия. Будущее окрашивалось определенностью.

Теперь, в этой комнате, в этой кровати были только мы. Ничего не разделяло нас больше, и можно не таиться.

— Рихар — так его звали, — произнесла я с грустью. Память заботливо подкинула впечатавшийся в нее клеймом образ: рыжие волосы, яркие глаза, свирепость палача. — Он убил почти всех атли на моих глазах. А затем я убила его. Силой сольвейга.

— Потом их воскресил колдун?

Я кивнула.

— Его я тоже убила. Впрочем, этим точно не горжусь.

— Ты многое пережила. Сильная. Это восхищает.

— Я не чувствую себя сильной, — возразила я. — Усталой. Изломанной. Но все

привыкли, что я выдержу, и приходится притворяться. Люди ждут от сольвейга поступков. Всегда. Но я — всего лишь женщина. Несмотря на кен.

Он снова обнял меня, и было что-то в этом объятии — необъяснимое, перемена, которую не можешь уловить и понять. Я притихла, слушая, как он дышит — глубоко и почему-то тяжело. Словно внутри у него шла своя борьба, которую Эрик не собирался афишировать.

Я и не требовала.

— Со мной тебе не нужно быть сильной, — прошептал он, и дыхание опалило мне висок. — Никогда. Сильным буду я.

И я с ним полностью согласилась. Кроме слова «никогда». Это «никогда» к «всегда» никакого отношения не имело, потому что у него был срок годности. Чуть больше месяца.

Плывать.

Я скажу ему, быть может. Не сегодня. Когда-нибудь потом.

Не буду просить остаться — это нечестно. Просто скажу. Что люблю. Что рядом с ним мир изменился — стал добрее, светлее. Красочнее. Я изменилась. Наполнилась силой, как сухая губка — водой. Напиталась уверенностью. Поверила в счастье.

Не это ли главное в людях? Они приходят и меняют нас.

Я не стану давить — позволю решить самому. Для мужчин очень важно — решать.

Мы лежали молча еще очень долго. Новый день проник в нас, согрел теплым майским солнцем, окрасил красками крыши домов. В какой цвет он выкрасит меня?

Вечером мы поехали к скади. К своему удивлению, в их наполненном вековыми тайнами доме мне было невероятно уютно. Словно за время нашего знакомства с Эриком что-то изменилось во мне на молекулярном уровне, приближая к некогда чужому племени. Наверное, это из-за кена. Скорее всего, из-за него.

Но я так долго не ощущала себя в семье, что не задумывалась. У скади было хорошо. Милые люди, визжащие дети, играющие на ковре у камина, веселый гомон, шутки и душевные разговоры.

Защитницы, целители, ищейки. И просто люди — каждый особенный и заметный. Со мной говорили, меня расспрашивали, меня слушали. Эрик улыбался, гладил по спине и молчал, позволяя мне проявить себя.

И я узнавала каждого из них, находя в каждом какую-то мелочь, которая делала его личностью, наделяла индивидуальностью, отличала от других.

Удивительные, радужные, волшебные скади!

Эля, болтающая без умолку, серьезная Алла — воительница, которую очень заинтересовало, как атли пережили войну с охотниками. Внимательный Роб, даже Даша, тихо притаившаяся на подлокотнике кресла.

Тамара специально на нее не смотрела. Ни взгляда, ни слова — воительница и защитница словно не замечали друг друга.

А в остальном — идиллия.

Все они нравились мне.

В их тесном кругу я напивалась теплом, от которого отвыкла. И все они, казалось, тоже грелись у своего костра. Сплотившись вокруг Эрика, как бы дополняли его самого, олицетворяя собой единство. Жались к нему, как котята к кошке, ища ласки и одобрения.

И я подумала, что никогда мне не было так уютно у атли. Или было? Уже и не помню.

А потом мы пили кофе на кухне. Вчетвером — я, Эрик, Роберт и Тамара. Кутались в

ароматы свежей сдобы, говорили обо всем и ни о чем, вспоминали прошлое с некой теплой грустью необратимости. И негласно молчали о будущем.

Вернее, я молчала. А Эрик, как бы между прочим, в один момент объявил:

— Двадцать второго июня откроется портал в кан.

Идиллия закончилась тут же. Тамара сверкнула на меня убийственным взглядом и спросила:

— Ты сказала, да?

Я поежилась, а Роберт обратился к подруге:

— Полина не виновата в том, что рождена пророчицей. И в том, что видит будущее Эрика.

— А кто виноват? — вспыхнула воительница. — Пока она не появилась, все было хорошо.

— Ты знала, что я уйду, — строго осадил ее Эрик. — Мы говорили об этом не раз.

— Тогда не было четкой даты. Черт, Эрик, никто серьезно не верил, что этот момент наступит. — Она помолчала и добавила: — Никто, кроме тебя.

— В этом нет моей вины. — Тон холодный, даже ледяной, без намека на прежнее тепло. — Пора было уяснить, что мои слова имеют вес в скади. И начать уже прислушиваться.

— Некоторые твои решения просто глупы, — упрямылась Тамара. — Никто в скади не решается сказать это тебе в лицо. Так вот, я не боюсь сказать.

— И, тем не менее, ты обязана подчиняться. Ты присягала мне на верность, забыла?

— Ты мог оставить наследника! За все эти годы у тебя было столько возможностей. Но ты не сделал этого, а теперь оставляешь племя этой... этой...

— Дарья — моя сестра! — рявкнул Эрик и приподнялся, возвышаясь над воительницей.

Никогда я не видела его таким злым, таким разъяренным. Словно в него вселился первый нали и подстрекал хозяина разрушить все вокруг. Впрочем, Тамару это несколько не смутило.

Пожар противостояния вождя скади и его воительницы разгорался все больше, и мы все рисковали сгореть в нем. Я вжалась в спинку стула и смотрела на сложенные на столешнице кисти рук. Ощущение уюта тут же рассеялось, и захотелось уйти, скрыться.

Наверное, Роб заметил это, потому как положил мне руку на плечо и шепнул:

— Идем. Позволим им немного поспорить наедине.

И мы пошли по затемненному коридору — обратно в гостиную. Дом спал и дышал во сне, не обращая внимания на внезапную ссору. Потрескивали в камине дрова, и вокруг растекалось тепло, обволакивало, пьянило. Как и сам дом.

Кто же топит камин в мае? Странно, но стены не возражали. Источали прохладу, чтобы поддерживать контраст. Или мне только казалось?

— Они всегда спорят, — пояснил Роб, провожая меня к дивану. Сам присел на подлокотник и виновато улыбнулся, словно хотел извиниться за поведение соплеменников. — С детства. Но Эрик ценит Тому именно за честность.

— Я ей не нравлюсь, — констатировала я факт.

— Дело не в тебе. Ты — пророчица, и Тома винит тебя в том, что Эрик уйдет.

— Я могу ее понять. Если бы не мои видения, он остался бы.

— Эрику тесно в этом мире, — усмехнулся Роб. — Если бы не твои видения, он нашел бы себе трудности по силе.

— Даша справится? Я имею в виду скади. Она сможет?

— Ей придется. Хотя в этом я согласен с Томой — из Дашы пока ужасный правитель. Но другого нет, увы. Эрик чтит закон крови, значит, должны чтить и мы. — Он помолчал немного, а затем вдруг посерьезнел: — Тебя изгнали, верно? Из атли? Эрик не любит об этом говорить, вот я и не расспрашиваю...

— Изгнали, — кивнула я.

Сначала думала, жрец начнет жалеть или сочувствовать, и уже приготовилась отвечать, что мне ничуть не жаль, ведь это позволило мне поближе познакомиться с Эриком, но Роб спросил:

— Как тебе удалось уговорить его? Своего вождя?

— Влада? — удивилась я. — Я не уговаривала — он сам предложил. Это длинная история... — Вздохнула. — Ты извини, но зачем тебе? К Эрику это никакого отношения не имеет, поверь.

— Зато к Ларисе имеет, — мрачно ответил он. — Влад Вермунд не отпустит сильную защитницу. Но пророчицу отпустил. Значит, есть способ.

— Лара... — прошептала я, понимая.

Так вот кто этот таинственный скади, кто запал на красотку-защитницу. И тот разговор Эрика с Дашей внезапно обрел новый смысл. Да уж, Влад так просто не отпустит ее, и, если Лара захочет вступить в скади, ей придется отречься. Хорошего мало, хоть на первый взгляд так и не кажется. Будет больно. Плохо. Несмотря ни на что, Лара любит атли. Она росла с ними. Несправедливо будет, если ей нельзя будет с ними общаться.

— Боюсь, мой способ Ларе не подойдет, — ответила я. — Но Даша — подруга Влада, она может с ним поговорить. Объяснить, что вы... что у вас...

— Она не станет, — грустно улыбнулся Роб. — У нас с Дашей весьма натянутые отношения.

— Из-за Тамары? Ты поддерживаешь ее, верно?

— Из-за нее. И в прошлом... Я не горжусь, но однажды из-за нас с Томой Даша чуть не погибла. Между нами нет взаимопонимания.

— Но как же вы... ты же жрец! Эрик уйдет, и вам с Дашей придется сотрудничать. Иначе ослабите скади.

— Ты права, — задумчиво вздохнул Роберт и отвернулся. Словно наш разговор разбередил старые раны жреца, а еще казалось, что неожиданная откровенность смутила его. Ведь, по сути, мы совершенно чужие друг другу люди. Хотя в тот момент я была рада той откровенности. В собственном племени откровенничать я могла только с Глебом.

— Слышишь? Не кричат уже. — Роб поднял указательный палец вверх, призывая к молчанию. Неловкость рассеялась в налитом ночью воздухе гостиной. — Иди, ты нужна Эрику. — Он сделал паузу и посмотрел на меня очень внимательно и, казалось, изучающе. — Ты хорошо на него влияешь, Полина.

— Он на меня тоже, — прошептала я и поднялась.

Эрика на кухне не было — только Тамара раздраженно мыла посуду, остывая от недавних разборок. Когда я вошла, воительница метнула в меня ненавидящий взгляд, словно хотела пронзить им меня насквозь.

Что ж, справедливо — из-за меня Эрик покинет этот мир.

Я не стала задерживаться, чтобы не злить ее еще больше.

Эрика нашла в кабинете. Он стоял у окна со сложенными за спиной руками. Не

шевелился. Спокойный и уверенный, как обычно, но почему-то показалось, в душе его царило смятение. Оно и не мудрено — скорее всего, Эрика трогал разлад в скади сильнее, чем он показывал.

Я научилась чувствовать его. Было ли это последствием обмена? Скорее всего. Обмен соединяет пары — не зря именно ним закрепляется ритуал венчания.

Я подошла, положила ладонь ему на плечо. Он был сильным, этот мужчина. Но в тот момент захотелось обнять его, укутать в себя, спрятать от мира и успокоить. Хотелось, чтобы он снова шутил и беззаботно смеялся. Убрать тоску из лазурных глаз.

— Не расстраивайся. Уверена, Даша с Тамарой найдут общий язык.

— Боюсь, я недооценил проблему, — хмуро возразил он, кладя свою ладонь поверх моей. Луна смотрела на нас сквозь прозрачный газ занавесок и молчала. Вокруг таинственно сверкали крупные майские звезды. Из открытого окна отчетливо пахло сиренью. — И сейчас она проявилась особенно остро.

— Сам говорил, скади — главное дрызг. Им придется...

— Не придется, — перебил он. Развернулся. Такой высокий, что приходилось задирать голову, чтобы на него смотреть. Он всегда был таким? Или сегодня это особенно заметно, ведь хотелось быть маленькой, а приходилось говорить взрослые слова. — Все решится проще.

— Проще? — хрипло спросила я, захлебываясь его напором, его теплом, неведомым мне, но уже таким желанным ответом. — Как?

Верила ли я когда-нибудь, что он это скажет? Ждала ли? Путаясь, теряясь в сладком карамельном безумии, я даже помыслить не могла, что такое возможно.

Но иногда происходит то, чего ты совсем не ждешь. Вопреки логике, здравому смыслу, расчетливым и понятным ожиданиям.

Он сказал это.

А я боялась поверить, потому что сказок не бывает. Только не для меня.

— Потому что я не уйду в кан, Полина.

Глава 23. Трудное решение

Занавеска плавно развеивалась, танцуя на врывающемся в окно сквозняке. Под ногой протяжно скрипнула половица. Из кухни донесся стук тарелок — Тамара выплескивала остатки злости на кухонную утварь.

А потом нас окутала звенящая тишина. Я пыталась сконцентрироваться на дыхании Эрика — глубоко и спокойном. Хотелось успокоиться самой. Вернуть опору и не проваливаться в неизвестность.

Но дыхания слышно не было, только мое — прерывистое и едва различимое. А еще пульс болезненно отдавался в висках. Руки слегка тряслись, и я сунула их в карманы.

— Ничего не скажешь? — тихо спросил Эрик глубоким голосом. Такой голос — особый вид оружия, его так просто не достают.

И я бы сказала, только вот что?

— У маленькой болтушки пропал дар речи?

Улыбается. Шутит? И не поймешь. Как тогда, когда мы познакомились. Тогда меня еще пугал и этот взгляд, и эта улыбка. Тогда я еще не знала его. Сильного. Совершенного. Любимого.

— Ты... шутишь?

Эрик покачал головой.

— Нет.

— Но ты же... мечтал всю жизнь. Сам говорил. Что есть цель, и отступить от нее — кощунство.

— А еще я говорил, что ты дорога мне, помнишь? — Он склонил голову набок, взгляделся мне в лицо. — Ты тогда перебила — весьма бестактно, кстати. И обещала закончить разговор, когда я вернусь из хельзы. Я вернулся.

— Ты тоже... дорог, но... — Слова застревали в глотке, царапались острыми иглами, причиняя боль. Воды бы. И на воздух.

— Но?

Почему он так спокоен? Я здесь пытаюсь не сойти с ума от радости, а он совершенно непоколебим. Изучает, ждет. Дышит.

И ты — дыши, Полина.

— Кан. Скоро. Твоя цель, помнишь? Знания. Новый уровень. — Я выдохнула и отступила на шаг. Эрик прищурился и, казалось, расстроился.

Я определенно что-то сделала не так. Но что?

А потом он вздохнул и перестал на меня смотреть. Отвернулся к окну, к звездам, которые безразлично блестели на небе, как пришитые к темному сукну пуговицы.

— Понимаю, ты не ждала. — Голос глубокий, но уже другой. В нем нет вопроса — лишь понимание. Вещей, которые понимать не хочется, но надо. Как часто я понимала такие вещи? До этого момента их было так много, и вот растаяли... — Но я много думал. Ты не хочешь возвращаться в атли, и нам хорошо, так почему бы...

— Эрик!

Я прижалась к нему, обвила руками талию и зажмурилась. Голова все еще кружилась, и я пыталась прийти в себя. А для этого нужно, чтобы он замолчал. Не говорил глупостей и не

находил практического применения чувствам.

Он замолчал — словно почувствовал. Лишь прижал меня к себе и уткнулся носом в волосы. Дышал. Горячо, шумно. Теперь я различала рваный звук его дыхания.

Стоять бы так всю ночь, только вот сил не хватит. Разговор этот, эмоции, выплеснувшиеся внезапно и резко, мощным потоком — опустошили меня. Ноги отказывались держать, захотелось присесть, а лучше прилечь. И чтобы он обнимал и дышал мне в волосы. Восхитительно!

— Устала? — спросил Эрик, словно прочитав мои мысли. Но он не читал — я знала. Обещал ведь. А его слову я верю.

— Немного, — кивнула я.

— Даже колдуньи устают, — улыбнулся он.

— Я не колдунья. Просто сольвейг.

— Я бы поспорил. — Он вздохнул и потерся носом о мой затылок. — Переночуем сегодня здесь? Мне бы хотелось, чтобы ты привыкла к скади.

— Хорошо, — согласилась я. — И скади мне нравятся. Все, даже Тамара.

— Тамара изменит отношение, когда узнает, что я остаюсь из-за тебя. Она — замечательная, хоть и вспыльчивая...

Он говорил и говорил, а я не слышала ни слова. Остановилась на трех — которые дарили радость.

Остаюсь из-за тебя.

Он сказал это так просто, словно у него никогда не было сомнений. А я поняла, что для счастья нужно так мало...

Впрочем, как и для беды.

Беда всегда приходит неожиданно.

Наверное, стоило сказать ему. О том, что люблю, и о том, что мечтала, чтобы он остался. Но я не сказала. Не могла найти слов, а банальности казались пошлыми. Недостаточно проникновенными. Недостойными Эрика.

Месяц — это так мало. Ничтожно мало, особенно когда перестаешь ценить время. Когда кажется, что счастье вечно.

Беспечность нельзя себе прощать. Никогда. Жизнь полна подвохов, так и норовит подставить подножку. Я забыла. Потерялась в счастье.

Последний месяц прошел в суматохе: много общения, новые знакомства, Глеб, который приезжал почти каждый день и лукаво шурился, глядя на наши с Эриком переплетенные пальцы. Даша тоже смотрела, но не так — пристально, изучающе. Но что мне было до нее? У защитницы скади наверняка своя правда. Вернее, не своя — правда Влада. А с ним у нас как-то не сложилось. Даша не заговаривала о той ночи, я тоже молчала, и между нами соблюдался правильный на мой взгляд нейтралитет.

Я строила планы — тихо, украдкой, боясь озвучить и поверить. Но упорно и безнадежно путаясь в определенности.

Мой день рождения мы отмечали у скади.

Обычный день. Нет, был, конечно, праздник и вычурные угощения из дорогого ресторана. Филе трески в пармской ветчине, салат из авокадо, итальянские бутерброды на гриле и любимые морепродукты Эрика.

Я позвала гостей. Глеба и Вику. Жаль, Андрея пригласить было нельзя — Эрик не жаловал охотников. И Ира не смогла присутствовать. Поздравила и обещала приехать чуть

позже. Мне не хватало ее, но в Липецке ей было бы тяжело. Она все еще не оправилась.

В тот день я позволила себя не думать.

Подарок — сапфировое кольцо на тонкой цепочке с крупным камнем, к которому мне страшно было прикоснуться, не то что надеть. Мужчины думают, что женщинам важны красивые вещи. Пускай. Я радовалась не подарку — все равно его некуда носить. Вниманию. Ежедневному присутствию Эрика в моей жизни.

И скади были добры. И вечер чудесным.

До поры.

Даша появилась неожиданно и неслышно — как призрак. Тихая, напряженная и уверенная. Думаю, Тамара была не права, когда говорила, что из Даши выйдет плохая правительница, потому что в тот момент я увидела в ее глазах именно то, что отличает правителей от обычных смертных. Решимость сделать рискованный шаг и выиграть.

— Мы могли бы поговорить наедине? — тихо спросила защитница и оглянулась, словно опасаясь, что нам могут помешать.

И нам могли, я знала точно. Эрик мог. И на секунду мое эго захотело, чтобы он появился в гостиной. Подошел, улыбнулся и отогнал прочь мрак, нависший надо мной. Потому что я поняла: разговор с Дашей не принесет счастья. Он изменит жизнь настолько кардинально, что назад дороги не будет.

Но Эрик ушел с кем-то из скади, увлекся беседой, а я кивнула и пошла за ней.

Коридор, мягкий свет, тяжелая дубовая дверь. Высокие потолки, стеллажи с книгами и распахнутое настежь окно. Именно здесь Эрик сказал, что останется. Почему же мне так страшно сейчас? Почему кажется, что слова этой женщины перечеркнут его слова?

Даша была мягкой. Плавные движения, легкий наклон головы, некая покорность, сквозившая во взгляде. И в то же время твердость — она же потомок Херсира. Наследница скади. Вернее, была ею, пока Эрик не решил остаться.

— Присядь, — защитница кивнула на кресло — одно из тех, что стояли по другую сторону стола. Я, не раздумывая, опустилась в него. Сжала кулаки и мельком отметила, как побелели костяшки.

Даша села в соседнее кресло, хотя я до последнего была уверена, что она займет место Эрика — высокое, обитое темной кожей, будто говорящее: здесь сидит альфа.

Но она не стала. Хочет держаться наравне? Наверняка знает, что я никого не слушаю. Особенно, когда смотрят свысока.

— Эрик остается, не так ли? — защитница подняла на меня лазурно-голубые глаза. Такие похожие на те, которые я полюбила. — Сказал, что сегодня откроется портал, и что он не пойдет.

— Это его решение, — кивнула я.

— Ты ведь понимаешь, что оно неправильное?

— А ты знаешь, как правильно?

Я сложила руки на груди. Не собиралась сдаваться и подыгрывать ей. Даша — лучшая подруга Влада со всеми вытекающими.

Но ее, казалось, ни капли не смутило мое упрямство. И тогда я поняла: у нее есть козырь. Что-то, против чего у меня не останется аргументов.

Легкая тень улыбки — грустной, но почти торжествующей. Даша это планировала: и этот разговор, и мою капитуляцию... Где-то заработал маховик машины, которую не остановить. Я буквально слышала скрип металла.

— У Эрика была женщина однажды. Моя подруга, Элен из племени бранди. Он даже на время... — Даша вздохнула. — На время забыл о кане. Жил в Лондоне, с нами, не мотался по миру в поисках пророчицы. Не заговаривал о ней, и мы поверили, что брат остепенился. Но спустя полгода он снова взялся за старое — с еще большим энтузиазмом. А Элен осталась одна.

Кресло внезапно показалось неудобным, а воздух — затхлым. Хотя я и понимала, что дело не в мебели и не в воздухе. Просто Даша говорила вещи, которые я не хотела слышать.

— Ты мне нравишься, Полина, — продолжала она, словно не замечая, как больно мне делает каждое ее слово. — И так вышло, что я в курсе, сколько тебе довелось пережить. А еще я безумно люблю Эрика. Но кроме того, я знаю его. И если бы оставался хоть один — хотя бы малейший шанс, что он будет здесь счастлив, я бы порадовалась за вас, но... — Она замолчала и отвернулась.

— Его нет, — закончила я за нее.

— Ты сильная. Сольвейг. И бесспорно интересна ему. Эрик любит загадки, а в тебе их много. Ты непокорная, непосредственная, искренняя. Привлекательная, бесспорно. — Даша вновь взглянула на меня, и в ее глазах я прочла приговор. — Но он не любит тебя.

— Ты не можешь быть уверена... — Я покачала головой, и комната завертелась вокруг бешеным вихрем. Остановите. Дайте опору. Хоть что-то, чтобы ухватиться.

— Могу, — кивнула защитница. — Слишком хорошо его знаю, поэтому могу. Этот мир опостылеет Эрику, как и ты, когда он тебя разгадает. И что ты будешь делать тогда?

...Любить его?

— Что будешь делать, когда эйфория влюбленности пройдет, и он поймет, что упустил единственную возможность жить в мире, которому принадлежит его душа? Сможешь ли дышать, зная, как он ненавидит тебя за то, что ты у него отняла этот мир?

Но он сам решил остаться. Сам! Я его не вынуждала. Это нечестно — просить меня...

Но голубые глаза Даши смотрели уже не вопрошающе. Они требовали. Напирали прошлым, как главным аргументом. Схожестью крови. Авторитетом памяти. И я сдавалась. Медленно отступала, проникаясь.

А ведь я думала об этом. Боялась признаться, но втихую, по ночам, кутаясь в теплые объятия Эрика, не могла избавиться от мысли, что недостойна его.

Я обычная девчонка, а он... Он — совершенство.

В те моменты я была прошлой собой. Той, которую давно похоронила и которая безликим призраком являлась мне в кошмарах.

И сейчас Даша обращалась именно к ней.

— Отпусти его, Полина.

...Горячий воздух. Слишком раскаленный для июньского вечера. Солнце давно уже село, и должно было стать прохладней, но... не стало.

Перила на крыльце у скади были каменными, и я сломала ноготь. Сама не знаю, как — царапнула, и вот... Хотя черт с ним, с ногтем. На такие мелочи не обращаешь внимания, когда дыра в душе.

И так мало времени, чтобы подумать. Решить. Я ведь не судья, чтобы выносить приговоры. Эрик казался счастливым, но как я могла быть уверена, что это счастье — настоящее?

Даша, бесспорно, не из любви к брату действовала. И ждала так долго — тоже не зря. Не оставила мне времени подумать. Осмыслить. Только вот это не имеет значения. Кто

мешал мне осмыслить раньше? Любовь? Скорее, глупость.

Но у меня еще есть время, пусть и мало. Нужно взвесить все объективно. Почему он решил остаться?

С одной стороны, наши отношения. Доверие, тепло, единение. Настоящее ли?

С другой стороны, мои необычные способности. Еще Герда, а, следовательно — чувство вины. Видения, от которых Эрику сорвало крышу, ведь он искал меня столько лет. Пьянящий аромат лотоса, которому сложно сопротивляться. Я еще помнила, каким безумным сделался его взгляд в ангарах, когда я делилась с ним. И то, что я чуть не умерла, только подтверждает...

Что?

Эрик меня не любит.

Он не говорил о любви — лишь о шансах. А еще был Влад и ревность. До того вечера Эрик не был так настойчив. Да, намекал на чувства, но мимоходом. А после хельзы изменился.

Верить не хотелось. Меня душили горячие слезы, жгли изнутри, норовя испепелить душу. Но это лишь слезы. Хуже будет через несколько лет, когда пророчество Даши исполнится, и Эрик меня возненавидит.

Тогда будет боль — настоящая, непереносимая. И несвоевременное, ненужное раскаяние. Что останется в наших руках, когда сквозь них просыплется песок надежд? Пустота... Черная дыра разочарования. Я не хочу этого для Эрика.

Поэтому нужно решить сегодня. Сейчас. Я уже не маленькая, да и терять привыкла. Пока Эрик не сказал, что останется, готова была его отпустить. Нужно просто вспомнить то состояние. У меня получится.

— Что получится?

Я вздрогнула. Эрик стоял за спиной и виновато улыбался.

— Извини. Иногда я не могу это контролировать.

— Ничего.

Воспоминания коварно подкинули напрасно позабытую картинку. Пустырь за ржавыми ангарами. Дождь. Мокрая трава. И тающий послед портала.

Видения всегда сбываются. Рано ты забыла об этом, Полина. И в книге пророчеств написано то, чему суждено быть. Так мне ли решать?

— Все в порядке? — Эрик шагнул навстречу, нахмурился и приподнял мой подбородок. — Ты как-то побледнела.

— Шампанское, — соврала я. — Слишком увлеклась.

— Свежий воздух все поправит, — улыбнулся он. — Или могу позвать Эльвиру, если хочешь.

Я покачала головой.

— Не хочу.

Интересно, который час? Сколько еще осталось до...

Темно. Вечер. А значит, пора.

— Обними меня, — попросила я, уступая малодушию в последний раз. Пара минут ничего не решит. Пара минут так важна для меня.

— Ну что же ты дрожишь, маленькая? — нежно спросил он. — Тепло ведь.

Тепло. Нет, даже жарко. И нечем дышать.

— Скажи, ты ведь можешь... — Я запнулась. Слова царапали горло — безжалостные,

жестокое. — Можешь перенести нас в то место, которое я представляю? Как это происходит вообще? Ты видишь картинку?

— Картинку не вижу — ты же не можешь показать. Это импульс. Твое желание становится моим желанием. — Он отстранил меня. — Хочешь сбежать?

Я кивнула.

— Куда?

— Дай руку...

Зажмурилась, задержала дыхание, чтобы не стошнило. Воспроизвела в сознании пустырь. Только не вечерний и не летний, а усыпанный хрустящим снегом, который слепит глаза. Моя ладонь в ладони Эрика, а перед нами — огромное сооружение из металла.

Я никогда не тренировалась показывать места. Знаю, у Влада был такой дар — показывать. У меня не было. Но Эрик сказал, достаточно представить. Так и вышло.

Ветер усилился и клонил послушный ковыль к земле. Пели песню сверчки, а небо сверкало, затягиваясь тучами. Гроза на подходе. Воздух стал свежим, прохладным и влажным. И мне стало легче. Немного.

— Зачем мы здесь? — настороженно поинтересовался Эрик. Отступил от меня на шаг. От его игривого настроения не осталось и следа, а на красивом, родном лице залегла тревога.

Так еще труднее. Не смотреть бы, но не смотреть нельзя. Он говорил, я хорошая актриса. Что ж, это всего лишь роль — драматичная, одна из главных ролей в моей жизни. Нужно отыграть так, чтобы Эрик поверил. А для этого необходимо поверить самой.

Воскресила в памяти прошлое — изорванная в клочья душа, слезы, разочарование. И настоящее — любовь и близость. Настоящее, которое нужно отпустить.

Краем глаза я заметила, как справа от нас воздух начал рябить, словно в жаркой пустыне. А затем в этом месте возникло светлое пятнышко. Вовремя мы. Вот он — портал. Дверь в мир, куда я не могу уйти, но куда всегда хотел Эрик. И еще раз сказала себе: я все делаю правильно.

— Ты должен идти, — произнесла твердо и посмотрела ему в глаза.

— Но... — растерялся он. Впервые в жизни я видела Эрика таким растерянным. — Разве ты не хочешь, чтобы я остался?

— Не хочу.

Два слова разорвали легкие, и со следующим вдохом туда ворвался обжигающе горячий воздух.

— Но я думал, мы... между нами...

Он замолчал. Опустил глаза, словно пытался осознать, что и зачем я ему говорю. Затем вскинулся, взглянул на меня яростно и выдохнул:

— Не пойду. Зачем? Я же... люблю тебя. Люблю, понимаешь?

Портал ширился, медленно обретая очертания двери. Я знала все с самого начала. Влюбилась в него, зная, что он уйдет.

Будь сильной. Ну же, скажи это. Скажи!

— Я тебя не люблю.

Жесткие слова растворились в воздухе, разливаясь ядом, впитываясь в кожу. Мою. Его. Отравляя то, что между нами было.

— Вот как... — Эрик снова отвел глаза, словно ему было тяжело на меня смотреть.

Мне, наверное, тоже будет тяжело, невыносимо. Придется выбросить все зеркала, чтобы

не видеть лица предательницы. Ведь сейчас, отпуская его, я предаю себя. Но то я, а это он — его счастье. Оно главное.

— Я никогда не говорила, что люблю тебя. Никогда не давала надежды на что-то большее, чем то, что у нас есть, — резко произнесла я. То, что приходилось врать ему, рождало в душе ярость, и я надеялась, она поможет мне выстоять. — Между нами всегда было все предельно ясно, иначе я бы не начинала этих отношений.

— Но все изменилось. Я изменился. Думал, ты тоже...

— Не буду врать, знакомство с тобой поменяло меня, но внутри я осталась прежней.

Он молчал. Пытался осмыслить? Искал причины остаться? Портал разрастался огромной червоточиной и звал. Звал Эрика. Даже я могла различить его зов, его притяжение. Ему нужно туда. Нужно. Неужели не чувствует?

Но Эрик вскинулся, упрямый.

— Не могу. Скади уверены, что я останусь.

Зачем? Ну зачем ты ищешь выходы? Их все равно нет.

— Я говорила с Дашей, она все объяснит скади. Ты же сам готовил ее, уверен в сестре, не так ли? К тому же твои соплеменники всегда знали, что ты уйдешь.

Он кивнул. Горько усмехнулся.

— Ты подготовилась...

— Подготовилась. Потому что твое место в кане. Ты столько прошел, столькому научился. Отказывал себе в счастье ради цели. И не можешь отступить.

Ветер рванул его волосы, спутал, пряча на миг глаза и вспыхнувшую в них боль. Снова сверкнула молния, но где-то вдалеке. Грома еще не слышно, гроза не пришла. Сквозь быстро плывущие тучи на нас смотрела полная луна.

— Ты полюбила скади.

Последний аргумент, и Эрик знает, насколько он беспомощен. Чаша весов качнулась, в сознании лениво шевельнулось сомнение. Но я не стану сомневаться, потому что вот он — портал. Мечта, которая должна сбыться. Наша общая мечта.

— Они тоже полюбились мне, но сейчас, когда Мишеля нет, я бы хотела вернуться в атли, — выдохнула я и взглянула Эрику в лицо.

Знала, этого недостаточно. Будут еще слова — жестокие, убийственные, и я их скажу. На полпути не останавливаются, он сам меня этому научил. Все дела нужно доводить до конца.

Его лицо окаменело, но взгляда он не отвел.

— Вернуться в атли или... к нему? — спросил тихо, ничего не выражающим голосом.

Нет, не заставляй меня отвечать! Эти слова — как шаг в пропасть. А там — острые камни, переломанные кости, боль. Вечная, непрекращающаяся боль от ненужной лжи.

Но Эрик ждал ответа и в кан не торопился. Я не знала, сколько портал будет оставаться открытым. Я ничего не знала, кроме того, что нужно ранить, чтобы сделать счастливым. Нет, это неправильно, я не бог, чтобы решать!

Но голос разума жил отдельной жизнью, и я ответила:

— Я думала об этом...

Глухой, мертвый голос. Мертвый, как наша любовь. Я сама убила ее.

Эрик грустно улыбнулся, шагнул навстречу. И вот он снова рядом, так близко, и я не могу двинуться с места, оттолкнуть, прижаться. Я ничего не могу, кроме как стоять и смотреть на него. Мои карты на столе, теперь его очередь вскрываться.

— Наверное, ты была моим последним, самым трудным испытанием, Полина, — сказал он. — И, черт возьми, не знаю, смогу ли его пройти.

— Сможешь, — кивнула я. — Не заставляй меня думать, что наш путь был напрасным.

— Почему ты плачешь?

Плачу? Серьезно? А ведь так хотела держаться, быть сильной, но у самой черты не смогла. Прикоснулась рукой к влажным щекам — действительно плачу. Разрыдаться бы — дико, с надрывом. Но все потом. Когда он уйдет.

— Просто... привыкла к тебе. Мне будет не хватать тебя, Эрик, — совершенно серьезно ответила я. И соврала: — Но я не имею права держать тебя рядом, если не люблю.

— Влад Вермунд счастливчик. — Он снял амулет — тот, который до этого никогда не снимал. Серебряный, тяжелый, с рисунком из пересекающихся линий. И надел мне на шею. — Носи, он защитит. От многого. Сильная магия, его сам Арендрейт заряжал.

Затем резко привлек меня к себе и поцеловал. Нежности в поцелуе не было ни капли — только желание обладать, злость и разочарование.

Знаю, мне тоже больно. Надеюсь, там ты забудешь меня, и переход затрет воспоминания этого мира навсегда. А я... я буду помнить за двоих.

Заставила себя оттолкнуть его. Чисто механически, на большее воли не хватило бы.

— Ну все... иди. — Посмотрела в глаза и для пущей убедительности повторила: — Иди уже. Найди, что искал.

Эрик вздохнул, выпустил меня и, пока я не успела опомниться, шагнул в портал. Вот он был здесь, прикасался ко мне, целовал. И вот его нет. Совсем. Навсегда.

Ноги подкосились, и я рухнула на колени в колючую траву. Слезы катились по щекам, руки тряслись. А за спиной, совсем рядом дышал город. Наш город. Теперь только мой...

В груди было пусто, словно оттуда только что вынули душу, и теперь там билось лишь сердце, гулко, отдаваясь эхом в гнетущей тишине грудной клетки.

Не знаю, сколько я так просидела. Имело ли теперь значение время? Вечность без Эрика капала секундами, стекала горячим воском, обжигая, раня. Никогда так явно я не ощущала время и никогда так не ненавидела. Замереть бы в одной секунде до...

А потом громыхнуло. Раскатисто, громко. Гроза бунтовала, рвала макушки деревьев, позади которых притаился город. Крупные капли автоматной очередью барабанили по металлической крыше ангара, по притихшей траве и моей спине.

Грудь выворачивало рыданиями, до которых никому не было дела. Были только я и дождь, и он наполнял меня, впитывался в душу, из которой через рваные раны вытекало сожаление. Мир замер, склонился скорбно и молчал.

А дождь обнимал, убаюкивал, пел колыбельную. Как мама — в детстве. Он вернулся, когда я уже и не ждала. Мой защитник. Эрик ушел, а он вернулся.

Жила оживилась, впитывая энергию. Запахло карамелью. На этот раз это я, кен Эрик — во мне. Достаточно, чтобы помнить долго.

В кармане завибрировал телефон. Глеб. Знаю, нужно сбросить. Доиграть роль до конца.

Я обтерла экран о влажную штанину, заметила грязь. Ну вот, штаны испачкала. Эрик смеялся, что я постоянно в джинсах. Говорил: пацанка. А потом вспоминал красное платье — то самое, с глубоким вырезом. И добавлял, что мне идет красный...

Я все сделала правильно. Эрик там, где должен быть. И добьется многого.

Почему же тогда так гадко на душе? И поцелуй горчит на губах, разбавленный каплями дождя. И грязь вокруг, и холодно. Одиноко. Только жила горит, плавится в остатках

карамельного кена, заставляя закипать кровь.

Глава 24. Попытка номер два

Утро. Солнце ползет по подушке, подбирается к волосам, путаясь в складках наволочки. А я смотрю, и вставать лень. Просто лежу. Глеб должен прийти, но чуть позже, а значит, можно поваляться.

Он все чаще хмурится в последнее время. И ворчит. Но не зло. Волнуется за меня Глупый, я в порядке. Думала, будет хуже. Больно там, слезы по ночам, сомнения, желание все переделать, переиначить. Как раньше, когда я сто раз меняла прошлое в мыслях.

Но ничего этого не было. Только тоска иногда накатывала, особенно в дождливые дни. Благо, этим летом они случались редко.

На следующий день после ухода Эрика было плохо. Той ночью я поехала к себе, на Достоевского. В его квартире не смогла бы находиться. А утром пришла Тамара. Ругалась, называла меня предательницей и, кажется, норовила ударить. Но тогда со мной был Мирослав — остановил. И воительница ушла.

Потом навещала Вика, наверное, чтобы я выговорила. А что говорить? Ведь все хорошо. Поэтому рассказывала она, а я слушала. Не очень внимательно, к слову. Мысли рассеивались в воздухе, и чтобы собрать их, требовались усилия. Кажется, Вика говорила что-то об Андрее. О том, какой он нежный и какие вкусные блинчики готовит. Услышав про блинчики, я кивнула и подтвердила доводы подруги — готовил Андрей действительно бесподобно.

Мирослав заходил. Часто, почти каждый день. И я была ему рада. А еще Ира обещала приехать на днях.

Я ждала. Все чаще замечала, что сижу, сжимая в кулаке амулет Эрика, словно панацеею от всех бед.

Но постепенно сдавалась слабости, как в те дни, когда Герда брала мой кен. Но теперь Герды не было, а слабость осталась. Боль в жиле еще — ноющая, напряженная. Апатия. Последствия ухода из атли. Эрик притуплял их, а теперь они вернулись.

А в целом все было неплохо. По утрам только сонливость страшная обуяла, но куда мне вставать? Жизнь не налажена, а надо бы работу поискать. Когда-нибудь... потом. Завтра?

Звонок в дверь отвлек от меланхолических мыслей. Глеб сегодня рано. Еду, наверное, принес. Он приносит, я выкидываю. Прямо ритуал какой-то. Да и еще тащит такими количествами, что и армия не справится. Словно я в магазин сходить не могу.

Но на пороге стоял вовсе не Глеб. Барт. Совершенно не вписывающийся в картинку липецкой новостройки — в просторных льняных брюках цвета спелой пшеницы, цветастой рубашке и широкополой соломенной шляпе, скрывающей верхнюю часть лица. Из-за его плеча нетерпеливо выглянуло рыжеволосое, улыбающееся существо. Оно бестактно отпихнуло вождя сольвеев, шагнуло в квартиру, а следом просочились ароматы меда, корицы и костра.

— Люсия! — выдохнула я и оказалась в опутывающих объятиях целительницы. Заплакала. От счастья, наверное, иначе чего мне еще плакать? А она гладила по спине и шептала:

— Не плакать, нельзя плакать...

А Барт грустно улыбался рядом. Вернулось ощущение уюта, принадлежность, и боль в

жиле отступила. Только слабость осталась, и Люсия потащила меня на диван.

— Неважно выглядишь, — покачал головой Барт. — Нужно было раньше прийти?

— Нет. Хотя... Я всегда вам рада! Только угощать нечем. Совсем. В магазин нужно сходить, но сил нет совсем.

— Конечно, не быть сил! — всплеснула руками Люсия. — Когда ты в последний раз ешь?

— Вчера утром, кажется... Не хочется.

— Не хочется она! О себе она не думать, а о ребеночек кто подумать?

— Какой ребеночек? — опешила я.

— Так этот. — Она ткнула пальцем мне в живот и нахмурилась. — Вовремя я увидеть. А то бы ты его голодом заморить. Мальчик нужен много питаться. Сильный быть. Воин.

— А ты не чувствуешь? — Барт присел рядом и взял мою ладонь. — Два месяца в тебе новая жизнь, Полина.

— Два... да быть не может! — Повернулась к Люсии. — Я пила твои травки. Каждый день.

— Травки? Какие травки? — как лисичка, прищурилась целительница. — А, те травки! Так травки не есть панацея.

— Не панацея? А кто говорил: стопроцентный результат для хищной?

— Я говорить такое? — возмутилась рыжая. — Да известит тебя, что не существовать такое средство. Ты взрослый женщина, а верить глупости.

Я ловила губами воздух, задыхаясь от возмущения, а Барт крепче сжал мою руку и спокойно сказал:

— Это благо, Полина. Подарок. Прими.

— Благо...

Люсия обняла. Говорила что-то и снова гладила по спине, волосам, предплечью. И Барт вторил ей. Что ребенок — это хорошо, что мальчик сильным будет, и я должна собраться ради него. Не хандрить. Кушать. Дышать. Жить.

Только вот... Я ведь совсем не ждала. Не планировала. И в нынешней ситуации правильно ли это? Что с этим делать теперь? Ребенок — он же будет скади. А я... одиночка. И в племя не хочу, тем более, в Дашино. Но тогда как быть? Ведь отберут же! Тамара постарается, Даша тоже не будет возражать.

А если не сказать, скрыть, ведь на верность скади я не присягала, глубинным кеном не клялась? Но в таком случае смогу ли защитить малыша? Защитница из меня отвратная, да и способности сольвейга иногда подводят.

Хотя... Есть я. Не сольвейг с неизведанным до конца даром, который душит, подавляет, вспарывает живот и ладони, словно нож. Не атли — я покинула их, вырвала из жизни, ежедневно обучаясь обходиться без племени. Не любовница Эрика, ведь прогнала его сама.

Просто я. Женщина. Будущая мать. И глотку перегрызу каждому, кто попытается причинить вред... ему.

Мальчику.

Сыну.

Сыну Эрика...

В груди вскипело, вспенилось, взорвалось миллиардами обжигающих брызг раскаяние. Если бы он знал, не ушел бы. Остался. Ради ребенка. Были бы колыбельки, рюши, бутылочки и детский плач по ночам. Усталость, но приятная, когда с каждой секундой все больше

понимаешь, что живешь не зря. Ради него. Них. Моих мужчин.

Но я ведь тоже не знала! Иначе не стала бы слушать Дашу, даже не пошла бы с ней в кабинет, где развивалась на сквозняке штора и молчали в шкафу частоколы книг.

К чему сейчас об этом переживать? Барт рядом, близкий, убаюкивающий. И Люсия. Сидит, укутанная в рыжую гладь волос. Она женщина — понимает. У женщин это в крови.

Желать ребенка от любимого мужчины.

С сольвейгами не холодно, не одиноко, жила совсем не болит.

И вдруг показалось, я слышу, как бьется маленькое сердце — где-то там, чуть ниже желудка, спрятанное за витками жилы, в которой все еще теплился карамельный кен.

Но конечно, мне так только казалось.

Я все же заварила чай. Нашла в хлебнице остатки печенья, которое приносил Мирослав на прошлой неделе. Происходящее все еще казалось мне нереальностью с легким налетом абсурда, но постепенно это ощущение уходило и накатывал страх. Что делать с внезапно свалившимся на голову известием я не знала.

Люсия убежала за продуктами. Денег не взяла, пробурчала что-то на английском. Смысла фразы я не поняла, но тон уловила. Я беспечно себя веду. Не ем, не слежу за собой, хорошо хоть сплю. А спала я в последнее время знатно. Почти всегда спала, даже когда бодрствовала.

Люсия освоилась в квартире быстро. Включила кондиционер, поменяла постельное белье, закинула в стиралку скопившиеся за неделю вещи, прибралась в гостиной и, похоже, норовила приготовить мне обед. Заботливая. И словно не живет в изгнании у черта на куличках.

Мы с Бартом остались на кухне. Посуду я все же Люсии вымыть не дала — стало стыдно. И пока Барт пил чай, пыталась отодрать от тарелок присохшие к ним остатки еды. Со вчера еще лежали в мойке, а мне лень было вставать.

— Отец ребенка живет не с тобой, — просто сказал Барт, когда я вытирала руки о передник.

Жара с улицы уже просочилась в квартиру, нещадно выгоняя ночную прохладу. И несмотря на усиленную работу кондиционера, уходить не спешила. Першило в горле, слезились глаза и безумно хотелось спать.

— Он ушел, — уклончиво ответила я.

— Известишь его? Мальчик будет хищным. Сильным воином и членом его племени.

— Скажу скади. А Эрик... — вздохнула. — Он не просто ушел. Есть такое место — кан. В книге предсказаний Арендрейта говорилось, что для Эрика откроется портал туда.

— Редкому воину так благоволит судьба.

— Он заслужил.

— Что ж тебя оставил? — недовольно проворчал Барт. — С ребеночком-то? Заслужил он...

— Эрик не знал. — Я присела на стул, положила руки на гладкую столешницу. В чашке покрывался переливающейся коркой давно остывший пакетированный чай. Думала, разрыдаюсь — миновало. Только сухая, трухлявая тоска в груди душила, мешала дышать. — И я сказала... что не люблю.

Барт вздохнул. Присел рядом. Теплая рука коснулась плеча, успокаивая. Но я не редела. Просто сидела, и смотрела на ладони.

— Кан действительно дает многое. Знания. Мудрость. Перспективы.

— Женщина не сравнится, — грустно прошептала я, слушая, как шуршит тоска в груди.

— Сама по себе — нет. Но вот то, что она дает... Иногда мужчине недостаточно просто быть сильным. Нужен дом. Уют. И та, кто этот уют обеспечит.

— У тебя нет жены. Почему? — Я посмотрела на него с интересом, а Барт отвел взгляд.

— Была, — улыбнулся. — Нира. Очень красивая была, чертовка. Цыганка. Смоляные волосы до талии, черные глазища. Танцевала в цветастых юбках вокруг костра. — Он вздохнул. — Не уберег...

— Охотник?

Обветренное лицо потемнело, и тонкая паутинка морщин стала заметнее. А еще круги под глазами, складка между кустистых бровей. И пальцы на светлой глади столешницы чуть подрагивали от напряжения.

— Драугр. И когда эта появилась — больная, я сразу вспомнил Ниру. Порывался тебя спасти. Даже совет был. Только вождь не имеет права подставляться — у него племя. И ответственность за людей. Преемника нет, а тот, что способен возглавить... не готов еще. А потом, когда я встретил тебя в Москве, понял, как ты на нее похожа. В тебе огонь есть, девочка. Как в ней был. Этого не вытравишь.

— Ты — хищный, мог бы еще жениться. И не на одной.

— Мог бы, — кивнул. — Только зачем? Никто из них не сравнится с ней. Она до сих пор у меня здесь. — Барт положил ладонь на грудь. — А кан не затрет чувств, там их нет вообще. Белый туман, объединяющий сознания сильнейших из многих миров. Но эмоций нет. Оттого и недостаток ощущается острее.

— Нам это неведомо, — слабо улыбнулась я.

— Поверь тому, кто был там и вернулся.

— Как... был?

В глазах потемнело, затылок налился тяжелой вязкой жижей, мир расплылся от неожиданных слов. И то ли прохлада успела разлиться по комнате, то ли просто холод поднялся откуда-то из жилы. Знобило. Сильно, до мурашек.

А Барт просто ответил:

— Был. Если есть дверь туда, почему ты думаешь, что нет ее оттуда?

— Но тогда... как же... — Ухватила за горло. Машинально. Казалось, его разорвет от рвущихся изнутри слов. — Эрик...

— Может вернуться, — подтвердил Барт. — Но дело в том, Полина, что из кана есть множество выходов. Не только в наш мир. В другие — более совершенные, населенные другими существами. Они многое знают, многое умеют. И многому могут научить. Сам кан никогда не станет никому домом. А вот те миры — вполне.

— Ты был там? В тех мирах?

Барт покачал головой, и я впервые осознала, как много у него седых волос. Сколько пережил вождь сольвейгов? Похоронил жену, соплеменников, ходил в кан и вернулся... ради чего?

— Не был. Назад уже не возвратиться, кан не открывает двери дважды. А здесь у меня семья. Племя. Ответственность. Говорю же, преемника нет.

— Эрик не вернется, — мрачно сказала я сама себе. — Уйдет в один из тех миров. Ему сюда незачем приходить.

Потому что я прогнала. Сказала, что не люблю. У скади есть Даша, и Эрик, по сути свободен. От всего. А ведь если бы я знала... Хотя что уже жалеть? Ушел и ушел...

— Такова, значит, его судьба. У тебя теперь своя, девочка.

Своя. Наш ребенок, которого мне предстоит защитить. Воспитать. Привить любовь к отцу. И помнить. Всегда помнить, что Эрик был.

Люсия вернулась не одна — с Дэном, и я удивилась, насколько обрадовалась ему. Всем им. Людям, ни разу не омрачившим мое существование, обитающим отдельно от колючего мира. Наверное, Барт ради меня остался в совершенно незащищенной квартире — ведь обычно он щепетилен в вопросах безопасности сольвейгов. Я была дорога ему: то ли настолько сильно напоминала Ниру, то ли заменила дочь, которая у него так и не родилась. Как знать. Он тоже был дорог. Близок. Теплый и надежный. Но лишь тогда я впервые поняла, что он прав: я должна остаться.

Жизнь странно сплетает судьбы. Мою и атли. Мою и Эрика. И эти сплетения неизменно оставляют следы — горящие метки, следуя которым, обязательно куда-то придешь.

Впрочем, не только моя судьба делала странные витки, приводя в самые неожиданные места. Глеб позвонил ближе к обеду и сказал, что не приедет. Альрик покинул Липецк, уехал по делам, разочаровавшись, видимо, в отсутствии интересных событий. Эрик ушел, мы с Владом не виделись, и эксперимент медленно скатился в разряд провальных.

Но это стало плюсом для Глеба. И я надеялась, у них с Никой все будет хорошо. Рискованно, конечно, нарушать запрет Первозданного, но жить в постоянной тоске тоже нельзя. Увязнешь. Обрастешь мхом нездорового цинизма, захиреешь и быстро состаришься.

Я тоже не собиралась тосковать. Рядом близкие, внутри растет новая жизнь, а значит, не все потеряно. И постепенно я чувствовала, как тепло и радость наполняют меня, прогоняя боль и грусть.

Откинувшись на спинку дивана, я рассеянно слушала разговор Барта с Дэном. Люсия уснула, положив голову мне на колени. Я перебирала ее мягкие волосы и надеялась, что целительнице снятся хорошие сны.

Я и сама почти задремала, но очнулась, услышав знакомое имя. Гектор. Ясновидец с уникальным даром — таким, как у Ники.

Дэн говорил, что Гектор исчез. Бросил свой клан и не сказал, когда вернется. А ведь до этого был исполнен гневом найти того, кто выпил единственную его кровинушку. Что ж, я его понимала — сама бы убила за ребенка. Ежедневно видеть, как родной человек мучается, потерявшись в собственном разуме — что может быть хуже?

— Меня тоже беспокоит, что Гектор покинул мир. И боюсь, когда он вернется, станет еще сильнее.

— И что? — безразлично спросила я. — Ясновидцы тоже имеют право защищаться.

Барт нахмурился, а Дэн ответил:

— Провидцы сольвейгов предрекают несчастья, связанные с Гектором. Его ненависть может натворить дел. Вообще ситуация в мире нестабильна — никого не устраивает правление охотников, только вот против Альрика пойти никто не смеет.

— Пока, — кивнул Барт. — Первозданный не будет править долго.

— Что? Снова переворот? — насторожилась я.

Переворот — это плохо. Переворот ведет за собой новую войну. Новые смерти. Потери. Слезы. Стабильность мне нравилась больше.

— Причем тут Гектор?

Люсия вздрогнула во сне, словно отреагировала на имя сильного ясновидца, но через мгновение снова спала. Лишь ладошку под щеку подложила.

— Он — часть мозаики, как и охотники. — Барт посмотрел на меня грустно и добавил: — А еще он причинит тебе боль, а я бы этого не хотел.

— Я ношу твой амулет. — В подтверждение я вытащила его из-за пазухи. Деревянную, все еще пахнущую сосной монетку с дырочкой для цепочки. На ней старательны были вырезаны обережные руны сольвейгов. Я носила его прилежно, вместе с серебряным амулетом Эрика.

— Не снимай, — назидательно кивнул вождь сольвейгов. — И постарайся избегать ясновидцев. — А потом снова повернулся к Дэну. — Не нравится мне исчезновение Гектора. Сдается мне, он ищет причину появления таких, как он сам. Узнает — нарушится баланс. А баланс в нашем мире все.

Я не понимала, о каком балансе говорит Барт, но слушала внимательно, впитывая каждое слово. Он не стал бы тревожиться напрасно. И если говорит, что Гектор опасен для меня, то так оно и есть. Сейчас нужно беречься, я ведь отвечаю теперь не только за себя.

Они ушли, когда стемнело. Дэн обещал вернуться к полуночи. Вернее, ему настоятельно приказал Барт. Я не возражала. Тревожно было одной, особенно после известия о ребенке. Но Барт обещал присмотреть за мной, и я успокоилась. Я не одна. Никогда не буду больше одинока.

Потом долго стояла, глядя в чернильное небо, усыпанное звездами, на город, залитый огнями, вдыхала теплый июльский воздух и думала о будущем. Все не так плохо. Я сыта, у меня есть крыша над головой, поддержка друзей, светлые воспоминания о самом лучшем мужчине в мире. И его отпечаток — внутри. Наше общее наследие.

Впервые за последний месяц я уснула спокойно. А проснулась ночью от удушающего страха.

Амулет Эрика жег кожу. Из темного прямоугольника окна предостерегающе смотрела луна. Шумели деревья, взбудораженные порывом ветра. Вдалеке сработала автомобильная сигнализация, а через минуту стихла.

Пахло влагой и прибитой дождем пылью. Мокрой зеленью. Силой.

Пришла гроза.

Сверкнуло, на миг освещая комнату. Комод. Стул с небрежно наброшенным на него халатом. Ноутбук на тумбочке.

И блестящее острие ножа, занесенное у меня над животом...

Я дернулась, откатилась, и нож с треском разорвал матрас. Но тут же поднялся вверх, точно маятник, готовый совершить новое, убийственное движение. Я оттолкнулась локтями, стараясь отползти от внезапной опасности, но шею сдавили цепкие пальцы, пригвоздив к кровати. Колени сжали чужие ноги, сковывая, лишая возможности двигаться.

Страх — не столько за себя, сколько за ребенка, сводил с ума. Жила молчала, кен не слушался — паника плохой помощник. И я почти беспомощно царапала руку нападавшего, стараясь отвлечь. Чтобы он вздрогнул. Расслабился. Отвлекся.

Но ему было плевать. Человек с ножом, чье лицо скрывала ночная сизая тьма, шептал.

Короткие, отрывистые слова, то ли на латыни, то ли на ином древнем языке. Занесенный над моим животом нож. Запах табака и алкоголя. Шершавые, крепкие пальцы на моем горле. И нестерпимый, сильный жар в районе груди — амулет раскалился, предупреждая об опасности.

Поздно. Он не спасет меня. Не поможет.

— Пожалуйста... — прохрипела я, презирая себя за беспомощность.

Человеку с ножом было все равно — он продолжал говорить. Лезвие клинка нервно подрагивало, и в нем отражались рассеянный свет, льющийся из окна.

А потом нападавший дернулся. Замолчал, выгнулся дугой, и его рванула с меня какая-то неведомая сила. Грубые пальцы царапнули кожу на шее, обладателя ножа ударило об стену, и он медленно сполз на пол.

Яркий свет ослепил, и я зажмурилась, инстинктивно отползая к спинке кровати. А через несколько мгновений чья-то ладонь коснулась руки, но осторожно, будто боясь напугать еще больше.

— Все хорошо, Полина. Уже все хорошо.

— Дэн? — Я раскрыла глаза, убеждаясь, что это действительно он. В руках у него был нож — блестящее острие, укрытая витыми узорами рукоять. Убийца, видимо, выронил, когда падал.

— Ритуальный клинок, — проследив за моим взглядом, пробурчал Дэн. — Плохой знак.

Я тяжело дышала и судорожно цеплялась за рукав его футболки. Кровь пульсировала в висках. От Дэна пахло дымом и жареным мясом — наверное, ужинал у сольвейгов. Ужинал, а затем пришел ко мне. Вовремя. Иначе я была бы мертва...

Телефон на тумбочке светился цифрами — полвторого.

— Извини, — словно прочтя мои мысли, смущенно сказал он. — Засиделся с Бартом.

— Ничего... — Я не могла оторвать взгляда от мужчины, в неестественной позе застывшего на полу. Немолод. Сутол. Недельная щетина покрыла лицо. Щеки ввалились, выделяя острые скулы. Из-под трикотажной майки на груди пробивались седые волосы. Из раны на затылке струилась кровь. Стекала по плинтусу на пол и расплзлась неровной лужицей.

Охотник? Драугр? Хищный, позарившийся на кен сольвейга?

— Человек, — произнес Дэн и присел рядом. — Теперь уже мертвый. Знаешь его?

— Человек?

Люди не приходят к сольвейгам с ритуальными ножами. Людям ни к чему кен. Они живут человеческой жизнью, ходят на работу, по выходным — в клуб или боулинг, ездят в отпуск на моря и не ведают о первобытных силах, владеющих нами. А значит...

Я облизала сухие губы, пахнувшие страхом и отчаянием. За окном успокаивающе шуршал дождь. Иногда гремело, но молнии ушли. Гроза стихала, успокаиваемая тихим шелестом капель о листву. Небо больше не гневалось.

Дэн сжал мое плечо.

— Кто знает о ребенке?

Я посмотрела на него недоуменно, а потом поняла. Отшатнулась, замотала головой. Хотела что-то сказать, но только и получалось открывать рот, словно я была рыбой, выброшенной на берег.

— Мальчик — наследник. Никогда нельзя забывать об этом, Полина.

— Я не... Я сама узнала сегодня... вчера. Барт сказал. Знает он, Люсия и ты.

— Возможно, кто-то еще. Целитель? Ты встречалась с кем-то за то время, пока живешь здесь?

Память судорожно швырялась обрывками воспоминаний. Вика. Мирослав. Глеб. Каждого я знала и каждому доверяла. И среди них не было ни одного целителя.

Помотала головой.

— Хорошо, мы выясним. Потом. Сейчас нужно позаботиться о теле.

— Позаботиться? — сдавленно спросила я, не в силах отвести взгляда от застывшего в неестественной позе незнакомого убийцы.

— Нельзя его здесь бросать. Нельзя идти в полицию. Люди не убивают хищных просто так. Придашь это огласке, тебе не позволят уехать. А тебе нужно уехать, иначе покушение повторится. Ты ведь понимаешь, что его скорее всего наняли?

Наняли? Чтобы убить меня? Но кто?

— И что мне... что мне делать, Дэн?

Боялась ли я? В тот момент вряд ли. Дикий страх перерос в отчаяние, отчаяние — в апатию. Соображалось плохо. Что произошло? Кто хотел меня убить? Связано ли это с сыном Эрика? Как мне уберечь ребенка?

— Не тебе — нам. — Дэн приподнял мой подбородок и посмотрел очень серьезно. Наверное, хотел достучаться. Наверное, в тот момент я выглядела жутко растерянной. Дикой.

Я слушала дождь. Смотрела на тело. На оформившуюся ярко-красную лужицу, постепенно темнеющую и становящуюся бордовой. На нож, лежащий на вспоротом матрасе.

И голос Дэна проникал в мой мозг сквозь ватную пелену застывших, как смола, мыслей.

— Ты не одна. Я позабочусь.

Глава 25. Неожиданные способности

Людам важна поддержка. Всегда. Особенно, когда они потеряны и не знают, что делать. В такие моменты они наиболее уязвимы. Слабы. Мягкотелы.

Я сидела и смотрела в одну точку — на дырку в матрасе, оставленную несостоявшимся оружием. Пахло дождем. Страхом. Кровью. И малиновым кондиционером для белья.

Дэн спрятал нож в задний карман джинсов. Поставил защиту на квартиру. Подошел к наверняка уже остывающему телу и поднял его. Выдохнул громко — скорее всего, мужчина был тяжелым. Хотя нет, не мужчина — труп. Человек, убитый хищным-одиночкой.

— Эй, Полина, слышишь меня?

Я медленно, словно сквозь толщу воды, которая мешала двигаться, повернула голову. Дэн держал убийцу на плече, словно мешок с картошкой, немного приседая под его весом. Волосы мертвеца слиплись от крови. Силуэт медленно расплывался, теряясь в толще воды — соленой и непрозрачной.

— Не реви! — жестко велел Дэн. — Не смей раскисать. Я поставил защиту, так что никто не войдет. Заброшу его куда-нибудь подальше в лес. А ты пока приберись тут, поняла?

Я машинально кивнула, стирая со щек жгучие слезы.

И он ушел.

К полу присыхала кровь, неестественно обтекая то место, где недавно лежал незнакомец.

Я встала. Нашла в ванной ведро и тряпку, налила воды, и пока она текла, смотрела на себя в зеркало. Цвета бледного воска кожа. Ввалившиеся щеки, темные провалы глаз. Радужка потемнела, зрачки расширены. Руки сжаты в кулаки и притянуты к груди. На шее бугрятся полосы от ногтей убийцы. Надо же, я даже не чувствую...

Вода была теплой. Ласкала кожу ладоней, когда я выжимала тряпку. Но отмыть все с первого раза так и не вышло. Кровь пахла сладко. Приторный запах вызывал тошноту, и я старалась не смотреть, когда оттирала красную, липкую субстанцию от пола. Не помогло.

Еле успела добежать до ванной, где меня вытошнило вчерашним ужином. Руки тряслись. Сердце отчаянно билось. За окном продолжал шелестеть дождь.

На балконе стало полегче. Я судорожно глотала наполненный влажной свежестью воздух и пыталась успокоиться. Гладила живот, словно могла таким образом успокоить малыша.

И думала, думала... О том, кому могла помешать моя жизнь или жизнь ребенка. О том, что делать дальше. О призрачных возможностях и неизбежных потерях. Свободы, в первую очередь.

Впрочем, свобода — не главное. Жизнь важнее. Всегда.

Кровь я все же отмыла — с третьей попытки. Но запах все равно остался — дурманный, едкий. Поэтому я села на диван в гостиной и принялась ждать Дэна.

Он вернулся ближе к утру, грязный и без футболки. Дождь кончился, небо на востоке окрасилось малиновым. Рассвет. Говорят, когда встает красное солнце, ночью пролилась кровь. Не врут.

Я не стала спрашивать, куда Дэн дел тело. До наемного убийцы мне больше дела не было. Угрызений совести тоже. Сам виноват.

Охватило странное спокойствие. Уверенность. В голове уже оформилась довольно внятная мысль — план действий, которому я собиралась следовать. Я знала, что буду делать дальше.

— Барт обещал задействовать своих ищек, — устало произнес Дэн и покосился на кресло. Садиться не стал, видимо, не хотел пачкать обивку. Мне было все равно — пусть даже придется его выбросить. — Но сама понимаешь, сольвейги редко светятся во внешнем мире, так что за эффективность не ручаюсь.

— Пофигу.

Барту не нужны мои проблемы. Я решу их сама.

— Я помогу, чем смогу. Останусь с тобой, и убийца не сунется. Наверное...

— Зачем? — Я подняла на него глаза. — Смысл тебе возиться со мной?

— Ты — сольвейг. Барт любит тебя, Полина. А я ему многим обязан.

— Хорошо, — кивнула. Поддержка мне не помешает. Впрочем, я ее найду.

— Ты сильная и интересная, но не очень-то гостеприимная, — проворчал он. — Мне бы помыться и поесть. Устал очень, пока избавлялся от проблем.

— Да, конечно, — кивнула я. — В ванной есть полотенца, а одежда... В комодке найдется майка и спортивные штаны — Глеб тут часто ночует.

Пока Дэн купался, я разогрела остатки обеда, приготовленного Люсией. Тушеные овощи и запеченное в духовке мясо. От еды тошнило неимоверно — то ли токсикоз, то ли последствия произошедшего ночью. Царапины на шее болезненно ныли. Обработать бы...

Рассвело. Малиново-красный горизонт стал небесно-голубым. По небу плыли белые, пуховые облака. Мокрый город дышал прохладой.

Новый день.

Я смотрела в распахнутое настежь окно, когда Дэн вышел из ванной. Чистый, пахнущий ореховым гелем для душа и мятным шампунем. Кофеварка ругалась, выплевывая коричневый напиток в кофейник. Теперь придется воздержаться от кофе. От многого.

— В общем, валить тебе нужно из города, — бодро произнес Дэн, усаживаясь за стол и накалывая на вилку кусок мяса. — Однозначно. Лучше к сольвейгам, правда, рожать там неудобно будет. Или, если знаешь другое место...

— Знаю, — решительно кивнула я. — Но сначала нужно сделать кое-что.

Жизнь резко изменилась. Стала небезопасной, исполненной дикого азарта. Причем, я не чувствовала себя дичью — скорее затаившимся в кустах охотником. Выжидать. Подготовиться. И ударить.

Но потом. Сейчас главное — ребенок.

За окном серебристо-серого «Опеля» мелькали знакомые до боли выбеленные домики. Подсолнечные поля кивали огромными шапками цветов. Ярко-желтый, в центре — коричневый. Еще не созрели семена, не вскормила их почва. Высокие тополя шелестели листвой, склоняясь широкой тенистой аллее. Ярко-голубое небо раскинулось куполом над напоенной ливнем землей.

Дэн молча пялился на пейзаж за окном. Он вызвался меня сопровождать, а я не перечила — безопаснее с ним, чем одной. Особенно после ночного визита.

Массивные кованые ворота, как всегда, были распахнуты, словно ждали гостей. Подъездной путь стелился утрамбованным гравием.

Дом был мрачен. Недоверчиво зыркал темными провалами окон, шелестел листвой раскинувшихся по обе стороны от входа ив. Хранил ледяное молчание. Обвинял.

Но его нападки не трогали меня. Я знала, зачем пришла.

А на мокрой от ночного дождя плитке в лужах плескалось солнце.

Сомнений не было. Страх тоже. Стены-исполины древнего дома, хоть и хмурились, но защищали. Оно и не мудрено — это дом Эрика. Его наследие, несмотря на то, что скади сейчас правит Даша.

Дэн остался в машине. То, что я собиралась сделать, лучше сделать одной.

Дверь мне открыла хозяйница. Собственной персоной. Прямая спина, идеальный макияж, коттоновые свободные брюки и белая майка. Мисс элегантность. Раньше я комплексовала рядом с такими.

— Полина? — Она даже не скрывала удивления, когда увидела меня.

— Даша. — Я склонила голову набок. Улыбаться не стала, почему-то защитница вызывала во мне резкую неприязнь. Странно... У нее ведь его глаза — лазурные, чистые, как роса.

— Что-то случилось?

Случилось. Я чуть не погибла ночью. Наверное, если бы не визит убийцы, я бы еще долго не решилась прийти.

— Мне нужен Роб. Он дома?

— Зачем он тебе? — насторожилась защитница.

— Извини, не могу сказать. Это личное.

Это не было личным. Наоборот, дело напрямую касалось скади. Но Даше я не присягал на верность, доверия она тоже не вызывала, в отличие от жреца. Роб был единственным, кому интуиция разрешала рассказать. А я привыкла слушать интуицию — пророчиц она редко подводит.

Даша все же отступила, впуская меня в дом. От нее пахло ландышами и ванилью — знакомый запах. Слишком знакомый. И я подумала, что Влад теперь желанный гость у скади...

Защитница волновалась. Смотрела на меня пристально и едва заметно вытирала вспотевшие ладони о брюки.

Не совершила ли я ошибку, придя сюда? Ведь в этом доме она хозяйка. И скади сделают то, что она прикажет.

Я мотнула головой. Не все. Не Роберт. Он не даст сына Эрика в обиду. Откуда я знала? Просто знала.

Но рядом с Дашей страх усилился, подстегиваемый воспоминаниями о ночном происшествии. Наверное, он дорос бы до паники, если бы мягкий голос не окликнул меня.

— Полина?

Я с облегчением обернулась. Жрец скади смотрел на меня со смесью тревоги и надежды. И я могла ее дать.

Глупо было вот так приходить, но номера его я не знала. Могла бы спросить у Лары, но с защитницей атли мы всегда плохо ладили. Впрочем, неважно. Пришла и пришла. Вот он стоит — высокий, жилистый. Почему все жрецы худосочные? Ни одного толстого на моей памяти. словно ритуалы, что они проводят, высасывают из них соки, заставляя худеть...

Странные мысли. И не относящиеся делу.

— Я пришла к тебе.

— Хорошо, — кивнул он. — Идем.

И страх ушел. А Даша больше не виделась злодейкой.

Комната Роба выглядела несколько аскетично. Односпальная кровать, накрытая темно-серым покрывалом. Тумбочка, на ней закрытый макбук и черный глянцевый смартфон. Окно без штор, только жалюзи. Гладкий темно-коричневый паркетный пол. Комод в углу. И стул рядом. Только полотно на стене — красные маки на зеленом фоне, и небо над ними — яркосинее, без единого облачка. Небрежные мазки, не совсем аккуратные на первый взгляд, собирались в общую гармоничную картину. Рисовал явно очень талантливый художник.

Бра — темные, витиеватые — на стене. Такие же, как в спальне Эрика. От этой схожести невыносимо защемило в груди, и я заставила себя отвести взгляд.

В воздухе повисла неловкость. Я знала, зачем пришла, только вот нужные начальные слова никак не хотели находиться.

Роб не торопил. Прикрыл за собой дверь, прошел к окну.

— Присядешь? — спросил вполне гостеприимно. — Попросить Эльвиру сделать чай?

Я помотала головой.

— Нет, спасибо.

Я не знала, ненавидит ли он меня за уход Эрика, но интересоваться не было желания. Наверняка в этом вопросе он солидарен с Тамарой. Впрочем, драться не бросается и то хорошо.

Наверное, я бы еще долго молчала, подбирая слова. А жрец скади молчал бы, ожидая. Из чувства такта или же природной мудрости.

Но тут дверь его спальни резкопахнулась, и на пороге появилась раскрасневшаяся Тамара. Волосы воительницы, кудрявые от природы, торчали во все стороны, делая ее еще более воинственной. Темно-синие глаза сверкали праведным гневом.

— Ты! — прошипела она. — Да как тебе вообще хватило совести прийти?! После того, как собственноручно...

— Прикрой дверь, — резко осадил ее Роб.

Ого, я и не знала, что он умеет быть жестким. И строгим. Тамара перевела на него растерянный взгляд, словно он только что предал ее. Наверное, в какой-то мере так и было.

— Но Роб, она же...

— Думаю, Полина не просто так пришла. — Он серьезно посмотрел на меня. — Ей есть что сказать.

— Есть. — Я сглотнула, пытаясь прогнать неловкость. И отразить стрелы негодования Тамары, которые она продолжала метать в меня, даже не глядя. — Речь пойдет о будущем скади.

Тамара замолчала, смотрела пристально и зло. По ее мнению, я совершила преступление, за которое не прощают. Совершила. Не горжусь. Но и не жалею. Пора учиться брать ответственность за собственные поступки.

— Я жду ребенка от Эрика.

Молчание. Маки на картине склонили головки к земле, словно в поклоне.

— Мальчика.

Тамара с шумом выдохнула и присела на кровать. Выглядела при этом растерянной, что слегка выбивалось из образа решительной и яростной воительницы. Роберт же остался спокойным. Словно знал, что я собиралась сказать.

— Наследник, — прошептала Тамара и покосилась на дверь. Потом перевела полубезумный взгляд на Роба и добавила: — Ты понимаешь, что это значит?

— Наследник, — кивнула я. — А еще на меня покушались ночью. Пытались убить меня

или ребенка. Ритуальным ножом. Не знаю, связаны ли эти события, но...

Тамара вскочила, подбежала ко мне и прислонила указательный палец к губам.

— Молчи!

Затем метнулась к двери, резко распахнула ее и выглянула в коридор, проверяя, не подслушивает ли кто. Кто мог нас слушать? Ну, кроме Даши, которая...

Нет. Не верю. Даша, конечно, манипулятор, но вредить собственному племяннику — это верх цинизма и жестокости. Не виделась мне защитница такой. Впрочем, я часто ошибалась в людях.

— Ты позволишь? — Мягкий голос заставил вздрогнуть и вернуться в реальность. У Роберта были темно-карие глаза с длинными прямыми ресницами. Лоб в морщинках — наверное, хмурится часто. Впалые щеки. Смуглая кожа. И тонкие музыкальные пальцы с аккуратными правильной формы ногтями.

Он положил руку мне на живот. Осторожно, будто боялся потревожить покой маленького существа.

Жрецу нужно убедиться. Проверить. Не волнуйся, Полина. Но сердце стучало быстро-быстро, и проснулся ночной страх, словно Роб мог причинить нам вред.

Несколько секунд он стоял, закрыв глаза, и не шевелился. А потом отступил и кивнул.

— Мальчик. Кровь Первых.

— Кто напал на тебя ночью? — серьезно спросила Тамара.

— Человек, — мрачно ответила я. И добавила: — Он мертв.

— А нож? Он у тебя?

Я вытащила из сумочки колдовское оружие. В зеркальной глади острия отразилось мое бледное лицо. Хотелось избавиться от него поскорее, как и от страха, что нападение повторится. Но если нож у меня забрал Роберт, то страх никуда не делся. Я знала, что убийца повторит попытку.

Роб тщательно ощупывал клинок, уделяя особое внимание рукояти.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Тамара. — Можешь выяснить, чей он?

Жрец покачал головой.

— Защитная магия. Сильная.

— Это она. Ты ведь знаешь, что это она! — всплеснула руками Тамара.

— Она? — переспросила я.

— Даша. Она знала о наследнике.

— Не знала, — возразила я. — Мы не виделись с того самого вечера, когда... Давно. О беременности я сама узнала только вчера.

— Божена, мать Даши и Эрика, была сильной знахаркой, — глухо произнес Роберт и присел на стул. Нож из рук так и не выпустил, наоборот, крепче сжал его в руке, словно готовился защищаться. — Прямой потомок Херсира. У Дарьи есть дар — видеть. Да и целительница она неплохая.

— Все равно не верю, — помотала я головой. — Она бы не смогла убить племянника.

— Она и не стала, — зло сказала Тамара. — Наняла человека. И ножичек ритуальный дала — наследника скади, кровь которого сильна, не так просто убить. Даша хочет скади. Править, распоряжаться. Осквернить своими... нововведениями.

Последнее слово воительница буквально выплюнула. Лицо ее при этом перекосилось от ярости.

Бог мой, куда я снова вляпалась? Хотела же спокойно жить, без интриг и заговоров.

Проводить время с друзьями, работу найти, возможно, поступить в институт. Учатся же как-то другие хищные.

Но нет, мне нужно было влезть во внутренние разборки древнего племени, к которому я и отношения-то не имею.

— Она примет в скади других хищных, нарушит закон крови. У нее для этого замечательный пример для подражания. Гуру просто, которому она поклоняется.

— Гуру? — не поняла я.

— Тамара имеет в виду вождя атли, — пояснил Роб. — Даша очень сильно зависит от его мнения.

Я покачала головой. Слишком много информации. Все равно не верилось, что Даша могла пойти на такое.

Интуиция молчала, душа наполнялась едким, влажным туманом смятения.

— У наследника есть немалый денежный фонд, Полина, — добавила Тамара. — Власть и деньги — распространенный мотив. К тому же, Даша всю жизнь готовилась править. А тут ты и ребенок. Ты нарушила ее планы. Сначала Эрик хотел остаться, а теперь этот мальчик...

— Она убедила меня... — прошептала я. — Даша убедила прогнать Эрика.

В горле пересохло, в ушах шумело от всколыхнувшихся подозрений. Они, как стая воронья, кружили над головой, а Тамара смотрела встревожено. Воительница уверена, что именно Даша наняла убийцу. Тамара знает Дашу лучше. Эрик доверял сестре, но ведь любовь обычно слепа. Иногда мы просто не замечаем очевидного...

— Нужно спрятать ее, пока не родится ребенок, — заключила Тамара, обращаясь к Робу. — В твоём доме в Севилье. Или в доме Эрика в Лондоне. Нет, в Лондоне нельзя, там бренди... Даша все еще общается с Элен. Тогда в Севилье. Там она не подумает искать. Нужно только...

— Нет, — перебила я. Посмотрела прямо в глаза воительнице. — Я не поеду в Испанию. Этот мальчик не только скади, но и мой ребенок тоже. Сама спрячу, знаю, где. И рядом будут люди, которым я доверяю. Вам же придется довериться мне.

— По-моему, ты не понимаешь важности этого ребенка для скади, — нахмурилась Тамара.

— Это ты не понимаешь. Я — его мать. Я — сольвейг. И убью каждого, кто попытается напасть на меня или ребенка. Мой сын будет наследником скади, но я никому больше не позволю манипулировать мной или ребенком. Если вам он важен, придется со мной считаться!

Роберт положил руку мне на плечо и неожиданно поддержал:

— Полина права, это и ее ребенок тоже. Эрик бы не одобрил, если бы на нее давили.

— Эрик ушел, — проворчала Тамара, но в голосе прозвучали нотки капитуляции. Потом она прищурилась и не стала скрывать любопытство: — Сольвейг, говоришь...

— Это не делает меня меньше хищной, — ответила я. — Но дает силу убить древнего.

Похоже, эта фраза произвела на воительницу впечатление. Она отступила на шаг и коротко спросила:

— Многих убила?

— Достаточно, — кивнула я. — Довелось собирать пепел с пола. И обожженные тела. Я убью снова, если кто нападет.

— Ты можешь остаться, — спокойно сказал Роб. — Никто в доме скади не причинит тебе вреда.

— Не хочу. Мне будет спокойнее переждать. Когда родится ребенок, я вернусь, обещаю. Мальчик будет скади, я не отберу.

— Пусть едет. — Тамара решительно шагнула ко мне, и я вздрогнула. Только вот воительница больше не злилась. Скорее гордость и ярость были написаны на ее слегка мужиковатом лице. От нее пахло сандалом и мускусом, и я поняла, что кен у нее такой же — терпкий, горьковато-сладкий, сильный. — Сохранит ребенка до срока. А когда появится вновь, Даша не будет больше править скади. — Тамара заглянула мне в лицо. Глаза у нее были ярко-синие, с черными прожилками. А тонкие губы мстительно улыбались. — Ты будешь.

— Как... я? — Я опешила. Отступила на шаг, выпутываясь из плена пронзительного взгляда. — Я же не... то есть я...

— Не скади, — закончил за меня Роб. — Зато мальчик будет.

— Вот он и будет править. Когда вырастет. Разве нет?

— А до этого времени предлагаешь возложить эту миссию на Дашу? — язвительно спросила Тамара, и ее глаза сузились до узких щелочек. — Уж лучше чужак, чем она. И вообще, она убить тебя хотела!

— Мы не можем точно знать... — ответила я. Прозвучало неубедительно. Особенно рядом с яростной, уверенной в собственной правоте Тамарой.

— Это она, точно говорю.

— Я не могу, — вздохнула я. Присела. Стоять было невыносимо трудно — то ли бессонная ночь сказала, то ли новость ошарашила. — Я не готова посвятиться в ваше племя. Мой сын будет скади, а я... мне нравится так, одной. Во всяком случае, пока.

— Ты не поняла, тебя никто не заставляет, — ласково произнес Роб и присел рядом. Тамара настойчиво закивала, соглашаясь с его словами.

— Предок Эрика — великий Алан Стейнмод, убивший немало охотников, — никогда не видел отца, — сказала она. — Вождь погиб накануне венчания, и мать Алана, Матильда, так и не посвятилась в скади. Но она правила племенем, пока сыну не исполнилось тринадцать.

— Матильда правила от его имени. Была гласом крови сына. И это делало ее одной из скади, — добавил Роб.

— Пока Алан не подрос и не посвятил ее самолично.

Они убеждали меня. Приводили доводы. Пеняли Дашиной некомпетентностью и тем, что она, скорее всего и была заказчиком ночного покушения. А я только и могла, что пялиться в пол и думать. О том, что я еще более некомпетентна, чем Даша. Ведь что я знаю об управлении племенем? Я всегда была в стороне. Мои решения по большей мере интуитивны и лишены здравого смысла. Как и Глеб, я часто шла против системы, а Влад многое спускал на тормозах. Брал на себя ответственность, а я не думала, чего это ему стоит.

Потяну ли я подобное? Десятки таких же, как я, людей, которые будут смотреть на меня и ждать, что я поведу их? Да и примут ли? Я — чужая им, по крови, по кену. Не принадлежу их общности, и родня лишь из-за того, что ношу ребенка Эрика.

Что сказал бы сам Эрик, узнав о плане Роба и Тамары? Явно не обрадовался бы. Воображение тут же нарисовало его лицо — задумчивое, недовольное, с глубокой складкой между бровей. Осуждающий взгляд льдистых глаз. Эрик всегда был против чужаков в скади.

Начищенный паркет в спальне Роба, украшенный ромбами и квадратами, соглашался со мной. Эрик бы не принял.

Но Эрика здесь нет!

Он ушел. Его мало волновало будущее скади, иначе слова «я не люблю тебя» не имели бы на него такое влияние — остался бы ради племени. Но он не остался. Значит, я могу решать.

— Хорошо, — кивнула. — Мы вернемся к этому разговору потом. Пусть сначала родится ребенок.

— Она начинает нравиться мне, — буркнула Тамара, обращаясь к Роберту, а он мягко сжал мои плечи.

— Все будет хорошо.

Будет. Как-то будет. А к «хорошо» я обязательно приду. Не буду больше ныть и страдать. Возьму себя в руки, а там, возможно, получится взять в руки и скади. Потом когда-нибудь. Если понадобится.

— Куда ты поедешь? — спросил Роб, провожая меня к такси. Почему-то рядом с ним было спокойно, особенно когда мы вышли на воздух. Все же Тамара немного нервировала меня, заставляя чувствовать себя неуютно. Воительница была напориста, уверена в себе и категорична. Впрочем, Эрик ее наверняка ценил именно за это.

— У меня есть одно место. О нем мало кто знает и оно отлично защищено. К тому же со мной будут мои...

— Соплеменники, — улыбнулся Роб и добавил: — Не бойся, я не выдам твою тайну.

— Да это и не тайна уже...

— Эрик говорил мне. Еще давно. — Он вздохнул и отвернулся. Посмотрел поверх сверкающей на солнце спины ждущего меня такси куда-то вдаль, вглубь раскинувшегося по правую сторону от крыльца сада. Ветер растрепал аккуратную прическу Роба, а яркий дневной свет заставлял щуриться и проявлял мелкие морщинки на загорелом лице. — Он был бы рад сыну.

Я пожалала плечами. Мы никогда не говорили о детях. Да и вообще о будущем. Не уверена, что Эрик обрадовался бы. Но вслух я спросила:

— Тебе не хватает его?

— Эрик был мне другом. Всем скади. И племя многого лишилось, когда он ушел.

— Извини.

— Я — не Тома, и тебя не виню. Неизвестно, что было бы, если бы он остался.

— Даша сказала, Эрик разочаровался бы во мне. Я бы не смогла... видеть, жить...

Непрошенные, горячие слезы потекли по щекам, а через секунду я оказалась в ободряющих объятиях жреца скади. Он гладил по спине, а я плакала — наверное, впервые с тех пор, как Эрик ушел в кан. И впервые мне было, с кем поделиться горечью, что скопилась во мне за эти долгие, утрюмые дни.

Мне нужно было ее выплеснуть, чтобы освободить место для чего-то намного важнее боли от потерь. Мне нужно было место в душе, чтобы заполнить его любовью к сыну.

В Липецк я возвращалась умиротворенная. Это чувство было сродни тому, что Эрик вернулся. Нет, не впрямь, полноценно — это событие точно лишило бы меня разума от счастья. Частично. Бесплотным духом, охраняющим скади. Меня. Сына, о котором он ничего не знал.

И мне стало легче.

— Каков вердикт? — не скрывая любопытства, спросил Дэн в то время, как я задумчиво пялилась в окно на мелькающие поля и деревья.

— Я вернусь. С ребенком. И буду править.

Самой эта фраза показалась неправдоподобной. Смешной. Боги играют со мной — забрали Эрика, но отдали его племя. Что мне делать с ним?

— Ого! — присвистнул Дэн. — Серьезно? Станешь правительницей?

— Не я — сын. Но я буду говорить за него, пока не подрастет.

— Когда-то я мечтал о чем-то подобном. — Дэн откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза. — Давно. В прошлой жизни.

— Я бы отдала тебе скади. Если бы позволили...

Мне не позволят. Скорее всего, даже не дадут рулить. Для сложных решений есть Тамара и Роб. Им просто нужен человек, который будет озвучивать их мысли и требования. И сместит Дашу. Взрослые игры для взрослых людей. И мне предусмотрена роль марионетки. Правда, они еще не знают, что я не люблю, когда мной пытаются манипулировать. Узнают. Виноватой я себя не чувствовала — сами предложили.

Плевать. Главное, мой ребенок будет в безопасности. В семье. И никогда не узнает настоящего одиночества.

— Тебе Диркова звонила, — сказал Дэн и протянул мне телефон. — Свой небось опять забыла дома.

Забыла. Даже не подумала поверить перед выходом. Беспечная. Нельзя так. Потерялась в последнее время совершенно, и найтись не могла. Лишь дома, в мнимой безопасности бетонных стен чувствовала себя уютно. До прошлой ночи.

— Спасибо.

Ира ответила сразу — после первого гудка. И тут же начала меня отчитывать. Они приехали вдвоем — она и Крег, жрец андвари. Плохо. Очень плохо. Влад не даст ей свободы. Он никому не дает, даже тем, на кого давно уже не имеет никаких прав. Душит, ломает, гнет, пока не добьется своего. А Ира его жена, и это навсегда.

Впервые за долгие годы эта мысль не вызвала у меня отторжения. Может, шок, а может... Что? Я больше не любила его? Я всю жизнь его любила. Даже в веренице сладких карамельных дней находилась минутка для горечи воспоминаний.

Но теперь в душе было пусто. Испарилась злость, обиды, тоска с примесью разочарования. Сладкий, опиумный запах безумия. Эйфория, от которой невозможно спрятаться. Все осталось там — в прошлой жизни, куда мне возврата нет.

Они ждали нас с Дэном у подъезда. Ира — цветущая, сияющая, в ярко-синей блузе с воланами и румянцем на гладких щеках. И Крег — ее неуловимая тень. Плавные движения, полуулыбка, умный взгляд. Возможно, если бы браки хищных можно было разрывать, он бы стал Ире отличным мужем. Но законы писались не нами и не нам их разрушать...

— Ты здесь, — шептала я, обнимая подругу, — приехала.

— Ну, обещала же! — Ира отстранила меня и внимательно посмотрела в глаза. — Мальчики, поболтайте здесь немного. Нам с Полиной кое-что обсудить нужно. Наедине.

Она потащила меня наверх. Яростная, упрямая, энергичная. Я уже и забыла, насколько она заряжает позитивом. Рядом с Ирой дышалось легче. И легче было осознавать, что мне в скором времени придется сделать.

Я никогда не желала власти, всегда сторонилась ее. Да, приходилось участвовать в интригах Филиппа и даже быть оружием в достижении задуманного — ведь именно меня Тан использовал, чтобы Влад посвятил его в атли. Но самих этих стремлений я никогда не понимала. Женщине сложно понять. Даже Ира, будучи наследницей митаки, отказалась от прав на пост вождя ради любимого мужчины.

Только вот... к чему это привело? Живет в изгнании. Часть атли и навеки отщепенка. Гордость не позволяет смириться и простить. Любовь не позволяет отречься, быть счастливой с кем-то другим. Уверена, Крегу было бы плевать на статус Иры. Он так на нее смотрел, что сомнений не возникало. Ира нравилась жрецу андвари. Возможно, настолько, что он готов был... Впрочем, на такое редкий мужчина готов ради женщины.

— Зря ты приехала, — угрюмо сказала я и покачала головой. Квартира швырнула в лицо воспоминания о прошлой ночи, всколыхнув в душе волнение. Наверное, я уже никогда не смогу чувствовать себя здесь в безопасности. Впрочем, и не придется — в ближайшие несколько лет мне суждено жить у скади. — Влад узнает, что ты здесь... с Крегом.

— Он знает, — спокойно ответила Ира. В глазах — не то горечь, не то облегчение. Возможно, она и сама не знает, как быть. Что делать дальше. Потерянная сильная девочка. Такой мне предстояло стать. — Поселились мы, конечно, в гостинице — приехать к атли было бы верхом наглости. Но он в курсе.

— Как в курсе?

В грудь плеснули кипятком. Ведь сама произнесла его имя и ничего не почувствовала. Ничего, кроме тревоги за подругу. А ее это безличное «он» ускорило пульс.

— Влад приезжал ко мне в Москву. Мы говорили. И поняли друг друга. — Она горько улыбнулась, отбрасывая темные, тяжелые пряди за спину. — Я не нужна ему, Полина. Была нужна — для дела. Но никогда он не видел во мне женщину. Друга, да. Соратника — бесспорно. Стену, за которой он может укрыться от собственных эмоций. Но не женщину. Так зачем держать?

— Ира...

— Нет, все хорошо, правда. Неопределенность убивает. Да и горькая правда всегда лучше, чем сладкая ложь. Влад никогда не хотел меня по-настоящему. Но достаточно уважает, чтобы сказать это в лицо.

— Влад и сам не знает, чего хочет, — пробормотала я, отворачиваясь. Налила воды в чайник, включила. Унять дрожь в пальцах удалось не сразу. В памяти всплывали обрывки прошлого. Резкие слова. Яростный взгляд. Последний сожженный мост на реке, где нет брода.

И я впервые поняла, что окончательно свободна. Путы упали с плеч, легкие раскрылись, и я дышала полной грудью. Только вот свобода всегда идет рука об руку с одиночеством.

— Он знает. Только вот понял поздно, — усмехнулась Ира. — Поздно ведь, Полина?

— Поздно, — кивнула я.

Теперь уже точно. У меня будет ребенок от Эрика, да и в сердце место лишь воспоминаниям. Карамельный кен. Прозрачный взгляд. Шершавые пальцы, касающиеся щеки. Ямочка на подбородке, покрытом легкой щетиной. Она колется, когда Эрик целует. Щекочет шею. А он смеется, хрипло, завораживающе. И мне не хочется, чтобы он прекращал. Пусть бы смеялся всегда, а не хмурился, как там, у портала. Там он злился и выглядел несчастным. Совершенно не похожий на того, кто достиг главной цели в жизни. Тот, у кого ее отняли.

Но Эрик был достоин кана. Знаний, которые он давал. И будущих — светлых, совершенных миров, где не будет сомневающихся девочек и интригующих сестер.

Я не хотела стирать воспоминания. И тем более, не имела права их осквернить. Я любила Эрика. Люблю. И буду любить. Всегда.

— Мне придется уехать. Надолго. Возможно, на год. Но я вернусь, обещаю.

— Это из-за него? Из-за того мужчины, с которым ты была? — Светлые глаза воительницы вскрывают душу, обнажают пласт за пластом. А мне не хочется показывать. Это — только мое. Личное. И все еще болит. Сочится сукровица из раны и тут же берется свежей коркой.

Я вновь отвернулась.

— Частично.

— Он хотя бы стоил того? — спросила Ира, и я уловила иронию в твердом голосе подруги.

Она любила Влада. Любит. И не верит, что кто-то может излечить от этой любви. Ласковый вождь андвари не поможет утолить тоску, лишь затереть ее. Ему можно позволить быть рядом, когда рядом нет того, с кем осталось сердце.

Но я-то знаю, что чудеса случаются. Они окрашены синим и пахнут карамелью. Они высоки и длинноволосы. И не лгут. Никогда. Тебе приходится лгать им, но тебе можно — ты не из разряда чудес.

— Он стоил большего.

Ира больше не пытала меня и позволила подняться мужчинам. Мы доели обед, приготовленный Люсией. Больше готовить тут я не буду. Возможно, никогда.

Крег рассказывал о жизни андвари, Дэн дополнял, а я рассеянно слушала и иногда кивала. И думала о том, что Ире на самом деле повезло. Даже если она этого пока не понимает. Впрочем, я несколько раз пыталась влюбиться насильно — ничего, кроме разочарования, это не принесло. Но Крег не был так уж прост. Наверняка у него в голове созрел достаточно четкий план по завоеванию строптивой воительницы.

Ночь медленно стекала с неба на землю.

Я вышла на балкон и долго смотрела в чернильный небосклон, на котором не появилось ни одной звезды. Я глядела во тьму, а тьма глядела в меня. Скалилась, угрожала, клубилась тучами, предсказывая беду.

Но я больше не боялась. Уверенность поселилась в душе. Пока я дышу, никто не причинит мне вреда. Будь то неведомый враг, позарившийся на кровь или кен, наследница чужого племени, которая не в состоянии удержать власть, или же человек, назвавшийся другом.

Кто ты, призрачный убийца? И почему трусишь показать лицо? Где бы ты ни был, бойся гнева сильного сольвейга! Потому что я больше не собираюсь прощать и глотать обиды. Я найду тебя сама. Скоро в моих руках будет целое племя — много защитниц, целителей, воинов и, главное — ищеек. Они отыщут тебя для меня. И тогда ты сам напьешься моего страха. Захлебнешься им.

— Ночь сегодня темная. Такие обычно предвещают спокойные сны. — Тихий голос вырвал из раздумий. Я оглянулась. В проеме двери стоял Крег, ветер шевелил темные волосы, а Ира улыбалась из-за его плеча.

— Пойдем мы. Ты устала, я чувствую. Обещай, что глупостей не наделаешь.

— Обещаю.

Мне сейчас нельзя делать глупости. Теперь я — мать наследника скади.

— И позвонишь.

— Как только вернусь, — кивнула я и посмотрела на ее спутника. — Береги ее.

Крег улыбнулся. Тепло, мягко. В последнее время мне начинали нравиться жрецы.

— Она в надежных руках.

А потом они ушли. Дэн выключил основной свет, чернильная ночь вползла в комнату и разбавила воздух фиолетово-черным. Часы на комодѣ размеренно отсчитывали секунды, приближая следующий день. Утром Барт приведет Люсию, затем я, Дэн и целительница отправимся в вынужденное изгнание. Туда, где мне не нужно будет бояться. Где я смогу спокойно выносить ребенка. А потом вернемся — к сроку. И мне достанутся скади...

— Волнуешься? — Голос Дэна звучал на удивление серьезно. Казалось, его и правда интересовал мой ответ. На остро выступающих скулах плясали тени спящего города.

— Немного. До сих пор не могу осмыслить. — Я подняла на него глаза. Любопытство мучило, и я дала ему волю. — Зачем ты вызвался помочь? Знаю, Барт тебе как отец, ты многим обязан ему, но тебе необязательно со мной возиться — Барт нашел бы других охранников.

— То есть мысль о том, что ты действительно мне интересна, тебе в голову не приходила? — усмехнулся он. И тут же, пресекая реакцию на столь недвусмысленную фразу, добавил: — Нет, не в том плане. Не обижайся, но ты совсем не в моем вкусе. Просто сдается мне, ты свою роль в мире хищных еще не отыграла. И она будет интересной — эта роль. Да и кто-то же должен учить тебя править.

— А ты умеешь?

— Мне не повезло родиться вторым сыном, — усмехнулся он. — А амбиций было побольше, чем у любого вождя. Я хотел править и не мог, хотя учился долго. Не понимал тогда, что азарта и воли недостаточно для того, чтобы стать хорошим правителем. Потом был поединок и изгнание.

— Ты не смог убить брата.

— Тогда я считал себя слабаком.

— А теперь?

Он вздохнул. Темная прядь упала на высокий лоб. А на скулах заходили желваки. А потом Дэн расслабился. Улыбнулся.

— А теперь считаю своим долгом помогать запутавшимся сольвейгам типа тебя.

— И присутствие рыжеволосой красотки с нами в одном доме, вдали от цивилизации здесь совершенно ни при чем? — поддразнила я.

— Не понимаю, о чем ты, — притворно пожал плечами Дэн и накрыл локтями перила.

Ночь вилась вокруг нас, серебрилась светом фонарей во дворе. Стрекотали сверчки, а этажом ниже кто-то на всю включил клубную музыку. Скоро придет Глеб, и придется прощаться. Несколько часов — все, что у меня осталось от прошлой жизни.

Стоим вдвоем — я и Дэн. Он думает о своем. Возможно, о собственном племени, откуда его изгнали. Вышвырнули за дерзость вызвать брата на поединок. О прошлом, которое невозможно изменить. А быть может, он вспоминает Барта — светло-карие глаза, низкий спокойный голос, уверенность.

Я прощаюсь с собой прежней. С Полиной-пророчицей атли. Как давно это было? Казалось, невообразимо давно. Когда началось — и не вспомнить. И все же душа щемит, воспоминания кислотой проникают в трещины и жгут.

Когда я вернусь, уже не буду просто Полиной. Я буду выше каждого из скади и не стану ближе ни одному из них. Чужачка, которой дали порулить. Они не примут меня. Отвергнут, как Тамара — Дашу. Моя кровь станет препятствием, и с каждым днем будет все труднее его преодолевать.

Эрик злился бы на меня. Он хотел оставить племя Даше... Но могу ли я с уверенностью

сказать, что человек, пытавшийся убить меня прошлой ночью, подослан не ею? Смогу ли рискнуть жизнью сына?

Не смогу. Не должна. И не буду.

Прощание с Глебом вышло смазанным. Он устал и хотел спать, я тоже выключалась, поэтому мы просто сидели, обнявшись, на диване, а ночь окружала нас и обезоруживала.

Глебу единственному из друзей я сказала о ребенке. И о покушении. Ему могла доверять.

— Не нравится мне этот тип, — кивнул Глеб в сторону кухни, куда Дэн тактично удалился, чтобы мы могли проститься без свидетелей. — Мы можем уехать вдвоем, ну или с этой твоей рыжей, если хочешь. Хотя, как по мне, чем больше сольвейгов, тем больше проблем.

— Барт доверяет Дэну. А Люсия, она... мы связаны. Именно она нашла меня, Глеб. Видела моими глазами. Она близка мне, как никто из сольвейгов. А тебе со мной нельзя. У тебя есть Ника и атли, к тому же... Скади считают, Даша причастна к покушению. Даша — подруга Влада. Не хочу, чтобы он знал, где я. И вообще о ребенке. Не время еще...

— Время будет, когда ты вернешься, и он узнает постфактум, — «согласился» он. — Это будет гуманнее.

— Я не могу сейчас думать об уязвленной гордости Влада, — язвительно прошипела я. — Нашлись дела поважнее — жизнь там свою спасти, ага.

Он вздохнул.

— Извини.

— Да ничего. Просто ты все чаще играешь роль его адвоката. Надеюсь, на то, чтобы остаться моим другом, у тебя время останется.

— Ну что за бред, Полевая! Я — твой друг. А сейчас ты пытаешься меня делить. Зачем?

— Я не пытаюсь, — устало зевнула я. — Рада, что вы с Владом нашли общий язык. Не поверишь, но я всегда этого хотела. Просто мой ребенок Влада никак не касается. Совсем. Я не атли больше...

— Но и не скади. Как ты себе представляешь управление племенем?

— Никак не представляю. Но у меня есть несколько месяцев, чтобы постичь эту тонкую науку.

— Не верю, что Дашка стоит за этим, Поля, — серьезно сказал Глеб. — Я ж ее с детства знаю. Она совсем не такая, и не думаю, что за годы в Лондоне настолько переменилась. Да и скади править ей было так же страшно, как и тебе.

— Это не моя версия. Ее люди не верят ей. А мне главное — уберечь сына.

— Теплому скажешь? — лукаво прищурился Глеб. — Или втихаря промутишь?

— Втихаря, — нахмурилась я. — Не буду рисковать.

— Напишешь? Я волноваться буду...

— Напишу, — кивнула. — С другого профиля. Но писать буду редко.

Мы еще посидели немного. Молча. И мне вдруг расхотелось уезжать. Бросать друга. Родной город, место, к которому привыкла. Может, все и так обойдется?

Но то была минутная слабость. Нахлынула и рассеялась.

К утру я снова была уверена в том, что делаю. Люсия стояла рядом, держала за руку, а мягкие пряди ее волос ластились к моему плечу. Барт улыбался. А Дэн готовился к переходу.

— Ты просто представь то место, нарисуй в голове. А я попытаюсь увидеть.

— Хорошо, — кивнула я. Закрыла глаза и принялась рисовать. Воображаемая кисточка

скользила по холсту, добавляя новых подробностей в до боли знакомую картину. Рука Дэна была тепла, пальцы целительницы — наоборот, прохладны. Барт размеренно дышал за спиной — подбадривал.

Белые, рваные облака застыли в небе, а трава была изумрудной. Прозрачная вода, камни. Засахаренные верхушки гор. Треск дров в камине. Истершийся ковер.

— Ну как? — спросила шепотом, боясь спугнуть волшебство.

— Пусто. Ничего не чувствую.

Досада. Обида на собственную беспомощность.

И снова небо — ясное, как глаза Эрика. Но Эрика там не было никогда...

— Просто представь, что ты уже там, — помог Барт, и я погрузилась в теплые воды собственной памяти.

Скалка и пирожки. Передник в муке. Вино ночью перед огнем. Уютное кресло. Шорох страха на задворках сознания — охотники не дремлют...

И наутро один из них — сумасшедший, злой. И снова беспомощность — только теперь уже прошлая. И неожиданное спасение. Ванильный аромат. Тепло и безопасность. Блаженство.

— Полина...

Его голос проникает в сознание. Но Влада здесь нет, он в прошлом. Все в прошлом.

— Полина, открой глаза.

Подчинилась, открыла.

Перед глазами — та самая долина. Россыпь домиков внизу. Черепичные крыши, выкрашенные белым заборчики. А над ними небо — глубокое, синее. Ясное. Местами вымазанное белой краской. И серая твердь камня под ногами. Корка моха на валунах.

Люсия выпустила мою ладонь и, раскинув руки, закружилась. Солнечные лучи запутались в ее волосах, и те отливали бронзой и золотом.

— Получилось! — ахнула я. — У тебя получилось!

Дэн покачал головой. Посмотрел на меня серьезно. Нахмурился.

— Нет, — произнес задумчиво. — Я ничего не делал...

Глава 26. В преддверии новой себя

В камине трещали недавно подкинутые поленья. Сырые. Вода шипела, испаряясь, поддаваясь огню.

В этом году ноябрь в Венгене выдался невероятно снежным. Снега навалило по колено, он был пушистый, мокрый и липкий. Мы делали снеговиков, играли в снежки, неизменно закидывая Дэна и закапывая его в сугроб.

Он поддавался. Всегда. А мы хохотали и сыпали ему снег за воротник. Люсия танцевала, кружилась и падала, ее щеки окрашивал красным румянец, а Дэн неподдельно восторженно смотрел на нее.

Красивая, чертовка! И такая же неприступная. Впрочем, Дэн особо и не настаивал — наблюдал издали, словно за яркой бабочкой, которую боишься взять в руки, чтобы не повредить крылья.

Вечерами мы сидели на полу, пили горячее какао и болтали. Люсия всегда засыпала рано — привыкла еще в селении Барта. А Дэн рассказывал о своем детстве, брате, которого он, несмотря на зависть, все же любил и старался во всем походить на него.

Но они были разными. Матерью Дэна была неизвестная никому женщина. Она умерла при родах, и тогда отец принес мальчика в дом. Кажется, даже скандал был. И первая жена хлопнула дверью, оставив наследника. Но потом вернулась. Женщины всегда возвращаются. А мужчины умеют ждать. Особенно, когда в запасе еще пять жен.

Но несмотря на это, мачеха Дэна сумела настроить против него брата. Уже после ее смерти у них вышла ссора. Детские комплексы, любимая женщина — так все знакомо. А затем был поединок. И изгнание.

Имен Дэн не называл, и я его понимала. Назвать — означало оживить память, а воспоминания иногда ранят сильнее всякого оружия.

Иногда я не могла удержать собственные в специально построенной сознанием клетке. Они вырывались на волю и рисовали. Прошное возвращалось с этими картинками, будоражило и тревожило.

Призраки поселились в доме. Его хозяин, которому я так ничего и не сказала, приходил и недовольно качал головой. Я не доверилась, но разве могла? Мирослав — друг Влада. А Влад тесно общается с Дашей...

Мир был не единственным, кто приходил бесплотным духом мучить меня в маленьком горном домике. Ева готовила на кухне, и восхитительные запахи еды плыли по воздуху. Веснушчатая девочка, которая уже, бесспорно, повзрослела и вытянулась, заливисто смеялась. Бен — он приходил чаще всех, как и Влад.

Венген рождал определенные ассоциации, но к концу осени воспоминания перестали преследовать меня.

Я осваивала внезапно проявившийся дар сына. Сначала училась перемещаться на небольшие расстояния: склон горы, залитая солнцем полянка, берег горного ручейка, где Люсия часто плескалась летом. Со временем удалось полностью побороть тошноту и настроить внутренний навигатор.

Барт приходил часто, и мы говорили. О том, какими качествами должен обладать мудрый правитель. О том, как решать споры собственных соплеменников и как вести себя с

охотниками в рамках нынешней системы. Как реагировать на опасности. Как собраться в нужный момент. Не трусить. Подавать пример остальным.

Дэн в такие моменты особенно внимательно слушал и, казалось, ловил каждое слово вождя сольвейгов. А я все больше заряжалась уверенностью, что смогу править скади. В обществе сольвейгов всегда спокойно и легко, а тревоги растворялись в воздухе.

Но иногда, как в такие вот моменты, когда наступало одиночество и накрывало прозрачным куполом, я тосковала по Эрику. Его призрак не преследовал, словно затаил на меня обиду за тот наш последний разговор. А может, из кана даже призракам пути нет...

И я старалась, как могла, воссоздать его образ самостоятельно. Лукавый взгляд. Ямочка на подбородке. Теплые ладони. Но время слизывало воспоминания, словно волна с песка, делало их размытыми и едва различимыми. И я рисовала по новой. Чтобы не забыть. А под сердцем у меня шевелился его ребенок.

— Тоскуешь? — Дэн сгрузил еще одну связку дров у камина и присел рядом. От него пахло морозом. Ветром. Мокрым снегом и сосной.

Я не ответила, лишь слабо улыбнулась и посмотрела на огонь.

— По особенным всегда тоскуешь долго, — произнес он, не обращая внимание на мое смущение. — Я долго тосковал. А перед этим злился. Бесновался и хотел всех убить.

— Она выбрала другого? — Любопытство все же победило робость. Да и Дэн сам заговорил. — Твоего брата?

— Выбрала, — горько улыбнулся он. — Вышла за него, глупая. А он... словно жен ему было мало, нужно было мою женщину забрать!

— Классика жанра, — иронично заметила я. — Словно он у тебе ее забирал! Не насильно же заставил замуж идти.

— Не насильно, — вздохнул Дэн.

— Ты все еще злишься, так ведь? — посмотрела на него с любопытством.

Он покачал головой.

— Не злюсь. Я был плохим человеком, Полина. Совершал глупости. Поступал подло. На моем фоне брат выглядел рыцарем в золотых доспехах. Я понимаю ее и в то же время виню. Подсознательно. Она — единственная, с кем я был собой. Настоящим. И она меня отвергла. Он же никогда настоящим не был. Золотая обертка, а что внутри — неизвестно.

— Ты не боролся? Оставил все, как есть? Впрочем, брак хищных все равно разорвать нельзя...

Браки хищных разрушить может только отречение и смерть.

— Нет, не боролся. Ушел. Потом познакомился с Бартом, и он изменил меня. Буквально. И научил тому, что прошлое нужно оставлять в прошлом. Как сейчас учит тебя.

— А если встретишь ее? Случайно, на улице? Пройдешь мимо?

Дэн улыбнулся. Горько. И горечь эта растеклась по комнате, сливаясь с моей собственной, а воздух сделался тяжелым.

Нельзя тосковать вдвоем. Тоска множится, соединяясь. И убивает медленно, но неизбежно, превращая душу в ржавый сосуд.

— Не встречу, — ответил Дэн тихо. — Она погибла.

Он поднялся и вышел на улицу, а я еще долго сидела и думала о том, что для некоторых поступков и важных слов иногда может наступить то самое «поздно», о котором люди редко задумываются. Дэн потерял нечто важное для себя и нашел смысл жить, идти дальше. Значит, и я найду — ведь у меня для этого гораздо больше поводов.

Сын. Племя, которое скоро станет родным. Друзья. Память об Эрике. И желание отыскать загадочного убийцу.

Зима длилась долго. Похожие друг на друга дни, наполненные раздумьями, и я буквально ощущала, как перестраиваюсь внутренне. Создаю фундамент для новой личности, по кирпичику возвожу стены, которые в последствии защитят от нападков и косых взглядов. Отрациваю броню, что позволить отражать удары.

Готовилась к трудностям. Еженочно убеждала себя, что выдержу. Твердила себе, как мантру, что сильная.

А зима постепенно сдавала права... Воздух наполнялся еще далеким, но таким желанным теплом, природа готова была возродиться. Из-под слежавшегося снега проступал изумруд новой травы, а небо сияло голубизной.

В марте мы вернулись. Нет, не в Липецк — в Москву. Сняли квартиру недалеко от центра. Тамара приехала и Роб. А еще Эльвира. Она причитала надо мной, словно я была больна, а потом громко рыдала в коридоре. Ей не сказали, куда везут. И она ничего не знала о ребенке Эрика.

Мне безумно, почти ежесекундно хотелось позвонить Ире. Она все еще в Москве — иногда я переписывалась с Глебом и знала. Но звонить было нельзя. Еще не время. Вот родится ребенок, тогда...

Сын появился на свет в середине марта. Крупный, здоровенький, с белым пушком на голове. Маленький такой одуванчик, только хмурился много и сжимал кулачки. И я плакала в кровати, прижимая его к себе. Беззвучно, но с надрывом. Он смотрел на меня прозрачными глазами отца и поджимал подбородок с его же ямочкой.

А я шептала:

— Все будет хорошо, маленький Алан. Все у нас будет хорошо...

Люсия гладила меня по голове, и слезы катились по ее фарфоровым гладким щекам. Потому что у нас с целительницей одна душа на двоих. Одно горе. Одна радость. Одна печаль.

И одна вера.

Барт подарил Алану защитный амулет, а целительница сольвейгов долго шептала и целовала в лобик.

— Не болеть, расти крепким, — пояснила Люсия.

Роб улыбался и постоянно повторял:

— Как он похож на Эрика!

А Тамара молчала. Смотрела пристально и думала о чем-то своем.

В Липецк мы возвратились в апреле. Пели птицы и распускались листья на стриженных в прошлом году кустах. В лужах отражалось блистательное солнце и пушистые облака. Пахло гнилой листвой и влажным асфальтом.

Дэн и Люсией попрощались с нами в городе, к скади не поехали. В принципе, я ждала, что главный удар приму одна, но без их поддержки стало не по себе. И, хотя Роб постоянно подбадривал, рядом с воительницей я чувствовала себя неловко.

Мы заехали на Достоевского, чтобы собрать вещи. Воспоминания встретили на пороге. Почему-то не те, где на меня напал призрачный убийца, а другие, ранее спящие, но такие острые теперь.

Мой переезд сюда. Новоселье. Черный цветок.

Мысли. Разные. О любви и потерях. Планы убийства. Прощание на балконе, теплый

ветер за воротник. Украденное прикосновение. Слезы. Рассвет.

Решимость.

Хватит ли мне ее сейчас?

Затертый диван, пыль на мебели. Знакомый до слез запах, воздух, которым не можешь надыхаться. И в груди щемит, а сердце колотится, как сумасшедшее.

Тамара осталась внизу с ребенком, а Роб поднялся со мной. То ли боялся оставить одну, то ли хотел оказать поддержку. Я почти забыла, как он выглядит за долгие месяцы изгнания. Все они... И если вдали от дома будущее казалось довольно определенным и безопасным, то здесь и сейчас навалилось новыми сомнениями.

Рука сама потянулась к телефону. Долгие гудки как пытка. И короткое «привет» словно искупление.

— Я вернулась...

Молчание. Секунда, две. Громкое дыхание в трубку.

— Глеб?

— Я здесь...

И мир врывается тысячами искр. Хоровод мыслей, среди которых ни одной цельной. Обрывки. Грудь плавится, а пальцы, наоборот, леденеют.

— Скажи что-нибудь.

— Давно?

Голос такой знакомый и давно забытый. Как же я соскучилась!

— Сегодня. Приезжай.

— Куда?

Люблю его за отсутствие лишних вопросов. Все — по существу.

— К скади.

Вещей оказалось немного — одна дорожная сумка. Половину я сознательно не стала брать — словно не моими были. Прошное осело на них. Прошное, к которому возвращаться не хотелось.

— Все у тебя будет, — приободрил Роберт, выдвигая ручку сумки и направляясь к двери. — Готова к переменам?

Я не ответила. Лишь обвела в последний раз взглядом квартиру, давно опустевшую и лишившуюся уюта.

Возможно, эти стены вновь станут пристанищем для беглянки. Возможно, когда-нибудь я вернусь сюда. А может, обрету семью у скади...

Ведь даже пророчицы иногда не знают, что ждет их впереди.

Глава 27. Правительница

Серые стены грелись теплом апрельского солнца. Зеленела трава на газонах, высыхал гравий под ногами, и плитка у крыльца лоснилась влагой не так давно сошедшего снега.

На крыльце уже ждал Глеб. Его мотоцикл был припаркован неподалеку — склонился набок, а с руля свисал новый глянцевого шлем красного цвета. Вспомнилась скорость. Свобода, ветер в волосах, запах бензина и костра.

Давно это было. И безвозвратно потеряно...

Глеб очутился рядом, как только я вышла из машины. Обнял так же молча и осторожно, боясь навредить ребенку, которого я прижимала к груди. Несколько секунд смотрел на него и произнес:

— Вылитый Эрик. — Перевел на меня взгляд и серьезно спросил: — Ты как?

— Боюсь, — честно призналась я.

— Не бойся, королевы все равно дома нет, — бросила через плечо Тамара и направилась в дом. Воительница даже не пыталась скрыть пренебрежение, с которым произнесла слово «королева». Ненависти в ее голосе не было, скорее презрение. Так говорят о человеке, который и внимания-то недостоин. Только вот... если Тамара так отзывается о Даше, как может верить в ее вероломство? В то, что защитница наняла убийцу, чтобы племянник не появился на свет?

— Дашка ночевала у нас, — пояснил Глеб. А потом, помолчав немного, добавил: — Она часто у нас ночует...

— Входи, не бойся, — подбодрил меня Роберт. — Теперь это твой дом. Ты здесь хозяйка.

Хозяйка, как же...

Осторожно, словно боясь, что за порогом раскинулось минное поле, я шагнула внутрь. Контрастная гостиная встретила тишиной и столпившимися по обе стороны от входа скади. Они переминались с ноги на ногу и смотрели на меня выжидающе. На меня и на сверток в моих руках. Я сглотнула и попятилась. Но было поздно — уперлась спиной в Роберта, и он мягко подтолкнул меня вперед.

На сцене, в свете софитов было неуютно. И если бы я все еще умела телепортироваться, сделала бы это непременно. Но я больше не умела. Алан же таращился на меня с интересом из светло-голубого конверта.

А потом навстречу шагнул Антон Перов. Он занимался делами скади и замещал Эрика во Владивостоке. Но сегодня был здесь. Все они были здесь.

— Сын Эрика, — сказал Антон то ли вопросительно, то ли утвердительно. Нервно улыбнулся и заглянул в конверт.

— Похож, скажи? — Эля заглянула тоже, и скоро вокруг нас столпились перешептывающиеся и шикающие друг на друга скади. Они растерянно улыбались. Вдыхали и прикладывали руки к груди. А я боялась пошевелиться и с ужасом ждала, когда эйфория радостных вестей спадет, и они поймут...

Что? Что чужая хищная будет теперь управлять их жизнью? Что придется подчиняться той, которая жестоко прогнала любимого ими вождя?

Ирония судьбы. Эрик, уходя, оставил мне свою жизнь. Сына. Племя. И кучу

обязанностей, которые предстоит выполнять. Они вороньем кружили над головой, норовя наброситься и заклевать до смерти. А над ними стервятниками — страхи. Скади не примут меня. Возненавидят. И мне придется жить в одном доме с людьми, которым я не нужна.

А потом Антон развел руки в стороны, заставляя остальных отступить. Взглянул на Роба, который теперь уже стоял по правую от меня сторону, и жрец едва заметно кивнул. Скади замолчали, гостиная наполнилась тягучей, словно патока тишиной. Лишь Алан негромко кряхтел, словно пытаясь выбраться из неудобного конверта наружу — в мир, где жила его семья.

Шарканье обуви по паркету, отрывистые вздохи, яркий свет, врывающийся с улицы сквозь огромные, почти до потолка окна.

И Антон, опускающийся на одно колено. Передо мной. Перед моим сыном. В глазах — ни капли сомнения. Или ненависти. Или обиды.

— Я принимаю твою власть надо мной.

Горло щиплет, и я не могу ответить, лишь киваю, стараясь сдержать слезы. Они подходят и каждый по очереди преклоняет колени. И говорят. А я стою. Будто и не я совсем — другая, которой выпала честь. Которой доверили жизни. И дом. И святость.

А они все подходят. Взрослые, дети. И я, кажется, плачу. Или кажется?

Только Тамара, казалось, машинально исполнила ритуал. И в ее глазах уважения к себе я не увидела. Но и ненависти тоже. Для нее я — инструмент. Настоящий вождь — вот он, у меня на руках, хватается ручонками за сгиб конверта. Еще слишком мал, чтобы править. Но достаточно силен, чтобы объявить своей волей меня регентом.

Последним был Роб. Сдержанный, учтивый. Поднявшись с колен, он улыбнулся мне и шепнул:

— Добро пожаловать домой.

Домой...

Странное слово. Когда-то я считала домом особняк атли. Давно. В прошлой жизни. Из той жизни у меня остался только Глеб — стоит вон, улыбается. А я растеряна. Спать хочу. Еще и Алан раскапризничался, кормить пора. Подняться бы наверх, упасть в кровать и проспать да завтра. Лучше бы в кровати Эрика — той самой, которую я все еще отчетливо помню. Темные стены и светильники. Массивный комод в углу. Черное покрывало. Белые подушки. Окно на полстены и тяжелые шторы. Запах карамели.

Вряд ли мне отдадут ту комнату. Но помечтать-то можно.

Алана я накормила на кухне. Потом сама поела. Глеб ждал в гостиной — говорил с Робом. Обо мне заботилась Эля. Совсем еще девчонка — уже не подросток, но еще и не женщина — окружила меня теплом и участием. И, пока я ела, нянчилась с Аланом. Потом он уснул, и целительница умиленно всматривалась в детское личико.

И я расслабилась. Просто потому, что устала. Перенервничала. Даже не заметила, как задремала на стуле, положив голову на столешницу.

Меня разбудила Тамара. Довольно грубо потрясла за плечо и сказала:

— Идем.

Куда? Зачем?

Толком не проснувшись, я послушно поднялась и поплелась за ней в гостиную. И сразу заметила Глеба, вернее, выражение его лица. Напряженное, встревоженное. И Роб рядом с опущенными в пол глазами. А Антон уже не светится тем энтузиазмом, с которым встретил меня на пороге.

Потому что рядом стоит Даша...

Не одна.

Взгляд зеленых глаз пронизывающий, дерзкий. И безумно хочется поддаться этой силе, отвести глаза. Но я смотрю, как замороженная, словно вижу впервые. Сердце колотится, а ладони вспотели.

Все это усталость, Полина. Что же еще? Теперь тебе уже не нужно переживать о том, что подумает Влад Вермунд. Ты больше не атли. Более того, ты здесь хозяйка!

Словно подтверждая мысли, рвущие сознание, Тамара приобняла меня за плечи. И впервые за долгое время я ощутила ее реальную поддержку. Силу. Мощь. Щит, которым она прикроет меня в случае нападения. Не потому, что мы близки. Я нужна ей, она нужна мне. Взаимовыручка, но черт, как она необходима мне сейчас!

Выше, выше подбородок, Полина.

Игру в гляделки я, конечно, проиграла. Но не потому, что поддалась — просто нужно было посмотреть на нее. Посмотреть, чтобы понять...

Осунулась, похудела. Бледная. Под глазами темные круги. Дарья Стейнмод совсем не походила на коварную интриганку. Скорее на загнанную в угол дичь.

Смотрела то на меня, то на Тамару, то — уже реже — на Роберта. И не понимала...

Она же не знала ничего! И в тот день, когда я пришла к скади, не знала. Ни о ребенке, ни о замыслах воительницы и жреца. Такое удивление нельзя сыграть, будь ты сто тысяч раз хорошей актрисой.

— Полина... — пролепетала она и замолчала. Придвинулась ближе к Владу, словно он мог защитить ее.

Он не мог. Он не был частью скади. А я была.

— Здравствуй, Даша. — Я сделала паузу, чтобы перевести дух, и вместе с воздухом в легкие хлынул раскаленный свинец. В висках застучало, а перед глазами поплыли багровые круги. Но Тамара держала меня крепко, и Роб поднял глаза. — Влад.

— Это правда? — Казалось, защитница скади пыталась отследить на моем лице тень лжи. У нее не выходило, и она пыталась снова. И снова. И еще. — Твой сын...

— Наследник, — кивнула я.

Она моргнула и подалась назад, но ее никто не поддержал. Некому было. Тот, кто стоял рядом, тоже не выглядел больше уверенным.

— Сын Эрика, — глухо произнес Влад и опустил глаза. Постоял немного молча и повторил, словно сам пытался поверить: — Сын Эрика.

Сзади нас кто-то громко выдохнул, а на втором этаже захлопнулись ставни. Наверное, мыли окно в коридоре. Медленно, словно пугаясь гнетущего молчания, по лестнице спустилась Алла. И замерла все там же, у подножия, не зная, что делать дальше.

Я тоже не знала. Стояла и слушала, как стучит сердце — гулко и обреченно, словно попавшая в паутину муха. На языке горчило прошлое. Просочилось с воздухом, осело липким жиром на небе.

А потом Даша шагнула вперед. Казалось, она вечность шла, и шаги ее гулко отзывались поражением.

Поражением ли? А может, победой?

Я не хотела власти. Не умела ею пользоваться и с удовольствием оставила бы бремя защитнице. Но нельзя. Тамара довольно ухмыляется рядом, и Роберт вовсе не выглядит виноватым. Тогда почему я чувствую вину?

Даша опустилась на колени с достоинством королевы, с прямой спиной правительницы. Она с детства училась, а я... Я не привыкла.

Что ж, придется привыкать.

— Я принимаю твою власть надо мной...

Мир лег мне на плечи — тяжелый, твердый, шершавый. И казалось, кожа горит там, где он касается ее.

Вот она — власть. То, чего Влад всегда так хотел. То, чего хотел Эрик. И Даша. Неподъемные сверкающие доспехи.

— Я бы хотела... — Даша запнулась. На щеках — лихорадочный румянец и глаза блестят слезами. — Можно посмотреть на него?

— Он спит, — отрезала Тамара. — Потом посмотришь.

— Алан с Эльвирой на кухне, — услышала я собственный голос — глухой и отстраненный.

Даша скользнула по воительнице яростным взглядом, едва заметно кивнула мне и покинула гостиную.

Я узнала, что хотела. Даша не была причастна к покушению, глупо было даже думать... И лишать ее общения с племянником жестоко. Личные разборки придется отодвинуть, и, если я все же правительница, то Тамаре придется смирить свой негатив. Я не знаю, чья жизнь помешала неизвестному убийце — моя или сына, но проверять не хотелось. Поэтому придется склади сплотиться и на время забыть о разногласиях.

Холодок страха спустился в пищевод, сводя внутренности. Даша не причастна. Но тогда кто нанял того человека? Кто вложил ему в руку ритуальный нож? Кто научил заклинанию мира хищных? И где он сейчас?

Внешний мир для меня исчез. Голову опутали недобрые мысли, я отрешилась, перебирая в голове варианты. Оценивая перспективы. Ища выход для себя и сына. И не заметила, как что-то во внешнем мире все же переменялось. А когда вынырнула в него, было поздно бежать...

Краем глаза заметила, как напрягся Глеб и подобрался Роберт. А Тамара крепче сжала плечо. Синяки, наверное, останутся...

Передо мной стоял Влад. Близко. Непозволительно близко. Когда он в последний раз был так близко, мы наговорили друг другу грубостей. Даже пощечина была. И своего рода прощание.

И вот опять глаза в глаза. Его пальцы обжигают кожу запястья, а потом он касается ее губами. Как раз в том месте, где увяли давние шрамы.

— Позволь поздравить правительницу, — шепчет хрипло, и на месте ледяного кома у меня в груди расцветает огненный цветок. Выжигает страхи и сомнения, усталость и сонливость. Кровь кипит, и я выдыхаю пепельное:

— Спасибо.

Я думала он останется. Будет смотреть, прожигать взглядом, а мне придется изображать радужную хозяйку и улыбаться. На это бы меня точно не хватило...

Но Влад уехал почти сразу после присяги Даши. Глеб поцеловал меня в лоб и обещал приехать завтра, как только я отдохну. Я не возражала, слишком хотелось спать. Даша не отходила от Эльвиры, которая носилась с Аланом, как с писаной торбой. Целительница тихо щебетала что-то моему сыну, а Даша просто смотрела. Смотрела, молчала и, казалось, вот-вот расплчется. У меня в груди шевельнулись угрызения совести, но тут же улеглись снова.

Я слишком устала даже для них.

Роб помог мне подняться вверх, остановился перед дверью спальни Эрика и неуверенно произнес:

— Мы подумали, ты захочешь жить здесь.

Он шутит? Конечно, я хочу. Черт, я мечтала жить в этой комнате всю беременность. Засыпая на мягкой кровати Мирослава в Венгене, слушая размеренное дыхание Люсии, я вспоминала темную спальню с большой кроватью, атласные наволочки, на которых серебром смешивались наши с Эриком волосы. Окно, в которое по утрам проникали солнечные лучи и будили нас. Вернее, меня. Эрик редко спал — ему достаточно было пары часов сна в неделю, чтобы чувствовать себя отдохнувшим. И когда я просыпалась, ловила его теплый взгляд. Такие утра начинались с улыбки.

А потом был кофе и булочки. Тихий смех, прикосновения, карамель в венах.

Я, наверное, громко и прерывисто дышала, потому как Роб взял меня за руку и серьезно сказал:

— Если не хочешь, или тебе трудно, могу отвести тебя в гостевую.

Я замотала головой.

— Нет. Я хочу жить здесь.

Внутри все поменялось, обросло другой реальностью. Прошрое пространство комнаты Эрика, угловатое, без излишеств, заполнили груды детских вещей. Кроватка с рюшами, кресло-качалка у окна — видимо, для меня. Игрушки в творческом беспорядке на полу. Дополнительный комод для наших с Аланом вещей. Гардеробную, наверное, решили не трогать. Святыня. Как еще спальню мне доверили...

Впрочем, переживать и мыслить сил уже не было. Упасть бы в кровать, только сначала вымыться хорошенько.

— Отдохни, — посоветовал мне Роберт. — С Аланом пока побудет Тома. Завтра у тебя трудный день.

— Труднее, чем сегодня? — зевнула я и покосилась на кровать.

— Завтра мы едем в резиденцию охотников. Нужно представить тебя Петру. Да и день ежемесячных отчетов как раз завтра. Убьем двух зайцев одним выстрелом.

— Петру? — переспросила я.

— Наш новый смотритель, — пояснил Роб. — Еще не древний, но достаточно старый охотник. Думаю, со временем Альрик тоже приедет — скади у него на особом счету.

При упоминании о Первозданном у меня заболела голова. Прямо аллергия на древних манипуляторов. Завтрашний день виделся мрачным и по-настоящему тяжелым. Безумно захотелось увидеть сына, прижать его к груди и успокоиться.

— Алан... пусть сегодня останется со мной, — попросила я. — Не усну без сына.

Роб кивнул.

— Скажу Эльвире, чтобы принесла, а ты пока прими душ. В комодке есть вещи — я приобрел на первое время. Остальное купишь сама.

Горячая вода разморила еще больше. На полке все еще стоял гель для душа Эрика — терпкий, с древесным запахом и миндальным маслом. Я тщательно мылилась и глотала слезы от того, что уже не вернуть. Но когда вернулась в комнату, глаза были сухими.

В спальне меня ждала Тамара. Алан спал в кроватке, его ресницы подрагивали, а кулачки сжимались. Надеюсь, тебе снится что-то хорошее, малыш.

Я присела на кровать и подняла глаза на воительницу.

— Ты отлично держалась, — похвалила меня Тамара. — Я сомневалась, что вообще выдержишь. На вид ты не очень стойкая...

— Спасибо, ты такая милая, — съязвила я.

Она пожала плечами.

— Я привыкла говорить правду. Многим это не нравится, но это их проблемы.

— Мне нравится. Я ценю правду. И сама привыкла говорить ее в глаза, так что не обижайся. Я не буду притеснять Дашу. Она не подсылала того убийцу, не знала о ребенке и не станет вредить Алану. Это видно даже тому, у кого с интуицией туго.

— Возможно, и не она была, — проворчала Тамара и присела на стоящий рядом с кроватью стул. — Но это ничего не меняет. Даша — скверная правительница. Ей, как и тому, зеленоглазому, плевать на закон крови. Она бы осквернила скади.

— А я? Разве во мне есть кровь скади? Разве я не оскверняю ваши... законы?

— Ты не скади, — улыбнулась она. — Ты лишь говоришь за сына. Это другое.

— А когда он подрастет, вышвырнете меня из племени?

— Когда он подрастет, сам будет решать, — отрезала воительница и встала. — Ты не хочешь в скади, так что же жалуешься?

— Я не жалуюсь. Устала, — призналась я. — И думаю о будущем.

— Устала — отдохни. А будущее твое здесь, рядом с нами. На долгие годы. Тебе нужно научиться держать удар — каждый правитель должен это уметь. Не ломаться. Сражаться до последнего за своих людей. Так делал Эрик, пока не ушел. Так делали вожди до него. Ты никогда не была вождем, но станешь. Упадешь, я подниму. Но никогда, слышишь, Полина, никогда не позволю тебе отступить. Назад дороги нет. Ты знала, на что шла.

Воительница вышла, и мне показалось, если бы Алан не спал, хлопнула бы дверью. Я не нравилась ей. Она хотела меня не больше, чем Дашу. Но вынуждена была терпеть. Потому что по закону именно я имею право на скади, а вовсе не потому, что достойна править.

— Бредовые у вас законы, — пробормотала я и упала на кровать.

Уснула почти сразу, а ночью проснулась от тревожных снов. Потом забрала Алана к себе, и тревоги исчезли. А совсем под утро мне приснилась девушка. Высокая, стройная и безумно бледная. Каштановые волосы трепал ветер, она смотрела на меня умоляюще.

— Спаси меня, — попросила и протянула руку, но как только я захотела ее коснуться, образ растаял, и я осталась одна посреди ночной степи. Ковыль раскачивался и ласкал босые ноги, а над головой раскинулся усыпанный звездами небосвод.

И почему-то подумалось, что если не спасу ее — ту девушку с грустными глазами — ничего хорошего не будет.

Но понять наутро, пророческий ли был сон или просто игры подсознания, у меня не получилось. Интуиция молчала, а впереди ждал насыщенный событиями день.

Утро выдалось солнечным, весенним. Высыхала земля на клумбах у дорожки, ведущей в сад, и в земле этой копалась женщина скади. Сажала цветы. Я забыла ее имя. Как и многих других. Нужно будет выучить или записать. Теперь я — часть их племени.

Настроение было ужасное. С Дашей поругалась утром. Нелепо вышло. Вернее ожидаемо, но все же... Она подкараулила меня у двери спальни. Смотрела зло огромными своими глазами, а когда я вышла, выдохнула:

— Дура!

— Чего? — опешила я.

— Как ты вообще... подумать могла? Поверить, что я... — Она захлебывалась слезами,

они душили ее, мешали словам. — Он же сын Эрика. Алан. Я бы ни за что...

— Извини. — Я потупилась, не зная, что ей ответить.

Мне было страшно. Одиноко. А друзья Эрика убедили, что она могла убить. Как я могла не поверить им — Эрик же верил?

— Извини — так просто! У тебя, наверное, все просто. Со мной-то ладно — меня можно не любить. Кто я такая?! Но ему могла бы сказать. Он сто раз тебя похоронил, а ты вернулась. С сыном. Бросила это ему в лицо. Сходу, с порога. А тогда не сказала, хотя могла. Обидки хранила. А ведь он всегда... всегда тебя спасал. Подставлялся. Жизнь свою положил. Но что тебе до его жизни, верно? И до моей. Ты решила скрыть. Будто бы я прогнала, будто мы все...

— Даша!

Но она не стала слушать. Развернулась и побежала. Совершенно не по-королевски, закрывая рот ладонью, наверное, чтобы не закричать от обиды.

Мне было плохо. Я поступило подло, вот скверна и просочилась в душу. И об этом поступке я жалела. Даже весна не могла осветлится его, выгнать из сознания.

Но правителям нельзя грустить и съедать себя сожалениями. У правителей много дел.

Роберт открыл для меня дверцу черного глянцевого автомобиля, и я последний раз оглянулась на дом. Облитый светом, он торжественно сверкал вымытыми окнами. А на серой шиферной крыше ворковали голуби.

Всю дорогу до Липецка жрец давал мне указания, как вести себя с охотниками.

— Говори по существу, держись с достоинством. Мне войти не позволят — это прерогатива вождей. Тебя будут спрашивать о том, почему ты не посвящена в племя. Не отвечай. Их не касаются личные дела скади. Вот финансовые отчеты. — Он сунул мне бумаги. Толстая пачка. Таблицы. Графики. Цифры. И я ничего в этом не понимала. — Будут вопросы, скажи, что ты еще не освоилась и в следующий раз придешь с консультантом. Не бойся, в отчетах все правильно, не прикопаются.

— Это так сложно, — простонала я.

— Только в первый раз, — ободрительно улыбнулся Роб. — Ты справишься. И помни, я за дверью.

Я кивнула.

— Смотрителя скади зовут Ганс. Он не русский, говорит мало, почти не вмешивается в наши дела и редко бывает в доме. Он молод и боится, используй это.

— Меня он вряд ли испугается, — пробормотала я.

— Ты не представляешь, какими людей рисуют слухи, — возразил Роб. — Тебя долго не было, но слава о тебе только росла.

— Слава? — Повернулась к нему, чтобы отследить признаки насмешки. Не шутит. Серьезен.

— Здесь тебя знают, как сильного воина, Полина. Ты проявила себя на прошлой войне, охотники такого не забывают. Да и с Эриком ты была долго, а его, говорят, сам Альрик побаивался... Поэтому они сразу постараются запугать. Не ведись, держись с достоинством. Ты — мать наследника и на своем месте, ежемесячные взносы скади платят исправно. Остальное не должно их волновать.

Я смотрела на дорогу. На деревья по обе стороны — еще голые, но уже набухшие почками. На небо, просвечивающееся сквозь паутину ветвей. Сжимала чертовы бумаги и ехала в то место, которое ненавидела. Там пытали любимых мне людей, а охотники

смотрели и улыбались. Им было приятно пытаться зверушек. Но я-то знала, что сильнейшие из них рассыпаются пеплом, когда мой кен касается их.

Все относительно. И сила, и власть. И подчинение.

Я не чувствовала себя покоренной, но должна была такую изображать.

Красивое современное здание, массивные двери, украшенными знаками убийц, охрана. Молодые совсем — одного удара хватит, чтобы отправить их на тот свет. Несмотря на новый порядок, ясновидцы все еще проходят испытания и становятся охотниками. Система несовершенна. И лжива.

Машины у входа блестели. Рядом с незнакомыми мне иномарками — желтый «Опель» Филиппа, старый, но чистенький, и черный джип Мирослава. Серебристого монстра Владе видно не было, наверное, не приехал еще.

Мы припарковались слева от входа, и Роб помог мне выбраться. Солнце слепило, и я прищурилась, собираясь с духом. Войти, продержаться, выйти. Все просто, Полина.

Все оказалось непросто...

Высокие стены подавляли, черные провалы окон пугающе скалились. Входить не хотелось, и я замерла на пороге, пытаюсь отдышаться. Сильная... Все так говорят обо мне.

Еще бы самой поверить.

— Идем, — мягко подтолкнул меня Роберт.

Идем. Отсюда не убежать. Мне теперь вообще убежать не грозит. Сажу на цепи, пусть и золотой. И делаю вид, что что-то значу.

Коридоры, лестницы, хмурые охотники. Их всегда здесь было так много? Роберт спокоен, а я... Сердце колотится и ладони потеют. Иду и прижимаю к себе злосчастные листы.

— Полина? — Голос позади заставил обернуться. Облегчение бальзамом растеклось по плечам, а потом спустилось ниже — в грудь. Потушило пожар, и сердце успокоилось немного.

— Андрей!

— Что ты здесь делаешь? — Охотник оказался рядом в секунду. Глаза чайного цвета встревожены. Осматривает меня, недоверчиво косится на Роба. — Ты что-то натворила?

— Боюсь, что да, — призналась я. И тут же, пока он не успел взволноваться еще сильнее, добавила: — Родила сына от Эрика. Теперь вот... здесь.

— Представляешь скади? — Он даже назад подался от такого известия.

Я кивнула.

— Умею я вляпаться?

— Умеешь, — безрадостно кивнул он. Покачал головой. Жест привычный. Не меняется... Только я меняюсь — постоянно. Замереть бы в одном из счастливых мгновений, так нет же!

— Нам пора, — мягко напомнил Роб.

Мы пошли дальше, а Андрей остался. Он, наверное, тоже будет присутствовать, когда Влад приедет. А еще там Мирослав. Справлюсь.

И лишь дойдя до тех самых дверей, поняла: не смогу. Сорвусь. Резко расхотелось входить, но Роберт распахнул тяжелые створки, и мир охотников обрушился на меня снова.

Зал был практически пуст. Четверо охотников, незнакомых мне, один из которых восседал на «троне» Альрика. Филипп и Мирослав. Диалог, что они вели, резко оборвался, и все, не сговариваясь, уставились на меня. Сзади захлопнулись двери, отрезая мне путь к

выходу.

Я сглотнула и выдавила:

— Здрасьте.

Филипп побледнел, а Мирослав прищурился. И оба молчали. Впрочем, не стоит тут выяснять отношения.

Охотник на троне — наверное, Петр — смерил меня презрительным взглядом.

— Полина, верно? Полевая?

Я кивнула. Он жестом указал мне на ряд стульев у окна. Впрочем, на них никто не сидел, поэтому я подошла и встала рядом с Мирославом, словно пыталась найти защиту у его тени. А он все смотрел и смотрел, будто поверить не мог, что видит меня здесь. Наверное, и не мог. Но внимание раздражало, и я поймала себя на том, что мну злосчастные бумаги.

— Привет, — улыбнулась как можно дружелюбнее. Мирослав не ответил. Залип, что ли?

Развить эту мысль мне не дали. Дверь снова распахнулась, и в зал вошел Влад — как всегда полу-расслабленной походкой — скользнул по мне безразличным взглядом, слегка кивнул главному охотнику и встал около Филиппа. Ни с кем из нас не поздоровался. Тут не принято, что ли?

Андрей беззвучно просочился внутрь и неслышно прикрыл за собой дверь.

— Все в сборе? — Охотник на троне обвел нас взглядом. — Что ж, начнем.

Первым говорил Филипп. Голос бывшего жреца был громогласен, растекался по залу гулким эхом, рикошетил от стен и возвращался назад раздражающими отголосками. Филипп рассказывал о достижениях хегни. О хищных, принятых в племя за месяц. О новых источниках доходов. Подбородок держал высоко, но как-то горбился, словно ждал внезапного удара, и от этого смотрелся жалко. Незнакомый молодой охотник — такой же худой, как и вождь племени, у которого он считался смотрителем — кивал и дополнял слова Филиппа. Он смешно трусил жиденькой бородкой и зыркал темными глазами, которые бегали и, казалось, просто не могли сосредоточиться на чем-то одном.

Иногда я позволяла себе посмотреть на Влада из-под полуопущенных ресниц. Интересно было. Когда-то он ненавидел Филиппа... Но сейчас ему как будто и дела не было. Стоял, насмешливо глядя на смотрителя города. Доиграется когда-нибудь.

Словно почувствовав мой взгляд, Влад поднял на меня глаза. Я отвернулась и больше на него не смотрела.

Коренастый, хмурый охотник сидел по правую руку от Петра и записывал. Секретарь, что ли? Развели тут бюрократию.

Филипп завершил свою речь поклоном, что вызвало у меня невольную улыбку, положил отчет на трибуну перед Петром и, когда тот кивнул, покинул зал. Смотритель хегни неслышно последовал за ним.

Затем говорил Мирослав. Сдержанно, негромко, четко и по существу. Черт, я так никогда не научусь, даже если перед зеркалом тренироваться стану. В его пепельных волосах пугалось солнце, и лучи стекали на высокий лоб. Смотритель альва молчал. Может, нечего было добавить, а может, охотник походил из породы молчунов...

А я изучала Ганса. Он стоял позади Петра и косился на меня встревоженно. Высокий. Поджарый. Молодой. Слишком молодой для такого сильного племени. И в глазах страх застыл.

Неужели действительно боится? Наслышан обо мне и думает, я сорвусь и пойду убивать

всех подряд? Бред какой! Война давно окончена, и единственное, чего я хочу — это мир.

Впрочем, если какой-то из хищных пойдет против системы, его осудят и отдадут палачу. Или отдадут и осудят одновременно. Как Глеба. Когда он... здесь... И кровь, и стоны. Страх, заполонивший огромных размеров зал. Альрик улыбается. А палач — палач всегда готов казнить...

— Девушка, — окликнул меня Петр, и я подняла глаза. — Да-да, я к вам обращаюсь. Вы где находитесь, помните?

— Я...

Огляделась. Мирослава нет, зрителя альва тоже. Секретарь щурится, и ручка замерла над листом бумаги. Андрей побледнел, кажется.

— Извините, задумалась, — нашла я и выше подняла подбородок. Как там говорил Роберт? Держаться с достоинством? Да пожалуйста!

— Расскажите о себе, — не попросил — потребовал Петр.

— О себе? То есть... Что именно вас интересует?

К такому я не была готова. Про дела скади там рассказать, про наследника. Про то, почему я. Но о себе... Что именно нужно говорить? И чего они обо мне не знают?

— Что посчитаете нужным. — Тон холодный, нет, ледяной. И взгляд колющий. Лицо напряжено, и на скулах ходят желваки. Немолодой. Сильный. Грозный. По-моему, новому зрителю Липецка я совсем не нравилась. Впрочем, лучше так, чем удушающая любовь Мишеля...

Я пожала плечами.

— Я представляю скади, так как мой сын — наследник, — ответила спокойно.

— Не совсем убежден, правильно ли это по вашим законам... Что твой вождь думает об этом? Твой настоящий вождь?

Петр резко перешел на «ты» и выделил слово «настоящий».

— Настоящего нет. Я одиночка.

— Вот как? — Он помолчал, видимо, ожидая пояснений, но я молчала, поэтому спросил: — Отреченная?

Я покачала головой:

— Меня изгнали. Хотя это и не касается...

— Племя? — резко перебил он, и я задохнулась возмущением. Даже Альрик никогда не позволял себе говорить так со мной. Впрочем, Альрик в прошлом был хищным...

— Атли, — выдохнула я с обидой.

Петр перевел взгляд на Влада, но ничего не сказал. Влад тоже молчал, увлеченно ковыряя носком пол. Новые туфли. Испортит же.

— Почему не посвятилась в скади?

— Законы позволяют этого не делать.

— Я знаю законы. Я спросил, почему ты не посвятилась.

— Это... личное!

Выдох. И почти потерянный контроль. Нельзя его терять, теперь я уже не одиночка. Нужно отвечать за сына, а сын у меня скади, и в комплекте с ним идет целое племя...

— Слышал, ты убила древнего.

Я подняла глаза. Петр смотрел внимательно и ждал. Чего? Что я с ним тут откровенничать буду. Секретарь тоже замер и снова приподнял ручку. Они о компьютерах не слышали, что ли?

— Была война, — уклончиво ответила я. — Многие убивали...

— Но ты убила до войны.

Правда, до. У него были рыжие волосы и покрытое красными капиллярами лицо. Глаза — ясно-голубые, впитавшие безумие. Он стоял и смеялся, когда я держала голову Глеба на коленях. А Глеб не дышал...

— Что было до войны, не касается скади, — услышала твердый голос Влада. — Тогда Полина еще была атли, и я готов обсудить с тобой смерть Рихара отдельно. И если кто и будет отвечать за нее, то я. Как вождь.

Петр некоторое время хмурился, а затем кивнул. На меня больше не смотрел, бросил только:

— Давай быстро о финансах.

В финансах я ничего не понимала, в чем честно призналась. Постаралась, чтобы голос был твердым и, кажется, получилось. Петр пробормотал что-то о том, что неплохо было бы подготовиться. Что как правитель, я должна была хорошенько изучить вопрос. И предложил приехать завтра с консультантом.

Я кивнула, предчувствуя еще один нелегкий день в веренице нелегких дней. Петр меня явно невзлюбил и постоянно будет пытаться уколоть. Ничего, выдержу. Два дня вместо одного — подумаешь. И то, что завтра я буду здесь одна, без знакомых хищных, которые одним присутствием оказывают поддержку, без Андрея, не сводящего с меня чайных глаз — не проблема. Справлюсь.

Но Влад внезапно шагнул ко мне, протянул руку и спросил ласково:

— Позволишь?

Я сразу и не поняла, что он имеет в виду бумаги. А когда поняла, с радостью ему их всучила. И тут же испытала невероятное облегчение, словно сбросила огромный груз.

Пять минут он что-то объяснял охотникам. Подтверждал свои слова графиками и таблицами. Бросался умными словами, значения которых я не понимала. Это его стихия, а я всегда была от этого далека.

Влад положил мой отчет на трибуну, и Петр повелительно махнул рукой.

— Можешь быть свободна.

Я уже развернулась, чтобы уйти, когда Влад коснулся моей ладони. Едва заметно, мимолетно. И шепнул:

— Подожди меня, хорошо?

Я кивнула чисто автоматически. Хотелось уйти, нет, уехать подальше отсюда. Да и общаться с ним желания не возникло, но... Он помог, хотя и не должен был. И мне было легче все это вынести. Здесь мы с Владом в одной лодке. А еще почему-то вспомнился утренний разговор с Дашей. Вернее, ее слова — я-то почти ничего не сказала.

В коридоре дышалось легче. Роб сразу взял за руку, а ладонь моя, кажется, немного тряслась. Мирослав подошел и сразу обнял. Стиснул, правда, так, что я думала, кости треснут. И шепнул на ухо:

— Выпороть бы тебя!

Но я не обиделась. Обняла его в ответ и изо всех сил старалась сдержать слезы. Не здесь же, в самом деле, реветь.

Губу прикусила, благо, не до крови. Мирослав отстранил меня и тщательно оглядел. На Роба вообще не смотрел, будто его и не существовало.

Но он был. А еще были скади.

— Где тебя носило? Мы тут с ума чуть не сошли. И какого черта ты явилась к охотникам? — Мирослав все же зыркнул на Роба. — С ним?

— Я вместо Даши, — смущенно пояснила я, хотя смущаться-то было не за что. — Сына я родила, Мир.

Он отпрянул, прищурился. Думал, шучу? Нет, просто осознать пытался. Привыкал.

— Вон оно что...

Робу, вероятно, надоело молчать, поэтому он вмешался:

— Как прошло?

— Главному я не понравилась, — скривилась я.

— Ты и не должна ему нравиться. Законов ты не нарушала.

«Пока не нарушала», — поправила я его мысленно. Зная себя, не могла уверить жреца в обратном. Если Петр меня достанет, я не сдержусь. Даже Влад это понял, поэтому и заговорил. Отрезвило неплохо. Но нужно бы уметь самой себя одергивать.

Ганс вышел из зала молча. Постоял в нерешительности пару секунд и двинулся к нам. Сухо кивнул Роберту, на меня покосился недоверчиво, а Мирослава и вовсе проигнорировал. Конечно, что он ему — чужая зверушка? Ганс приставлен к скади, остальных можно не замечать.

Роберт улыбнулся и что-то сказал охотнику по-английски. А я подумала, что Эрик бы ни за что не улыбнулся. Он ненавидел охотников — всех без исключения. И если Эрик не улыбался, то и я не буду. Ни этому, ни Петру. Обойдутся.

— Полина, это Ганс — смотритель скади, — представил Роб охотника.

Я сложила руки на груди. Не планировала, машинально получилось. И брови поползли вверх, а губы расползлись в иронической усмешке.

— Ты молод, да? — вырвалось. — И благодать снизошла недавно...

— Откуда ты... узнала про благодать? — Ганс снова испугался. Думает, я читаю мысли? Слава обо мне ходит, а вот прошлое, видимо, затерли. Древние молчат, а молодые забыли. Или мертвы. Многие погибли на войне.

— Один Первозданный сказал, — ответила я и подалась вперед. — Его звали Сар.

Так и есть — боится. Вздрогнул и тут же понял свою ошибку. Но поздно — все присутствующие ее тоже заметили. Влад улыбался у двери. А Андрей хмурился. Он слишком много хмурится... Улыбка ему больше идет.

— Рада была видеть, Ганс, — соврала я. Радости от общества испуганного охотника я не испытывала. Но вежливость иногда открывает закрытые двери. Да и надоел он мне. Все надоело. — Мне пора.

— Да, утомляют эти сборища, — внезапно бодро поддержал Влад. Шагнул ко мне и приобнял по-хозяйски.

Я попыталась высвободиться — не вышло. Ладно, выскажу потом. И об излишней фамиллярности, и о том, что мне его общество в общем-то неприятно. Неприятно ведь? А как иначе? После последнего нашего диалога-то?

Но Влад на мои попытки никак не отреагировал. Кивнул Мирославу только.

— Угостим девушку кофе?

— Конечно! — с энтузиазмом согласился Мирослав и хитро на меня посмотрел.

Интересно, а девушку спросить кто-то собирается? Или в патриархате хищных слово правительницы племени ничего не значит?

— Альянсы вообще-то запрещены, — неуверенно пискнул Ганс и, поймав мой

удивленный взгляд, замолчал.

А ведь приятно! Он боится, а у меня удовольствие по коже ползет и мурашками множится.

— О чем ты? Какие альянсы? — делано удивился Влад. — Она же атли в прошлом. Просто кофе. Но если хочешь проследить...

— Я прослежу! — резко перебил Андрей, и я начала ощущать на себе нити невидимого заговора.

Но в чем он заключался, понять так и не смогла. Только удовольствие усилилось от поддержки охотника. И я подумала, что кофе — это очень даже хорошо. Только подальше от этого места. Андрей, быть может, расскажет о Вике, я ведь сто лет ее не видела. Если они еще... Неважно. О чем-то да расскажет. Да и мне нужно сообщить Мирославу, что я в Венгене была.

Но в самом главном я призналась себе лишь ночью, под одеялом. Когда Алан уснул и сопел в колыбели, а я смотрела на кусочек неба, уместившийся в окно. Я соскучилась. Одна, среди малознакомых людей, в ожидании неизвестного, непонятного и ненужного величия. С ребенком сначала в животе, затем на руках. Одна, несмотря на Люсию и Дэна, с которыми было невероятно легко.

Потом все изменилось. Москва с ее суетой, Роберт — приветливый, но чужой, и я невольно ждала от него подвоха, не доверяла. Тамара — вечно хмурая, недовольная. Скади — теплые, но все еще незнакомые.

Алан, всюду Алан. И моя роль в связи с этим.

Ну какая из меня правительница?

А кофе — кофе хорошо. И разговор с друзьями.

— Я недолго, — пообещала я Роберту, и он сдержанно кивнул.

Подозревает в чем-то? Осуждает? Дашу обвиняли в сговоре с Владом. Хотя... у меня есть козырь. Роберт не станет возражать. Только...

Тамара будет недовольна. И от этой мысли удовольствие стало абсолютным. Заполнило меня до краев, и я с трудом сдерживала улыбку, чем, скорее всего, окончательно напугала Ганса.

Смутно помню, как мы вышли. Помню лишь, что солнце светило в глаза, и я прикрыла их ладонью. Ехала я с Владом и Андреем. Они спереди, а я — на заднем сидении. Мирослав в своем автомобиле пристроился сзади.

Я смотрела по сторонам, отмечая, как изменился город. Новая вывеска. И булочной на углу в прошлом году не было. А тут движение перегородили, нужно в объезд...

Я жадно хватала обрывки изменений, пытаюсь увязать их с картинками в памяти. Не выходило. Город стал другим, я — другая, и это навсегда. Придется узнавать друг друга заново.

Впрочем, торговый центр оставался торговым центром — шумным, многолюдным и ни капли не уютным. Выходной и люди снуют. Смотрят, щупают, покупают. Дети визжат и бегают по проходам. Очередь на эскалатор.

А если пойти направо и за угол, там блинная. Та самая, где готовят вкусный кофе. Его запах растекается по помещению, манит. Нет, не столько запах, сколько воспоминания. Они не отпускают с тех пор, как я вернулась. И я дала себе слово, что как только освоюсь, наберусь мужества и поеду в ту квартиру. Пока не смогу — расплачусь. Расклеюсь, а мне нельзя...

Но в блинную я все же свернула. И столик выбрала тот самый, у окна. Села и погладила пальцами столешку. Едва касаясь, чтобы воспоминания не проникли слишком глубоко.

— Ты в порядке? — спросил Мирослав, и я грустно улыбнулась.

— В полном.

Эрик сидел на том самом стуле. И обнимал, когда пришло видение. А потом нес на руках, и я вдыхала его карамельный запах. Было хорошо. Спокойно. Безопасно.

Сейчас нет.

Влад присел по другую от меня сторону, а Андрей — напротив. И широкой спиной закрыл мне окно. Официантка — другая, не та смазливая, что в прошлый раз — положила на столик меню, и мы заказали кофе.

— Меня пытались убить, — сказала я, когда официантка отошла. — Думаю, попытаются снова. Но сейчас сложнее — я живу у скади.

У скади хорошие защитницы. И ищейки — почуют. Найдут. Я прикажу, и найдут.

— Кто? — угрожающе тихо спросил Влад.

Я пожала плечами.

— Не знаю. То есть... Человек приходил, с ритуальным ножом. А кто его нанял — неизвестно. Тамара сказала, что вероятнее всего Даша. Из-за ребенка. Но Даша не знала — это я поняла, когда вернулась.

— Даша? Что за бред?! — прозвучало обиженно.

Бред для него. А я Дашу не знаю.

— И ты уехала? — догадался Мирослав. — Решила переждать.

— Уехала, — кивнула. — В Венген.

— Да ты... — Он побледнел. Затем покраснел. Затем снова. — Издеваешься?! Мы искали тебя везде. А ты... все это время... в Венгене?

— Извини.

— Одна, — скептически изрек Влад. — Умно.

— Не одна. С друзьями. — Я обернулась чисто машинально. Проверить, не стоит ли за спиной кто-то из врагов. — С сольвейгами. Неважно. Я много думала, кому могла не угодить. Сначала яд — я считала, что Герда отравила, но... зачем ей травить меня? Я была ее лекарством. А потом тот человек с ножом. Люди же вообще никаких плюшек с меня получить не могут! А этот пришел... Кто-то очень хочет, чтобы меня не было.

— В общем, нужно выяснить, кто, — решительно кивнул Влад.

— Не нужно. То есть... Я сама. У меня ищейки и вообще...

— Ищейки скади, — поправил меня Влад и многозначительно посмотрел в потолок.

— Теперь мои, — резко ответила я.

— Как скажешь.

Смеется надо мной. И издевательская улыбка блуждает на лице. Тоже мне, вождь нашелся!

— Что ты здесь делаешь? — спросила я вполне серьезно. Светлая бровь поползла вверх, усиливая мое раздражение. — Да, ты! Здесь, со мной. Мы не друзья. Ты ненавидел Эрика, ненавидишь моего сына и хотел бы, чтобы его не было. Я не стану играть в любезность больше. Делать вид, что ничего не произошло. Было прошлое. Дурное, темное, мрачное. Я не забыла.

Я тяжело дышала, пытаясь затолкать рвущиеся слова обратно в глотку. Вечно истерию, в прошлом тоже... Но тогда было можно, а сейчас нет, я же правительница. И поведения от

меня ждут соответствующего. Но не могу... когда рядом с ним... Фальшь, все фальшь! Так почему он продолжает делать вид, что все по-настоящему?

Влад больше не улыбался, смотрел потухшим взглядом, в котором плескалась обида. Наверное, я сказала лишнего, но он ведь тоже обижал и не раз. Я плакала по ночам. Ненавидела. Любила. Снова ненавидела. И не должна его жалеть...

— И правда, что я здесь делаю! — Влад отвел глаза, поднялся. Кивнул Мирославу: — Я позвоню.

И быстро вышел.

Пусто стало. Людей в кафе было мало, и столики почти все пустовали... Холодно. Взгляд Мирослава такой же холодный. Но он не знал, не понимал. И никогда не поймет. Лучше, если мы с Владом вообще не станем общаться. Из этого ничего хорошего не выйдет.

— Я не буду оправдываться, — сказала я и потерла пальцами виски.

Принесли кофе. Пила я жадно, обжигая горло. Пыталась согреться. Андрей молчал и не спускал с меня внимательного взгляда. По нему я скучала, поэтому и заговорила первой. Спрашивала о Вике, о новостях мира хищных, о его собственных изменениях — он ведь тоже изменился, как же иначе?

Андрей отвечал. Спокойно, словно и не стал свидетелем моей внезапной горячности. О Вике. О том, как она приходит часто, и дом после ее визитов становится светлее. Нет, это несерьезно у них, так. Он охотник, она — человек. Он либо погибнет в бою, либо будет жить вечно. А она умрет. Рано или поздно умрет. Я тут же вспомнила злосчастный прием и слова Альрика.

Охотники живут долго. Слишком долго, чтобы успеть пережить всех своих женщин...

Счастье мимолетно для них. Жаль. Андрею я искренне его желала.

А потом он говорил о новых порядках. Ганс не опасен, а вот Петр — наоборот. Мне стоит его опасаться. Быть вежливой, не болтать лишнего. Это несложно — справлюсь.

Мирослав молчал и, кажется, дулся. Из-за Влада, они ведь друзья. Но не уходил — сидел и ждал. Чего?

— Как Майя? — решила я к нему обратиться. Не обижаться же в ответ — это глупо.

Но голос Мира не было обиженным.

— Хорошо. Повзрослела, сильнее стала. И Ева. Племя идет им на пользу. А еще...

Я слушала. Жмурилась от весеннего солнца, светящего прямо в окно. И медленно возрождалась. Внутри что-то таяло — вязкая, холодная жижа шипела на раскаленных углях. Холод уходил. А с ним неуверенность и утренний испуг.

Но земля под ногами все еще оставалась зыбкой. Пока я не найду убийцу...

Сидели мы около часа. Алана я не могла оставить надолго, и, хоть он остался у скади, волнение фоном зудело в сознании. Но все равно было легко и свободно, у скади я не могла расслабиться, а тут получилось. Только остывающий эспрессо на столе напоминал о недавней ссоре. Да и не ссоре, а так...

А я ведь спасибо Владу хотела сказать. За то, что поддержал у охотников, за попытку нормально общаться. Знаю ведь, как для него это сложно после всего... И снова все испортила.

Общение с друзьями невероятно стимулирует жить, дышать, бороться. А друзья у меня своеобразные. Охотник, пугающийся собственного счастья и вождь другого племени — лучший друг того, кого я прогнала.

Но Мирослав, похоже, уже не злился. Улыбался, хоть и немного устало — посещения

охотников выматывают. И когда я попрощалась с Андреем, приобнял меня за плечи и объявил:

— Отвезу тебя домой.

Я не возражала. Но возражал кое-кто другой. Положил руку Мирославу на плечо и сказал:

— Я сам отвезу.

И Мирослав, конечно же, послушался. Ну да, Влад же его лучший друг, а я уже где-то потом. Да и на каком месте может быть женщина в его списке друзей?

— Я с тобой не поеду, — уперлась я.

Полчаса в обществе Влада я точно не выдержу. Постоянные подколы порядком надоели. Ухмылки и намеки, что из меня неважная правительница. Знаю, что неважная. Но если напоминать будут постоянно, никогда не смогу стать хорошей.

— Послушай... — Он вздохнул, посмотрел на небо — ярко-голубое, высокое, без единого облачка. Краем глаза я заметила, что Мирослав тактично отступил и рассматривал теперь носки собственных туфель. — С тобой сложно. Всегда.

— Тогда, может, не нужно со мной? Если сложно?

— Может, — кивнул он. — Но когда я поступал правильно?

Я промолчала, а он продолжил:

— Давай так. Я отвезу тебя домой, а по дороге поговорим. Если ты решишь, что нам все же не стоит видеться, не будем. Разве что, как сегодня — раз в месяц. От этого никуда не уйти, ты же теперь... правительница. Но нам, правда, поговорить бы не мешало. Нормально, без истерик. Давно пора, не считаешь?

Я пожала плечами. Один разговор ничего не изменит, тем более, если потом Влад уйдет из моей жизни, у меня станет на одну проблему меньше. Хотя в то, что это случится, верилось с трудом.

— Хорошо, — кивнула я.

Мы попрощались с Мирославом и сели в машину. Влад завел мотор, а я сразу отвернулась к окну. Если хочет говорить, пусть говорит — первая не начну. И вообще, домой бы поскорее...

Влад ехал молча где-то два квартала, а потом резко свернул к обочине и затормозил.

— Я правда ненавижу Эрика, — произнес он абсолютно спокойно и поправил себя: — Ненавижу. Но к сыну твоему ненависти нет.

Я вздохнула, но ничего не ответила. Смотрела в окно — на Влада не могла. Или не хотела. Вся ситуация казалась абсурдной, но он прав — нам давно пора все выяснить. Перестать играть в «замки».

— И Дашу вы подозревали зря, — продолжал он. — Она и мухи не обидит. И тебе ничего плохого не желала, правда.

— Да, она божий одуванчик, твоя Даша! — не выдержала я. — Ничего плохого никому не желала, а тот разговор просто так получился. И Эрик ушел...

Глаза защипало слезами, и я замолчала.

— Какой разговор?

— Будто ты не в курсе! В мой день рождения, у скади. Даша так старалась убедить меня прогнать Эрика. Убедила, радуйся!

— Я не знал...

Посмотрела на него. Нет, я никогда не могла понять, лжет он или говорит правду. Влад

слишком хорошо играл. Но посмотрела. На вид не лжет, а там кто знает...

— Неважно. Все в прошлом. Мне нужно думать о сыне.

— А о себе? — усмехнулся он невесело. — Когда ты подумаешь о себе?

Я молчала, рассматривала ладони, а он продолжал:

— Для тебя это пытка. Вся эта бюрократия, отчеты, финансы. Люди, которых ты не знаешь, но о которых должна заботиться. Дела, в которые предстоит вникать, и ты вникнешь — не глупая же. Только вот зачем?

— Мой сын — наследник... — выдохнула я, сжимая кулаки.

— И что? Ты обязана жизнь положить на их племя? Они ведь не посвятили тебя! Не предложили даже, верно?

— Закон крови...

— К чертям закон крови! Поля...

Теплая рука коснулась ладони, и я вздрогнула. Не хотела, чтобы он прикасался, и в то же время ждала этого. Он всегда понимал, что я чувствую. И врать я не умела, даже не пыталась. Эрику могла врать, а Владу — нет. Слишком хорошо он меня знал. И поделиться с кем-то хотелось.

Но не ним. Нельзя с ним!

— Я тебе не враг.

Ага, конечно. Я выдернула руку и сунула обе в карманы.

— Тот разговор наш последний... глупый, — как ни в чем не бывало, продолжил Влад. — Я не хотел ссориться. Злой был. Уколоть хотелось сильно.

— Уколол.

— Скорее себя, — усмехнулся криво. — Даже отъявленным циникам, как я, бывает плохо.

— Я не хотела, чтобы тебе было плохо! Все, чего хотела — быть счастливой.

— Была? — Отвернулся. На меня не смотрел, смотрел вперед, на вычищенное до блеска стекло. В нем встречные машины, пешеходы, кусок дороги, обрывающийся перекрестком. Фонарь.

Я молчала. Понимала: отвечу, сделаю хуже. Но Влад, похоже, и не ждал ответа. Только горечь растекалась по воздуху, я вдыхала ее, и она оседала налетом на горле.

— Неважно, — наконец, сказал он. — Вернее, важно, но... ты все равно не скажешь. А я не глупый, сам понимаю. Не злись. — Он протянул руку и коснулся моих волос. Волосы не спрячешь... — Полина, не злись на меня, пожалуйста.

Я громко выдохнула. Злиться хотелось. И высказать. Только что это даст? Влад останется Владом.

— Не буду...

— Тебя не хватает. В атли и вообще.

— Я не вернусь в атли, — хмуро ответила я.

Он вздохнул. Тяжело вздохнул и отвернулся.

— Не говори такого.

— Мой сын — скади. Я не оставлю его.

— Тебе не нужно оставлять! Скади живут в Липецке, их источник в городе, они никуда не денутся. Атли тоже. Когда мы были детьми, то жили большой и дружной семьей. Все может быть по-старому. Я не прошу тебя вернуться сейчас, понимаю, нужно время. Тебе. Мне. Но Полякова не справляется, а атли нужна пророчица.

— Я не очень послушная соплеменница, — съязвила я.

— Я привык, — улыбнулся он и сразу стал безумно обаятельным.

Когда все изменилось? Когда я забыла все? Словно звоночки и прошлой жизни — все эти улыбки и слова.

— Я не вернусь, — упрямо повторила я. — В ближайшее время точно. У меня обязанности, а еще нужно найти кое-кого. А ты... Мы... Не думаю, что у нас получится стать друзьями.

— Я тебе не враг, — повторил Влад тихо и снова завел машину. — Но и френдзона — это не мое.

К скади мы ехали молча. Я даже задремала, а проснулась уже у дома. Влад тронул за плечо — аккуратно, словно боялся ранить, и сказал:

— Приехали.

Я протерла глаза, привыкая к свету. Нужно было выйти, но разговор казался незаконченным, и я осталась сидеть. Влад тоже. Смотрел на руль и не шевелился.

Только ива над нами шумела. Наверное, шумела — изнутри ведь не слышно.

— Ты это... к атли приезжай, — глухо произнес Влад. — Глеб будет рад и Рита. Знаю, вы не очень ладили, но все же она твоя сестра. Кирилл обрадуется еще. Ну и я. Хотя меня ты не очень жалуешь.

— Я подумаю.

— И на счет моих слов тоже подумай, они не корысти ради были сказаны. Дашка тоже... не особо справлялась. Но ей проще — она с детства к этому готовилась.

Я кивнула. Даша готовилась, а приходится мне. Ничего, справлюсь. Как-нибудь, ради сына.

— Спасибо. — Отстегнула ремень. — Ты сегодня здорово меня поддержал. У охотников. — Поднять на него глаза было чертовки трудно, но я смогла. — Правда, спасибо.

— Я ничего не сделал, — тихо сказал он и добавил еще тише: — Сегодня.

Глава 28. Находка

Весна кончилась быстро. Сменилась жарой и духотой, что для июня не свойственно. А уж июль и вовсе выжег землю. Плавился асфальт, в городе воняло смолой и копотью. Выхлопными газами. Пылью.

И усталостью.

Или мне только казалось?

Я действительно устала. Утра начинались рано, а вечера кончались глубокой ночью. А весь день я изо всех сил старалась быть хорошей правительницей. Сидела с Антоном в кабинете, обложившись кучей бумаг, и пыталась вникнуть в работу верфей. Теперь, когда Эрика не было, Антон приезжал редко — пару раз в месяц. И то на несколько дней, чтобы ввести меня в курс дела.

Влад оказался не прав. Наверное, я все же была глупа, или просто мозг не был заточен под ведение бизнеса. Я пыталась вникнуть, честно. Но так толком и не вышло. Отвлекал Алан, другие скади, которые приходили и робко что-то спрашивали, делились проблемами и страхами. Я разруливала споры, прекращала ссоры, которые все же случались. Решала вопросы о воспитании детей. Ездила на сборы к охотникам. Руководила, в общем. Как умела.

С Тамарой, как ни странно, проблем не возникло. Она не давила, не навязывала свою волю. Только наблюдала иногда пристально, отчего мне сразу становилось неуютно. Но я тут же отвлекалась заботами и забывала. К тому же, воительница здорово помогала мне с сыном, за что я была ей признательна. С Аланом Тома была настоящей, даже улыбалась, когда брала младенца на руки. Любила его — такое невозможно сыграть. А если она любит Алана, и я постараюсь смирить спесь и подружиться с ней. Или хотя бы сохранить нейтралитет.

Было сложно, каждый вечер я падала в кровать без задних ног и засыпала. Снов не было — лишь темнота. Сознание выключалось и, казалось, тут же включалось снова. Наступал новый день, наполненный заботами.

Бояться было некогда. Хотя о таинственном убийце я помнила. Маршал и Сергей — еще один из ищеек скади — искали его, как оказалось, все это время. Эрик просил перед уходом.

Эрик...

О нем я думала в минуты, когда удавалось немного отстраниться от суеты. В один из таких часов в надежде спрятаться, я забрела на чердак.

Там было жарко. Жарче, чем в доме, где на полную мощность работали кондиционеры, да и массивные каменные стены не пускали жару. Из круглого окошка в помещение проникало солнце и клубилось в облачках из пыли. Покатая крыша, обшитая изнутри деревом, сундук со сбитым замком — массивным и ржавым. Старый велосипед в углу. Стул и лампа без абажура. Коробки.

Старинная тумбочка с выдвинутыми ящиками, которые невозможно было задвинуть назад — дерево рассохлось от влаги и трухлявилось от прикосновений. В тумбочке — кисти, пропитанные краской тряпки, старая палитра. Похоже, когда-то у скади жил художник. Я вспомнила картину у Роба в комнате. Красные маки. Нужно будет спросить, кто рисовал.

В углу стояли холсты, накрытые белой простыней. Простыня запылилась и на прикосновение ответила возмущенным облачком. Я чихнула, резким движением сдернула

ее...

И обомлела.

С огромной — почти в мой рост — картины на меня смотрел Эрик. Прищуренный взгляд, волосы струятся по плечам. Рубашка расстегнута, амулета, правда, на груди нет. И я машинально сжимаю этот самый амулет в ладони, словно таким образом могу связаться с Эриком, ощутить тепло. Но я не могу. Могу лишь смотреть в прозрачные глаза и плакать. А рука сама тянется...

Трогаю щеки. Шершавый холст и масло. Спускаюсь к губам и обвожу по контуру. Стираю пыль. И собственные слезы — другой рукой.

— Прости... — шепчу. И так хочется прижаться, но к портрету не прижмешься. Не обнимешь. Зато можно смотреть.

Я забрала его с собой. Спустила вниз, хотя это было сложно, втащила в комнату, салфеткой смахнула пыль. А затем попросила соорудить крепления на стене в моей спальне. Пока мужчины трудились, смотрела на картину.

А потом пришла Даша. Присела рядом со мной на кровать и тихо сказала:

— Мама рисовала. Она много рисовала и Эрика любила очень.

— У нее был талант, — сдавленно ответила я. — Почему картина на чердаке?

— Эрик приказал. Туда почти все отнесли, кроме... У меня остался портрет папы и у Роберта маки. Не отдал. Не позволил забрать...

Она вздохнула.

— Эрик приказал? — удивилась я. — Но почему?

— Злился. — Защитница горько улыбнулась. — Его не было, когда папа... Папу охотник убил, древний. Когда Эрик вернулся, просто обезумел. Раньше он часто был... безумным. Злился много. Я его боялась иногда. Но со мной он никогда... и с мамой. Любил нас.

— Эрик убил того охотника, верно?

Даша кивнула. Поморщилась.

— Содрал с него кожу у нас в подвале. Я подсматривала — интересно было. Я никогда до этого не видела древних. Да и вообще охотников не видела. Эрик пытал его — когда я пришла, на охотнике живого места не осталось. А потом брат начал срезать с него кожу — кусок за куском. Весь в крови был, даже лицо. И волосы... И в один момент охотник рассыпался. Умер. Но я не сразу поняла, что произошло. Тошнило меня дня три. А мама плакала. Закрылась в спальне и... Она думала, что Эрик с ума сошел.

— Она умерла вскорости, да? — спросила я, пытаюсь стереть из воображения страшные картины. Не вязались они у меня с Эриком, которого я знала. С добрым, справедливым, а главное — умеющим себя контролировать Эриком.

— Она... ушла, — вздохнула Даша. — Ушла искать отца.

— Постой, она что же... покончила с собой?! Или...

— Нет. То есть... не совсем. Есть ритуал — ритуал очистки жилы. Жрец обращается к богам и просит обменять кен хищного на одно желание. Никто особо не верил, что он работает, пока мама... Она хотела видеть отца.

— Ритуал убил ее?

Даша кивнула.

— А Эрик потом окончательно свихнулся. Разозлился на нее за то, что бросила нас. И велел убрать все картины. Он любил маму сильно. И она его. У них была связь. Кровь, наверное, не зря же он так эти чертовы законы соблюдал! Кровь Херсира. В моих жилах она

тоже течет, но я ее не чувствую. Мама чувствовала, и Эрик тоже. Он бесновался долго, а потом ушел. Вернулся уже одержимый пророчицей. — Она посмотрела мне в глаза и добавила: — Тобой.

Я ничего не ответила. Перевела взгляд на картину, и показалось, я увидела упрек в лазурных глазах.

В ту ночь я долго не могла уснуть. Лежала и смотрела на портрет на стене. Мы были в комнате вдвоем — я и он. Алана забрала к себе Тамара, чтобы я немного отдохнула. Мне показалось, когда она увидела картину, то даже как-то смягчилась, и ее голос уже не звучал так резко. Хотя, кто знает... возможно, то было лишь мое воображение.

Около двух часов я все же сдалась — выключила свет и улеглась. Мне снова приснилась та девушка. Степь с ласковой травой, ветер, ночь. Луна — еще не полная, со стертым боком.

Незнакомка тянула руки и просила помочь. Чем? Я не знала, но тоже к ней тянулась. А когда уже готова была прикоснуться, она расстаяла в воздухе, и я осталась одна.

Пробуждение вышло резким.

Сердце колотилось, как сумасшедшее, хотя сон не был страшным. Предчувствие — вот что заставило открыть глаза. И амулет Эрика накалился. Как тогда...

И я поняла, что в комнате не одна. Шорох — едва заметный — сзади. Следом — леденящий страх. Но в этот раз страх не перерос в панику, лишаящую движений. Я резко дернулась, но не удержала равновесие, и рухнула с кровати, больно ударившись затылком о пол.

Наверное, нужно было закричать, но я почему-то не кричала. Только судорожно двигала локтями, стараясь отползти от кровати, на которой уже четко выделялась темная фигура. И я с ужасом следила, как эта фигура поднимается следом и делает шаг ко мне...

«Алан, — мелькнула мысль. — Хорошо, что Алан сегодня с Тамарой».

Все это произошло в долю секунды. И мысль, что я могу ударить, пришла. Но поздно. Шершавые ладони перехватили мои руки и свели их над головой. А хриплый голос шепнул: — Полегче! Зашибешь ведь.

И я застыла. Как лежала там, на полу, так и...

Снится? Мне это снится? Как же иначе объяснить...

Меня подняли и усадили на колени. Обвили кольцом рук и слегка покачали.

— Дурной сон?

Я подняла голову, отстранилась. Слишком темно, чтобы быть уверенной. Слишком... зыбко. Поэтому я протянула руку и дотронулась. До скулы, плавно переходящей в подбородок. До мягких губ. Волос. До щеки, что кололась щетиной. Запах знакомый — сладкий, дурманящий.

— Эрик...

Сон? Если так, то не хочу просыпаться.

— Драться не будешь больше? — пошутило видение.

Я помотала головой.

Майка, не скрывающая сильных плеч. Руки. Ладони шершавые, и кожа шелушится. Почему?

— Пришлось поработать, — непринужденно ответил фантом. — Помогал со строительством. Кто такой Алан?

Видение и способности сохранило. А обещания, похоже, забыты. Впрочем, я сама ведь... сама...

— Голова болит, — сказала я вслух и поморщилась. Похоже, нехило приложились затылком. Пощупала — шишки вроде не было.

Теплая ладонь легла мне на лоб, вторая — на затылок, и боль ушла, уступая место легкой эйфории.

— Легче? — улыбнулось видение, и я кивнула. Глаза привыкли к темноте, и теперь я могла различать и контур лица, и впалые щеки, и блеск прозрачных глаз. Даже ямочка на подбородке была видна. И почему-то подумалось, что всему виной картина. Словно Эрик с портрета ожил и ходит по ночам.

Но вслух я шепнула лишь:

— Спасибо.

— Ты в гости приехала?

— Что?

Таинственность постепенно рассеивалась, темнота становилась просто темнотой, а очертания тела на картине выделялись четко. Значит, это не призрак. Не видение... Не...

— У скади гостишь?

— Нет, я... Ты вернулся?

— Как видишь, — усмехнулся. Горько. Или показалось?

— Вернулся, — повторила я, но скорее, чтобы убедить себя.

— Кан — совсем не такой, каким я его представлял.

— Знаю, — кивнула. Осторожно пошевелила головой, опасаясь новой порции боли. Но боли не было, лишь недоумение. Белый шум и полное отсутствие мыслей.

Я не ждала Эрика, а он пришел. Зачем? Почему?

— Это мой дом, — ответил он.

— Хватит. Перестань!

— Извини. В кане не приходилось контролировать себя.

Я отстранилась, осторожно встала. Нужно было расстояние, чтобы прийти в себя, осознать, что он... здесь.

— Ты мог уйти куда-то, — тихо сказала я. — Выбрать мир, где тебе было бы хорошо...

Он тоже встал. Большой, надежный. Некто из прошлой жизни, к которой возврата нет. Или есть?

— Я и выбрал.

Темнота залила пространство, но я все равно видела, как горят его глаза. Как пристально, жадно он на меня смотрел. Еще вчера я точно так же смотрела на портрет...

Потянулась к его руке. Истрескавшаяся, горячая кожа. Пальцы вздрогнули, но на прикосновение Эрик не ответил. Конечно, я же... мы...

— Идем. — Я потащила его к выходу.

— Куда?

— Объясню, что я здесь делаю.

В коридоре было светло, я не удержалась и взглянула на Эрика. Высокий. Я и забыла, насколько. Плечи широкие, а белая майка подчеркивает загорелую кожу и рельеф мышц. Волосы по плечам струятся, шелковистые и мягкие. Я еще помнила, насколько они мягкие. И снова хотелось коснуться. Но я развернулась и пошла, Эрик — за мной. И за руку держал, теперь уже крепко, пальцы переплел. А я не хотела, чтобы отпускал.

Но вот она — дверь Тамары, и пришлось расцепить ладони. Я постучала — негромко, чтобы не разбудить Алана. Эрик уперся плечом в стену и не сводил с меня настороженного

взгляда. Молчал. И выглядел усталым. Наверное, ему нужно поспать. Возможно, он уснул бы там, рядом со мной, и если бы я не открыла глаза, не испугалась, то проснулась бы утром в его объятиях.

Впрочем, вряд ли он стал бы меня обнимать. После того, что я сказала, сделала. Оттолкнула его. В прозрачных глазах Эрика ворочалась дремлющая злость.

Он не ждал меня здесь. По сути, я здесь лишняя...

Тамара открыла дверь. Заспанная, в розовой пижаме с котятками Китти, она меньше всего походила на грозную воительницу. Но внешность зачастую обманчива.

— Спи! — велела мне с порога. — Пусть будет у меня до утра. А то на тебя уже смотреть страшно — исхудала. Кожа да кости!

— Тома, — сдавленно сказала я. — Смотри.

И распахнула пошире дверь, чтобы она увидела. Она увидела. Глаза округлила, приоткрыла в удивлении рот и несколько секунд молчала, не зная, по-видимому, что сказать. Подалась назад. Поморгала.

А потом резко выпалила:

— Гад ты, Эрик!

Я думала, он разозлится или обидится, но Эрик просто кивнул.

— Согласен. Со всем согласен. И скучал по тебе, кудряшка. Но боюсь, если мы так с каждым скади будем здороваться, я усну в процессе. Устал безумно. Поспать бы пару часов. А завтра ругай хоть целый день.

— Хотелось бы объяснить Эрику, зачем я здесь, — вмешалась я.

— Ах да, это... — Тамара отступила на шаг, давая нам возможность войти.

Полутьма. Рассеянный свет ночника на тумбочке. Голубые рюши на детской кровати. Алан спал на животе, выпятив попку вверх, и светлые волосы кудрявились на затылке. Щечка смешно смялась, а ямочка на подбородке выделялась еще отчетливее. Пахло молоком и детской присыпкой. Мой мир, моя Вселенная поместилась в колыбельке.

— Это Алан, — шепнула я Эрику, который с удивлением смотрел на младенца.

Эрик несколько секунд разглядывал его, а затем повернулся к Тамаре и выдал гениальное:

— Ты родила ребенка?

— Совсем сбрендил в своем кане?! — возмутилась воительница. — Посмотри на него, это твой сын!

— Мой... — Эрик перевел ошеломленный взгляд на малыша, и тот, словно почувствовав, заворочался. — Но... как?

— Думала, ты большой мальчик и понимаешь, как получаются дети, — съязвила Тома.

Она злилась. Сильно злилась. Уже не на меня, не на Дашу, а на Эрика. Но он, казалось и вовсе перестал ее замечать. Посмотрел на меня недоверчиво. Затем снова на Алана. И снова на меня.

— Ты поэтому живешь здесь, верно?

Я кивнула. В горле стоял ком, и ответить не получилось — только кивнуть.

Эрик снова посмотрел на Алана. Другим взглядом — изучающим, хищным, голодным. И стоял так минуту или две. Я молчала, а Тамара беззастенчиво зевала, намекая, что ночь на дворе и поспать бы не мешало. Эрик устал. Еле на ногах стоял, но все равно не уходил. Глядел на сына и не моргал.

— Алан... — сказал он, наконец. И повторил, наверное, чтобы закрепить: — Алан. —

Повернулся ко мне. — Когда?

— В марте, — сдавленно ответила я.

— Марш отсюда, — недовольно проворчала Тамара. — Разбудите мне ребенка. А ты... — Она пнула Эрика кулаком в плечо. — Отсыпайся, завтра придется выслушать, что я о тебе думаю!

Мы оказались в коридоре. Свет от бра рассеянными полукругами ложился на пол. Одна нога Эрика оказалась в этом полукруге, а другая — в тени. Он молчал и смотрел на меня выжидающе, а мне было неуютно. Я правда хотела спать. И устала. Эрик ждал объяснений, а я...

Что я могла ему объяснить, все же очевидно?

— Давай... не в коридоре, — попросила я, и он кивнул.

— Ты не высыпаешься? Устаешь? — спросил, пока мы шли назад, к спальне. За руки уже не держались, и Эрик казался невероятно далеким, чужим.

— Все мамы устают, — улыбнулась я, стараясь не думать о плохом. — Особенно если они еще и племенем управляют.

— Ты не хозяйка, — нахмурился он.

Я обернулась у самой двери. Посмотрела на него. Нет, не злится. Устал. И констатирует факт.

— Верно, — кивнула. — Не хозяйка. Но я научилась притворяться.

Комната в свете сильно отличалась от комнаты в темноте. Таинственность исчезла, а проступил быт с его мелкими деталями. Мне почему-то стало стыдно и за разбросанные на полу игрушки, и за упаковку подгузников, которые я с вечера не убрала в комод, и за распашонки стопкой на стуле. Кресло-качалка, как и детская кроватка, смотрелись в этот раз нелепо в мрачноватой и явно предназначенной мужчине спальне. Я почувствовала себя оккупантом... Теперь, когда вернулся хозяин, на эту комнату у меня не было прав.

Впрочем, Эрику, похоже, было плевать и на подгузники, и на кресло, и на кроватку. Он смотрела на стену, где висел портрет. Портрет, в свою очередь, вглядывался в него.

Не знаю, почему я испугалась. Вспомнилась Даша с ее рассказами о временном помещательстве Эрика, о жестокости, с которой он пытал охотника в подвале. О том, как после смерти матери велел унести все картины на чердак...

— Я нашла ее вчера, — пояснила, хотя Эрик не спрашивал. — Она мне понравилась, и я решила...

— Нужно снять, — резко перебил он.

Эрик злился. На меня. За картину. За то, что поселилась в его доме, заняла место его сестры — скади по крови. Командовала тут. Возможно, и за то, что родила от него ребенка...

Я инстинктивно отступила к двери и ответила:

— Хорошо.

Он немного помолчал. На картину больше не глядел — осматривал комнату, и у меня почему-то горели уши и щеки, словно их окунули в кипяток.

Хозяин. Настоящий хозяин. А я... лишняя.

— Все это время ты жила у скади? — наконец, бесстрастно спросил он.

Я помотала головой и облокотилась о дверное полотно.

— Не все. Только после родов.

— А до этого где? У атли?

— Я не... — Сглотнула и отвела взгляд. — Я не атли. Все сложно...

— Ничего, я пойму.

Он смотрел на меня, не отрываясь, а слова хлестали кнутом. Я почувствовала, что краснею. Сложный разговор. Я устала, Эрик устал. Лучше бы нам отдохнуть, а потом уже выяснять отношения. Но он, похоже, был иного мнения. Сверлил меня взглядом и ждал. И я поняла, что не хочу говорить. Вот бы он прочел мои мысли и ни о чем не спрашивал. Понял, как я скучала, как люблю его, и что даже не надеялась на такое счастье — увидеть его снова.

Но я сама запретила Эрику лезть мне в голову. И значит, придется отвечать.

— Я жила у себя, то есть на Достоевского. А потом... В общем, на меня напали ночью. Человек. Хотел убить, и, если бы не Дэн, наверняка убил бы.

— Кто такой Дэн?

— Мой друг, он... знакомый Барта, вождя сольвейгов. Дэн сильно приложил убийцу о стену, и тот умер.

Эрик кивнул.

— И ты пришла к Тамаре? Тогда уже знала, что беременна?

— Мне некуда было идти. К тому же... мой сын скади, и скади имели право знать.

Эрик с портрета внимательно слушал. И, казалось, оценивал степень откровенности. Словно были причины скрывать? Все причины исчерпали себя...

— Маршал узнал, кто в прошлом году хотел тебя отравить? — Эрик скользнул взглядом мимо, словно ему не хотелось больше смотреть в глаза. Все еще больно или... Нет, нельзя так думать! Если начну, больно будет мне.

Я покачала головой.

— Нет. Думаю, отравитель и тот, кто подослал убийцу — один и тот же человек.

— Я уверен в этом, — согласился Эрик.

— Тогда я считала, что это Даша... То есть... Тома сказала... а я так боялась, что поверила.

— Даша? — удивился он. И снова в глаза посмотрел. Лед растаял — от удивления, наверное. И на минуту он снова стал моим Эриком.

— Тома уверила, что у Даши есть способности... ну, видеть. И что она хотела устранить соперника. Роберт не отрицал, кстати. Твои друзья указали на нее, что мне было думать?

— Ладно они, но ты? Как ты вообще... как могла подумать, что Дарья... Да она в жизни такого не сделает!

— Откуда мне было знать?! — Я оттолкнулась от двери и шагнула к нему. Впервые за то время, как проснулась, ощутила себя уверенной. Наверное, сказались месяцы тренировок — все же в резиденции охотников нужно было часами держать лицо и отвечать на различные вопросы. — Тома уверяла и Роб. К тому же, Даша сама была убедительна, когда уговаривала оттолкнуть тебя.

— Оттолкнуть? — Он даже побледнел. И брови свел у переносицы. А я пожалела, что сказала. Вырвалось. Но слово, как говорится, не воробей...

Да и скрывать у меня больше не было права. Только вот как сказать? Можно просто слово в слово повторить, как было. Или подобрать нужные фразы. Какие? Если бы я знала...

— Что же ты молчишь? Говори! — почти выкрикнул он.

Глаза горят гневом. Кажется, еще миг — и он совсем перестанет быть Эриком. Превратится в чудовище — страшное, беспощадное. И убьет меня.

— На празднике Даша позвала меня поговорить в кабинет и сказала, что ты не будешь

счастлив здесь, со мной. Влюбленность пройдет, я надоем тебе, и ты возненавидишь меня за то, что остался, не ушел в кан, о котором так сильно мечтал. Мы менялись кеном, Эрик, а это привязка. И твои мысли могли быть не твоими... Просто инстинкты, не любовь. А кан — ты ведь мечтал о нем всю жизнь! Ни разу не отступил, не сбился с дороги. И я... я не могла лишиться тебя этой мечты.

— Но ты же... ты сказала...

— Лгала, — горько улыбнулась я. — Никогда не умела, и вот...

— Лгала?!

Он больше не злился. Злость трансформировалась в обиду, растворилась в воздухе и причиняла боль при каждом вдохе.

— Прогнала меня, солгав? Ты не собиралась... в атли... к нему?

Я покачала головой. Горло жгло слезами — внезапными, горькими. Обвиняющие взгляды стегали крапивой, и кожа под ними, казалось, пузырилась ожогами.

Эрик отвернулся, запустил руки в волосы, взъерошил их.

— Черт, Полина! Ты... — замолчал, будто не мог подобрать слов. — То, что ты сделала... Знаешь, как я чувствовал себя? Как я...

— Прости.

— Я ведь любил тебя. Я, черт возьми, влюбился, как идиот!

— Эрик...

— А ты играла... Все время, Полина? Все время, что мы были вместе, ты играла?

— Я не играла! — выкрикнула я. Почти уже не контролировала себя и сама готова была броситься на него с кулаками, чтобы он перестал говорить. Мне же больно! Ему тоже. И с каждой секундой все больнее... — Не говори так.

— А как... что мне сказать?

— Не знаю.

Слезы уже не было сил сдерживать, и они покатались крупными каплями — по щекам, затем на пижаму и на ковер. Падали, путаясь в высоком ворсе. Слезы — всего лишь вода. Соленая вода, не больше.

Я не видела, как он подошел. Просто оказался рядом. И обнял. А я разрыдалась, как маленькая. С ним я всегда чувствовала себя маленькой, а он защищал меня, заботился. Давно. Но словно вчера.

— Не плачь, — прошептал Эрик и прижал меня к себе сильнее. И я вжалась в него. Хотелось раствориться, стать его частью. Органом, без которого он не смог бы жить, дышать. — Не могу смотреть, как ты плачешь из-за меня. Маленькая моя, пророчица...

Я цеплялась пальцами за его майку и хотела добраться до кожи. Добралась. Она была теплой и пахла солнцем, а еще немного гелем для душа — тем самым, что я берегла и пользовалась, лишь когда становилось совсем невмоготу. И вот Эрик вернулся и наверняка полпузырька вылил... Хотя какая разница? Он же вернулся. И будет здесь. Со мной?

— Я слишком спешил, да? — Он осторожно отстранил меня и вытер слезы со щек. — Было мало времени, и я спешил. Боялся не успеть. Оступился как-то, верно? Что-то сделал не так? Слишком напирал?

Я замотала головой и снова его обняла. Как хорошо... вот так... с ним.

— А ты родила мне сына, — продолжал он, и в голосе слышалась нежность. — Подумать только, сына! Наследника! Я и мечтать о таком не смел.

— Ты не злишься? — спросила я и замерла в ожидании ответа. Сердце гулко билось.

Мое? Его?

— Шутишь? — Эрик погладил меня по волосам. — Я счастлив.

— Я рада, что ты вернулся, — прошептала я и закрыла глаза.

— А я рад, что ты рада, — улыбнулся он. — Только вот... правда, устал. А тут новостей столько, что боюсь, не смогу сразу все усвоить. Да и тебе нужно выспаться.

— Да, конечно. — Я нехотя отпустила его и вытерла остатки слез. — Извини.

— Отдохни, а я лягу в гостевой. Пока еще ты тут хозяйка, — пошутил он.

Пошутил. Не смешно совершенно.

В гостевой? Но... почему? Я же небольшая совсем, а кровать огромная. И только что он меня называл своей пророчицей, обнимал так, словно... Или нет? Может, мне просто хотелось так думать?

Эрик собрал игрушки в корзину и подержал немного резинового кота из «Шрека», которого Алан очень любил. Смотрел на него, улыбался и, кажется, действительно был рад, что у него есть сын.

А потом вдруг востепенел, наверное, вспомнил обо мне. Уложил в кровать, подоткнул одеяло. Несколько секунд смотрел странно, словно собирался что-то сказать — что-то важное — но потом передумал. Поцеловал в лоб, поднялся и, погасив свет, молча вышел.

Я осталась одна.

Слушала, как стучит сердце в груди и как шелестят листья старой ивы за окном. Свежестью потянуло, наверное, пойдет дождь...

Я лежала.

А Эрик был где-то там, за стеной, в соседней комнате. Вернее, в одной из. Со мной остаться не захотел. Все еще обижен? Не любит больше?

Не любил?..

Нет, любил, сам же сказал. А сейчас? Все прошло? Или нет? И как узнать? Я ведь не умею читать мысли!

А сердце билось все сильнее. И в груди ворочалось что-то — горячее, тяжелое. Неутоимое. Знать бы что...

И я поняла, что не усну. Буду лежать, смотреть в потолок, думать. Нафантазирую плохого, накручу себя — умею же. Нужно с кем-то поговорить. С кем-то близким, кто прямо скажет, даст совет. Остудит.

Я решительно отбросила одеяло и взяла телефон. Две пары гудков и сонное «Алло».

— Ты дома? — спросила я резко, без приветствий. — Или с Никой?

— Дома...

— Я приеду сейчас.

И отключилась. Положила телефон на тумбочку, встала. Сжала кулаки, стараясь успокоиться.

Эрик вернулся. Я уже не хозяйка. Не скади — впрочем, скади я никогда не была. Больше не атли — давно. И не буду, наверное.

Кто я? И что со мной будет? С сыном? Он же... Нет, Эрик не заберет, но все же. Он сказал, я пока здесь хозяйка. Но завтра не буду, завтра я снова буду никем...

И нужно подумать, что делать дальше. Эрик чужой. Я бы хотела, конечно, чтобы все было, как раньше, но это, увы, зависит не только от меня. Похоже, у него все перегорело. Остались воспоминания и благодарность — за сына. Эрик сказал «любил», но это совсем не то, что «люблю».

Получается, все закончилось, прошло.

Но я не слабачка — справлюсь. Просто нужен друг. Сегодня. Завтра. Пока не встану на ноги, не одолею эту разъедающую душу тоску. Хорошо, что у меня есть Глеб.

Я быстро оделась и вызвала такси. Перед тем, как покинуть спальню, сняла амулет Эрика и положила его на прикроватную тумбочку. Я больше не чувствовала, что имею право его носить.

Когда вышла на крыльцо, ветер уже швырялся дождем — еще не в полную силу, разминаясь. В небе сверкнула молния, разделив его на две части.

Мне полегчало. Наверное, часть меня навсегда останется атли и будет радоваться дождю.

И я вспомнила, как Влад просил меня вернуться. А ведь теперь я могу. Просто жить, переложить бремя ответственности на плечи того, кто привык ее нести, принять заботу.

Вернуть себя прежнюю. Пророчицу. Девушку с миссией предупреждать племя об опасности.

Только вот...

Куда я дену мать наследника скади? Ту, что всем сердцем привязалась к Робу и Тамаре, тарахтушке Эле, меланхоличной Даше? К хранящему вековые тайны дому скади? Куда я дену ту, что полюбила этот дом всем сердцем?

Полюбила его хозяина...

Глава 29. Свет в конце тоннеля

Мы с Глебом говорили до рассвета. Больше он говорил, как ни странно. О Нике. О том, какая она необыкновенная, и как ему с ней повезло. У нее теперь есть клан, и не придется больше бояться, что охотники используют ее. Что предводитель этого клана сильный и справедливый, заботится о тех, кто изъявил желание жить под его крылом. И вроде даже не против, что они с Глебом... Хотя Глеб не может знать точно.

А потом я уснула, нет, вырубилась. Наверное, оно и к лучшему. Сны не снились, но и отдохнула плохо. Проснулась после обеда одурманенная усталостью. Глеба рядом не было — то ли спустился завтракать, то ли уехал к своей Нике. А я тихо радовалась — хоть кто-то из нас, наконец, счастлив...

В коридоре я наткнулась на Влада и радости поубавилось. Закон подлости во всей красе! Он мило улыбнулся и поздоровался.

— Давно тут?

— Я тут ночевала...

Смотреть в пол гораздо проще, чем в глаза. Но я привыкла в глаза — за время правления. Не пристало правительнице бояться взглядов.

— Ну да, конечно, — кивнул он. А потом подмигнул: — Идем, покажу кое-что.

И пока я не успела возразить, схватил за руку и куда-то потащил. Вернее, не куда-то. К моей двери. Вернее, уже не моей — бывшей. Интересно, чья это теперь комната?

Влад распахнул дверь. Похоже, ничья... И ничего внутри не изменилось. Как было все... Кровать, комод, драцена. Ковер все тот же, светлый, мягкий. Запах полироли — как специально. Балконная дверь открыта, и занавеска колышется.

Я часто бывала у атли после возвращения, но в эту комнату не заходила. Боялась. Воспоминаний, от которых могло быть больно. Ненужных волнений. Слабости, ведь не могла ее себе позволить. Правительницы не имеют право на слабость.

Но я больше не правительница. Я — просто я.

А Влад уже внутри, смотрит испытывающе. И я шагаю за ним, словно в прошлое окунаюсь. Не холодно. Не больно. Странно. И волнительно.

— Все еще твоя, — произнес он с какой-то особенной интонацией. И я почти поняла, что это значит...

Действительно, моя. Даже вещи — я ведь не все их забрала, когда съезжала — лежали на своих местах. Фото на комод — Глеб, Рита, а также общее — всех атли. На нем улыбался Кирилл, а Филипп хмурился. Оля с Линой на диване. Рита позади, руки им на плечи опустила и смотрит в камеру распахнутыми глазами. Мы с Глебом на полу у камина. А в центре — Влад обнимает Ларису, и та, как всегда, безупречно выглядит.

Прошлое, которое не вернуть. И которое все еще живет здесь.

— И вот они тоже тебя ждут. — Влад аккуратно подтолкнул меня к окну.

Последняя капля. Залпы орудий стихли. Передышка? Перемирие? Мне все равно. Я смотрела и не верила глазам.

— Я же их...

— Выбросила, — кивнул он. — Не очень люблю копаться в мусоре, но их не мог не спасти. Ты их любила.

— Не стоило... — ответила я, не сводя взгляда с давно утерянной коллекции совят. Сидят тут, таращатся глазищами. Словно ничего не произошло. И я с ними будто в прошлое нырнула...

— Возвращайся, Поля.

Голос Влада звучит мягко, убаюкивающе. Знаю, что нельзя его слушать, поддаваться, но стою, как загипнотизированная, и смотрю на своих плюшевых питомцев. В конце концов, что у меня осталось, кроме прошлого?

Но все равно отрицательно качаю головой. Наверное, по привычке.

— Все свои шансы я давно использовал? — В его голосе чувствуется горечь, но злобы нет. Надежда есть, но не злость.

Киваю. Снова по инерции.

— Знаю, что использовал. Но атли — нет. Возвращайся.

— Ты такой настойчивый сегодня...

Я шагнула к подоконнику и дотронулась до одного из совят — темного, с ярко-желтыми глазами. Хотелось проверить, что это не мираж. Что все по-настоящему. Плюш откликнулся мягкой прохладой.

— Сегодня боги мне улыбаются.

И я поняла. Слишком поздно, как всегда. Магия рассеялась, и совята больше не манили.

— Даша, ну конечно...

— Даша тут ни причем. Хотя она волнуется... О тебе тоже. — Влад снова приблизился. Положил руку на плечо. И зачем он постоянно так близко подходит? Раздражает ведь! Думать не мешает здраво. — Но ты и сама все понимаешь, верно? Поэтому и пришла сюда ночью. Не все перегорело...

— Я пришла к Глебу, — возразила я. — Разве моя вина в том, что он здесь живет?

— Можешь и дальше обманывать меня, себя, весь мир. Но ты пришла именно сюда. В мой дом. К атли.

— Я не атли, Влад, и хватит изводить себя пустыми надеждами. Знаешь, мне гораздо комфортнее жить одной, когда никто не достает постоянным давлением на чувство долга.

— Да мне, по сути, плевать, по какой причине ты вернешься, Полина. Главное, вернись!

— И ты решил пустить в ход тяжелую артиллерию? — Я криво улыбнулась. — Сделав акцент на чувствах, которых нет?

— А их нет?

Зеленые глаза сверкали превосходством. Словесные баталии я никогда не выигрывала, и Влад понимал, что на поприще дипломатии он сильнее. Я всегда была слишком прямолинейной. Говорила правду в глаза, даже горькую. Мне не хватало гибкости, чтобы стать по-настоящему одной из них. Хищной. Наверное, внутри я все еще оставалась человеком, который никогда не сможет принять некоторые законы. Примириться с несправедливостью. И простить предательство лишь потому, что вождю разрешено предавать...

Но в словесных перепалках я все еще проигрывала. Поэтому молчала и ждала, что же Влад еще скажет. И он был готов сказать, да. Всю ночь, наверное, готовился...

— Я не буду прятаться от тебя, Полина, — произнес он тихо, тем самым тоном, который еще не танк, но уже в состоянии переехать. — Мне было тяжело... тебя понять. Наверное, я так и не понял до конца, но это мелочи. Ты дорога мне. И то, что у нас было, непросто стереть. Это, как тату — или навсегда, или шрамы. Зачем менять красоту на боль?

— Красоту? — Даже глаза на него подняла в праведном гневе. — Как по мне, только боль и была.

— Была, — кивнул. — Но не только. Иначе бы ты...

— Хватит! Перестань.

Не могла это слушать, поэтому отошла. Ближе к балконной двери, там воздух свежий. Тучи затянули небо, тянуло прохладой. И земля пропиталась влагой.

— Я не прошу тебя вернуться ко мне.

Влад шагнул следом, обхватил меня за плечи и развернул к себе. Добивает. Добивает же! И где бы взять сил? Их нет. И желания тоже. Ночью я все потеряла. Снова. Дом любимого. Сына? Нет, сын еще есть. И друзья. Нужно думать об этом. Скади никогда твоими не были, Полина. Никогда...

В иллюзии так легко поверить, когда они дарят семью. А ведь я хищная, мне нельзя без семьи. Странно, что только сейчас я поняла это.

— Вернись в атли... — И голос уже близко. Слишком близко. Я даже могу почувствовать щекой тепло дыхания. И запахи стали резче, насыщеннее. Мускат, сандал, ваниль...

— Я... Не уверена, что сейчас в состоянии что-то решать.

— Так сделай то, что всегда делала в трудный момент: позволь решить мне. Переложи ответственность на мои плечи, чтобы потом было кого винить. Так ведь проще. Тебе всегда было так проще, Полина.

— Отличный способ вернуть утраченное! — послышался злой голос со стороны двери. — Bravo! Пожалуй, возьму на вооружение.

Меня словно кипятком ошпарили, так быстро я отскочила в сторону. Только вот поздно уже — во взгляде Эрика не было и капли нежности. Только ярость.

Впрочем, на меня он вообще не смотрел. Сначала. А когда посмотрел, я почувствовала себя совсем плохо.

— Стейнмод, у меня складывается ощущение «дежа вю», — невозмутимо произнес Влад и, кажется, ни капли не смутился.

— Я искал тебя, — сказал Эрик уже мне.

— Ну, вот и нашел... — вырвалось у меня.

Прозвучало, как издевка. А я ведь не хотела. Все, чего хотела — просто переночевать с Глебом. Поговорить. Поговорила, называется.

— Рад, что ты в порядке, — язвительно продолжил Эрик, и его прозрачные глаза, казалось, могли в тот момент заморозить весь город.

Я, Влад, моя бывшая комната. И Эрик. Отличный способ все исправить, Полина!

Впрочем, разве есть еще, что исправлять? Все разрушено... А я слишком устала и строить не умею.

Но кое-что я умела хорошо. Убегать. От серьезных разговоров, сильных и опасных эмоций, ненужных разборок. Вот и сейчас сбежала. Недалеко — на балкон. На свежий воздух, потому что для нас троих в той комнате кислорода не осталось.

Хотя Эрик наверняка уже ушел. Увидел все, что хотел, сделал выводы. Для этого необязательно читать мысли. Я закрыла глаза, стараясь не расплакаться от обиды.

Теплые ладони легли мне на плечи. И показалось, если Влад сейчас хоть слово скажет, я его ударю. Не сдержусь. Он не виноват, но все же...

И зачем я только сюда приехала?!

А потом что-то изменилось. Что-то незаметное на первый взгляд, но...
Запах! И ветер щеки уже не обдувает. Влажность из воздуха испарилась.

Я открыла глаза. Синий. Занавеска и обои. Кровать.

— Сначала я искал тебя здесь, — мрачно сказал Эрик. — Потом в квартире Глеба. А когда не нашел... Не хотелось думать, что ты у атли.

Я повернулась к нему. Все еще хмурится, но уже не зол. Печальный только или усталый. Наверное, так толком и не отдохнул.

— Искал? — Я ничего не понимала. Он же злился только что, а теперь... мы здесь. — Зачем?

— Шутишь? Ты же сама сказала — на тебя покушались. Нельзя быть такой беспечной! Еще и амулет сняла...

— Он твой. Пока тебя не было, я носила его. Наверное, он меня и спас тогда... Грудь жгло, и я проснулась.

— Так он работает, — подтвердил Эрик. — Предупреждает.

В комнате ничего не изменилось с тех пор, как я была тут в последний раз. Разве что кровать — новое покрывало, светло-голубое, и подушек нет. А в целом... Тот же ковер, телевизор на стене, тумбочки. Занавески знакомые. И все же спальня встретила меня по-другому. Отвергала. Хмурилась. Давила.

— Извини, я не хотел прерывать ваш... разговор. — Эрик отступил на шаг и отвернулся. — Хотел обсудить будущее и вообще... Ты же теперь часть скади. Племя тебя приняло, но если хочешь вернуться домой... Тебя уже ничего не держит.

— Домой?

— В атли. Разве не об этом вы с Владом говорили?

И он снова посмотрел на меня. Испытывая и... с надеждой?

— Он говорил, — поправила я.

— Ты не особо протестовала, — пожал он плечами.

Я вздохнула. Что ни скажи ему сейчас, не поверит. Слишком много было лжи. Я лгала. Ради его блага, но... Откуда мне знать про благо? Я лишила его права выбирать, как когда-то лишили меня. Виновата. По всем статьям. И признаю вину.

— Ты прав, не особо. Но не потому, что хочу вернуться. Одной сложно, Эрик. Особенно сольвейгу. Вечно кому-то нужен мой кен. Или кровь. Или жизнь. Я не могу жить с Бартом, так я никогда не увижу Алана, а он... Ребенок — мое все. Я так долго... хотела его. Боролась. Люблю безумно и не могу потерять.

— Сольвейги прячутся, — понимающе кивнул Эрик. — Тебе бы пришлось прятаться с ними.

— Верно. Для скади я — никто, особенно теперь, когда ты вернулся. А без племени будет сложно себя защитить. Но в атли ночью я поехала не потому.

— А почему?

— Это же очевидно! Поехала к Глебу, ведь он мой лучший друг. Ты ушел, а я... мне было плохо, понятно! У тебя все прошло, а у меня нет. И в Алане я вижу тебя. Всегда видела, с самого первого дня. Не только ты влюбился, Эрик.

Замолкаю. А он смотрит. И не верит ни единому слову. Наверное... Взгляд такой... Он умеет так смотреть, что все внутри сжимается. Путаются мысли, а воздуха не хватает.

Поэтому я продолжила говорить. Чтобы не свихнуться от убийственного ожидания.

— Именно поэтому и оттолкнула тебя. Думала о твоей мечте. Она стала и моей тоже.

Давно. Не хотелось, чтобы из-за меня ты...

— Замолчи!

Он шагнул ко мне, и мир стал меньше. Облепил меня со всех сторон звуками, запахами, ощущениями. Сдавил грудь, голову, сковал тело. И вот я уже парализована, могу только смотреть. А Эрик рядом, только руку протяни — коснешься. Но я не могу пошевелиться. И не надо. Он сам касается. Обнимает. И лицо близко, а мне снова нужно задирать голову, чтобы видеть его.

— Ты всегда так много болтаешь, — прошептал он, и я с шумом выдохнула. Теплые пальцы коснулись щеки, скользнули выше — к вискам, затем запутались в волосах.

А губы мягкие — накрыли мои. Поцелуй. Жадный, звериный. В нем вся его тоска. Моя тоска. Переживания, горечь. Она растворяется, гаснет, сменяется наслаждением — диким, животным.

Одежда мешает, она не нужна. Не здесь, не в этой квартире. А кожа горит, требует прикосновений, жила натягивается в предвкушении. Синий вокруг, синий во мне. Как тогда. Но сейчас — не тогда. Сейчас все по-настоящему: нет больше препятствий, сомнений, будущего, которое может забрать у меня Эрика. Или меня у него. Потому что я чувствую — он тоже не хочет отпускать. Карамельный кен диктует его желания, бурлит в моих венах, проникает в жилу. И я делюсь — без сомнений уже, смеясь от блаженства.

И пропадаю. На миг? Навечно?

Он мой, а я его. Здесь. Сейчас. Навсегда.

Мои губы шепчут что-то. Эрик прав, меня заткнуть сложно. Но у него получается — поцелуем. А затем шепчет уже он. Но я не могу разобрать слов, хотя отлично понимаю их значение.

Он не отдаст меня никому. Любит. Все еще любит.

И, кажется, я плачу от счастья... Или нет? Какая разница?

— Ты маленькая колдунья, — прошептал он, уткнувшись носом мне в шею. — Одурманила меня совершенно. Наказать бы тебя за ложь...

— Прости, — обнимаю его, все еще не в силах поверить, что мы тут, вдвоем. На кровати. Все, как я мечтала.

— Одного «прости» мало. Обещай, что никогда не будешь мне врать больше. Особенно о таком.

— Обещаю, но... Что я могла тогда сказать? «Эрик, я тебя люблю, прекрати бороться за свой кан и останься здесь со мной!» Так?

— Отличный вариант!

— Ты ясно дал понять, что не собираешься начинать серьезных отношений. Сказал, что никто и ничто не заставит тебя отступить от цели.

— Но потом, когда я признался, что хочу остаться... Ты не сказала даже тогда.

— Я грешила на обмен! Все говорили мне, предупреждали, что обмен кеном влияет на обоих. Я побоялась, что это лишь... физиология.

— Малыш... — Он приподнял мой подбородок, развернул к себе лицом. Потеря носом о мой нос. — Я обменивался со многими женщинами. Это приятно и, бесспорно, добавляет пикантности, но ни к одной из них я не привязался.

— Ни у одной из них не было дурманящего лотосного кена, — проворчала я.

— Глупенькая! — Эрик сгреб меня в охапку и добавил тоном собственника: — Никому тебя не отдам, поняла?

— Поняла, — кивнула. — Не отдавай.

— И ему не позволю больше приблизиться, — пообещал он грозно.

— О, я буду благодарна за это! Иногда Влад излишне... навязчив.

— Я ревную. И готов был сегодня его убить.

— Не надо никого убивать, — миролюбиво осадила я его. — Между нами с Владом давно ничего нет. Не может быть.

— И не было? После того, как я...

— Не было.

Эрик с облегчением выдохнул.

— Хорошо. — Погладил меня по голове, и показалось, я вот-вот замурлычу, как кошка. — Ты не права на счет скади. У тебя всегда будет защита племени, ты ведь мать наследника. Но кроме того мне бы хотелось, чтобы ты посвятилась. Тогда у тебя не будет сомнений, а я буду спокоен. И почувствую тебя, независимо от того, есть ли в тебе мой кен.

— Ты... что предлагаешь?! — Я даже приподнялась от удивления. Заглянула ему в лицо. Серьезен, даже более чем. — Но как же закон крови, который ты так чтить? Разве это его не нарушает?

— Нет, конечно, — улыбнулся и подарил мне легкий поцелуй. — Я же говорил, что есть исключения.

— Да, венчание, я помню. О матерях детей скади ты не говорил.

— Верно, — лукаво улыбнулся Эрик. — Не говорил. Хотя это исключение тоже есть. Но венчание мне нравится больше.

Я молчала и ошеломленно хлопала ресницами. Выглядело, должно быть, комично. Иначе чего бы ему так насмешливо смотреть?

— Что же ты молчишь, болтушка? Тебе ведь всегда есть, что сказать. Не ответишь? Пойдешь за меня замуж? — Он многозначительно посмотрел в потолок и лениво добавил: — А то надоело тебя ревновать, это напрягает.

— То есть жену ревновать необязательно? — нахмурилась я.

— Жену нет. Жена уже никуда не денется.

Улыбается. Довольный. А мне сразу вспомнился Мирослав с его пятью женами... Нет уж, дудки!

— Вы, вожди, считаете, что можете заводить жен направо и налево! — выдохнула я с раздражением. — Причем, чем больше, тем лучше. А для меня это неприемлемо. Что будет, когда я надоем тебе, Эрик? Найдешь себе еще одну жену?

— С чего ты взяла, что надоешь мне? — Он удивленно приподнял бровь. — Кто сказал тебе эту чушь?

— Я знаю мужчин, и в курсе мнения вождей на счет венчания.

— Влад не пример для подражания! — выдохнул Эрик, и в его голосе проступили нотки злости.

— Вот вообще о нем не думала сейчас. — Я взяла его большую ладонь и переплела наши пальцы. — В свое время Мирослав Теплов мне целую лекцию прочел о месте жены в жизни мужа. А потом подтвердил эмпирически — на собственном опыте. У него было пять жен. Рик — вождь андвари — гуляет и не скрывает этого. Его сын по стопам отца идет семимильными шагами. Законы хищных, Эрик, не на стороне женщины.

Он развернулся ко мне и посмотрел очень серьезно.

— Скучный у тебя опыт. Однообразный. У моего отца была всего одна жена — Божена.

иРик — вождь андвари — РиИ они любили друг друга до самой смерти. — Он вздохнул. — И даже после... Когда я смотрел на них, мечтал, что у меня все будет так же. Женщина, которую я люблю и которая полюбит меня. Если такая есть, зачем другие?

— Я не знала...

— Но ты права, что не соглашаешься сразу. Венчание — это серьезно. На всю жизнь. Назад дороги не будет, малыш.

— И ты правда хочешь этого со мной? Со мной одной?

— Хочу, — кивнул. Улыбнулся. А я не могла поверить, что все это правда.

А синий обволакивал, успокаивал. Усталость навалилась свинцом, не физическая — эмоциональная. И я провалилась в сон. И уже балансируя на грани, убаюканная ласковыми поглаживаниями Эрика, подняла к нему лицо.

— Алан...

— Спи, — прошептал он. — У скади есть кому за ним присмотреть.

Я поверила ему и уснула.

Мне снова приснилась та девушка, шатенка. Она сидела в траве и смотрела вдаль, на закат. По бледной щеке ее катилась слезинка, но мне уже не хотелось к ней подходить. Как и пытаться помочь. Порой на помощь другим уже не остается ни желания, ни сил. К тому же я вовсе не настроена была тревожиться.

В конце концов, могла я позволить себе немного безоблачного счастья? И выспаться нормально?

Впрочем, ночью Эрик меня все же разбудил.

Закат окрашивал кроваво-красным горизонт, воздух наполнялся долгожданной прохладой.

Здесь, у очага, всегда тихо. И спокойно. А сейчас мне нужна тишина.

Совершенно непонятное творится со мной в последнее время. Потеря контроля, неудержимая злость, алогичные поступки. И чем больше пытаюсь все исправить, тем больше порчу. Словно на меня снова наложили проклятие, и в этот раз я в него верю.

А все она — Полина. Несносная, упрямая, триста раз проклятая. Иногда кажется, чем больше я делаю шагов навстречу, тем больше она отдаляется.

Но не это бесит больше всего. Бесит то, что я не могу это контролировать. Она, словно дурманный, ядовитый газ, впиталась в кожу, проникла в кровь и живет там, изводит.

Хрупкая фигура, острые ключицы, родинка чуть ниже, во впадинке. Там еще такая прозрачная кожа, что проглядывают вены. Тонкие запястья. Большие глаза с изогнутыми ресницами. И ужасный характер.

Чертово проклятие все еще действует? Я ведь никогда не верил в него. Только в себя. Потому что я — единственный, кто может влиять, изменить что-то.

Иногда она снится мне и обвиняет. Но разве я был так уж неправ? Разве не сделал все, чтобы она жила? Чтобы дышала, двигалась, улыбалась, поправляла волосы? Чтобы мир не потерял ее?

Впрочем, кого я обманываю? Я сделал это для себя. Разве есть еще такие, как она? Ошибка мира и мой личный кусочек света. Ускользающий сквозь пальцы песок...

— Ты справишься, — сказал я в пустоту. Месяц на небе зловеще оскалился. — Просто нужно время. И план.

— Иногда нужно уметь действовать не по плану, — неожиданно ответил спокойный мужской голос, и я обернулся.

Незнакомец стоял за спиной, смотрел на меня и улыбался. Хищный. Невысокий, темноволосый. Нездешний. Сильный, но не опасный для меня.

Как я это узнал? Просто знал.

Откуда он здесь, в защищенном от проникновения месте?

— Кто ты? — нахмурился я. Любопытство было сильнее раздражения оттого, что он проник в средоточие силы атли.

— Меня зовут Барт. И я помогу тебе.

— Поможешь? Чем? — Я прищурился, внезапно понимая...

Едва уловимое сходство ауры, характерный ореол, некая отстраненность от мира.

— Ты — сольвейг.

— Я их вождь, — кивнул хищный и почесал бороду.

— Весьма способный, раз смог проникнуть сюда, — заметил я.

— Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мои способности.

— А для чего?

— Я пришел, чтобы учить тебя. Открою тайны, не доступные ни одному хищному, который не входит в мою общность.

Да ладно! Вот уж чего не ожидал. Сольвейги умеют удивлять, я должен был

привыкнуть. И предложение, от которого я не хочу отказываться — еще один способ повлиять на меня.

Но дело в том, что я не люблю, когда мной манипулируют. Особенно, когда не вижу цели.

— Заманчиво, но я не верю в бесплатный сыр. И боюсь, мне нечего дать взамен.

— Ошибаешься, юноша, — снисходительно возразил сольвейг.

Давно меня не называли юношей. Возмутительно и смешно. Но играть в игры я умею — почему бы не подыграть?

— Вот как? И чего же ты хочешь?

Он серьезно посмотрел на меня. И во взгляде — как и в ее глазах порой — проскользнула вселенская скорбь.

Видно, вождь сольвейгов привык терять, знает цену потерям и готов потерять снова.

Или не готов?

Не могу сказать, что меня проняло. Что мне до него? До всех них? Есть лишь один сольвейг, судьба которого меня волнует. Но внезапно проснулось предчувствие, что именно о ней и пойдет речь.

— Ты тот, кто в конце спасет ее, — подтвердил он подозрения.

Я невольно хмыкнул.

— Боюсь, ты не по адресу. У Полины хватает спасателей. Самый главный вернулся — к нему и иди.

Барт покачал головой.

— Он не поможет. Когда наступит час «икс», нужен будет тот, кто не внемлет ее просьбам и поступит вопреки ее решению.

— И это буду я? — саркастично улыбнулся. — Я же так всегда делаю, верно? Прости, старик, но ты ошибся. Я больше не стану вмешиваться в ее жизнь. Хочет, пусть лезет на амбразуру, я не буду мешать.

— Даже если это будет стоить ей жизни? — лукаво улыбнулся он.

Даже если так. Я ей не нянька. Довольно! Полина все равно не оценит, в ее глазах это будет очередным предательством. Надоело быть козлом отпущения, пора жить своей жизнью и забить на ее проблемы. Отпустить ее.

Даже если она...

Что? Погибнет?

А ведь она может. Спасая кого-то незначительного, кто и в подметки ей не годится. Кто никогда не заменит ее миру. Мне.

Накатила обжигающая злость. Я сжал кулаки, пытаюсь успокоиться. Когда дело касается Полины, сложно контролировать себя, и вождь сольвейгов это знает. Потому и пришел. Смотрит, улыбается и выжидает. Чертов манипулятор! Нельзя показывать ему слабость. Альрику уже показал, за что и поплатился.

Но что если Барт знает будущее? Ее будущее — ведь сольвейги это умеют. Среди них почти все провидцы. И он не пришел бы, если бы Полине не грозила опасность. А он не просто здесь — он предлагает знания, а от них я никогда не отказывался.

Почему не появился, когда нам угрожал драугр? Не предложил помощь? Не верю в его трусость — я всегда умел читать людей. Вождь сольвейгов не трус.

Значит, понимал, что я могу справиться один. И ведь справился же. А теперь...

Теперь опасность, грозящая Полине, серьезнее драугра. Настолько, что можно

оправдать предательство.

Поднял голову и встретился со ждущими ответа глазами. Приходя, он знал, чем завершится наш разговор. Даже сомнений не было. Барт ждал, что я скажу именно то, что он хочет услышать.

В залитом сумраком воздухе бесстыдно разлилась обреченность. Изогнутый месяц сверкнул холодным боком и отвернулся.

Я понимал, на что иду. Понимал, что на этот раз прощения не будет. Есть черта за чертой, откуда возврата нет. Потому что отнять у нее придется что-то важнее, чем я уже отнял. Вынуть душу и вытряхнуть содержимое в грязь.

Впрочем, я могу отказаться. Могу ведь?

Барт смотрел, не отрываясь, и ждал. Дал мне время решить. Повернуть в правильную сторону. Увы, я не знаю, где правильная...

Воздух с шумом вырвался из легких. Слова, которые нужно сказать, рвали глотку. Никогда не думал, что от слов может быть больно.

Но я все равно их произнес:

— Что нужно делать?

Больше книг на сайте - Knigolub.net